Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»

На правах рукописи

Мутиева Оксана Саидовна

Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:

Пушкарева Наталья Львовна,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН»

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ВОЕННЫЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН ДАГЕСТАНА (1817- конец XIX века)

1.1. Женская повседневность в реалиях военного времени: практики выживания 51

1.2. Влияние военного фактора на трансформацию в брачных отношениях и семейную жизнь дагестанок 83

1.3. Влияние военного фактора на изменения во внесемейной повседневности и социальном поведении дагестанок 128

1.4. Влияние военного фактора на возникновение регулярной социальной помощи женщинам в их повседневной жизни 151

ГЛАВА 2. ЖЕНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1817- 1864 гг. 175

2.1. Обыденность женского участия в оборонительных сражениях в Дагестане. Мотивы и формы участия дагестанок в политической жизни

2.2. Повседневность матерей в обстановке военного времени. Влияние биосоциального фактора детности на содержание военной повседневности женщин Дагестана 228

2.3. Женская экстремальная повседневность: жизнь в плену 248

2.4. Изменения в женской повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов в начале - середине XIX в. 285

ГЛАВА 3. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБЩЕРОССИЙСКИХ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ – КОНЦА XIX в.

3.1. Трансформации женской повседневности у народов Дагестана под 309

влиянием реформ в сфере образования во второй половине XIX века
3.2. Изменения в содержании понятия «женской работы». Повседневность женского труда в условиях капиталистической модернизации 333
3.3. Динамика перемен в имущественном и правовом положении женщин Дагестана как следствие нового содержания их повседневности 367
3.4. Повседневные досуговые практики женщин Дагестана второй половины XIX века и отражение в них модернизации общественной жизни 398
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 414
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 425
СПИСОК ТЕРМИНОВ 426
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 428

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Быт народов Кавказа традиционно изучался в течение двух веков множеством ученых, но отдельное и специальное исследование *женского быта* тематизировано лишь в последнее время. Эта новая проблематика в социальных науках оказалась частью рожденного в 1970-е годы нового направления в гуманитарном знании – женских и гендерных исследований социального прошлого[1]. Направление это многого достигло за полвека, заставив рассматривать не пол сам по себе и не взаимоотношения полов в разных культурных контекстах, чем занималась традиционная этнография, но именно множественность социальных связей в разных культурах, не упуская при их рассмотрении фактора пола и придавая особое значение гендерным взаимодействиям как модели социальных отношений.

Изучение женской повседневности и женского быта оказалось вписанным - благодаря развитию этого направления - в гендерную антропологию народов бывшей Российской империи, в женскую историю разных этносов, ее населявших.

Изучение женской истории и гендерной антропологии современными этнологами и исследователями прошлого заставляет обратить пристальное внимание на специальное и отдельное изучение женских повседневных практик в ушедшие эпохи, на их особенности и отличительные черты, механизмы передачи традиционного и адаптации к новому. Антропология женской повседневности – это отдельная область исследований, требующая особого эмпирического материала, применения особых приемов и методов анализа[2].

Анализ проблем, охваченных этой областью современного этнологического знания, предполагает изучение привычных, повторяющихся явлений в различные

---

[1] Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. N 4. С. 11–24; Она же. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. 1997. М., 1998.

[2] Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности //ЭО. 2006. № 4; Пушкарёва Н. Л. К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920—1940-х гг. / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009; Она же. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1.

временные отрезки женских жизней, как в мирное, так и в экстремальное время лихолетий, войн и революций. Изучению проблем экстремальной повседневности была посвящена специальная международная научная конференция (г. Пушкин Ленинградской области, 2017 г.[3]). Специальному обсуждению подверглись проблемы адаптации семьи, женщин и детей к условиям экстремальной повседневности. Наибольшее внимание уделено исследователями женскому быту и повседневности русских и других славянских народов[4].

Но при всей множественности публикаций на указанную тему российской антропологии очевидно не достает исследований по истории женской повседневности народов Кавказа. В этой связи обращение к антропологии повседневной жизни дагестанок, протекавшей полтора века тому назад в сложных условиях социально-политического кризиса региона, Кавказской войны и буржуазных реформ второй половины XIX века, позволит выявить специфику обыденности женской части дагестанского социума, очертить общие особенности и тенденции развития женских общностей (семейных, родовых, дружеских) у народов Дагестана, проникнуть в социальные настроения половины населения этого этноса. Сегодня, ко-

[3] Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) : материалы междунар.научной конференции, 16-18 марта 2017г./ отв.ред.В.А.Веременко. СПб.: ЛГУ им.А.С.Пушкина, 2017.

[4]Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-XX в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ. 1974; Она же. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т.8. М.,1984; Пушкарёва Н. Л. Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. Вестник МГУ. Серия 8. История 3, 1983; Она же. Русская женщина: история и современность. М.: «Ладомир» , 2002.Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, «Издательство Юлис», 2004; Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки центральной России (XVIII – середина XIX в.). Автореф. дисс. … д-ра. ист. наук. Москва, 2009; Цыбульникова А.А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы шестой международной Кубанско-Терской конференции». Краснодар; Армавир, 2008; она. же. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012; Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губернии Урала дореформенного периода). Дисс…. док. ист. наук.. 07.00.02. Оренбург, 2011; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / М.: ИЭА РАН, 2012; Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX – XXвв.// В сборнике: Модернизация полиэтнического макррорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Ответственный редактор Г.Г. Матишов. 2014.

гда существуют противоречивые взгляды на саму Кавказскую войну и неоднозначно трактуется трансформационные процессы, протекавшие полтора века тому назад в сложных условиях социально-политического кризиса региона, идет переосмысление прошлого. С одной стороны, не желая растворяться в другой культуре, общество замыкаясь в своем этносе, стараясь сохранить свои традиции, ужесточало социальные нормы, особенно для женщин. Вторая тенденция – неминуемо происходила интеграция в российское пространство.

Подобный интерес оправдан: он позволяет проанализировать, как под влиянием военного фактора и политико-административных изменений трансформировались в ходе и после войн привычки и социальное поведение, личный и общественный статус женщин, содержание их повседневного быта, внутрисемейных и общественных отношений. Без такой оценки невозможно объективно оценить современные процессы перемен жизненного уклада людей разного пола в экстремальных обстоятельствах, равно как понять место и роль «женского вопроса» в современных общественных дискуссиях в Дагестане.

Степень разработанности проблемы. Изучение женского быта дагестанок – тема, присутствовавшая в работах российских и зарубежных бытописателей уже в XIX в. Много интересного, разнохарактерного материала о жизни и быте (в том числе женском) дагестанских народов содержится в трудах И.Н. Березина, Д.И. Свечина, А. П. Берже, Н. П. Глиноецкого, П.Г. Пржецлавского, П. С. Петухова, Н. И. Воронова, А.Захарова, Н. Львова, Н. С. Семенова, П.Ф. Свидерского, А.К. Сержепутовского, В. В.Лиль-Адама, И.-Г. Гербера, К.Ф. Гана и др[5]. Главный пробел в

[5] Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 1-3; Свечин Д. И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев//ЗКОИРГО. 1853. Т.2. С. 59–67; Берже А. П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858; Глиноецкий Н. П. Поездка в Дагестан // Военный сборник. 1862. № 24. С. 69-74. Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №.3. С. 141–192; Петухов П. С. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 1867. №12; Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ.1867.№ 71; он же. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870; Воронов Н. И. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С.1-36; Он же. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-40; Лиль-Адам В.В. Две недели в Даргинском округе: Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С.1– 25; Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 91–157; Семенов Н. С.Очерки народ-

их публикациях – неизученность влияния военного фактора и военно-политических событий, равно как административных и социальных реформ на женскую повседневную жизнь исследуемого периода. Имеющиеся в этих работах сведения о женщинах носят фрагментарный характер, даются в контексте общих данных. Женский быт даже в мирное время никогда не стоял в центре их научного повествования, как и во множестве статей и книг, подготовленных советской и постсоветской исторической и этнографической наукой [6]. Тем более не исследован вопрос о превращении экстремального в привычное, повседневное, рутинное. Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить данный пробел.

Его **объектом** избрана женская половина населения Дагестана с первой четверти до конца XIX века, представительницы всех национальностей и конфессий, разного социального положения, чья жизнь подверглась влиянию военных событий и общественных реформ второй половины XIX века. Это не только рядовые дагестанки, но представительницы семей кавказской администрации, жены военных и государственных чинов, волей судеб ставшие участницами событий того периода.

Предметом исследования является женская повседневность в годы Кавказской войны в Дагестане и вообще в пореформенный период, влияние военного фактора на трансформацию социально-экономического и правового положения женщин, женское восприятие экстремальной жизни, женский опыт участия в воен-

---

ных обычаев у кумыков Терской области // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. А. Хомского и К°,1895; Ган К.Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // ИКОРГО. Т. 15. Тифлис, 1902. С. 211–242; Он же. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31; Свидерский П.Ф. В горах Дагестана: Путевые впечатления, случайности и антропол. Заметки/ А. Ф. Свидерский. Петровск: Работник С. А. Бруна, 1903; Сержепутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. Вып. 16. С.273–302; Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С.60–120.

[6] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959; Он же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.:Изд. АН СССР, 1961; Она же. Дагестанские терекеменцы. XIX - начало XX вв. М.: Наука, 1990; Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIXнач. XX вв.). Махачкала: Тип.Даг. ФАН СССР, 1971; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX века. – М., 1978; Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979; Лугуев С. А. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование (XIX– нач. XX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000; Казиев Ш. М, Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. Москва: Молодая гвардия, 2003.

ных событиях, приобщения к политической жизни, динамика изменений менталитета и моделей поведения женщин.

Рабочей гипотезой нашего исследования является предположение о том, что обстоятельства экстремальности, выхода за привычные рамки повседневной жизни воспринимались женщинами региона как неизбежность и данность, которая требовала привыкания и совладания с ситуацией. Поэтому **цель** выявить воздействие фактора войн и социальных реформ на повседневную жизнь женщин Дагестана.

Для достижения этого замысла нами сформулированы конкретные задачи, которые в некоторых аспектах выходят за рамки собственно этнологического исследования и расширены нами до исторических:

1) выяснить, как социально-политический кризис, вызванный Кавказской войной, повлек за собой изменения в политической, социально-экономической и духовной сферах дагестанского общества, отложив отпечаток и на женскую повседневность;
2) реконструировать повседневную жизнь дагестанок в условиях военных лихолетий, изучить трансформации в содержании женского труда, изменения во внутрисемейных отношениях, проанализировать личный социальный статус отдельных представительниц дагестанского социума, взаимоотношения образованных дагестанок с властями. Не меньшее значение имеет выявление паттернов эволюции этнокультурных традиций и ментальности под влиянием военного фактора;
3) проанализировать мотивы и формы участия женщин в политической жизни в годы и после Кавказской войны; роли женщин в межкультурных коммуникациях, моделей их отношений с властью;
4) проанализировать влияние буржуазных реформ на развитие женского светского образования и на интеграцию женщин в профессиональную деятельность;
5) проанализировать специфику женского труда в условиях капиталистической модернизации; трансформацию женских домашних ремесел и промыслов в пореформенный период;

6) проанализировать общую эволюцию правового положения женщин в контексте реорганизации правовой системы Дагестана; опыта сопротивления пенитенциарной системе и обретения женщинами навыков защиты своих прав.

Конкретный список решаемых в данном исследовании задач включает характеристики:

1) историографии проблемы, выявление успехов и пробелов в ее изучении;
2) самих женских повседневных практик в Дагестане в мирное время с учетом локальных и этнокультурных традиций дагестанских народов;
3) воздействия военного фактора на трансформацию повседневных занятий женщин, новых трудовых женских практик, особенностей эксплуатации женщин имаматом и русской администрацией в годы квартирования военных гарнизонов;
4) своеобразия брачно-семейных отношений в контексте обстоятельств военного характера, их изменений;
5) трансформаций социального поведения женщин при воздействии военного фактора на эмансипацию женщин и изменение их менталитета; традиционных обычаев и нравственно-этических норм; эволюции культурного досуга женщин в контексте модернизации общественной жизни.
6) специфики социальной поддержки женщин со стороны государства и общества, равно как форм социальной поддержки вдов и их семей со стороны российского правительства и имамата, выявление критериев и механизмов оказания помощи;
7) опыта участия женщин в оборонительных сражениях;
8) опыта адаптации женщин к экстремальным условиям военного времени; реакции \общества на участие женщин в военных действиях, в том числе - особенностей поведения матерей в осадных условиях, отношения женщин к практикам пленения детей, к собственной возможности оказаться в плену, участия женщин в судьбах детей-аманатов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1817 года до конца XIX в. *Нижняя* хронологическая грань исследования соотносится с началом

Кавказской войны (1817-1864 гг.) и назначением в этом году главнокомандующим кавказским краем генерала А.П. Ермолова. С него началось активное наступление России на Северном Кавказе. Данный временной отрезок характеризуется многолетним сопротивлением горских народов Дагестана вхождению в состав Российской империи и расширением русского влияния на Кавказе. Окончание Кавказской войны совпало с проведением в Дагестане множества административно-судебных и экономических реформ, определивших ход его дальнейшего социально-экономического и культурного развития. *Верхняя* хронологическая грань связана с началом капиталистической модернизации Дагестана. Именно этот период связан с изменением образа жизни всех социальных слоев и этносов, проживавших на его территории и в связи с этим, новый этап в повседневной жизни дагестанских женщин**.**

Территориальные рамки исследования определены в соответствии с историческими границами расселения дагестанских народов, в пределах которых развивалась соответствующая этнокультурная традиция в XIX веке. В границах имамата мы рассматриваем весь Нагорный Дагестан, на населении которого существенным образом сказались последствия войны и шамилевского правления. В то же время, учитывая, что реформами был затронут весь Дагестан, мы рассматриваем не только население Дагестанской области, но частично и Терской области (Кизляр, Хасавюрт, Засулакскую Кумыкию).

Методологические основы исследования базируются на принципах научной объективности, учета гендерного фактора во всех социальных процессах. Объясняя развитие тех или иных явлений, происходивших в местном обществе, мы старались учитывать исторические условия их протекания, связанные с политической культурой, традициями и обычаями, сложившейся к тому времени системой взаимодействия власти и общества. В данной работе широко привлечены новые, апробированные лишь в последнее время методы анализа собственно женских повседневных практик, а они потребовали знания современной литературы, описывающей приемы и методы гендерной антропологии и истории. Последние вобрали в себя и общенаучные методы (диалектический, системный, холистский), и обще-

исторические (ретроспективный, сравнительный, идеографический, агрегативный, казуальный и многие другие), которые способствовали формированию общей картины исторического развития с учетом частных явлений, имевших значение для формирования структур женской повседневности. Мы старались всесторонне применять в работе историко-антропологический подход. Такой подход обращает особое внимание на человеческий фактор в истории, на личность и ее гендерную принадлежность как на особые феномены в историческом пространстве, которые действуют в сложившихся условиях, исходя из системы мировосприятия, ментальности, своих собственных представлений. Интегрально такой подход предопределил междисциплинарность предпринятого исследования, заставив принимать во внимание и межличностное, и межгрупповое взаимодействие. Типичный для гендерной антропологии метод вчувствования, эмпатии убедил в необходимости стараться услышать голоса самих участниц описываемых и анализуемых процессов, оценивать их взгляд на то, что их окружало, изучать различные виды гендерно-сегрегированных и общих социальных практик в структурах повседневности.

Научная новизна диссертационного исследования определяется самой постановкой темы, которая не была предметом специального исследования, но своей значимостью для понимания современных процессов давно востребована и наукой, и обществом. Новы и способы решения поставленных задач, предполагающих знание гендерной методологии и особые методики работы с эмпирическим материалом[7]. Впервые в отечественной историографии, с опорой на обширную источниковую базу, архивные материалы и научную литературу поставлена задача провести комплексный анализ влияния войн и реформ на повседневную жизнь представительниц различных групп и социальных слоев дагестанского общества (на примере Кавказа эта задача никогда и никем не ставилась). Назрела необходимость ввести в научный оборот и новые архивные источники, которые излагают истории женских

[7] Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Она же. Гендерные исследования: рождение, методы, перспективы в системе исторических наук // Пушкарева Н.Л., Трофимова Е.И., Хоткина З.А. (ред.). Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 14 – 28; Она же. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000.С. 166 – 187.

жизней и судеб, выявить отношение российского государства к вопросам имущественного и социального положения женщин, чтобы в рамках данной диссертации представить повседневную жизнь женщин определенного российского региона во взаимосвязи с окружающей реальностью военного времени и процессами модернизации общества. Редко кто стремился изучить конкретно эволюцию структур повседневной жизни и поведенческих моделей женской половины населения конкретного региона России на протяжении почти целого столетия, ставя задачей показать единый масштабный процесс, изменивший за полвека принципы жизни огромной части населения, формы ее поведения, ценности. Мы показали развитие и сочетание двух тенденций, традиционного и модернизационного, что позволяет пролить свет на многие процессы, которые происходят в современном дагестанском обществе.

Научно-практическая значимость исследования определяется самим анализом женской повседневности в обстановке экстремальности, которая с той или иной регулярностью отмечает развитие всего российского социума. Анализ женских бытовых практик в необычное время позволяет глубже понять механизмы адаптации к необычным условиям и бытовым обстоятельствам, приспособления быта к политическим и социальным катаклизмам и трансформациям, выявить адаптационные возможности именно женщин, показать степень устойчивости традиционного в условиях его ломки. Такого рода информация важна и для этнологов, историков, психологов, социологов, будет иметь значение при подготовке специальных курсов по региональной истории. Результаты исследования могут быть использованы специалистами социально-гуманитарных дисциплин для общих курсов и для дальнейших исследований по женской и гендерной истории региона.

Заявленная тема, цели и задачи исследования позволили сформулировать положения, выносимые на защиту:

1) Кавказская война и буржуазные реформы второй половины XIX века кардинально изменили повседневную жизнь женщин Дагестана. Длительные военные действия заставляли ломаться сложившиеся гендерные стереотипы (типа «мир женщины - мир домашний», «роль мужчины – роль защитника» и т.д.), трансфор-

мировали социальное поведение женщин (эмансипация) и содержание женского труда, заставляли вводить новые практики, адаптированные к специфическим условиям военного времени. Некогда четкое, даже жесткое, разделение труда по признаку пола нарушалось. Усилились многообразные формы эксплуатации женского труда имаматом, русской администрацией, на территории военных гарнизонов.

2) Экстремальные условия военной повседневности вносили перемены в семейный уклад жизни дагестанского общества, в традиционные нравственно-этические нормы. Под влиянием военного фактора парадоксальным образом могли возрождаться некоторые архаические традиции: брачная инициатива девушки, как отголосок материнско-родового культа, что обуславливалось этнокультурными особенностями военного быта горцев.

3) Обстановка длительной военной угрозы, существование в экстремальных обстоятельствах имела следствием изменения в менталитете дагестанок (независимо от их социального происхождения), трансформировала традиционные нравственно-этические нормы (шариат стал вытеснять адат). На территории подвластной имамату новые шариатские нормы (сегрегация полов) препятствовали модернизации и эмансипации социального самосознания дагестанок, поскольку жестко регламентировали их социальное поведение.

4) Личностную защиту женщине и их семьям гарантировали, как нормы обычного права и законы шариата, так и законы Российской империи. Трансформация механизмов социальной поддержки в отношении вдов горцев и их семей, со стороны царского правительства и имамата, зависела от конкретной политической ситуации, где учитывались личные заслуги главы семьи и лояльность к власти.

5) Характер Кавказской войны способствовал формированию у женщин комплекса особых ментальных характеристик (неосознанное проявление в поведение, обусловленное фактором экстремальности), ярко выраженных маскулинных черт, связанных с адаптацией к специфическим условиям военного времени. Женщины в осажденных аулах, являлись важным психологическим фактором усиления морального духа мужчин.

6) Под влиянием военного фактора формировались девиантные модели поведения матерей (в том числе связанные с детоубийством).

7) Женщины привилегированных сословий дагестанского общества были вовлечены в политические события Кавказской войны. Наличие власти и материальных средств давало женщинам возможность манипулировать и умело лавировать в этих событиях. Мотивы женщин были схожими и определялись интересами семьи, рода, личной выгоды. Для достижения политических целей женщины актуализировали мужские приемы выстраивания иерархий, включая шантажи, подстрекательства к расправам, комбинируя их с женскими (интриганством).

8) Война как источник обогащения для воюющих сторон предполагала пленение женщин, что было существенной статьей доходов. Захват пленниц служил гарантом возвращения их в результате обоюдного обмена, был средством достижения политических и военных целей, обеспечивал работорговлю с Турцией. Плен вносил изменения в структуру женского быта, сказывался на отношении окружающих к ним.

9) В процессе этнокультурного взаимодействия народов Кавказа и сопредельных этносов происходило стремительное изменение женской повседневности. Традиционные кавказские институты (гостеприимства, куначества, аталычества, немыслимые без сохранения традиционного статуса женщин) подвергались модернизации и в то же время играли существенную роль в миротворчестве.

10) Под влиянием буржуазных реформ происходило развитие женского светского образования в Дагестане, которое было обусловлено развитием образования в Российской империи. Специфические национально-культурные условия определяли уровень и вектор развития женского светского образования в Дагестане. Светское образование открывало женщинам дорогу к самостоятельной деятельности, расширило возможности для профессиональной реализации.

11) Буржуазные реформы способствовали капитализации женского ремесленного труда. Спрос на дешевый женский труд способствовал эксплуатации женщин в сфере сельского хозяйства и промышленности.

12) Реорганизация правовой системы Дагестана в пореформенный период опре-

делила эволюцию правового положения дагестанской женщины.

Апробация исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены автором в авторской монографии «Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX - начале XX в.в. (2-е переработанное и дополненное издание)». - Махачкала, ДГУНХ. 2015г., в 21 публикациях автора в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, в том числе 3 из них (2 в печати) и в периодических изданиях, индексированных международной реферативной базой Scopus. Отдельные положения диссертационной работы были представлены автором на научных конференциях и мероприятиях, посвященным различным проблемам женской тематики, гендерной и женской истории, женской повседневности. В том числе, в качестве научных докладов и сообщений на: Всероссийской научно-практической конференции «Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна». Армавир РИЦ АГПУ, 2010 г.; на Международной преподавательско – студенческой конференции «XIV Дзагуровские чтения: От античности к Возрождению», посвященные 150-летию открытия первых светских школ в Дагестане. ДГУ 25 апреля 2012г.; на Международной научной конференции РАИЖИ «Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)». Старый Оскол, 8 – 11 октября 2015 г.; на Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии»». Уфа, 15 ноября 2016г.; на Международной научной конференции преподавателей, аспирантов и магистрантов «XV Дзагуровские чтения: Актуальные вопросы Всеобщей истории от античности до современности». Махачкала, 20 апреля 2017г.; на X Международной научной конференции РАИЖИ “Сила слабых”: мощь объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира. Архангельск, 6-10 сентября 2017 г.; на III Международной научно-практической конференции "Культура. Духовность. Общество. Современность". Новосибирск. 8 декабря 2017 г.; на Международной научной конференции «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность». Пушкин,

15–17 марта 2018 г.; на V Всероссийской научной конференции «Северо-Кавказская повседневность в контексте российской действительности XX века». Махачкала, 11 апреля 2018г.; на Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Диалог культур в глобализирующемся мире». Махачкала, 27 апреля 2018г., на международном методологическом семинаре "Женщина в мировой истории. Новые методологические подходы». Кишинев, 5 июня 2018г.; на III Международной конференции «Сохраняя традиции стать современными: Гендерные контракты, особенности гендерного равноправия и гендерные проблемы в сфере семейных отношений в традиционных культурах российского Кавказа». Махачкала, 24-28 июня 2018г.; на Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Нижний Новгород, 4-7 октября 2018 г.; на II Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога». Махачкала, 24-25 апреля 2019г; на XII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. «Эмиграция, иммиграция, социокультурная адаптация: женщины и мужчины в эпицентре миграционных процессов прошлого и настоящего». Калининград, 10-13 октября 2019 г.

Ряд основополагающих положений диссертации были представлены автором на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. Екатеринбург, 7–10 июля 2015 г.; на XII Конгрессе антропологов и этнологов России. Ижевск, 3–6 июля 2017 г.; на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России. Казань, 2–6 июля 2019 г.

Результаты исследования были обсуждены на научных семинарах «Актуальные вопросы истории и этнографии» на кафедре гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства в 2015- 2020 гг., на множестве конференций, проводимых МОО «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ).

При личном участии автора, научные результаты применялись при выполнении гранта РФФИ и ЭИСИ «Социальная активность женщин в общественно-политических процессах в республиках Северного Кавказа в контексте развития гражданского общества» (№20-011-31371) на 2020 – 2021 годы.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и обусловлена сформулированными задачами. Работа состоит из введения с разделами по источниковедению и историографии и трех глав (в каждой из которых по четыре параграфа), заключения, списка источников и литературы.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, объект и предмет исследования, цели и задачи; обоснованы хронологические и территориальные рамки и методологическая основа исследования; раскрыта научно-практическая значимость исследования, а также формулируются ключевые положения, выносимые на защиту. Приводятся сведения об апробации диссертационного исследования и ее структуре.

Введение к диссертации открывает изложение теоретических вопросов и проблемы терминологии, использованной в работе. В нем обосновано понимание повседневности как «событийной области публичной повседневной жизни, наполненной мелкими частными событиями», как «пути приспособления людей к событиям внешнего мира», «обстоятельств частной, личной домашней жизни», «быта в самом широком смысле». Современный научно-понятийный аппарат предполагает десятки определений данного термина, которые отражают авторское видение в пределах определенных направлений исследования.

В новом толковом словаре Т. Ф. Ефремова повседневность понимается как «область социальной реальности, целостный социокультурный жизненный мир, предстающий «естественным», самоочевидным условием жизни человека[8].

В зарубежной науке XX века, в концепциях А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, К. Гества, Ф. Броделя, А. Людтке, Н. Элиаса, нашли отражение онтологические, аксиологические и психологические аспекты повседневности.

Так, австрийский социолог и философ А. Шюц, под повседневностью понимал сферу человеческого опыта, особую форму восприятия и осмысления мира, которую человек разделял с другими людьми в стабильной ситуации[9]. Подход А. Шюца оказал существенное влияние на взгляды социологов П. Бергера и Т. Лук-

[8] Новый толково-словообразовательный словарь русского языка, Т. Ф. Ефремова.
[9] Щюц А. Структура повседневного мышления // СоцИс. 1988. № 2. С. 129.

мана, которые под повседневной жизнью понимали некую реальность, имеющую субъективную значимость для людей[10].

Отмечая важность человеческих переживаний и отношений в повседневных событиях, немецкий философ К. Гества, считал, что повседневность не имеет границ и предполагает самые разнообразные сюжеты всех сфер человеческих отношений[11].

По мнению французского историка Ф. Броделя, повседневная жизнь человека проходит в определенных культурно-исторических условиях, оказывая влияние на поступки и поведение людей. Повседневность автором понималась как рутинность, привычка, которая передавалась из поколения в поколение и в которую люди оказывались, вовлечены, «даже не отдавая себе в том отчета» [12].

Немецкий историк А. Людтке в своих исследованиях обратил внимание на гендерные способы переживания повседневности, выделяя специфический мир чувств женщин и мужчин[13].

В теоретических положениях французского историка Л. Февра[14] и немецкого социолога Н. Элиаса[15] развивался тезис о социальной обусловленности человеческих эмоций, которые зарождались под влиянием конкретных событий и формировались в межличностном взаимодействии.

В классических работах Н. Л. Пушкаревой, обосновавшей отличие *повседневности* от традиционного для этнологии понятия *быта*, в *повседневность* всегда включена «эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыден-

---

[10] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. С. 38.

[11] Гества К. ««Русская повседневность» Карстена Гёрке». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50073

[12] Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С.13,38.

[13] Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999. С.95; Он же. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 77–100.

[14] Февр Л. История и психология // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991; он же. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991; Он же. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 111.

[15] Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001.

ных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [16]. И с ней согласен автор работы.

Развивая этот подход, ученица Н. Л. Пушкаревой, тверской историк и этнолог А. В. Белова сформулировала толкование термина *женская повседневность*, которая определяется ею как “пережитая история”, как «непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное – переживаний, реализующих женскую субъективность»[17]. В отношении *военной повседневности* в работе используется толкование Е. С. Сенявской («область исследований, определяемая экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и войн»»[18].

Пользуясь концептом «Кавказская война», автор понимал под нею события вооруженного противостояния горцев Северного Кавказа и россиян с 1817 по 1864 гг., вызванные колониальной политикой России и противостоянием различных внутренних сил. Впервые в научной литературе термин «Кавказская война» появляется в работе Р.А. Фадеева[19], в названии которой автор его и применил. Автор не давал точного определения данного термина, но началом войны предполагал 1817 год, когда с назначением главнокомандующим кавказским краем генерала Ермолова началась наступательная война против горцев.

Хронологические рамки Кавказской войны условны, поскольку ни начало, ни окончание её не были оформлены какими-либо правовыми актами»[20]. Несмотря на условность хронологических рамок, мы придерживаемся классической периодизации: 1817 –1864 гг., связанного с широкомасштабными военными действиями рус-

---

[16] Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе. С. 8.

[17] Белова. А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности// ЭО. № 4. 2006. С. 91.

[18] Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 Т. М., 2010. Т.3. Победа. (в соавт. с А.С. Сенявским). С.199.

[19] Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб.,1889.

[20] Дзамихов К. Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения// Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150 – летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С.7.

ских войск и усилением сопротивления горцев Дагестана и Чечни под знаменем мюридизма.

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии специальных исследований о влияние военного фактора на повседневную жизнь женщин Дагестана в XIX веке. Отдельные авторы касались некоторых сторон жизни дагестанок, но мало, кто размышлял об изменениях в их быту, которые были привнесены новыми обстоятельствами – войны, а затем последовавших реформ.

Автор выделил несколько тематических групп историографии, дающие возможность детально осветить круг проблем данного диссертационного исследования.

В дореволюционной историографии (XIX в. – 1917 г.), в трудах военных историков, свидетелей и участников Кавказской войны Д. М. Милютина, И.Д. Романовского, Н. Ф. Дубровина, А. Л. Зиссермана, В. А. Потто, Р. А. Фадеева, Л. А. Богуславского, С. Н. Шульгина, К. И. Прушановского и др [21], в контексте описания военных сражений нашли отражение отдельные аспекты, отражающие военную повседневность дагестанских женщин. Интерпретируя богатый фактический материал по Кавказской войне, авторы рассматривали особенности женского быта, опыт участия женщин в оборонительных сражениях, поведение матерей в отношении детей, различные аспекты пленения женщин. Являясь представителями официально-монархического направления, эти авторы в своих трудах оправдывали методы завоевания Кавказа, считая их необходимыми и исключительно правильными. Только такими методами, по мнению авторов, можно было искоренить «дикие»

[21] Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб, 1850; Романовский И.Д. Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. В зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. С- Петербург, 1860; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. С- Петербург, 1871-1888; Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. СПб., 1879; Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1887; Он же. Кавказская война. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. СПб.: Тип. Окруж. Штаба Кавк.воен.окр, 1889; Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т.1. Шестьдесят лет Кавказской войны.– С- Петербург, 1889; Богуславский Л.А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.». С- Петербург, 1892; Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Кавказский сборник. 1902; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринодар, б/и., 1913.

средневековые предрассудки горцев и бесправное «рабское» положение дагестанских женщин. Так, например, Н. Ф. Дубровин, характеризуя специфику женского труда у дагестанских народов, проводил причинно-следственную связь между непосильным трудом, здоровьем и красотой женщины.

Освобождение из горского плена француженки А. Дрансе способствовало появлению первой публикации, где нашла отражение тема женской повседневной жизни в плену, психологические переживания женщин – пленниц[22].

Различные аспекты пленения женщин в годы Кавказской войны, их судьбы, личные переживания нашли отражение и в работах С. М. Броневского[23], Ф. Ф. Торнау[24], М. Я Ольшевского[25]. По оценке авторов, для турецких купцов кавказские пленницы являлись источником скорого обогащения. В контексте исследуемой темы следует отметить работу М. Н. Чичаговой[26], где нашло отражение пленение имамом Шамилем весной 1854 года грузинских княгинь Чавчавадзе и Орбелиани. Мы не можем не доверять этому источнику, так как автор в описании повседневной жизни пленниц, ссылалась на материал книги Е. А. Вердеревского[27], который услышал трагическую историю княгинь из их собственных уст. В работе М.Н. Чичаговой нашли отражение пленение Шамиля в 1859 году, повседневные будни калужской ссылки семейства имама Шамиля, специфика внутрисемейных отношений. Тесно общаясь с семьей Шамиля, она была свидетелем и очевидцем основных событий.

Примечательно, что авторы, непосредственные участники и свидетели Кавказской войны, не преминули отметить многочисленные факты самоотверженности женщин - горянок, проявленные при обороне аулов, акцентируя внимание на

---

[22] Пленницы Шамиля: Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1858.

[23] Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. (Репр. воспр. М., 1823).

[24] Торнау Ф. Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999; Он же. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.);

[25] Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.

[26] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889.

[27] Вердеровский Е. А. Кавказские пленницы или Плен у Шамиля. СПб.,1856.

особенностях материнского поведения в экстремальных реалиях войны[28]. Среди исследований стоит выделить работу С. Н. Шульгина, расматривающего проявление женского патриотизма в осажденных аулах Гуниб, Ахульго, Унцукуль и Гимры, обратился к феномену женского переодевания, проанализировав особенности женской эмансипации[29].

В некоторых работах дореволюционных авторов исследован опыт участия матерей в судьбах детей-аманатов (эаложников), различные аспекты взаимоотношений военных властей с семьями знатных горцев[30].

Н. А. Волконский[31], В. А. Потто[32], Ф. П. Скалон[33] и др., интерпретируя богатый фактический материал по Кавказской войне, осветили в своих работах вопросы, связанные с участием женщин знатных сословий в политической жизни дагестанского общества. В их работах содержатся интересные наблюдения, психологические характеритики влиятельных женщин, мотивы их участия в политике и др.

Кавказская война нашла отражение в работе английского ученого, кавказоведа Д. Баддели, который осветил хронику завоевания Кавказа русскими, начиная с 20-х годов XVIII века и до 1860 года[34]. Мы в своей работе использовали перевод его работы[35].

---

[28] Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб, 1850; Романовский И.Д. Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. В зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. С- Петербург, 1860. С.118-119; Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб.,1889. С.34; Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 – 1892гг.». С- Петербург, 1892. С. 507.

[29]Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках.Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1910.

[30] Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Кавказский сборник. 1902. С.14.

[31] Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886.

[32] Потто В. А. Кавказская война, в 5-ти томах .Том 2. Ермоловское время. 1899 г. С.133; Он же. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. 1899 г. С.11.

[33] Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958.

[34] Baddeley J. The Russian conquest of the Caucasus. – London, New-York, Bombey, Calcuta: Longmans, Green and Co, 1908.

[35] . Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф. 2011.

В своей книге, вышедшей в свет в 1908 году, автор представил читателю весьма интересные факты, свидетельства и оценки событий Кавказской войны. При написании книги, автор преимущественно опирался на документы, опубликованные Кавказской археографической комиссией, а также Кавказские сборники. В контексте военных кампаний, отдельных карательных экспедиций русских войск против горцев, автор приводил интересные сведения, отражающую женскую военную повседневность, участие женщин-горянок в оборонительных сражениях Кавказской войны, отмечая что «судьба горских женщин была незавидной»[36].

Окончание Кавказской войны расширило проблематику исследования, появилось большое количество публикаций этнографического характера о дагестанских народах. Вызвано это было тем, что одной из главных задач, вставших перед правительством, был вопрос об управлении покоренными народами, с учетом их вековых традиций и обычаев. Для сбора материала специально в Дагестан во второй половине XIX века в составе научных экспедиций были командированы исследователи-специалисты, а также чиновники разного ранга и военные. Обширные сведения об общественном и семейном быте дагестанских народов были собраны в эти годы П. Г. Пржецлавским[37], Н. П. Глиноецким[38], П. С. Петуховым[39], Н. И. Вороновым[40], Н. Львовым[41], Н. С. Семеновым[42], А. А. Бестужевым-Марлинским[43]. Г. Ф. Чурсиным[44], В них собраны ценный информативно-познавательный материал и оригинальные наблюдения из жизни дагестанских народов, нашли отражение вопросы, связанные с положением женщины в семье и в обществе.

При всей ценности данных работ, они не лишены определенного субъективизма и идеологических установок. Вследствие чего, искажалась реальная картина

---

[36] Там же. С. 8.
[37] Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Вестник Европы. 1860. №4.
[38] Глиноецкий Н. П. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.//ВС. 1862. Т. 24.
[39] Петухов П. С. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 1867. №13.
[40] Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868.
[41] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870.
[42] Семенов Н. С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
[43] Бестужев-Марлинский А. А. Путь до города Кубы. Сочинения. Т. 1. М. 1958.
[44] Чурсин Г. Ф. Авары: этнографический очерк. Махачкала, 1995.

повседневной жизни горцев: в самых темных красках описывалась их семейная жизнь и положение женщины. Было бы неверным обобщать отдельные примеры из повседневной жизни населения, которые могли иметь место в конкретных реалиях того времени.

У всех без исключения дореволюционных авторов сложился стереотип восприятия женщины Дагестана, как человека лишенного элементарных прав и находящегося в непосильном домашнем рабстве. Жизнь в естественном ее течении представлялась этим авторам чем-то ужасным и тягостным. Характеризуя женский повседневный труд, некоторые авторы подчеркивали природную лень и праздный образ жизни горских мужчин[45].

С окончанием Кавказской войны началась работа кавказской администрации по сбору и систематизации материалов по дагестанским адатам. На самом высоком уровне Российской империи были даны распоряжения по изучению адатов народов Дагестана, их переводу на русский язык. В связи с чем, были задействованы русские специалисты: этнографы, лингвисты, правоведы, историки. Результатом работы стали труды А. В. Комарова[46], Ф. И. Леонтовича[47] и М. М. Ковалевского[48], содержащие ценный материал по адатам дагестанских народов. В их работах содержится фактический материал, отражающий правовое положение женщин у народов Кавказа, соотношение адатного и мусульманского права, судоустройство и судопроизводство в пореформенный период.

Среди этих работ, большой интерес представляет работа А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним», где автором детально были исследованы нормы обычного права дагестанских народов, различные аспекты судопроизводства. В частности, большое внимание автором было уделено анализу судебной практики, касающейся женщин: наказания за похищение женщин, прелюбодеяние.

---

[45] Бестужев-Марлинский А. А. Путь до города Кубы. Сочинения. Т. 1. М. 1958. С.301.

[46] Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

[47] Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1882.

1. [48] Ковалевский М. М. Закон и обычаи на Кавказе. Т.2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко. 1890.Т.I-II.

Работа позволила отследить эволюцию норм обычного права, динамику изменений правового положения женщин Дагестана.

В работе Р.И. Леонтовича «Адаты Кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа», был дан анализ большого фактического материала по обычному праву народов Северного Кавказа. Большое внимание в работе автора уделялось институту кровной мести, который был широко распространен в исследуемый период во всем Дагестане. Общим для всех кавказских народов было то, что оскорбление женщины всегда было чревато кровной местью. Ф. И. Леонтович, указывая на это, подчеркивал: «преступления большой важности, как-то: убийство, ранение, насилия над женщинами и даже некоторые оскорбления, причинение побоями и т.п., чаще решались правом мщения»[49].

В работе социолога и юриста М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», в контексте норм обычного права, были проанализированы вопросы, касающиеся имущественных и наследственных прав женщин. Детально изучив имущественное и правовое положение женщин, автор выявил сходство и различие в правовых системах кавказских народов. В результате этого анализа, М. М. Ковалевский пришел к выводу, что в отличие от женщин других народов Российской империи, женщины в традиционных обществах Кавказа были наиболее защищены в имущественном плане.

Различные аспекты семейной жизни периода Кавказской войны рассматривались в статьях дореволюционных дагестанских авторов Д.-М. М. Шихалиева[50], Г. М. Дебирова[51], А. М. Алиханова-Аварского[52], С. Габиева[53]. В контексте содержательного материала по истории и этнографии народов Дагестана, авторы стремились дать правдивую картину повседневной жизни женщины, объективно освещая ее положение в семье и в обществе. Вступая в полемику с русскими исследовате-

[49] Леонтович Ф.А. Адаты Кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1882. С. 232.
[50] Шихалиев Д.- М. Рассказ кумыка о кумыках. Кавказ. 1848. №№ 33-44.
[51] Дебиров Г. М. Дагестанские предания и суеверия// СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4.
[52] Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев// Кавказ. 1896. № 223.
[53] Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36.

лями, в своих публикациях авторы опровергали тезис о «забитости» и «рабском положении» дагестанок.

В частности, в работе Д.- М. М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках[54], опубликованной частями в разных выпусках газеты «Кавказ» в 1848 году, приводились интересные сведения по этнографии кумыков и соседних народов. Характеризуя, семейный и общественный быт кумыков, автор отрицал факт ее закабаления и бесправия.

Ценные сведения о быте горских народов содержатся в работах очевидцев Кавказской войны Мухаммед-Тахира Ал-Карахи[55], Хайдарбека Геничутлинского[56] Гаджи-Али[57], Абдурахмана из Газикумуха[58]. Будучи современниками тех военных и политических событий, летописцы и секретари Шамиля Мухаммед-Тахир Ал-Карахи и Гаджи-Али черпали сведения из своих собственных наблюдений. В контексте общих сведений из жизни жителей дагестанских аулов, авторы приводили интересные сюжеты, затрагивающие политику трех имамов в отношении женщин. Однако, в оценке реформатской деятельности имама Шамиля, стремились нивелировать характер шариата в отношении женщин.

В целом, несмотря на то, что в дореволюционной историографии не было ни одной специальной работы, посвященной изучению влияния военного фактора на повседневную жизнь дагестанской женщины, фактический материал, который содержится в их трудах, является важным источником для освещения темы диссертационного исследования.

Советский этап в развитии *историографии* ознаменован выходом трудов по Кавказской войне, которые отражали классовый подход и находились под жестким

---

[54] Шихалиев Д.-М. М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. (перепеч.Кавказ. 1848. «33-44)

[55] Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала. Дагучпеизд. 1990.

[56] Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992.

[57] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995.

[58] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997.

контролем государства [59]. Одной из первых работ, посвященной Кавказской войне был труд М.Н. Покровского, где нашли отражение некоторые вопросы, касающиеся повседневной жизни дагестанских женщин. В частности, автор в своей работе привел интересные сведения об Аварской ханше Паху-бике, ее взаимоотношениях с мюридами и русскими властями. Давая оценку истребления Гамзат-беком ханского семейства во главе с Паху-бике, автор усматривал в этом справедливое возмездие, следствие «русофильской политики аварских ханов». М.Н. Покровский полагал, что ханша Паху-бике стала жертвой данной политики.

Тема Кавказской войны нашла отражение в зарубежной западной и восточной историографии этого периода. В работах присутствует альтернативный подход в интерпретации термина «Кавказская война», ее характера и хронологии. Так, в работе Поля Хенца исследован характер борьбы народов Северного Кавказа против агрессивной политики Российской империи [60]. Работа турецкого исследователя Яхъи Канболата (Yahya Kanbolat) посвящена хронологии войны, которую он называет «черкесско-русской»[61].

Определенную ценность для нас представляют художественные произведения, которые в отсутствии дневников и писем женщин, дают нам возможность отразить события исторической эпохи, повседневные заботы людей, их переживания. Среди таких произведений следует отметить исторический роман английской писательницы Лесли Бланч «Сабли рая»[62], который увидел свет в 1960 году. Несмотря на то, что работа автора не содержит серьезного научного анализа, этот существенный недостаток, не умаляет ее ценности для нашего исследования. Она видится автору важной как часть исторического восприятия эпохи в западной историографии. В контексте общих сведений, автор осветила события, связанные с

---

[59] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. История СССР. М., 1983. № 2. С. 85–96.

[60] Henze P.B. Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers // Central Asian Survey. 1983. Vol. 2. P. 5-44.

[61] Kanbolat Y. Bin Sekiz Yüz Altmış Dörde Kadar Kuzey Kafkasya Kabilelerinde Din veToplumsal Düzen. Ankara: Bayır Yayınları, 1989. C. 51.

[62] Лесли Бланч. Сабли рая. Махачкала: МРИП «Юпитер» 1991.

пленением княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, годы жизни Шамиля после пленения, атмосферу, царящую в семействе имама Шамиля.

Среди художественных произведений особое место занимает роман-трилогия М. И. Ибрагимовой «Имам Шамиль»[63], работе над которой автор посвятила тридцать лет своей жизни. На наш взгляд, учитывая, что автор долгие годы изучала первоисточники, мемуарную литературу и архивные документы по Кавказской войне и ввела в оборот большой исторический материал, ее роман можно оценивать как достоверную работу. Красочная и содержательная художественная иллюстрация правовых обычаев дополняют образы женской повседневности в диссертационном исследовании.

После 1991 года отсутствие идеологического давления способствовало возрождению интереса к теме Кавказской войны и новой ее интерпретации в работах Р. М Магомедова, А. М. Халилова, М. М. Блиева, В. В. Дегоева, Г.- А. Д. Даниялова, А. Х. Рамазанова, Х. А. Омарова, М. Гаммера, А.Т. Урушадзе, П.И.Тахнаевой [64].

Так, в работах А.А. Цыбульниковой, Ю.Ю. Клычникова и Е.И. Иноземцевой [65] нашли отражение различные аспекты, связанные с пленением женщин в годы Кавказской войны. Однако согласиться с выводом, скажем, А.А.Цыбульниковой о

---

[63] Ибрагимова М И. Имам Шамиль. Москва: Советский писатель. 1991.

[64] Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991; Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, Дагучпедгиз,1991; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994; Даниялов Г.- А. Д. Имамы Дагестана. Т. II – III – Махачкала, 1996.; Рамазанов А. Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996; Омаров Х.А. 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998; Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001; Урушадзе А. Т. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. N 4; Тахнаева П. И.Гуниб, август 1859 г. "Последние дни джихада в Дагестане". Махачкала: Издат. дом МавраевЪ, 2018.

[65] Цыбульникова А. А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы шестой международной Кубанско-Терской конференции». Краснодар; Армавир, 2008; Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /Под ред. и с предисловием Б. В.Виноградова. Пятигорск: «РИА-КМВ», 2011; Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. Алеф, 2014.

том, что «большинство кавказских женщин лояльно относились к возможности быть проданными в рабство»[66], нельзя.

Е. И. Иноземцева в своей фундаментальной работе отмечала несостоятельность доводов дореволюционных и современных исследователей, утверждающих, что торговля пленными являлась привычным укладом жизни исключительно горских народов Северного Кавказа.

В зарубежной историографии также нашли освещение различные вопросы, связанные с политикой Российской империи на Кавказе, военные события, сопротивление народов Кавказа, идеология мюридизма[67].

Большую ценность для нашего исследования представляет работа израильского исследователя, кавказаведа М. Гаммера (M. Gammer), написанная на основе богатого фактического материала, извлеченного из архивов Англии, Франции, Германии, Австрии, Турции. Мы работали с русскоязычным вариантом[68]. В контексте деятельности имама Шамиля, автором освещались некоторые вопросы, отражающие повседневную жизнь населения имамата: семейно-брачные отношения, взаимоотношения с русскими пленными, межэтнические браки, моральные устои общества.

Подводя итоги, очевидно, что в историографии Кавказской войны, женская повседневность не стала предметом специального научного исследования.

В дореволюционной историографии истории буржуазных реформ мы старались обнаружить упоминания по интересующей нас проблеме. В массе работ, посвященных истории Дагестана второй половины XIX в. описаны особенности социально-экономического развития отдельных регионов Кавказа, в том числе - развитие традиционных женских ремесел и промыслов[69]. Учитывая тот факт, что мно-

---

[66] Цыбульникова А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012. С. 122.

[67] Gammer M. Russian Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass, 1994; Richmond W. The Circassian Genocide (Genocide, Political Violence, Human Rights). – New Brunswick: Rutgers University Press, 2013.

[68] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 319.

[69] См.: Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные асиатские земли, а именно: Испаган, Пекин, Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 3; Гмелин С. Г. Путешествие по России для

гие авторы – путешественники побывали в Дагестане, как в годы Кавказской войны, так и после ее окончании, то сведения авторов показывают трансформацию женских домашних ремесел. В работах авторов нашли отражение вопросы, связанные с развитием женских ремесел и промыслов в условиях капиталистической модернизации Дагестана в 60-90 гг. XIX века. О.В. Маргграф справедливо отметил, например, центры обработки шерсти [70], а это было дело исключительно женское.

В работах многих дореволюционных авторов рубежа XIX – XX вв. нашли отражение вопросы, связанные с историей становления женского светского образования периода буржуазных реформ второй половины XIX века, динамикой ее развития и влиянием на социально-экономическое и правовое положение дагестанской женщины [71]. Е И. Козубским внесен вклад в изучение женского светского образования [72], - оно составило конкуренцию религиозному[73].

исследования всех трех царств в природе естества. СПб., 1785. Ч. 3; Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 1; Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году. СПб., 1851; Бахтамов И. М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30; Глиноецкий Н. П. Поездка в Дагестан // ВС. 1862. № 2; Дорн Б. А.Отчет об ученом путешествии по Кавказу // Труды Восточного отделения археологического общества. СПб., 1864; Воронов Н. И. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1; Лиль-Адам В. В. Две недели в Даргинском округе // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8; Костемеровский И.С. Салаватия // Кавказ. 1878. № 1; Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882; Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31; Он же. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // ИКОРГО. Тифлис, 1902. Т. 15; Сержепутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. Вып. 16.

[70] Маргграф О. В. Указ.соч. С. 283.

[71] Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894; Козубский Е. И. Темир-Хан- Шуринская женская гимназия. // Кавказ. № 271, 1901; Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901; Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902; Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1905.

[72] Козубский Е. И. Темир-Хан- Шуринская женская гимназия. // Кавказ. № 271, 1901; Он же. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901; Он же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1905; Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. СПб., 1903.

[73] Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913; Фарфоровский С. В. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. №11; Рудольф Н. Ф. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915.

В советской историографии влияние буржуазных реформ второй половины XIX века на дагестанское общество рассматривалось в основном как прогрессивное явление.

Одной из первых работ, отражающим положительные преобразования в повседневной жизни дагестанского общества в пореформенный период, была монография И. Р. Нахшунова[74]. В этом же ключе были написаны работы Х.-М. Хашаева, Г.И. Милованова, С.Ш. Гаджиевой, Х.Х. Рамазанова, Р.М. Магомедова[75], и др. где в контексте социокультурных преобразований, реформ управления и судопроизводства, освещались вопросы, связанные со спецификой «женского труда», образования, правового положения женщины. Авторами фрагментарно были представлены сведения о женщинах, занятых на промышленных предприятиях, отмечены тяжелые условия их труда[76].

В историографии последних лет[77] были рассмотрены вопросы, связанные с влиянием реформ на сельское хозяйство и промышленность, социокультурную жизнь Темир-Хан-Шуры, Дербента, Петровска. Большинство работ носило описательный характер, тема модернизации жизни женщин в них лишь упоминалась. Однако большинство работ носило описательный характер, лишь фрагментарно затронув тему модернизации жизни женщин. В указанных работах А. Г. Мансуровой и Э. М. Далгат, в общих сведениях о развитии промышленности в городах Даге-

[74] Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1955.

[75] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959; Милованов Г. И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала. 1963; Гаджиева С.Ш. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев в XIX– XX веках // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16; Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала. 1972; Он же. Развитие промышленности в Дагестане во второй половине XIX// Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала. 1984; Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987; Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989;

[76] Милованов Г. И. Рабочий класс Дагестана. Махачкала, 1991.

[77] Гаджиев А. С. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX-начале XX века. Махачкала, 1996; Булатов Б. Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 1996; Мансурова А. Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала. 2006; Егорова В. П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во второй половине XIX – начале XX в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура) / Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008.

станской области, имеются данные о доле женщин в производстве, об условиях их труда и социального обеспечения. Выходили специальные публикации, посвященные женскому труду в условиях капиталистической модернизации края. В указанной работе В. П. Егоровой показана модернизация культурной жизни дагестанских городов Темир-Хан-Шуры, Дербента, Петровска в пореформенный период. Автор осветила роль женщин-горожанок, отметив благотворительную направленность многих мероприятий, которые ими проводились.

В специальных публикациях, посвященных женскому труду в условиях капиталистической модернизации края (см., например, статьи Н. Н. Гаруновой) говорилось о какой-то отдельной стороне экономического положения дагестанок, иногда рассматривался вопрос появления в крае женщин – предпринимательниц[78]. В частности, автором был исследован женский труд в винодельческой отрасли Кизляра и окрестных казачьих станицах. Меньше всего говорилось в них о женском быте.

Тема трансформации социального и правового положения женщин Северного Касказа, и дагестанок, в частности, получила освещение в квалификационных работах А. К. Халифаевой, А. М. Адуховой, О. И. Шафрановой [79].

В исследованиях С. Ш. Гаджиевой, М. А. Агларова, С. Х. Асиятилова, В. К. Гарданова, А. Х. Магометова, А. Г. Булатовой, К. Э. Курбанова, Я. С. Смирновой, С. А Лугуева, Б. М. Алимовой [80] женская повседневность помянута и представлена

---

[78] Гарунова Н. Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII-XXI вв. Махачкала, 2009; Она же. «Женский след» в виноделии Кизляра // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. Л. Дударев, Н. Л. Пушкарева; сост. А. А. Цыбульникова. Армавир, 2010. С. 171-173; Далгат Э. М. Население городов Дагестанской области в конце XIX - начале XX вв.// Вестник Института ИАЭ. 2012. № 1.

[79] Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004.; Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. канд. пед наук. – Махачкала, 2007; Шафранова О. И. Женщины Северного Кавказа во второй половине XIX-начале XX вв.// Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004.

[80] Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев // СЭ. 1964. № 6; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – пер. пол. XX в.). Махачкала, 1967; Гарданов В. К. Общественный быт адыгских народов. (XVIII – пер. пол. XIX в.). М., 1967; Магометов А. Х.

в контексте общих этнокультурных традиций, но совсем не изучены ее трансформации в условиях войн и реформ. Отдельные стороны социально-экономического, правового положения женщины в дагестанском обществе изучались в контексте этнокультурных традиций, семейного быта, обрядности и досуга. Несмотря на это, все эти работы содержат обширный теоретический материал, что позволило диссертанту реализовать цели исследования.

В современной историографии среди региональных исследователей по-прежнему превалировал материал по этнографии дагестанских народов[81]. Тема женской повседневной жизни в этих работах практически не рассматривалась.

Меж тем, тема женской повседневности - одно из самых востребованных направлений современной историографии[82]. Новейшие разработки в области данного направления переместили акценты на эмоциональные переживания женщин.

Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Изд.Ир, 1968; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала,: Тип.Даг. ФАН СССР, 1971; Курбанов К. Э. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX – нач. XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983; Лугуев С. А. Дидойцы (цезы). Махачкала, 1987; Алимова Б. М, Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989.

[81] Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы . XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994; Мусаева М. К. Хваршины. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Булатова А. Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начала XX в. Махачкала, 2000; Гаджиева М. И., Омаршаев А.О. Семья народов Дагестана в историческом развитии: Часть 1. Махачкала: РИЦ «Стиль», 2000; Ризаханова М. Ш. Гунзибцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001;Она же. Лезгины. XIX– начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; Курбанов М.-З. Ю. Сюргинцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006.

[82] Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Она же. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; Она же. «Живя и труждаясь в подивление окольным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X-XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. N 2. С. 18-27; Она же. Частная жизнь русской женщины:
невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М., 1997; Белова А. В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII - первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 2004. № 1; Текуева М. А.. Женская повседневность на южных окраинах Российской империи в XIX – начале XX в.// Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.446-483.; Маршенкулова Ф. А. Проблемы изучения женской повседневности на Северном Кавказе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (3). С.165-166.

Появились военно-антропологические исследования, затрагивающие вопросы повседневности женщин в военную пору. Е.С. Сенявская, одна из первых сделала поворот к изучению человеческого измерения войны, в том числе и сквозь призму женского восприятия, отметив существенное влияние военного фактора на повседневную жизнь женщин, на их эмоциональное состояние[83].

К числу работ, объектом внимания которых стало изучение женской повседневности, отягощенных военным фактором, следует отнести труды П. П. Щербинина.[84] Автор, в своей фундаментальной работе[85] комплексно рассмотрел воздействие военного фактора на повседневность россиянок на протяжении XVIII - началом XX в. Воспроизвел фронтовую повседневность сквозь призму женского восприятия войны, рассмотрел женский фронтовой опыт (сестер милосердия, женщин-солдаток), модели социальной адаптации и изменения в менталитете женщин к условиям военного времени.

Женская повседневность в проблемном поле Великой Отечественной войны стала предметом исследования М. А. Нанаевой[86] и И. В. Ребровой[87]. Авторы, рассматривая трудовую повседневность населения в годы войны, переместили акцент на трудности, которые переживала женщина, уделили внимание специфике и условиям труда, социальной политике государства в отношении женского населения.

---

[83] Сенявская Е. С. Женщина на войне глазами мужчин // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. М., 1994. С. 149-151; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Женщины на войне глазами мужчин: психологический экскурс в историю России // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3. М., 1999.

[84] Щербинин П. П. Влияние войн начала XX в. на повседневную жизнь российской солдатки // Повседневность российской провинции: история, язык, пространство. Казань, 2003. С. 184-202; Он же. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Женская повседневность в России XVIII-XX вв.: Мат-лы междунар. научн. конф. 25 сентября 2003 / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2003. С. 121-133.

[85] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, 2004.

[86] Нанаева М. А. Трудовая повседневность работников промышленности Ставропольского края на завершающем этапе Великой Отечественной войны // Историческая социология. № 3. 2007. С. 103-105.

[87] Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемной поле истории Великой Отечественной войны// Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С.25-33.

На примере народов Северного Кавказа, это направление женской повседневности исследовали М. А. Текуева [88] и М. Х. Гугова[89], сделав акцент на психологические переживания женщин, на стратегию поведения в экстремальных условиях, .

Несмотря на то, что объектом исследования авторов являлась повседневная жизнь женщин в годы великой Отечественной войны, для нашего исследования их подход имеет большую ценность, как в теоретическом, так методологическом плане.

Женское пространство в традиционной культуре народов Северного Кавказа стало предметом специального исследования в работах Ю. Ю. Карпова, Р. Б. Рагимовой и М. Б. Гимбатовой [90.] Авторами освещены роль и место дагестанской женщины в семье и обществе, специфика женского труда, специфика семейных отношений, участие женщин в миротворчестве, показана трансформация имущественного и правового положения женщины в ходе эволюции традиционного общества.

---

[88] Текуева М. А. Война и женская повседневность (на материалах Кабардино-Балкарии) // Исторический вестник. 2010. № 9. С.118-127; Она же. Женская военная повседневность (кавказский материал) //Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т.1 С. 298-301; Она же. .Женская повседневность на южных окраинах Российской империи в XIX — начале XX в.// Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.446-483.; Текуева М. А. Женская военная повседневность (кавказский материал).С. 301; Она же. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь// Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150 – летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С.173-180.

[89] Гугова М.Х, Нальчикова Е.А., Текуева М. А. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 6. С.93-97; Гугова М. Х, Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Женское лицо в зеркале войны (история изучения и новые исследовательские задачи) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. Т. II № 2. С.42-44; Гугова М. Х, Текуева М. А. Женщины и война: проблемы повседневного существования и ментальных изменений // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала. 2012. № 46. С.77-82.; Гугова М. Х. Женская военная повседневность: история изучения, источники и методы// Вестник КБИГИ. 2017. 1.(32). С.23-29.

[90]Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа.- СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001; Рагимова, Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX - начала XX в. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001; Она же. Имущественное положение женщины в Дагестане (XIX - начало XX в.)// Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С.38-49; Гимбатова М. Б. «Женское пространство» в традиционной культуре ногайцев //Материалы региональной научной конференции «Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа». Махачкала, 2008. С. 49-53; Она же. Брак и семейные отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX — начале XX в.// Вестник института ИАЭ. 2011. № 2. С.97-109; Она же. Трансформация хозяйственной специализации у народов Дагестана: гендерный аспект// Вестник института ИАЭ. 2017. № 4. С.89-96.

В частности, в своей монографии «Женское пространство в культуре народов Кавказа» Ю.Ю. Карпов не обошел вниманием вопросы, связанные с участием женщин в институте кровной мести, обратив внимание на истоки женской воинственности. Автор усматривал в этом отголоски эпохи матриархата, через которую в далеком прошлом прошли народы Дагестана. Примечательно, что Ю. Ю. Карпов обратил внимание на то, что женская субкультура кавказских народов, в отличие от мужской субкультуры, всегда находилась в тени и не была объектом исследования. Автор полагал, что именно кавказские женщины являлись носителями культурных традиций.

Повседневная жизнь женщин в контексте трансформационных процессов советского общества нашла отражение и в работах Ю. Д. Анчабадзе и А. П. Скорика[91].

Проблемы гендерного равноправия, домашнего и сексуального насилия, женского обрезания стали предметом специального исследования в работах М. А. Бутаевой[92] и С. В. Сиражудиновой[93]

Однако целостной картины все эти обращения к отдельным сторонам жизни дагестанок в XIX в. так и не создали. Можно сделать вывод о том, что историографическая ситуация актуализирует тематику диссертационного исследования.

Таким образом, приведенный анализ историографии показал, что в работах дореволюционных, советских и современных исследователей рассматриваемая

---

[91]Анчабадзе Ю. Д. Женщина и политические изменения в адыгском ауле (1920 –е годы)// Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С.54-57; Он же. Социально-политические трансформации а адыгском ауле: 1920-х гг: гендерный аспект// Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С.61-67; Скорик А. П., Гадицкая М. А. Новые гендерные роли и повседневность женщин в колхозной деревне 1930-х гг. (на материалах Дона, Кубани, Ставрополья). В сборнике: Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сер. «Библиотека журнала». Москва, 2013. С.538-582;

[92] Бутаева М. А. Гендерные стереотипы и насилие против женщин // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 179–186.

[93] Сиражудинова, С. В. .Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // Социология власти. 2010. N 4. С. 170-177; Она же. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ// Женщина в российском обществе. 2016. №2 (79). С. 48-56; Она же. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // Женщина в российском обществе. 2017. №4 (85). С. 26-35.

нами проблема не стала предметом специального исследования. Состояние историографической ситуации актуализирует тематику диссертационного исследования.

Характеристика и анализ источниковой базы исследования

Источниковая база исследования опирается на широкий круг архивных и опубликованных материалов:

Архивные материалы отложились в Российском гос. историческом архиве (РГИА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Гос. архиве Краснодарского края (ГАКК), Центральном гос. архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Фонды содержат богатейший архивный материал, включающий в себя следующие источники: документы официального характера (приказы, донесения, переписка военных и гражданских властей, ходатайства) и личного характера (мемуары, дневники, письма)

Едва ли не самым информативным был фонд РГИА N 1268 – «Кавказский комитет (1833-1881 гг.)». В составе описей №№ 2, 5, 6, 7 и 9 содержатся материалы, касающиеся социальной поддержки государства вдовам. В переписке кавказской администрации с ведомственными структурами были выявлены материалы, касающиеся социальной помощи вдовам горских правителей Дагестана и русских военных чинов, погибших на Кавказе. В документах нашли отражение некоторые аспекты политики государства в отношении женских начальных школ Дербента и Темир Хан Шуры.

Наиболее интересными были материалы Оп. 2. дела № 166а «О производстве пенсии вдове и детям Хана Мехтулинского, о взятии первой в плен, а также о распределении 3-х деревень, подаренных Шамхалом Тарковским Хану Аварскому. Н. 2 января 1846 г. - К. 18 февраля 1849 г.», отражающие действия российских властей в отношении вдовы и детей Хана Мехтулинского.

Важные для нас сведения мы извлекли из дела № 305 «О назначении пенсии вдове бывшего владетеля Шекинской провинции генерал - майора Исмаила Хана Туте

Ханум»; из дела № 342 «О назначении пенсий двум женам умершего управляющего Казыкумыкским ханством свиты его величечества генерал-майора Агалар-Бека. 3/XII-1858 г. -9/XII-1866 г»; из дела № 412 «О производстве в 1851 г пенсии семейству умершего Керим Хана Ширванского».

Представляет интерес дела, касающиеся политики российского государства в отношении семей, попавших в немилость мюридам. В ряду таких, дело № 279 «О назначении пенсии семейству казненного Шамилем Ахтинского жителя Гасан Чуру оглы», дело № 135 «О назначении пенсии семейству жителя Самурского округа Уста Сенда Сенд оглы» и дело № 482 «О назначении пособия семейству находящегося в плену у горцев письмоводителя Хазринского участкового Управления канцелярского служителя Юзбашева».

В фонде хранятся материалы, отражающие политику царских властей по отношению к вдовам русских военных чинов, погибшим на Кавказе. В их числе, дело № 602 «Прошение от вдовы Надворного Советника Брискорн о назначении ей пособия за службу умершего на Кавказе», дело 845 «О назначении в 1845 г. вдове убитого прапорщика Князя Тагу Дзапшипа Княгине Екатерине пенсии», дело № 254 «Прошение вдовы полковника Княгини Софьи Челокаевой о назначении ей пособия», дело № 395 « О назначении пенсии вдове капитана Екатерине Геттинг», дело №. 123 «Прошение вдовы убитого Кутаисского губернатора, генерал-лейтенанта князя Гагарина» и др.

Так, в деле за № 62 «По всеподданнейшей просьбе вдовы Генерал-Лейтенанта Княгини Софии Мадатовой о пожаловании ей участка земли на Кавказе за военные заслуги, оказанныя покойным ея мужем. Н.7 марта 1873 г. – К.27 марта 1873 г.» была изучена переписка военной администрации и российского правительства в вопросах предоставления вдове земельного участка.

В деле за №126 «О предоставлении вдове Надворнаго Советника Смирновой в пожизненное пользование участка казенной земли в Кайтаго-Табасаранском округе в количестве 130 десятин 94 саженей. Н.7 июля 1873 г. – К.20 июля 1873 г.» этого же фонда были обнаружены ходатайство вдовы и кавказских властей к военным властям Российской империи.

В этом же фонде нами были изучены материалы, касающиеся женского светского образования в Дагестане. В частности, в деле № 81 были обнаружены сведения о частной благотворительной деятельности, за счет средств которой содержались начальные женские школы в г. Дербенте и в г. Темир –Хан –Шуре.

Ценнейшие документы, отражающие события Кавказской войны, военно-политическую обстановку, политику царизма в отношении народов Кавказа, были обнаружены в фондах Российского государственного военно-исторического архива РГВИА. При исследовании архивных дел, главное внимание уделялось материалам, связанным с темой исследования. Сложность заключалась в том, что в материалах дел почти не отразилась повседневная жизнь женщин.

Здесь изучались дело № 68 фонда 38 –Департамент Генерального штаба. В материалах дела имелась переписка императора Николая I с кавказскими властями, где он настоятельно рекомендует военной администрации на Кавказе, стараться уменьшить влияние судопроизводства по шариату, так как император усматривал в этом опасность для укрепления позиций российской империи в регионе.

В фонде. 404 – Военно-топографическое управление Главного штаба и военно-топографические съемки были обнаружены материалы, отражающие строительство и ремонт крепостей, укреплений, мостов, переправ, дорог, организацию охраны путей сообщения. Среди официальных рапортов, донесений и отчетов русской администрации, нами обнаружены незначительные сведения, связанные с темой исследования: данные о привлечение женского населения к дорожным работам.

В фонде 846 – Военно-ученый архив Главного управления Генерального штаба сконцентрированы материалы о политике имперских властей на Кавказе, о ходе военных кампаний - Осады аула Ахульго (1839) Даргинской экспедиции 1845 г., осады горских аулов Салты (1847 г.), Гергебиль (1847 г.), Чох (1849 г.), Гуниб (1859 г.) Для нас представляет интерес материал, обнаруженный в деле № 6361, где содержатся сведения о штурме аула Ахульго, о сопротивлении жителей осажденного аула, переписка военного командования. В этом же деле имеются записки из дневника генерала Граббе, сделанные им во время штурма Ахульго. Инте-

ресный материал был выявлен в деле № 6514, где имеются сведения о нравах горского общества, содержатся материалы, отражающие некоторые аспекты политики имамата в отношении женщин.

В этом же фонде хранятся рукописи военных, побывавших в Дагестане во время Кавказской войны. В деле № 6302 нами выявлены этнографические сведения, собранные штабс-капитаном Ф.Ф. Торнау во время пребывания на Кавказе. Среди разнохарактерного материала содержатся сведения о семейной жизни и нравах дагестанских народов. В деле № 6528 обнаружена рукопись В.И. Мочульского «Война на Кавказе и в Дагестане», где содержатся взгляды автора на военные события в Дагестане, много этнографического материала о дагестанских народах, в том числе и о женщинах.

В делах №№ 1060, 18508 и 18247 выявлены сведения о горских народах Северного Кавказа и Дагестана, богатый этнографический материал, собранный И.Ф. Бларамбергом. Все это дало нам возможность реконструировать семейный и общественный быт дагестанских народов.

В делах фонда 14719 (Главный штаб кавказской армии) и фонда 15264 (Штаб начальника Кубанской Линии) обнаружены сведения, касающиеся пленения женщин, их судеб, условий обмена, суммы выкупа и потому сопоставимые с данными, обнаруженными в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) (ФФ. 252, 249).

В частности, в материалах дела № 60 фонда 14719 – Главный штаб кавказской армии нами были обнаружены копии указов императора, касающихся браков русских с пленными женщинами – горянками, крещеными черкешенками.

В делах №№ 6, 79, 81 фонда 15264– Штаб начальника Кубанской Линии, нами обнаружены сведения, касающиеся пленных казачек, их судеб, условий обмена с горской стороной и пр.

По материалам дел №№ 448, 605, 1335а фонда 249 – Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии (ГАКК) можно проследить политику российских властей в отношении пленниц

В фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА ЦГА РД содержится ценный рукописный и печатный материал по Кавказской

войне, Указы сената, циркуляры Наместника на Кавказе и Министерств, приказы военного губернатора, отчеты, сведения, обзоры, ведомости, материалы судебных дел при канцелярии военного губернатора и др.

Содержащаяся информация в фондах: 2 – Канцелярия военного губернатора Дагестанской области; 21 – Дагестанский областной статистический комитет; 30 – Строительное отделение дагестанской области г. Темир-Хан-Шура; 54 – Петровская женская гимназия Кавказского учебного округа; 77 – Темир-Хан-Шуринская женская гимназия позволяет исследовать документы, посвященные экономическим, социальным и культурным процессам в крае.

В делах №№ 18, 60, 98, 109, 110 фонда 2 – Канцелярия военного губернатора Дагестанской области содержатся Указы сената, циркуляры Наместника на Кавказе и Министерств, приказы военного губернатора, отчеты, сведения, обзоры, ведомости, материалы судебных дел при канцелярии военного губернатора. Все дела охватывают период с 1883 по 1917 годы.

В делах №№ 6, 27,28,34,50 фонда 21 – Дагестанский областной статистический комитет были исследованы отчеты начальников округов, статистические данные о состоянии промышленности, количестве работников фабрик и заводов. В частности, в делах №№ 27 и 28 содержатся ценные для нашего исследования сведения о работницах фабрик «Каспийская мануфактура» и табачной фабрики А.М. Михайлова.

В Фонде 30 – Строительное отделение дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура были изучены: дело № 2 «Рапорты командующего войсками ген.-л. КН. Меликову от исполняющего должность начальника работ в Дагестанской области Винче»; дело № 3 «Ведомость о расходах на разработку дорог в Дагестанской области в 1860 г.» и дело № 12 «Постановления и протоколы отделения о рассмотрении и утверждении смет и проектов, 1889–1918 гг.»

Из материалов дела № 295. «Планы, сметы, проекты, ведомости по вопросам строительства и ремонта дорог и сооружений, 1857–1920 гг.» и дела № 80. «Дело по шоссированию 6 верст Шуринско-гунибсой дороги и по устройству деревянных

и четырех рельсовых мостов» фонда 52 – Дагестанское отделение управления Кавказского округа путей сообщения, г. Темир-Хан-Шура были исследованы приказы и циркуляры Министерства путей сообщения и Управления Кавказского округа, проектная документация, планы, сметы, проекты, ведомости по вопросам строительства и ремонта дорог и сооружений в Дагестане. Мы использовали сведения, касающиеся привлечения женщин военной администрацией к дорожным работам.

Большую ценность для нашего исследования представляют материалы фондов 54 и 77, раскрывавшие становление и развитие светской системы образования в Дагестане. В данном фонде широко представлен материал о женских учебных заведениях Темир-Хан-Шуры, Дербента, Порт-Петровска. усилия гражданских и военных властей в данном вопросе.

В деле № 2. «Аттестаты зрелости, свидетельства об окончании того или иного класса, экзаменационные и опросные листы, табели и сведения об успеваемости учащихся, 1904–1919 гг.» фонда 54 – Петровская женская гимназия Кавказского учебного округа были исследованы документы, дающие возможность проследить динамику изменения женского светского образования.

В делах № 3 «Протоколы педагогического и попечительского советов, докладная записка о ремонте здания,1881–1914 гг.» и № 9 «Сведения об успеваемости, аттестаты, свидетельства об окончании гимназии и др., 1881–1914 гг.» фонда 77 – Темир-Хан-Шуринская женская гимназия (Кавказского учебного округа) содержится документация за период с 1881 по 1914 годы. По материалам дела можно проследить деятельность педагогического состава женской гимназии и попечительского совета. В деле имеются сведения, касающиеся ремонта гимназии. Представлены сведения об успеваемости учениц, а также аттестаты и свидетельства об окончании гимназии.

В описях 2 и 3 фонда 126 – Канцелярия начальника Дагестанской области изучены дела №№ 21, 42, 56 и 98. Так, в деле № 42 содержатся сведения о первой крапповой фабрике г. Дербента, о рабочих этого предприятия, условиях труда. В деле № 56 содержатся сведения о табачных фабриках Дагестанской области за период с 1872 по 1878 гг. По материалам дела № 98 «Прошение горожан об открытие клуба

в Темир-Хан- Шуре», можно проследить динамику модернизации социально-культурной жизни горожан, специфику досуга.

В фонде 133 – содержится большая коллекция документов, освещающая борьбу народов Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля.

В материалах дела № 29 «Иск о разделе имущества» и дела № 33 «Иск о возврате кебинных денег, фонда 148 – Самурский окружной суд исследованы иски женщин к мужьям в судебные органы. Дело № 2 «Иск на долю наследства» этого же фонда касается требований дочери на долю отцовского наследства. Аналогичные требования содержатся в материалах дела № 2 фонда 173 – Гунибский окружной суд.

В делах №№ 291 и 539 фонда 379 – Кизлярский комендант содержатся сведения, касающиеся политики военных и гражданских властей в отношении аманатов.

Большую ценность для исследования представляют материалы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН):
Ф.3. Оп.3. Д. 67. – Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX-начале XX в.; Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. – Далгат Б.К, Материалы по обычному праву даргинцев; Д. 59. – Адаты аварцев (на аварском языке и перевод к ним), Адаты селения Урада, Адаты селения Хутода, Адаты селения Гента; Д. 1662. – Адаты сел. Тидиб.

Сочетание в источниковой базе документов из архивов федерального значения с документами, выявленными автором в архиве Республики Дагестан, помогло оценить специфику воздействия военного фактора на женскую повседневность.

Несмотря на то, что тема женской повседневности в архивных документах отражена фрагментарно, находки представляют большую ценность.

Что касается *опубликованных источников*, то основную массу их составили сборники официальных документов, письма и воспоминания очевидцев и у частников событий Кавказской войны, периодическая печать; законодательные источники, справочные издания, публицистика.

Проанализированы также приказы, донесения, переписка военных и гражданских властей, которые отражают политику русских властей в отношении кавказских народов, специфику повседневной жизни [94].

Тут ведущее место принадлежит Актам, собранным Кавказской археографической комиссией (АКАК) в редакции А. П. Берже [95]. В АКАК собран и систематизирован огромный фактический материал по истории Кавказской войны, среди которого имеются сведения, в той или иной форме затрагивающие женскую повседневность. В АКАК были опубликованы переписки гражданских и военных чинов, касающиеся судеб детей-аманатов, их материального обеспечения, образования и воспитания, различные аспекты взаимоотношений властей с их семьями[96].

Большую ценность для освещения исследуемой нами проблемы представляют «Записки о Шамиле» пристава царского правительства при пленном Шамиле, А.И. Руновского, опубликованные в АКАК[97]. А.И. Руновский, находясь в течение длительного времени в период пребывания имама Шамиля в Калуге, запечатлел в своих записках интересные наблюдения о жизни семьи имама, о его женах, дочерях и невестках. В дневнике нашли отражение и сложные взаимоотношения между членами его семьи .

При всей значимости АКАК для диссертационного исследования, материал публикаций, безусловно, требует критического отношения при детальном анализе различных аспектов проблемы. Учитывая, что авторы материалов, опубликованных в АКАК, являлись выразителями имперской идеологии, то им был свойственен определенный субъективизм в оценке событий той эпохи.

---

[94] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIXв.: Сборник документов. М.: 1888; Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского, около 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. // Сб. документов. Махачкала, 1959.

[95] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1866-1904.

[96] АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис. 1875. С. 39: АКАК. Т.VIII. С.651; АКАК Т.XI. Тифлис. 1888. С.63.

[97] Руновский А. Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской археограф. комис.1904. Т.12.

Наконец, еще одну группу источников составляют *историко-этнографические.* Адаты представляют большую ценность для диссертационного исследования[98]. С окончанием Кавказской войны началась работа кавказской администрации по сбору и систематизации материалов по дагестанским адатам, их переводу на русский язык.

В 1899 году были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» [99], в которых содержались сведения об адатах Даргинского, Гунибского, Аварского, Кайтаго-Табасаранского и Закатальского округов: частные адаты наибств и отдельных селений. В оценке адатно-правовой системы у народов Дагестана, многие дореволюционные исследователи сходились во мнение, что она была относительно единообразной[100]. Так, по мнению М. М. Ковалевского, дагестанские народы придерживались «более или менее одинаковых начал права»[101]. А имеющиеся в адатах различия, выражались лишь в разнообразных формах санкций общества по отношению наказания виновного[102], что отмечалось как дореволюционными исследователями, так и современными.

Для специалиста в области гендерной истории особенную ценность представляют также *источники личного происхождения* (мемуары, дневники, письма и воспоминания очевидцев и участников событий Кавказской войны)[103]. Воспомина-

---

[98] Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872 Вып.VI; Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII; Адаты южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ.Тифлис, 1875. Вып. VIII; Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // // ССКГ.Тифлис 1875. Вып. VIII.

[99] Сандрыгайло И. Я. (ред.) Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе. 1899.

[100] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. С. 24–25; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. М.: МНТПО «АДИР», 1992. Вып. I. С. 9; Дубровин. Очерк Кавказа. Т. I. С. 228.

[101] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М,, 1890 .Т. П. С. 9.

[102] Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис. 1899. С. 9; Халифаева А.К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала. 2004. С.14.

[103] Скалон Ф. П. Истребление аварских ханов в 1834 году. Отрывок из рукописи подполковника генерального штаба, Неверовского. СПб. 1848**;** Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году. СПб., 1851; Воспоминания кавказского офицера// Кавказ. 1854. № 17; Пржецлавский П. Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского 1862-1865. Русский сборник. 1877; Волконский С. М. О декабристах (по семейным воспоминаниям). СПб, 1998; Ермолов А.П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской

ния очевидцев трагических событий Кавказской войны, царских генералов и офицеров, воевавших на Кавказе, дают нам возможность воссоздать ту эпоху через призму эмоций и переживаний непосредственных участников.

В работе использованы воспоминания соратников Шамиля, его помощников Гаджи-Али[104] и Абдурахмана из Газикумуха[105], которые помогают реконструировать повседневную жизнь населения в годы военных событий, отражают специфику женской повседневности и влияние военного фактора на ее семейное и социальное положение.

К сожалению, практически не осталось авторского свидетельств женщин, их дневников и писем, которые могли бы рассказать об этом времени через призму женского восприятия. Исключение составляют письмо ханши Нух-бике генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову, командующему войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае [106] и письмо невестки Шамиля Керимет[107] к Главнокомандующему, князю Барятинскому; они бесценны по своей уникальности.

Отсутствие авторских свидетельств женщин, по справедливому замечанию П.П. Щербинина, ранее защитившему диссертацию о военном факторе в жизни россиянок, «неизбежно требует придирчивого и внимательного изучения максимально широкого круга источников»[108], которые помогут реконструировать военную повседневность женщины.

войны XIX века. СПб., 2000; Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.

[104] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995.

[105] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1997.

[106] Письмо мехтулинской ханши Нох-бийке генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову (1850 г.). URL:http://kumukia.ru/?id=1094 [дата обращения: 18. 02. 2019]

[107] Керимет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики// Исторический вестник, №9. 1910. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm . [Дата обращения: 02.12.2018].

[108] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, 2004. С. 16.

Поэтому мы сочли нужным привлечь также *материалы периодической печати* - «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ)[109], «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) [110], журналы: «Кавказский сборник» (КС)[111], «Военный сборник» (ВС)[112], Исторический вестник (ИВ)[113], Вестник Европы (ВЕ)[114]. В них регулярно печатались не только сведения о военных операциях на Кавказе, но и материалы, отражающие повседневную жизнь и нравы народов Дагестана, специфику их труда, отношения с русскими властями.

В частности, в «Сборнике сведений о кавказских горцах» [115]. в 70-е годы XIX века были опубликованы адаты дагестанских народов, которые в этом издании в

---

[109] Воронов Н. И. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1; Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1868 Вып. 1; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ.– Тифлис, 1868. Вып. 1; Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II; Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II; Низам Шамиля // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3; Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. 3. – Тифлис, 1870; Лиль-Адам В.В. Две недели в Даргинском округе // ССКГ. Тифлис, 1875 Вып. 8; Омаров А. Как живут лаки. //ССКГ. Тифлис,1870 Вып.4; Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36.

[110] Дебиров Г. М. Дагестанские предания и суеверия// СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4; Карапаилов О. Аул Чох // СМОМПК. Тифлис , 1884. Вып. 4.

Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской области // СМОМПК. – Тифлис, 1889. Вып. 8; Описание Кавказского шелководства // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып.11; Словинский А. И. Общие выводы относительно промысловых занятий в Закавказье // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 11; Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. Тифлис,1894. Вып.19; Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Тифлис, 1894 Вып. 20; Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31.

[111] Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом //Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886; Волконский Н. А. Окончательное покорение Восточного Кавказа. Кавказский сборник. Т.IV. Тифлис, 1879; Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Кавказский сборник. 1902.

[112] А.- Д. Г. Поход 1845 года в Дарго// Военный сборник. Тифлис, 1859. №5; Шамиль и Чечня // Военный сборник, № 9. 1859; Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. – 1860.№ 12; Руновский А. Канлы в немирном крае. Военный сборник. 1860. № 7; Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. 1862. № 22; Глиноецкий Н. П. Поездка в Дагестан // Военный сборник. Тифлис,1862. № 24;

[113] Эпизоды из Кавказской войны // Исторический вестник, № 6. 1896; Керимет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики // Исторический вестник, № 9. 1910.

[114] Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. – 1860.№ 12; Он же. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т.3. №9

[115] Воронов Н. И. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1; Из горской криминалистики // ССКГ.Тифлис, 1868 Вып. 1; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1; Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II;

70-е годы XIX века[116]. В исторических записках «Мехтулинские ханы» и «Шамхалы Тарковские», контексте политических связей и сословных отношений, имеются интересные сведения об участие женщин в политической жизни – о ханше Нухбике, вдове Ахмет-хана Мехтулинского, [117] о вдове Аслан-хана Казикумухского – Умма-Гюльсум-бике [118]. Материалы сборников позволили получить сведения по горской криминалистике и судебной практике, выявить информацию о преступлениях против женщин и мерах наказания [119].

В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» с 80-х годах XIX в. нами были выявлены ценные для нашего исследования материалы по этнографии народов Кавказа. Так, например, в Историческом вестнике были обнаружены интересные сведения, характеризующие повседневную жизнь семьи имама Шамиля, внутрисемейные взаимоотношения[120].

Следует, однако, отметить, что многие публикации периодических изданий грешили тенденциозностью, а оценка суждений авторов субъективностью. Это и понятно, учитывая, что многие авторы были представители самодержавия, из числа генералов и офицеров.

Среди источников особо необходимо отметить газету «Кавказ», которая издавалась с 1846 года в Тифлисе. На ее страницах помещалось много интересного содержательно материала по народам Кавказа в целом, и Дагестана, в частности. Среди разнообразных по характеру публикаций нами были обнаружены ценные

Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II; Низам Шамиля // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3; Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870; Лиль-Адам В.В. Две недели в Даргинском округе // ССКГ. Тифлис, 1875 Вып. 8; Омаров А. Как живут лаки. //ССКГ. Тифлис,1870 Вып.4; Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36.

[116] Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Вып.VI. Тифлис, 1872; Адаты даргинских обществ // ССКГ, Вып.VII. Тифлис, 1873; Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873; Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875.

[117] Мехтулинские ханы.//ССКГ. Вып.II. Тифлис. 1869. С.8;

[118] Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Вып.II. Тифлис. 1869. С. 29-30.

[119] Из горской криминалистики // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868; Из горской криминалистики // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870; Из горской криминалистики (криминальные случаи) // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870.

[120] Эпизоды из Кавказской войны // Исторический вестник, № 6. 1896; Керимет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики // Исторический вестник, № 9. 1910.

сведения, отражающие семейную жизнь дагестанских народов, положение женщины[121]. В газете публиковались как русские, так и дагестанские исследователи, что нередко вызывало полемику относительно семейных взаимоотношений, положения женщины в традиционном обществе.

Была использована справочная литература [122], Обзоры Дагестанской области[123], Кавказские календари (КС)[124], первый серийный справочник по Кавказу, где публиковались материалы по этнографии края, воспоминания участников Кавказской войны, приводились статистические сведения.

Следует выделить источники законодательного характера (Свод законов Российской империи, к которому примыкали обширные сборники законов, положения и отдельные нормативные акты) [125], которые позволили исследовать тенден-

---

[121] Кумык (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. "Кавказ". 1848. № 43;
Воспоминания кавказского офицера// Кавказ. 1854. № 17; «Нечто о Чечне» и пр. г. Клингера. Газета «Кавказ» 1856 г. № 97. Абельдяев Н. М, Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. Кавказ. 1857 № 50; Бахтамов И. М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30; Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ.1867.№ 71; Костемеровский И.С. Салаватия // Кавказ. 1878. № 1; Алиханов-Аварский А. М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев// Кавказ. 1896. № 223; Воронов Н. Критика и библиография газеты «Кавказ». Оттиск. б.г.; Козубский Е. И. Темир-Хан- Шуринская женская гимназия. // Кавказ. № 271, 1901.

[122] Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 1; Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис, 1886.
«Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890; «Дагестанская область» (1891год). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения // КК на 1893 год. Тифлис, 1892.

[123] Обзор Дагестанской области за 1870 г. Темир-Хан-Шура, 1871; Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1890; Календарь Дагестанской области на 1901г; Обзор Дагестанской области за 1903. Темир-Хан-Шура, 1904; Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916.

[124] Кавказский календарь» на 1847 г. Типография Канцелярии наместника Кавказа. Тифлис. 1846; Кавказский календарь на 1910 год. Типография Канцелярии наместника Кавказа. Тбилиси. 1909.

[125]Полное собрание законов Российской империи. Т.20. – СПб.: 1830; Полный свод законов Российской империи. Т. XVII. 1842 г; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т.8/1. СПб, 1830; Свод законов Российской Империи. Т.IX. Законы о состояниях. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. СПб. 1857; Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Спб., 1884; Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. Собр. действующих законоположений и распоряжений о част. учеб. заведениях и о домаш. обучении / А.М. Лаурсон. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1912; Свод законов Российской империи. Т.2: Учреждение гражданского управления казаков. П-г., 1915.

ции развития российского законодательства в отношении народов Кавказа в целом, и Дагестана, в частности. Изучить динамику изменения правового положения женщины.

Положение женщины в семье и обществе, особенности женского самовыражения, гендерная специфика самобытной культуры дагестанских народов отражаются в таком уникальном источнике как фольклор, который мы активно использовали в исследовании[126]. Изучение фольклорных источников (пословиц, поговорок, народных притч) способствовало интерпретации реалий семейных взаимоотношений, статуса женщины в семейной иерархии.

Комплексное использование разнохарактерных по своему содержанию источников позволило нам раскрыть тему диссертационного исследования.

[126] Лезгинский фольклор / сост. А. Гаджиев; на лезгинском языке. Махачкала: Даггосиздат, 1941; Лакские народные песни / подгот. текста, сост., предисл. и коммент. Х. М. Халилова; на лакском языке. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1970; Даргинские народные песни / подгот. текста, сост., предисл. и коммент. З. Магомедова и Ф. Алиевой; на даргинском языке. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1970; Халилов Х. М. Гендерные роли в фольклоре лакцев // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008; Абакарова Ф. З. Мужественность и женственность в детском фольклоре народов Дагестана // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008; Мутиева О.С. Отражение социально-правового статуса женщины в духовной культуре и фольклоре народов Северного Кавказа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2014. №2. С. 246-248; Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. / под ред. проф. М. И. Магомедова; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2017. Т. 6. Обрядовая поэзия / сост. Х. М. Халилов, Ф. А. Алиева; отв. ред. А. М. Аджиев.

ГЛАВА 1. ВОЕННЫЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН ДАГЕСТАНА (1817-КОНЕЦ XIX ВЕКА)

1.1. Женская повседневность в реалиях военного времени: практики выживания

Кавказская война оказала колоссальное влияние на повседневную жизнь дагестанских народов, чья жизнедеятельность на протяжении длительного периода осуществлялась под властью событий большой истории. В ответ на эти обстоятельства общество искало способы и стратегии выживания, приспосабливаясь к реалиям военного времени. Непреодолимому воздействию военного фактора подверглась женская повседневная жизнь: домашний и общественный труд. В поисках путей адаптации к экстремальным условиям жизни у женщин сформировалась новая жизненная стратегия, а вместе с ней и опыт выживания.

Для интерпретации повседневной жизни женского социума требует уточнения ряд социально-экономических и культурных факторов, которые определяли своеобразие развития Дагестана в исследуемый период.

1) Исторически Дагестан представлял собой регион, где сложились историко-географические области: горный, предгорный и низменный, каждый из которых характеризуется своим типом хозяйственно-экономической деятельности, гендерными особенностями домашнего и общественного труда.

2) Территориальные признаки края, этническое и культурное своеобразие сказывались на облике семейного и общественного быта дагестанских народов.

3) На специфику повседневной жизни людей существенное воздействие оказывали обстоятельства, под чьей властью находилось население русской военной администрации или имамата (военно-теократическое государство). На территории, подвластной русским войскам, важным определяющим критерием являлась лояльность населения к Российской империи, а имамата – поддержка идеологии мюридизма и соблюдение законов шариата.

Проявляя лояльность и сотрудничая с властями, а нередко и умело лавируя между ними, люди находили оптимальные пути адаптации к новым реалиям жиз-

ни. Приспособления отражают «базовые ценности и механизмы повседневности»[127]. Ценности, в свою очередь, определяют стратегию поведения людей в повседневной жизни, в том числе и в экстремальных условиях войны.

Обстоятельства военного времени существенным образом сказывались и на повседневной жизни женщин Дагестана. Общей тенденцией для дагестанских семей являлось ухудшение жизненного уровня, которое практически находилось на грани физического выживания. По имеющимся сведениям, все ресурсы были направлены на нужды многолетней кровавой войны, а тяготы повседневного быта тяжелым бременем ложились на плечи женщин[128]. По справедливому замечанию С.Н. Шульгина, особенно тяжело приходилось женскому населению в период активных военных действий, в условиях многодневной осады аулов[129]. Чтобы выжить в этих неимоверно тяжелых условиях, они были вынуждены умерить и без того неприхотливые потребности своей семьи в еде, в одежде, в предметах домашнего обихода.

В условиях социально-экономического кризиса, вызванного Кавказской войной, существенным образом трансформировалось содержание каждодневного женского труда. С одной стороны, для женщин сохранялся привычный объем хозяйственных работ, где существовало четкое разделение труда по признаку пола. Данный порядок, по мнению многих исследователей, являлся приспособлением к местным климатическим условиям и не вносил особых противоречий в процесс труда[130]. С другой стороны, в силу объективных причин, некогда четкие гендерные

---

[127] Цит: Капкан, М. В. Культура повседневности: [учебное пособие] | М.В. Капкан. Мин-во образования и науки Рос.Федерации, Урал.федер.ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал, 2016. С. 19.

[128] См.: Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф. 2011.С.8; Даниялов Г.-А.Д.. Имам Шамиль. Махачкала: Издательско-полиграфическое отделение «Юпитер». Т.III. 1996. С. 55; Ибрагимова Марьям. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С.199; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.С. 387; Хайбулаев М.Р. Женщина на Кавказской войне// Кавказская война: уроки истории и современности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 617.

[129] См.: Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис. 1910. Типография К.П. Козловского. С.14.

[130] Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин 19 – начало 20 в. М., 1978; Гаджиева М.И., Омаршаев А.О. Семья народов Дагестана в историческом развитии: Часть 1. Махачкала: РИЦ «Стиль», 2000 г. С. 129. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С.62.; Свечин, 1853. С.63; Неверовский А.А. Краткий взгляд на

границы труда стали нарушаться. По причине ограниченности средств для пропитания и недостатка мужской поддержки женщины были вынуждены взваливать на свои плечи все тяготы военного времени, все заботы и обязанности по хозяйству. Чтобы обеспечить минимальные потребности семьи в «хлебе насущном» и сохранить самый скромный достаток, женщинам приходилось проявлять удивительную изворотливость и смекалку.

Длительные военные действия заставляли ломаться сложившиеся в традиционном дагестанском быту представления о женском и мужском труде. В исследуемый период половое распределение хозяйственных обязанностей, разнилось на территории расселения дагестанских народов, получив этическое и психологическое закрепление в традициях и обычаях народа. Так, существовали женские работы, которые ни при каких обстоятельствах дагестанские мужчины не выполняли, а также существовали сугубо мужские работы.

Наиболее точно причину разделения труда между мужчинами и женщинами, выразил известный русский этнограф и кавказовед Г.Ф. Чурсин. Автор полагал, что военизированный уклад жизни дагестанских народов способствовал тому, что у всех дагестанских народов в большей степени в хозяйстве были загружены женщины, нежели мужчины[131].

Вместе с тем, в семейном быту, обязанности распределялись таким образом, что мужчина не вмешивался в домашние дела женщин. Многие дагестанские этнографы отмечали, что женщина доминировала в домашнем быту как полноправная хозяйка[132].

Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях // Военный журнал.1847. № 5. С.29; Каранаилов О. Аул Чох // СМОМПК. 1884. Вып. 4. С.11.

[131] См.: Чурсин Г.Ф. Авары: этнографический очерк. Махачкала, 1995. С. 17.

[132] Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX- началоXX в.). М.: Наука, 1979; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985; Она же. Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы,1980; Гаджиева М.И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии: Часть 1. Махачкала: РИЦ «Стиль», 2000. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001; Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX - начало XX века). Махачкала, 2007.

Круг домашних повседневных обязанностей женщины, в силу сложившихся традиций, был очень обширным: готовка еды, обеспечение семьи водой, стирка, поддержание порядка в доме, уход за скотом и птицей в домашних условиях и пр. Кроме того, женщины занимались заготовкой топлива, сена, продуктов впрок. Воспитание детей и уход за родителями мужа тоже лежал на женщинах.

Каждодневной обязанностью женщины являлась готовка еды для всей большой семьи. Это был достаточно трудоемкий процесс, который требовал от женщины выполнения ряда сопутствующих обязанностей, таких как выпечка хлеба, доставка воды из родника и заготовка топлива.

Особое значение придавали выпечке хлеба, которая являлась давней культурной традицией. Выпекание хлеба происходило в глиняных печах (кIара, корюк), которые имелись практически в каждом дворе. Если таковой печи не было, то хозяйка, как правило, отправлялась к родственницам или к ближайшей соседке. Кроме того, существовали и общественные печи, где раз в неделю собирались женщины со всего села, чтобы испечь хлеб для большой семьи. Выпечка хлеба требовала подготовительного процесса: муку для приготовления хлеба должны были предварительно намолоть на мельнице, донести до дома. Как правило, технология приготовления теста для хлеба (на сыворотке или простокваше), давала возможность не выпекать его каждый день. Длительное время хлеб не черствел и не прокисал. Общественная печь в селе являлась также местом общения женщин разных возрастов и обсуждения последних новостей.

Безусловно, война меняла привычный уклад жизни людей, адаптируя его. Неизменными оставались повседневные обязанности женщин, которые они привычно выполняли в самых экстремальных условиях. Так, например, все женщины в осажденных аулах должны были готовить хлеб для мюридов. По сведениям М.И. Ибрагимовой, во время осады Ахульго даже старые женщины помогали в меру своей возможности: они «мололи зерно вручную»[133], чтобы обеспечить скудной едой мюридов и их семьи.

[133] Ибрагимова М.И. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С. 200.

С. Н. Шульгин в своей книге, ссылаясь на Сейида Абдурахима, отмечал эту бытовую часть из жизни осажденного Гуниба, когда женщины, как ни в чем не бывало, готовили еду для мюридов, чтобы те могли подкрепить свои потраченные во время кровавого боя силы [134]. Этим атрибутом мирной жизни женщины, безусловно, вселяли надежду всем, кому предстояло пережить долгие месяцы осады.

Казалось бы, обычная повседневная обязанность женщины – снабжение семьи водой из родника, но в условиях военного конфликта она превращалась в экстремальность. У дагестанских народов такое занятие традиционно являлось исключительно женской обязанностью. Обратив внимание на эту повседневную обязанность женщины, Джон Баддели подчеркивал в своей работе, что для горцев набрать воды из родника, было крайне недостойным занятием [135].

Н. Львов, характеризуя хозяйственные обязанности женщин горных аварских сел, отмечал, что доставка воды из родника возлагалась преимущественно на женщин, «занимающихся стряпаньем» [136].

Для самих женщин такая обязанность не была «недостойной», а скорее, самой желанной, так как давала возможность вдоволь пообщаться в кругу аульских женщин у родника. Если местом для общения у мужчин был аульский годекан, то для женщин таким местом был родник, как одна из форм женского досуга[137]. В каждом ауле можно было по утрам и вечерам увидеть картину, как женщины с медными кувшинами на спине направляются к роднику за водой, который находился в центре аула. Здесь обсуждались новости аула, проблемы семейной жизни, девушки рассказывали свои сердечные тайны.

Н. Львов, находясь, долгое время в горных аварских аулах, сумел запечатлеть в своих этнографических заметках неповторимую атмосферу женского общения у родника. По наблюдениям автора, здесь имело место и обсуждение аульских ново-

---

[134] См.: Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1910. С.14.

[135] См.: Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 8.

[136] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. С. 5.

[137] Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С.138.

стей (хабаров), проклятие недругов и сплетни, злословие и хвастовство[138]. Общение у родника хоть на какое-то время давало женщинам и девушкам возможность отвлечься от повседневных домашних хлопот.

С бытовой точки зрения, в военных условиях снабжение семьи водой из родника можно отнести к тяготам военного времени. Учитывая, что источник, как правило, находился достаточно далеко от дома, то женщинам приходилось приложить неимоверные условия, чтобы обеспечить семью водой. Как отмечал Д. Баддели, важным обстоятельством для населения осажденного аула было, чтобы источник воды был на территории, защищенной от неприятеля[139]. При осаде аулов в местах, где проходили военные сражения, женщины, рисковали быть убитыми во время похода к роднику, так как это место обстреливалось со всех сторон. Усугублялась ситуация во время многодневного непрекращающегося обстрела аула, когда все подступы к роднику были перекрыты. Единственной возможностью избежать огня были пещеры. Набрать воды в этих экстремальных условиях было героическим поступком даже для мужчин. По имеющимся сведениям, женщины, чтобы обеспечить водой всех тех, кто находился в осажденном ауле, под обстрелом опускались к бурной реке, а затем, по труднопроходимой тропинке карабкалась вверх[140]. На помощь матерям спешили дети, которые, рискуя жизнью, пытались утолить жажду изможденных жителей осажденного аула. Так, в осажденном ауле Ахульго, не страшась опасности, рискуя быть убитыми, «малые дети с кувшинами воды подползали к передовым позициям», чтобы утолить жажду защитников аула[141].

Сторона противника, понимая, что вода является для осажденного аула важным источником жизни, пыталась создавать всевозможные трудности. Так, по све-

---

[138] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. С.11.

[139] См.: Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.8.

[140] Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала: Издательско-полиграфическое отделение «Юпитер». Т.III. 1996. С. 55; См.: Хайбулаев М. Р. Женщина на Кавказской войне// Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научно-практической конференции, 19-22 мая 2004. С. 617.

[141] Ибрагимова М. И. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С. 200.

дениям М. Р. Хайбулаева, защитники Ахульго, чтобы снабдить осажденный аул водой, стали ставить кувшины в плетеные корзины, а вокруг засыпать землей [142]. Только такими мерами, по мнению автора, женщины могли донести кувшины которые царские солдаты обстреливали и дырявили, до аула[143]. По сведениям автора, женщинам приходилось по лестнице из колышек, вбитых в скалы, спускаться за водой, а затем, проделывать опасный путь обратно с полными кувшинами воды на спине, рискуя в любой момент сорваться с отвесных скал и погибнуть[144].

Любая минута у источника могла для женщины оказаться последней. По сведениям М.Р. Хайбулаева, трагически погибла у реки, заколотая штыками девушка Патимат[145]. Так как она была в мужской одежде, солдаты поняли, что она женщина и сильно удивились, когда шапка скатилась с ее головы[146].

Одну из таких трагических историй описала в своем историческом романе и М. И. Ибрагимова. По сведениям автора, в одну из ночей не дошли до источника и были сражены пулями неприятеля жена ашильтинского Юнуса Маазат и его мать Залму[147].

Несмотря на риск быть убитыми или попасть в плен, женщины ежедневно проходили опасный путь к роднику, который был источником жизни для защитников осажденных аулов.

Кроме того, вода выполняла сакральную функцию: была необходима для ритуального омовения во время молитвы, а также для омовения убитых мюридов. Несмотря на тяготы осады, постоянные обстрелы, как только наступала ночь, всех убитых жителей спешили похоронить. Пока мюриды рыли могилы на аульском кладбище, «женщины носили воду для омовения усопших»[148]. В случае, если не

---

[142] См.: Хайбулаев М. Р. Женщина на Кавказской войне// Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научно-практической конференции, 19-22 мая 2004. С.618.
[143] Там же.
[144] Там же.
[145] Там же.
[146] Там же.
[147] Ибрагимова М. И. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С.200.
[148] Там же. С.199.

было никакой возможности добыть воду, то совершали омовение землей (таяммум), которое было допустимо по исламу.

Другой, не менее важной обязанностью женщин являлась заготовка топлива, характер которого зависел от особенностей расселения дагестанских народов и этнических традиций. Так, по имеющимся сведениям, обязанностью женщин в горных аулах была заготовка таких видов топлива как кизяк, бурьян, хворост, даже дрова[149]. Основной вид топлива в горах был кизяк, который заготавливался исключительно силами женщин. Популярность данного вида топлива объясняется тем, что кизяк изготавливался с навоза и был доступен для большинства населения аула. О хорошей хозяйке в горах судили по количеству заготовленного кизяка, который она, как правило, выставляла на общее обозрение, на крыше своего дома.

В отличие от кизяка, заготовка бурьяна, хвороста и дров была более трудоемким процессом, которым в горах занимались преимущественно женщины. В военных условиях из-за больших потерь мужского населения переноской разного рода тяжестей, в том числе и дров, разумеется, приходилось заниматься женщине.

Так как лес находился далеко от аула, то женщине приходилось приложить немало усилий, чтобы обеспечить семью дровами. Кроме того, примечательно и то, что ишака как помощника в хозяйстве, могла позволить себе не каждая семья горца. Многие современники, описывая нравы и обычаи горских народов, запечатлели в своих работах тяготы дагестанских женщин по заготовке дров. На примере жителей аварского аула Орода Н. И. Воронов отмечал, что иногда весь день уходил у женщины, чтобы доставить дрова домой. По наблюдениям автора, выйдя утром из дому, только к вечеру женщины успевали вернуться назад с вьюком дров[150].

Привычные к каждодневному рутинному труду, женщины порой и не замечали всех этих тягот. Добавим к этому и домашние обязанности женщин, от которых они не были освобождены.

---

[149] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. С.5; Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868; Абдулла Омаров. Этнографические очерки. Как живут лаки// ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.4. С.24.

[150] Воронов Н. И. Указ. соч. С.36.

Аналогичные наблюдения можно встретить у военного историка Н. Ф. Дубровина, который отмечал тяжелую участь женщины-горянки, на которую возлагалось снабжение хозяйства дровами[151]. При этом, особо подчеркивал, что в домашнем быту горца женщина и ишак – одинаково нагружаются[152]. По глубокому убеждению автора, дагестанская женщина есть не что иное, как рабочий скот, не имеющий ни минуты отдыха [153].

Описывая нравы и обычаи у горских народов, П. Г. Пржецлавский также обратил внимание на многочисленные хозяйственные обязанности женщин, подчеркнув, что на протяжении всего трудового года, от весны до глубокой осени, женщины и рабочий скот одинаково эксплуатируются[154]. Наблюдая за повседневной жизнью горного аула, автор отмечал, что всю тяжелую работу по хозяйству выполняли женщинами и ишаками[155].

Конечно, такие повседневные обязанности женщины-горянки, для человека, воспитанного в иной культуре могли показаться слишком суровыми, даже экстремальными. Однако, для традиционного мировоззрения народа, веками наблюдающего такую картину, ничего необычного в этом не виделось.

Как уже отмечалось выше, гендерные сферы труда менялись в силу территориальных и культурных традиций народов. Имелась своя специфика женского труда у равнинных и горных народов. Например, в отличие от горного Дагестана, на равнине женщины никогда не занимались переноской тяжестей. Устоявшийся экономический уклад жизни населения низменных районов Дагестана, способствовал тому, что заготовкой дров на низменности повсеместно занимались мужчины. Кроме того, для перевозки использовали обычно арбу, что существенно облегчало процесс труда.

---

[151] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С - Петербург, 1871. Т.1. Ч.1. Кн. 1. С.551.
[152] Там же.
[153] Там же.
[154] Пржецлавский П. Г. Дагестан: его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №3
[155] Там же.

В силу объективных причин мужчинам горных аулов нередко приходилось самим занимались заготовкой и перевозкой дров. Например, в аулах Анди и Ботлих, которые граничили с территорией соседней Чечни, заготовкой дров занималось исключительно мужское население. Лесные массивы были расположены далеко от аулов, что исключало привлечение женского населения к заготовке дров.

На территории, подконтрольной имамату, заготовка дров проходила под надзором[156], разрешением и строгой регламентацией количества[157]. В имамате сурово наказывали за бездумное уничтожение деревьев[158]. Для жителей даргинских и лакских аулов, проживающих в безлесных местах и в горных долинах, для сбора дров и хвороста женщинам назначались специальные дни[159].

Такие запретительные меры объясняются нехваткой дров, что стало следствием массовой вырубки лесных массивов со стороны русской армии. Среди военного командования утвердилось мнение, что без уничтожения лесов, которые во время военных действий являлись надежным убежищем для местного населения, завоевание края было бы невозможно. Видя эффективность таких мер, русские систематически прибегали к такой практике, чтобы принудить местное население к покорности.

Последствия от массовой вырубки лесных массивов, население горной части Дагестана испытывало на себе еще долгое время после окончания военных действий. Н. И. Воронов, оказавшись в Дагестане после Кавказской войны, отмечал, что жители аула Тилетль Гунибского округа, жаловались, что для их нужд не хватало лесных угодий. При этом автор подчеркивал, что лесных массивов и до войны не было много, но в период военных событий и те скудные леса, «солдаты вырубили»[160]. Описывая в своих этнографических очерках Гуниб и его окрестности, автор

---

[156] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания. Х.М. Хашаева М., 1965. С.109; Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.42,69.
[157] Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.9.
[158] Там же.
[159] Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.С.42,69.
[160] Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану. Гуниб и его окрестности // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 1II. С.5

обратил внимание, что жители отапливали свои сакли саманом или кизяком, и очень редко дровами[161]. По мнению автора, в силу того, что вязанка дров стоила 20-25 копеек, население было вынуждено довольствоваться подручными средствами[162].

По данным автора, жители аула Хоточ Гунибского округа сетовали на то, что русскими истреблялись леса, и им в скором времени «топить будет нечем»[163]. Конечно, эти обстоятельства приводили к тому, что единственной возможностью обеспечить семью топливом оставался кизяк. Но массовый убой скота на нужды войны, сказывался и на нехватке навоза для изготовления кизяка. Что, очевидно, и вызывало беспокойство жителей аула Хоточ.

При таких обстоятельствах проблема заготовки топлива для женщин горных аулов, многократно усиливалась. При хроническом дефиците древесины жители приграничных аулов были вынуждены переходить на подручные средства. Помимо дров и кизяка, в качестве топлива широко использовали хворост и бурьян. В процесс заготовки вовлекалось все женское население аулов, а также дети. Так, например, по свидетельству А. Омарова, сбором бурьяна у лакцев в течение нескольких недель занимались все женщины, независимо от возраста[164].

Учитывая, что заготовка топлива происходила далеко от аула, женщины рисковали стать жертвами оскорбления, а нередко и физического насилия со стороны посторонних мужчин. По данным горской криминалистики второй половины XIX века, были случаи, когда женщины становились жертвами насилия со стороны военных, живших в близлежащих гарнизонах. В частности, одной из жертв стала жительница аула Бахлух Аварского округа Парида[165]. Из материалов дела следовало, когда она вместе со своими сельчанками ходила в лес за дровами, один из солдат,

---

[161] Там же.
[162] Там же.
[163] Там же. С.11
[164] Абдулла Омаров. Этнографические очерки. Как живут лаки. //ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С.24.
[165] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 1II. С.14.

пасших казенных лошадей, толкнув Париду локтем, показал ей неприличное место [166].

Очевидно, что, пользуясь беззащитностью женщин, которые находились далеко от аула и не могли призвать на помощь никого, военные гарнизона допускали фривольные шутки, оскорбления, унижения. В данном случае, по имеющимся сведениям, девушка Парида стала жертвой изнасилования военных[167].

Другой, не менее важной обязанностью женщин была заготовка и доставка сена для домашней скотины. От заготовленного впрок женщинами сена, зависела зимовка скота и благосостояние самой семьи. При нехватке сена не было возможности держать крупный и мелкий рогатый скот, от которого получали мясо, шкуру, шерсть и тд. Безусловно, заготовка сена зависела от условий местности и имела гендерную специфику. Так, например, в горных аварских аулах сено заготавливалось женщинами с помощью небольших серпов, которые давали возможность скосить сено на труднодоступных участках горных склонов. В некоторых горных аулах женщины заготавливали сено не только с помощью серпов, но и нередко вынуждены были брать в отсутствие мужа в руки косу[168]. Обычно косьба занимала несколько месяцев, а затем, засушенное сено доставлялось женщиной домой на своей спине или на осле, если он был в хозяйстве. В условиях военного времени, когда шли боевые действия, женщинам приходилось приложить немало усилий, чтобы обеспечить необходимым запасом сена домашнюю скотину.

Надо сказать, что и в наше время в некоторых горных районах Дагестана можно наблюдать аналогичную картину: женщины на собственной спине или на осле обеспечивают доставку сена для нужд семьи. Косьба являлась преимущественно мужским занятием у равнинных народов, кумыков, ногайцев. Так, по све-

---

[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Османов М.- З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX - начале XX в. Махачкала, 1990. С.111

дениям С.Ш. Гаджиевой, у кумыков заготовкой сена, как и большинством полевых работ, занимались мужчины[169].

Характер выполняемых полевых работ женщин варьировал на территории расселения народов Дагестана. Отчасти это было связано с географическим фактором, а также с многообразием культурных и семейных традиций дагестанских народов. В частности, у тюркских народов на равнинной части Дагестана женщины практически не привлекались к полевым работам, как правило, их труд ограничивался домашними работами и воспитанием детей [170]. Женщины-кумычки, будучи освобождёнными от полевых работ, большую часть времени отводили уходу за домом, готовке пищи, отчего слыли искусными хозяйками.

У населения южного Дагестана сфера женского труда также ограничивалась обязанностями по дому и домашними промыслами[171]. В то время как женщины горных районов Дагестана повсеместно выполняли все полевые работы. Это настолько сильно вошло в сознание народа, и даже бытовало мнение, что по обычаям мужчине не подобало заниматься полевыми работами. А если такое встречалось, то становилось предметом пересудов.

Так, Н. Львов, наблюдая за повседневной жизнью аварских аулов, обратил внимание, что традиционное общество с пренебрежением относилось к мужчинам, которые брались выполнять женские работы[172]. По мнению автора, даже если мужчина был вынужден это выполнять полевые работы в силу объективных причин, в народе о нем шла слава как о «бедном дураке»[173].

В силу того, вклад женщины в экономику горных районов был существенным, это поднимало авторитет женщины-горянки в глазах общества. По оценке К.

---

[169] Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографические исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961. С.62.

[170] Гаджиева С. Ш. Указ.соч. С.255; Она же. Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М: Наука. Главная редакция восточной литературы,1980.С.160.

[171] Глиноецкий Н. П. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.//Военный сборник. 1862. №. 24. С. 148.

[172] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. С.14.

[173] Там же.

Ф. Гана, по этой причине, в горах женщины обладали большей самостоятельностью и свободой, чем «на равнинной части у других магометанских народов»[174]. Кроме того, осознание того, что от ее каждодневного труда зависело благосостояние всей семьи, давало ей чувство морального удовлетворения.

В реалиях военного времени, когда мужское население было призвано на военную службу, на женщин и детей возлагался и объем мужских работ.

Учитывая, что во время военных событий многие пахотные земли пришли в непригодность, женщинам приходилось изыскивать малейшую возможность для обработки земельного участка, чтобы иметь минимальные средства для пропитания семьи. Причины такого бедственного положения горцев участник военных событий Р. А. Фадеев видел в непрерывных наступательных операциях русских, что в итоге, вынуждало людей покориться им. «Постоянно оттесняемые нашим наступлением, – писал автор, – не имея времени работать в поле, теряя, каждый месяц часть своих пашен и пастбищ, выгоняемые зимой на мороз с семействами<…>у людей не оставалось другого выбора как покориться»[175].

При самых неимоверных усилиях, затрачиваемых женщинами на обработку земли, продуктивность была самая низкая. Указывая на скудность урожая в годы войны, офицер Генерального штаба Мочульский отмечал, что продукты, получаемые жителями хватали на несколько месяцев[176]. Для остального же времени, по сведениям автора, население выменивало необходимые продукты у своих соседей[177].

На трудности, с которыми сталкивалось население в повседневных условиях военного времени, указывали и другие очевидцы тех военных событий. Генерал Р.Ф. Розен в 1830 году, будучи начальником дивизии и левого фланга Кавказской линии, при описание экономического состояния Аварского ханства, отмечал осо-

---

[174] Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года)// СМОМПК. Тифлис,1902. Вып. 31. С.78.
[175] Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003 С.132-133.
[176] Копия с рукописи сочинения Мочульского, бывшего офицера Ген. штаба «Война на Кавказе и Дагестане» часть I. Политическая 1844 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.1. Оп.1. Д.115. Л. 30.
[177] Там же.

бую бедность ее жителей[178]. По мнению автора, скудное хлебопашество было недостаточным для прокормления населения ханства[179].

В Аварском ханстве по поручению генерала И. Ф. Паскевича достаточно много времени провел Ф. П. Скалон. Наблюдая за жизнью жителей ханства, Ф. П. Скалон также обратил внимание на нехватку плодородной земли, бедность и нужду населения[180]. По наблюдениям автора, жителям Аварии приходилось приложить немало усилий, чтобы обработать каменистую почву, а урожая не хватало на прокормление самих жителей, не только на продажу [181].

На тяжелые условия жизни и нехватку средств на пропитание у населения Аварии указывал и штабс-капитан А. П. Щербачев, находившийся долгое время здесь на службе. По сведениям автора, весьма небольшое количество продуктов земледелия, едва обеспечивало бедных жителей дневным пропитанием[182].

Кроме того, недостаток пахотной земли объяснялся еще и тем, что военная администрация изымала часть земель для своих нужд. Например, на землях местного населения прокладывались стратегически важные дороги, о чем имеются сведения в архивных делах[183]. Архивные материалы свидетельствуют, что при строительстве дорог обычной практикой стал захват земель местного населения[184]. Власти сносили с линии дорог фруктовые деревья, пахотные поля, заборы, имущество местных жителей [185]. Предвидя возмущение местного населения, начальник Дагестанской области Л. И. Меликов приказал чиновникам в случае крайней необходимости вознаграждать хозяев[186].

Такие положение имело место повсеместно, где происходило строительство дорог. В частности, в архивном документе имеются сведения о том, что во время

---

[178] Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестан. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 291.
[179] Там же.
[180] Скалон П.Ф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 276.
[181] Там же.
[182] Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 298.
[183] ЦГА РД. Ф.52. Оп. 1. Д. 28. Л. 16; ЦГА РД. Ф.52. Оп. 3. Д. 7. Л. 6, Л.17.
[184] Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
[185] Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
[186] Там же.

строительства дороги из Темир-Хан-Шуры на Гуниб был отчужден фруктовый сад жителей аварского селения Кудали[187].

В этом же архивном деле отмечалось, что в 1860 -1861 годы при строительстве дороги от Темир-Хан-Шуры до Гуниба были изъяты земли жителей Мехтулинского ханства и Даргинского округа [188]. В их числе, были отобраны земли двух жителей селения Хаджал-Махи, с посевами и разбитыми на них фруктовыми садами [189].

Следует также отметить, что в селах, которые находились под властью русским, населению не дозволялось засевать пустующие поля[190]. Вместо этого, им предлагалось очищать заросли под поля. Очевидно, что в этих зарослях, русские власти видели опасность для себя, они могли стать убежищем для немирных горцев.

Разумеется, что такими методами царские власти пытались принудить население к покорности.

С другой стороны, женщины физически не могли выполнить весь объем полевых работ, отчего многие земли приходили в опустение[191]. Кроме того, в реалиях военного времени полевые работы становились опасным занятием для женского населения. Учитывая, что земельные наделы обычно находились за пределами аула, то женщины рисковали быть убитыми во время обстрела аула. Несмотря на опасность и возможную смерть, женщины спешили на полевые работы при малейшей возможности.

---

[187]Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 6.
[188] Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 6, Л.17.
[189] Там же. Л. 17.
[190] См.: Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.,2008. С.113–114.
[191] Воспоминания г-жи Дрансе, взятой в плен вместе с княгинями: Варварой Ильиничной, вдовою генерал-майора князя И. Орбелиани, Анной Ильиничной, супругою полковника князя Д. Чавчавдзе, с детьми их и другими, во время вторжения скопищ Шамиля в Кахетию, в 1854 г., изданные в Париже в 1857 году / пер. с франц. – Тифлис, 1858. URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003564135/ [Дата обращения: 12.03.2019].; Пржецлавский П. Г. Дагестан, его нравы и обычаи. ВЕ. 1867. Т.3. №9. С.184; АКАК. Т.XII. С.1289.

Описывая экстремальные условия жизни населения, Джон Баддели отмечал, что поля не были защищены[192]. Только если края поля примыкали к лесным массивам, женщинам и детям, работающим в поле, удавалось укрыться от обстрела[193].

Тактика ведения военных действий приводила к изменению природного ландшафта, что усиливало тяготы быта людей. К сожалению, леса, которые были спасением от обстрелов, и те подлежали вырубке.

К трудностям повседневной жизни в период Кавказской войны следует отнести и запрет товарообмена между горными и плоскостными народами. На плоскости население преимущественно занималось земледелием, а верхнее предгорье и горная часть – животноводством[194]. Животноводство в горах в исследуемый период было выгодной товарной отраслью хозяйства. По мнению кавказоведа Е. Н Кушевой, разница в хозяйственной жизни нагорных и равнинных областей Дагестана исторически обусловила обмен между народами [195]. Автор отмечала, что нехватка хлеба у горцев вынуждала их обменивать на него скот у равнинных народов[196].

О важности товарообмена для жизнедеятельности горных аварских обществ писал дагестанский историк Р.М. Магомедов, отмечая давний таварообмен между горными и низменными народами: животноводческие продукты меняли на продукты земледелия[197].

Роль товарообмена между жителями равнины и горными аварскими районами отмечалась и в донесениях русского командования, которые понимали, что без товарообмена горские народы существовать не смогут [198]. В частности, в донесение генерала Паскевича особо выделялись аварские народы, чьи жизненные условия

---

[192] Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.9.
[193] Там же.
[194] См.: История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Институт истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2009. С.107.
[195] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVII вв. М., 1963. С. 41.
[196] Там же.
[197] Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 41.
[198] АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С. 1398.

были скудными и окружены они были «подобно им бедными соседями»[199]. По мнению генерала, все эти обстоятельства делали крайне необходимым обмен аварцев с плоскостными народами[200].

В условиях начавшихся военных действий, российские власти решили воспрепятствовать товарообмену между нагорными и равнинными народами. По мнению историка Г.-А. Д. Даниялова, власти, используя дефицит продуктов у населения, оказавшегося по воле судьбы по разные стороны воюющих, такими запретительными мерами пытались оказать давление на людей[201].

Одним из первых к таким запретительным мерам прибегнул наместник, генерал Ермолов, издав соответствующие приказы. От запретительных мер со стороны военной администрации страдали как жители горной части, так и плоскостных земель, для которых товарообмен был существенным подспорьем для семьи.

Очевидно, что политика военной администрации, нарушая существовавшие традиции торговых отношений между разными районами Дагестана, усугубляла и без того тяжелые жизненные условия населения. В первую очередь, все бремя запретов на себе испытывало женское население, которое традиционно обеспечивало семью продуктами земледелия и животноводства. В условиях запрета товарообмена все усилия женщин не могли обеспечить хозяйство даже минимумом средств, необходимых для содержания семьи.

Кроме того, под запрет попали изделия женских домашних промыслов и ремесел: кубачинских, гоцатлинских, унцукульских мастериц, балхарских мастериц гончарного ремесла и др. Например, продукты земледелия могли обменять не только на продукты садоводства, но и на ремесленные изделия, которые в горных аулах являлись источником благосостояния населения. Дагестанский историк Х. М. Хашаев, указывая на значение кустарных промыслов в товарообмене, отмечал,

---

[199] Там же.
[200] Там же.
[201] Даниялов Г.-А. Д.. Имамы Дагестана. По долинам и скалам Дагестана. Махачкала: Издательско-полиграфическое отделение «Юпитер». Т.II. 1996. С. 38-40.

что благодаря им население ремесленных районов удовлетворяло свои запросы на питание и другие нужды, особенно хлеб[202].

Были запрещены любые контакты ремесленников из сел, подвластных русским, с населением, подчинённым мюридам. За соблюдением этих запретов следили сами владельцы дагестанских земель, которым эти обязанности были поручены кавказскими военными властями. По имеющимся сведениям, на нарушителей возлагалась «строжайшая ответственность», а запрещенные товары изымались[203].

Абдулла Омаров в своих этнографических очерках, которые относятся к исследуемому периоду, приводил сведения о том, что за связь с мюридами «были подвергнуты безобразным наказаниям» жители селения Балхар, среди которых было много женщин[204]. Будучи очевидцем этого зрелища, автор описывал в своей работе, как жителей Балхар, женщин и стариков, наказали мюриды. У них были повещены куски разбитой глиняной посуды на нос и на губу[205]. Очевидно, что такая показательная расправа над людьми, которые продавали мюридам посуду, была в назидание остальным.

Надо заметить, что для жителей селения Балхар, которое с давних пор занимались гончарным ремеслом, изделия из глины были единственным средством жизнеобеспечения. Весь процесс производства: заготовка глины, перевозка, работа на гончарном круге, шлифовка, разрисовка, обжиг - выполнялся исключительно женщинами[206], которые прославили это ремесло далеко за пределами своего селения. В то же время сбытом гончарных изделий занимались их мужья. Стоит отметить, что среди наказанных жителей Балхара автор упоминал лишь женщин и стариков. Видимо, в силу объективных причин, сбытом изделий приходилось заниматься и женщинам.

---

[202] Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 96.
[203] АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С. 1398.
[204] Этнографические очерки. Воспоминания Муталима, Абдуллы Омарова. // ССКГ. 1869. Вып. II. С. 8.
[205] Там же.
[206] Шиллинг Е. М. Балхар: Женские худ. промысла дагестанского аула Балхар. Пятигорск: Севкавгиз, 1936. С.21.

Резюмируя вышесказанное Абдуллой Омаровым, очевидно, что, не имея больше источников для пропитания своих семей, балхарцы были вынуждены нарушать суровые предписания военного командования. Как видим, торгуя гончарными изделиями на «запретных территориях», их не останавливали и такие позорные наказания, к которым прибегали власти.

Несмотря на наказания и препятствия, чинимые царскими войсками, экономические контакты горцев с жителями равнины повсеместно продолжались на протяжении всего периода Кавказской войны. Об этом можно судить из опасений, который высказывал в своем письме к военным властям на Кавказе министр финансов Канкрин. Министр писал о нарушении запретительных мер со стороны населения Кизляра, которые не только передавали товары непокорным жителям аула Анди, но и получали от них взамен бурки[207]. Отмечая важность запретительных мер, министр полагал, что без них русские рискуют потерять власть над горскими народами. Резонно замечая, что у местного населения в случае отказа от запретительных мер, «не будет им надобности и покоряться нам»[208].

В период Кавказской войны запретительные меры имели место и со стороны имамата, что негативно отражалось на жизни населении подвластной мюридам территорий. Как уже отмечалось выше, скотоводство было ориентировано исключительно на нужды войны, что сказывалось на дефиците продуктах животноводства. Например, жителям горного Дагестана, входившим в имамат, также строго запрещалось вести товарообмен с плоскостными народами на землях, подвластных царским властям. В имамате суровая участь, независимо от пола, ожидала тех, кто шел на сотрудничество с противником. Например, кумыки, жившие на плоскости, вынуждены были сотрудничать с русской администрацией, в противном случае их ожидали карательные действия со стороны армии. С другой стороны, такие же санкции местное население ожидали со стороны мюридов за связи с русскими[209]. В этих реалиях жителям приходилось постоянно нарушать предписания. Нередко

[207] См.: Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 129.
[208] Там же.
[209] Низам Шамиля (Материал для истории Дагестана) // ССКГ. 1870. Вып. 3. С.17.

нарушительницами запретительных мер фигурировали женщины, которых за сотрудничество с русскими властями ожидали самые суровые наказания.

Так, например, одну из женщин, уличенную в пособничестве с русскими, Шамиль приказал своему наибу Гаджи наказать. Желая опозорить женщину в глазах общества, ей смазали лицо сажей, посади верхом на осла и заставь водить по аулу[210]. Мало того, Шамиля приказывал наибу потоптать ее ногами и после чего выгнать из аула[211].

В то же время за сотрудничество с Шамилем лояльный к русским властям Агалар-хан Каизкумухский строго покарал жителей собственного аула. По сведениям С. Габиева, одному из жителей Агалар-хан приказал проколоть шилом язык и так идти до аула Куркли, а другому достались «полсотни палочных ударов»[212].

Безусловно, запретительные меры, наносили большой урон экономике, которая и без того держалась за счет женского труда. Не имея возможности получить дополнительные доходы в условиях торговой блокады, женщины были вынуждены изыскивать другие источники существования.

Усугубляло положение и то обстоятельство, что на население возлагались разные повинности: как со стороны русских властей, так и со стороны мюридов. Разница была лишь в том, кому подвластны были облагаемые податями территории: русским властям или имамату. И в том и другом случае население вынуждено было платить подати, которые были весьма обременительны для них в реалиях военного времени.

Так, например, на подвластных имамату территориях, Шамиль обязал население платить в государственную казну «бейтул-мал» натуральные подати: зерно, мясо, молоко и другие продукты[213]. Кроме того, войско имамата также кормилось

---

[210] См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала. 1959. С.652.
[211] Там же.
[212] Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 82.
[213] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в городе Калуге с 1859 по 1862 год // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис. Т. V. С.1486-1487.

за счет жителей окрестных сел, которые должны были обеспечивать провиантом воинов, расквартированных «в домах местных жителей»[214].

На особом счету находились муртазеки, наемные воины Шамиля, которые освобождались от всех обязанностей, и содержались за счет населения на время несения военной службы. По мнению М. Гаммера, вся семья муртазека, а также обработка поля и уход за скотом переходили на полное содержание девяти других семей[215].

Согласно сведениям Р.М. Магомедова, население не только обрабатывало поля муртазеков, но и обеспечивало их на постоянной основе жильем, питанием, в том числе и продовольствием для лошадей[216].

Безусловно, все эти тяготы ложились тяжелым бременем на женщин аулов, которые изыскивали и без того скудного хозяйства провиант для воинов и натуральные подати в казну имамата. Они должны были помимо своих земельных участков обработать наделы муртазеков [217], собрать затем урожай, обеспечить корм для их лошадей, находить для казны имамата излишки молока, мяса, сыра и тд.

Очевидно, что ни о каких излишках и речи быть не могло, как правило, отдавали последнее. Живя впроголодь, не имея возможности накормить досыта своих детей, женщины должны были обеспечить муртазеков, расквартированных в их домах, едой и всем необходимым. Указывая на голод, который царил в то время в аулах, очевидец, секретарь Шамиля Гаджи-Али, отмечал, что нередко горцы по десять дней ничего не ели, отчего были вынуждены есть траву[218].

Женщины из бедных семей, чтобы прокормить семью, были вынуждены наниматься за определенную плату к соседям по хозяйству или на полевые работы. Указывая на эту практику, Н. Львов объяснял это тем, что земли было мало, детей

---

[214] Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.139; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С.386.
[215] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 310.
[216] Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 98-99.
[217] Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 387.
[218] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1990. С. 75.

в семье было много, а кормить их было не чем[219]. При этом, автор резонно замечал, что муж землю не обрабатывал, «как должно порядочному хозяину»[220].

Конечно, в тяжелом материальном положении, женщины, чтобы прокормить большую семью, были вынуждены идти в наемные работницы к соседям. Как правило, работницу нанимали во время покоса или жатвы за сумму. По сведениям Н. Львова, работница вместе с хозяйской пищей могла получить от 15 до 20 коп., но бывало и так, что она довольствовалась обедом или ужином[221].

Нередко хозяева довольствовались лишь кормежкой женщин, пользуясь их беззащитностью. Как показывают источники, имели место и жалобы со стороны женщин, которым хозяева не выплачивали причитающийся им заработок. Надо отметить, что на территории имамата такие факты не оставались безнаказанными. В частности, об этом говорится в письме Шамиля за 1847 год к своему наибу Османилаву. Имам указывает своему наибу на женщину, которая обратилась к нему за помощью, жалуясь на некого Гаджи Гусейна, который поступил с ней жестоко[222]. Мало того, он не только не выплатил женщине заработок, который причитался за работу, но и избил ее, отняв платье[223].

После обращения женщины в письме к имаму с жалобами на своего обидчика последовала незамедлительная реакция. Наибу было поручено разобраться с хозяином, предложив ему уплатить ей заработок и вернуть ее одежду[224]. Кроме того Шамиль написал в своем письме о необходимости наказания обидчика женщины, чтобы другим не было повадно[225].

Безусловно, таких историй было больше, но женщины, в силу разных обстоятельств, старались не предавать данный факт огласке.

---

[219] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. С.12.
[220] Там же.
[221] Там же.
[222] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50 гг. XIX века. Сборник документов. Под ред. В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова. Махачкала: Дагестанское Книжное Издательство, 1959. С. 559.
[223] Там же.
[224] Там же.
[225] Там же.

В условиях затяжной войны военная администрация возложила на местное население выполнение натуральных податей, которые должны были обеспечить нужды армии в пропитании. И без того скудное хозяйство горцев, обреченное на жалкое существование, было вынуждено выполнять все эти подати, обеспечивая гарнизоны хлебом, ячменем, пшеницей, сеном, маслом, яйцами, мясом[226]. Невыполнение этих податей грозило населению разного рода санкциями, а нередко обеспечивалось силой оружия.

Безусловно, чтобы как-то уменьшить эти тяготы, местное население было вынуждено приспосабливаться к новым реалиям, изыскивая новые источники для пропитания. На территории, подвластной имамату в 40-50-е гг. XIX века население, стали возделывать кукурузу, которая, став основной пищей, спасала население в военное голодное время. По сведениям В. В. Лапина, благодаря кукурузе, которая давала существенный урожай, обеспечивались необходимым пропитанием не только население, но и домашний скот[227]. Руководствуясь такими практическими соображениями, Шамиль после уничтожения Нового Дарго решил обосновать столицу Имамата на территории Чечни, в Ведено. Выбор был неслучайным, как объяснял сам имам «<…> место благое, благословенное по части всего. Например, выше нашего селения лес для дров – сколько хочешь. Еще выше – корм (для скота), а ниже селения – пахотные земли для кукурузы – это корм лошадям и нам, когда созреет»[228]. Судя по источникам, посевы кукурузы не только обеспечивали население Ведено, но приносили доход, когда продавали избытки в соседние высокогорные аварские аулы[229]. Эффект от этого был рационально использован женским населением. Женщины мололи из кукурузы муку, которая стала альтернативой пшеничной и ржаной муке. Практически все блюда стали готовить их кукурузной муки, в

[226] Даниялов Г.-А. Д. Имамы Дагестана. Махачкала, 1996. Т.II. С.35.
[227] Лапин В. В. «Воспоминания солдата: Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Рябова о своей боевой службе на Кавказе»//«Россия и Кавказ - сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб. 2001. С. 90.
[228] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 1997. С. 150.
[229] РГВИА. Ф.482. Д.192. Л.164 об.

том числе традиционный хинкал, который в разных вариациях встречается у всех народов Дагестана. Стебли кукурузы хозяйки использовали как корм для скота.

Военный фактор отразился не только на сельском хозяйстве и ремеслах, но и ввел новые трудовые практики в жизнь местного населения. Учитывая, что русские военные власти, обустраиваясь в крае, создавали необходимую инфраструктуру: строили крепости, обустраивали гарнизоны, прокладывали дороги, которые соединяли различные районы Дагестана - то привлекали местное население для выполнения всех этих работ.

Традиционные патриархальные отношения, сложившиеся в Дагестане, приводили к тому, что русской администрацией в качестве рабочей силы использовалось женское население. Обычным явлением стало использование женского труда для нужд русских войск и гарнизонов. С учетом военно-стратегических задач и потребностей армии, женщин наряду с остальным населением аулов, стали привлекать к различным повинностям. Женщин наравне с мужским населением обязывали расчищать лесные просеки, прокладывать дороги, следить за их исправностью, строить укрепления, мосты. На женщин была возложена обязанность по доставке провианта и фуража в гарнизоны. Отмечая хозяйственные тяготы населения, один из русских генералов отмечал, что все обязанности по обеспечению завоевания Дагестана «лежали на маленьких усмиренных обществах»[230].

Так, по сведениям Г.- А. Д. Даниялова, жители Даргинского округа должны были выполнять натуральные повинности: аробную, дорожную, подобно как прочие жители Северного Дагестана, поставлять дрова для войск, расположенных в округе[231]. На салаватские деревни возлагались обязанности по снабжению гарнизона Черкесского замка водой и дровами[232].

В одном из архивных документов говорилось о перечне повинностей и податей, которые население обязано было выполнять, снабжая продовольствием, дро-

[230] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. // Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 312—324.
[231] Даниялов Г.-А. Д. Имамы Дагестана. Махачкала, 1996. Т.II. С.36.
[232] Там же.

вами, конной тягой и двухколесными телегами-арбами гарнизоны[233]. Судя по архивному документу, на жителей сел возлагалось содержание в исправном состоянии дорог[234].

Как видим, перечень повинностей был обременительным, что не могло не вызывать недовольство населения. По сведениям Д. Баддели, под бременем всех этих податей население не только роптало, но и «при первой же возможности переходили на сторону врага»[235]. Безусловно, такие мятежи подавлялись властями. В частности, в бытность генерала Ермолова, был строжайше его наставление военному руководству на местах, подавлять любое неповиновение со стороны местного населения, не щадя женщин, детей и стариков[236].

Так, например, мятежники селений Эрпели и Каранай, по требованию генерала Вельяминова должны были быть наказаны[237]. При этом, Вельяминов указывал в своем письме к князю Эристову от 10 декабря 1821 года за № 4041 на возможность прошения мятежников, если последние будут просить[238]. Подчеркивая при этом, что прощение не должно исключать штрафа, который бы они чувствовали, в том числе скотом, продовольствием для войск и другими потребностями[239].

Кроме того генерал Вельяминов предлагал князю Эристову всех мятежных жителей сел Эрпели и Каранай использовать для работ по строительству крепости Бурной, подчеркивая, что это ускорит работу «при теперешних страхах жителей»[240]. В итоге, все жители двух мятежных сел Эрпели и Каранай были задействованы при строительстве крепости Бурной, в том числе женщины и дети.

Самое пристальное внимание военная администрация в годы Кавказской войны уделяла состоянию дорог. Дороги связывали стратегически важные для российского командования пункты, гарнизоны и укрепления, разбросанные на огром-

---

[233] ЦГА РД. Ф.52. Оп.3. Д. 295. Л.52
[234] Там же.
[235] Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.139.
[236] АКАК. Тифлис, 1875. VI. Ч. II. С 18.
[237] Там же.
[238] Там же.
[239] Там же.
[240] Там же.

ной территории, с их помощью осуществлялась быстрая переброска войск. Разумеется, не только вести военные действия в таких условиях, было практически невозможно, но и были большие трудности по доставке провианта и фуража в гарнизоны. По мнению современников, хорошие дороги должны были стать «живыми артериями, посредством которых глухие дебри кавказских гор срастутся с сердцем великого царства русского»[241]. Учитывая тот факт, что местное население довольствовалось издавна проложенными путями сообщения, как правило, опасными тропами[242], то строительство дорог, безусловно, было делом нужным.

В первой половине XIX в. были построены новые дороги военно-стратегического значения, которые ко времени окончания военных действий составляли 443 км.[243] Из архивных материалов следует, что в 40-е годы XIX века в Дагестане было начато строительство дорог, которые должны были связать между собой различные районы. В частности, в одном из архивных дел говорилось о строительстве дороги от горного селения Хосров до селения Казикумух, протяженностью 140 верст[244]. Кроме того, от этой главной дороги были проложены побочные дороги, которые соединили Кумух и Чох, селения южного Дагестана, Рича, Хивы, Курах и Касумкент, селение Чирах и Кайтаг[245].

Очень важно было, что дороги находились в исправном состояние. Это входило в функции военной администрация. Для этого, чтобы обеспечить содержание дорог в исправном состоянии, регулярно к дорожным работам привлекалось все свободное местное население[246]. Конечно, в военных реалиях, мужчин, которых

---

[241] Цит.; Марков Е. Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. Вып. IX. С.414.

[242] Берже А. П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С.251; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I С.16; Воронов Н. И.Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С.5.

[243] ЦГА РД. Ф. 52. Оп. 11. Д. 80. Л. 5; Кавказский календарь на 1879г. С.45; Мансурова А. Г. Дороги и их роль в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала: АЛЕФ, 2015. С.47.

[244] ЦГА РД. Ф.30. Оп.2. Д.12. Л.5, 16, 19, 21.

[245] Там же.

[246] ЦГА РД. Ф.52. Оп.3. Д. 295, Л.16, Л.114; Оп.1. Д.4. Л. 52; ЦГА РД. Ф.30. Оп.2. Д. 12. Л.5; Марков Е. Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. Нальчик: ООО

можно было бы привлечь к таким работам, в аулах практически не было, а, значит, эксплуатировали преимущественно женщин. Если была необходимость, то к дорожным работам могли привлечь детей и немощных стариков. Круглый год на женщинах лежала обязанность по освобождению дорог от образовавшихся после камнепада завалов, после таяния в горах снегов и разлива вод. Вместе с тем, и в мирное время такие работы в горах возлагались исключительно на женщин. Мужчины в силу своего менталитета, считали такие работы зазорными.

Необходимо отметить, что многие дорожные работы выполнялись населением бесплатно. По имеющимся сведениям, практически бесплатно для выполнения необходимых дорожных работ привлекалось население, преимущественно женщины, Казикумухского и Кюринского ханств, а также, Дербентской губернии[247]. К тому же, для привлекаемого для выполнения дорожных работ населения, военной администрацией не были точно определены нормы повинностей, нормативы, а также сроки их выполнения [248]. В связи с чем, мирное население, основу которого составляли преимущественно женщины, были вынуждены безропотно выполнять весь объем, возлагаемых на них работ. От военной администрации женщины не получали даже самых скромных денежных средств, которые могли бы удовлетворить самые малые потребности семьи.

Судя по архивным данным, такая тенденция продолжалась и по окончанию военных действий. Военные и гражданские власти ко всем дорожным работам привлекали все трудоспособное население аула, включая женщин, детей и стариков.

О масштабах привлечения местного населения к строительству дорог, свидетельствуют данные из архивных дел. В частности, в одном из них имеются сведения о том, что в 1868 г. от общего количества населения области, которое состав-

---

«Полиграфсервис и Т», 2011. Вып. IX..С.414; Берже А. П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858..С.251; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.16; Воронов Н. И.Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.С.5, 19, 21; АКАК. Т.X. С.888; Даниялов Г.-А.Д. Указ. Соч. С.64.

[247] АКАК. Тифлис. 1885. Т.X. С.888.

[248] Цит: Максимов С. В. Край крещеного света. 4.IV. Русские горы и кавказские горцы. СПб.,1866. С.9

ляло порядка 462 тыс. человек, было выставлено на выполнение дорожных работ около 335 тыс. человек[249]. Судя по этим цифрам, к работам было привлечено практически все население, не считая малых детей и немощных стариков. Кроме того, для выполнения работ население должно было предоставить несколько тысяч подвод и сотни лошадей[250].

На женское население в период военных действий возлагалась и обязанность по доставке в русские гарнизоны провианта и фуража. Учитывая, что в реалиях военного времени элементарно не хватало подвод, женщины были вынуждены на себе доставлять продовольствие и фураж для гарнизона. Впрочем, учитывая, что в горах, согласно устоявшимся традициям, переноской тяжестей занимались исключительно женщины, то для местного населения в этом не было ничего удивительного. По сведениям Д. Баддели, для женщин это было очень сложной обязанностью, за выполнение которой платили лишь 1,25 копейки за версту, и лишь со временем, плата выросла до двух копеек [251].

По мнению Н. Ф. Дубровина, «горянка так привычна к тяжелой работе, что, при транспортировке провианта для наших войск, многие из них добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своих плечах, на расстоянии до тридцати верст, кули муки в три пуда весом, и притом по трудно доступным дорогам»[252].

С цель организации бесперебойной доставки продовольствия и фуража к местам дислокации армейских частей, был издан специальный приказ М.С. Воронцова. На основание этого приказа, генералу В.О. Бебутову и шамхалу Тарковскому поручалось выделять соответствующий транспорт, в количестве 500 подвод[253], которые должны были доставлять грузы в гарнизоны. Но, несмотря на это, для переноса на себе тяжелых грузов, все чаще стали привлекать местных женщин.

---

[249] ЦГА РД Ф.2. Оп. 1. Д. 192. Л. 5.
[250] Там же.
[251] См.: Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.140.
[252] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I.С. 551-552.
[253] А.- Д. Г. Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. Тифлис, 1859. №5. С.33.

По сведениям П.Г. Пржецлавского, местных женщин использовали для доставки продовольствия в гарнизоны[254]. Отмечая тяготы их труда, автор писал, что женщины по гористым, едва проходимым тропинкам переносили на своей спине за 30 верст тяжести весом в 3 пуда[255]. По сведениям автора, такой вес подрядчики по перевозке казенного провианта для войск определяли на одного ишака[256]. За такую работу женщинам платили 40–60 коп. серебром[257].

С другой стороны, объяснить столь неприглядную практику, можно объективной ситуацией, с углублением царских войск в высокогорные районы доставка грузов обозами была практически невозможна. Во-первых, узкие горные тропы не были приспособлены для подвод, во-вторых, не хватало ишаков и лошадей для вьючных доставок. Учитывая, что экономика хозяйства была переориентирована на военные нужды, выполняя воинскую повинность, население лошадьми снабжало войско Шамиля. В Актах Кавказской Археографической Комиссии содержатся сведения о том, что Шамиль обязал население имамата предоставлять от каждого из 10 дворов по одному конному воину, и в придачу, от каждого двора денежную плату в казну имамата размером 1 руб. в год[258].

С другой стороны, и с экономической точки зрения, было невыгодно использование лошади для вьючных перевозок.[259] В силу всех этих причин, основным ресурсом оставалось женское население, которое таким неприглядным образом эксплуатировалось. Учитывая, что в голодное время, все усилия женщин не могли обеспечить хозяйство даже минимумом средств, необходимых для содержания семьи, они были вынуждены соглашаться на такие тяжелые работы. Как уже отмечалось выше, военные власти эксплуатировали женский труд для доставки тяжелых грузов в военные гарнизоны, расположенные в близлежащих населенных пунктах и после окончания военных действий.

---

[254] Пржецлавский П.Г. Дагестан: его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №3
[255] Там же.
[256] Там же.
[257] Там же.
[258] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С. 607.
[259] См.: Османов М-З.О. Формы традиционного скотоводства. Махачкала,1990. С. 76.

Помимо провианта и фуража, женщины должны были обеспечить гарнизоны необходимым топливом. Как правило, это были дрова, которые заготавливались женским населением близлежащих к гарнизонам аулов. Указывая на данную практику, Д. Баддели отмечал, что «поставка топлива в в Аварском ханстве была возложена на жителей общества Койзубу, а платили им лишь по 25 копеек за повозку дров, которые они с большим трудом собирали в 30–40 верстах от своих домов. Когда ослы не могли везти эти повозки, часто случалось, что женщины несли вязанки на спине – за ту же плату» [260].

По имеющимся сведениям, такая эксплуатация женщин гарнизонами, имела место и после окончания военных действий. По-прежнему, женщины перевозили на своих плечах тяжелые грузы из одного военного гарнизона в другой. Столь неприглядную картину в своей работе привел Н.Ф. Дубровин, сославшись Н. Львова. Читаем в источнике: «В 1862 году, писал Н. Львов, в проезд через Цунта-Ахвахское общество, мне нужно было перевезти два вьючных сундука, весом около восьми пудов, из одного аула в другой, именно: из селения Тлиссы до селения Тад-Махитль (15 верст расстояния) по очень дурной горной тропе. В ауле не оказалось лошадей, годных под вьюк, а ишаков пожалели послать и решили джамаатом (обществом) навьючить двух женщин, которые, по приказанию мужей, благополучно донесли сундуки до назначенного, а прогоны получили мужья» [261].

По мнению Н.Ф. Дубровина, тяжесть этой ноши привела бы в ужас любого дюжего работника, но такая эксплуатация собственных жен, не удивляла их мужей[262]. Автор полагал, что мужья больше жалели ишака, тем самым, заменяя в хозяйстве им свою жену и безжалостно ее эксплуатируя[263].

Н.Ф. Дубровин приводил необычные доводы мужа, по поводу такой эксплуатации жены. По сведениям автора, муж полагал, что женщина, евшая чистый

[260] См: Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.139.
[261] Цит.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С. 552.
[262] Там же. С. 551.
[263] Там же. С. 552.

хлеб, может переносить гораздо больше трудностей, чем ишак, который питается рубленой соломой[264].

Не думаем, что можно принимать всерьез такие доводы мужа. Скорее сказанные с сарказмом слова мужа, следует воспринимать, как попытку в шутливой форме оправдать данную практику. В силу сложившихся патриархальных традиций, такой тяжелый физический труд женщин, им представлялся вполне привычным, «уместным и легким делом». В то время как для дореволюционных авторов, очевидцев данной практики, такая эксплуатация женщин выглядела – «безобразно и тяжело».

Вместе с тем, в силу сложившихся вековых традиций, мужья не могли бы себе позволить прилюдно помочь жене в такой работе. Их бы высмеяли сельчане. При этом, в соответствии с горским этикетом, мужья считали своим долгом сопроводить женщину до места назначения груза, дабы она не стала жертвой насилия или похищения. Мало того, мужья не упускали случая извлечь для себя материальной выгоды, получая от гарнизонного начальства плату, за выполненную женщинами работу. Очевидно, что у русских такие традиции горцев в отношении женщин вызывали недоумение, что нашло отражение во многих публикациях тех лет. Негативно характеризуй местных мужчинах, многие авторы сложили о них мнение, как о ленивых и праздных людях[265], с утра до ночи сидящих на годекане.

В частности, природную леность горцев отмечал Джон Баддели, полагая, что мужья большую часть времени предпочитали греться на солнышке[266].

Декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, оказавшись в кавказской ссылке в Дагестане, запечатлел в своих воспоминаниях горских мужчин, которые только и делали, что ездили на грабеж, курили трубку или целый день стругали кинжалом палочку [267].

---

[264] Там же.
[265] Баддели. Д. Указ. соч. С.8; Бестужев-Марлинский А. А. Путь до города Кубы. Сочинения. Т. 1. М. 1958. С.301.
[266] См.: Баддели. Д. Указ. соч. С.8
[267] Бестужев-Марлинский А.А. Указ. соч. С. 301.

Вместе с тем, несправедливо было бы говорить о том, что мужчина абсолютно не помогал жене по хозяйству. Очевидно, что мужчина не предавал имеющийся факт помощи, огласке, руководствуясь традициями народа. Кроме того, на мужчин ложился большой круг обязанностей, связанный как с домашними, так и общественными работами – строительство дома, изготовление орудий труда, выпас скота, отгонное скотоводство и пр. Конечно же, в реалиях военного времени, все эти мужские работы ложились на плечи женщин.

Таким образом, под влиянием военного фактора существенной трансформации подверглась хозяйственная повседневность женщин, приобретая черты экстремальности. Традиционные гендерные сферы труда были нарушены, а новые практики были адаптированы исключительно к специфическим условиям военного времени. Женщины осваивали новый опыт выживания, новые модели поведения, адаптированные к специфическим условиям военного времени**,** формировали новую жизненную стратегию.

Историко-этнографические особенности, традиционные патриархальные отношения, а также объективные причины, вызванные сокращением мужского населения вследствие длительной Кавказской войны, способствовали трудовой эксплуатации дагестанских женщин со стороны имамата и русской администрации.

1.2. Влияние военного фактора на трансформации в брачных отношениях и семейную жизнь дагестанок

Уклад семейной жизни исследуемого периода характеризовался устоявшимися патриархальными отношениями, которые отражали особенности социально-экономического и культурного развития дагестанских народов. Общее, что характеризовало специфику взаимоотношений между всеми членами семьи, это – строгая иерархия норм поведения [268]. В патриархальном семейном быту дагестанских народов, главенствующая роль принадлежала отцу семейства. Господство мужа, в

[268] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт. // Культура и быт народов Северного Кавказа. М: Наука. 1986. С.186.

традиционной семье воспринималось не как деспотическая власть, а как легитимное главенство. «Традиционное господство покоится на привычном, чаще всего не вполне осознанном убеждении в святости и незыблемости общепринятых традиций, – писал М Вебер,– приверженец традиционной власти принимает правила, которые воплощают обычай и древнюю практику»[269].

Традиционными были и представления о женщине, как о домашней хозяйке и воспитателе детей.

Аналогичная модель не являлась характеристикой исключительно кавказского общества, а в разных вариациях была присуща для любого традиционного общества исследуемого периода[270].

Безусловно, сказывались территориальные особенности края – горные или равнинные народы. Внутрисемейная позиция дагестанской женщины зависела от многих факторов. Среди них, безусловно, ее социальный статус, возраст, особенности семейного уклада жизни, культурные традиции народа и т.д. Вся семейная жизнь дагестанской женщины – восхождение по ступеням этой иерархии, которая соответствовала культурным традициям народа. Существенным фактором, который оказал влияние на уклад семейной жизни, была форма семьи – большая неразделенная семья или малая семья. По мнению Б.Р. Рагимовой, именно, от форма семьи, большая или малая, определяла положение женщины в семейной жизни [271]. В отличие от большой неразделенной семьи, где господствовали патриархальные порядки и власть старшей по возрасту женщины, в малой семье молодая невестка была сама хозяйкой[272].

---

[269] Вебер М. Избранные произведения http//www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php

[270] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983; Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012.

[271] Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С.39.

[272] Там же.

Отмечая тяжелую участь молодой снохи в большой неразделенной семье, С. Ш. Гаджиева подчеркивала, что женщина минуты не сидела без дела[273]. Автор полагала, что только с появлением в доме новой молодой невестки, положение предыдущей невестки улучшалось[274].

Безусловно, положение женщины менялось на протяжении всей семейной жизни. Указывая на эволюцию семейного статуса дагестанской женщины, Б. Р. Рагимова отмечала факторы, определяющие его: замужество, рождение ребенка, женитьба сына [275]. При этом, с женитьбой сына женщина, будучи в статусе свекрови, начинала проявлять свои властные качества в отношении членов семьи[276].

По мнению М. М. Ковалевского, в семейной жизни кавказских народов все молодые невестки повторяли путь своих свекровей[277]. Отмечая эту особенность, автор подчеркивал, что именно мать подстрекала сына к суровому обращению с женой, как с ней обходился его отец[278]. Автор полагал, что все эти советы не пропадали даром, а всего чаще исполнялись буквально[279].

Для замужней женщины в неразделенной семье, существовал целый комплекс предписаний, которые должны были неукоснительно исполняться. Такая модель доминирования и подчинения полов, в соответствии с вековыми традициями и обычаями дагестанских народов, поддерживалась институтами этнокультуры. Надо сказать, что у каждого народа имелись свои национальные особенности, которые сказывались на семейной жизни. Так, по сведениям Маная Алибекова, по кумыкским адатам порядочным женам предписывалось, не есть при мужьях, воды не пить на их глазах[280]. Нарушившие же данные адатные установки, слыли в обществе «нерадивыми женами», бросавшими тень на своих мужей[281].

---

[273] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.: Наука, 1985. С.72.
[274] Там же.
[275] Рагимова Б.Р. Указ.соч. С.39.
[276] Там же.
[277] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С.204.
[278] Там же.
[279] Там же.
[280] Алибеков М. Адаты кумыков / Пер. Т. Бейбулатова. Махачкала, 1927. С.30
[281] Там же.

Свои особенности имел и институт брака у дагестанских народов. При выборе жениха или невесты руководствовались общепринятыми в традиционном обществе запретами и ограничениями, которые допускали только внутрисословные браки. Были распространены преимущественно эндогамные браки, за исключением кумыков и ногайцев, у которых была распространена экзогамия, имевшая место на Северном Кавказе.

Анализ источников свидетельствует, что традиции сословной эндогамии, в народе соблюдались самым строгим образом[282]. А нарушение эндогамных порядков всегда встречало осуждение в обществе. Прежде всего, этому препятствовал тухум (род), основу которого составляли эндогамные внутритухумные браки, родственные или кузенные. Глава тухума принимал участие во всех делах семейных, обсуждая с родителями брачующихся вопросов, связанных с выбором брачного партнера. Так, например, в Кайтаге (Уркарахское наибство) женились преимущественно на членах своего тухума, особенно в больших тухумах[283]. Лишь в исключительных случаях, когда не было собственной пары в своем тухуме, женили пары из различных тухумов[284].

По мнению М.А. Агларова, предпочтение внутритухумных браков среди дагестанских народов, не дает основания утверждать об абсолютной эндогамии, это скорее обусловлено спецификой общественно-политического строя[285].

Среди аварских народов, также предпочтение отдавали сословным бракам. Вместе с тем, на женитьбу юноши на девушке низкого сословия в тухуме смотрели более снисходительно, чем на выдачу дочери за представителей этого сословия[286].

Более консервативно в вопросах брака были жители Келебском обществе. Так, например, если женщина выходила замуж за пределы своего села с согласия

---

[282] Цадаса Г. Адаты о браке и семье аварцев в XIX – начале XX в. // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С.55

[283] Законы вольных обществ XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. Махачкала: ИД «Эпохв», 2007. С.48.

[284] Там же.

[285] Агларов М. А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1986. С. 11.

[286] Законы вольных обществ…. С. 80.

ее опекуна, то с обоих взымался штраф в размере пахотного участка[287]. Надо отметить, что в условиях малоземелья, это было существенным наказанием, что заставляло жителей общества соблюдать внутритухумные порядки.

Предпочтительность эндогамных браков многими исследователями объясняется причинами социально-экономического характера: малоземелье, кровная месть, калым, имущество т.д[288]. Бралось во внимание то обстоятельство, что в условиях малоземелья горных районов, эндогамные браки исключали отчуждение земли, которая у некоторых горных народов, давалась девушке в качестве приданного.

По замечанию С. Ш. Гаджиевой, женщина, отданная в замужество в более низкое сословие, как бы терялась для своего собственного сословия[289].

С. С. Агаширинова видела в жене, взятой из другого тухума, определенную опасность для ее собственного тухума, особенно в условиях постоянных расприй и кровомщения[290].

Предпочтение эндогамных браков нашло отражение и в фольклоре дагестанских народов. Так, в народных пословицах ярко проявляется отношение семьи и общества к выходу девушки в иноэтническую среду: В частности, кумыкская пословица «Чистое золото реку не переплывет, хорошая девушка село не оставит»[291], пословица гунзибцев - «Хорошая корова за реку не уйдет»[292], у чародинцев - «Хорошая девушка свое село не оставит, хорошая кобыла реку не перейдет!»[293]

---

[287] Там же. С.99.

[288] Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С.171; Дагат Б. К. Обычное право и родовой строй народов Дагестана // РФ ИИАЭ Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 67; Никольская З. А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев // КЭС. 1949. Вып. VIII. С. 59; Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин в XIX- начале XX века//УЗ. ИИЯЛ. Махачкала. Дагфилиал АН СССР. 1964. Вып.XII. С.134; Курбанов К. Э. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX - начале XX века.//Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. V. С. 132; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX в. М.,1985. С.147;

[289] Гаджиева С.Ш. Семья и брак… С.145.

[290] Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин в XIX- начале XX века//УЗ. ИИЯЛ. Махачкала. Дагфилиал АН СССР. 1964. Вып.XII. С.134.

[291] Гаджиева С.Ш. Семья и брак…. С. 147.

[292] Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. С. 98.

[293] См.: Алигаджиева З.А. Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). Махачкала: ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. С.19

Существенной стороной в эндогамных браках была сумма калыма, которая могла быть оговорена между родственниками. Не вызывает сомнения, что при необходимости, родственники со стороны жениха и невесты могли договориться между собой о предполагаемом минимальном размере калыма. Немаловажным было и то обстоятельство, что в таких браках редким явлением были разводы. Желая сохранить семью, все члены тухума всячески старались помирить стороны семейного конфликта.

Безусловно, в условиях начавшейся Кавказской войны, тухумные отношения и эндогамные браки давали преимущество в добывании хлеба насущного. Большому родственному коллективу легче было обеспечить себя необходимыми средствами к жизни и легче переносить все тяготы повседневных реалий военного времени.

При выборе невесты самое пристальное внимание уделяли ее нравственным качествам: целомудрие, кроткость нрава, уважение к старшим, мнение окружающих о девушке и др. О том, какое значение придавали в обществе чести девушки, свидетельствуют пословицы и поговорки народа: «Достойная жена дом украшает», «Посмотрев на мать, бери в жены – дочь», «По чистоте чашки суди о пище, по матери выбирай невесту», «Не женись, если расхваливает мать, а уважают соседи, не упускай» и др[294].

Заметим, что нравственным качествам матери девушки, придавали большое значение. О патриархальном дагестанском обществе, сложился стереотип, что мать, слывшая в народе безнравственной, не могла воспитать достойную дочь. Поэтому, прежде чем прийти сватать девушку, смотрели, какая у нее мать.

Начавшаяся Кавказская война отразилась на привычных формах жизнедеятельности дагестанских народов. По замечанию М. М. Блиева, «война сдвинула с места все пласты традиционного, переступив все мыслимые и немыслимые пороги

[294] Дагестанские пословицы и поговорки. https://citatyok.ru/poslovitci/dagestan.html [Дата обращения: 12.03.2019]

привычной жизни»[295]. В том числе, под влиянием военных событий происходила трансформация повседневного семейного уклада жизни дагестанского общества.

Существенным образом военный фактор отразился на повседневной семейной жизни населения нагорного Дагестана и Чечни, которые вошли в состав теократического государства – имамат. Все сферы жизнедеятельности людей, на подконтрольных имамату территориях, подчинялись исключительно шариатским законам: общественная и личная жизнь, отношения между полами, воспитание детей и др.

Наиболее ревностным сторонником нововведений в имамате был имам Шамиль, который реформировав некоторые положения шариата, создал свой свод военных и гражданских законов - низам. Его реформатская деятельность отразилась на семейных обычаях, семейном этикете, на положении жены в семье.

Под влиянием шариатских веяний, происходило ослабление адатных норм, что существенно отразилось на брачно-семейных отношениях. Шариат с одной стороны давал женщине намного больше семейных прав, чем патриархальные адаты, но с другой стороны, шариат способствовал ужесточению сегрегации полов[296]. Жесткая сегрегация полов, безусловно, не соответствовала традиционному мировоззрению дагестанских народов, так как противоречила вековым народным обычаям. Несмотря на то, что в традиционном обществе дагестанских народов гендерные отношения базировались на доминировании мужчин во всех сферах жизни, строгой половой регламентации не существовало. Особенно это ощущалось в горной части Дагестана, где женщины были наделены большей свободой в семейной жизни. В то время как у равнинных народов, в частности, у тюркских народов, имела место существенная ограниченность женской свободы в семейном быту. По мнению С. Ш. Гаджиевой, это объяснялось сравнительно ограниченным участием

[295]Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации.Москва: Мысль, 2004. С.9.

[296] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XXв.). Москва: Издательство «Наука», 1983. С.104.

женщин тюркских народов в хозяйстве [297]. В результате, положение женщины в семье неизбежно становилось более зависимым и подчиненным мужу[298].

Семейная жизнь дагестанских народов нашла отражение во многих работах русских дореволюционных авторов, которые представили ее исключительно с позиции дискриминационной практики в отношении женщин[299].

Именно, в таком контексте семейную жизнь дагестанских народов запечатлел военный историк Н. Ф. Дубровин. По мнению автора, в семейной жизни горских народов не было ничего такого, что можно было, по его мнению, назвать счастьем[300]. Причину этого, автор видел в бедности, отсутствие любви, а также частым ссорам между супругами[301]. При этом, автор выделял две полярные стороны семейной жизни: с одной безграничная лень мужа, а с другой, невыносимо-тяжкий и беспредельный труд жены[302]. Автор полагал, что такое положение вещей говорит в не в пользу семейного счастья[303].

Интересные наблюдения, отражающие семейную жизнь аварского аула Ботлих, оставил в своем этнографическом очерке Н. Львов. По наблюдениям автора, власть мужа над женой была деспотической, а женщине всегда приходилось «заслужить благосклонного внимания» со стороны мужа. В противном же случае, ее доля была несравненно хуже, чем у раба. Главную причину такого положения женщины, автор видел в духовенстве, которое не упускало случая постоянно внушить горянкам, что их главная религиозная обязанность состоит исключительно в угождении мужьям[304]. По сведениям автора, проповеди дибиров, которые по четвергам читались для женщин у мечети, многим горянкам казались скучными, а не-

---

[297] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1985.С.89.
[298] Там же.
[299] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Вып.3; Свечин Д. И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев//ЗКОИРГО. 1853. Т. 2; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I.
[300] Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 577.
[301] Там же.
[302] Там же.
[303] Там же.
[304] Львов Н. Указ. соч. С.4.

которые смешными[305]. Но, по первому зову десятника “О-о-о-о! женщины, собирайтесь сейчас же к мечети; вас «куда их призывал страх наказания»[306]. По сведениям Н. Львова, посылая и десятнику и дибиру тысячи проклятий, женщины отправлялись к мечети, куда их призывал страх наказания[307].

Желая узнать причину нежелания женщин ходить на эти проповеди, Н. Львов спросил их, почему они проклинают дибира, который учит добру? Самая смелая из них ответила, что добро лишь мужьям, а не женам, которым жутко от этих проповедей[308] .

Отчасти авторы правы, так как по исламской традиции, послушание мужу является краеугольным камнем семейных отношений. Такая модель отношений, по мнению социолога И.И. Кона, была характерна для любого традиционного общества[309]. Различия между супругами освещались религией, а женщине в семейных отношениях, всегда отводилась зависимая, подчиненная роль[310].

Но, это вовсе не означает, что женщина находилась на положение бесправного раба, как отмечали некоторые дореволюционные авторы, давая оценку внутрисемейным взаимоотношениям. В частности, такое твердое убеждение сложилось у офицера русской армии Д. И. Свечина, который полагал, что дагестанец смотрит на свою жену как на рабочее животное, а женщина в Дагестане находится «в совершенном рабстве»[311].

Очевидно, что наблюдая за повседневной жизнью жителей аула, автор мог видеть лишь внешнюю сторону семейных взаимоотношений, а не то, что происходило в стенах дома. Традиционный этикет дагестанских народов, исключал внешнее проявление к женщине особых чувств, в том числе и сострадания. Что, без-

---

[305] Там же.
[306] Там же
[307] Там же
[308] Там же.
[309] Кон И. С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: РАН, 2001. С. 9 .
[310] Там же.
[311] Свечин Д. И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // ЗКОИРГО. 1853. Т.2. С. 63, 641

условно, давало почву для такой оценки семейных отношений – муж, вечный деспот, а жена его жертва. Выразительна в этом плане оценка семейного быта М. О. Косвена. Досконально изучивший традиционное общество народов Кавказа, автор отмечал, что власть главы семьи не была неограниченной[312]. По мнению автора, глава всегда считался с мнением семьи, советовался с ее членам во всех серьезных во всех серьезных случаях[313]. Кроме того, автор подчеркивал, что наиболее важные вопросы решались не им, а семейным советом[314].

Надо заметить, как бы ни складывались отношения внутри семьи, прилюдно, ни женщина, ни мужчина, не позволяли себе проявить неуважение друг к другу. В первую очередь, они тем самым заботились о репутации своей семьи и своего тухума. Не следует забывать, что в общественном и семейном быту дагестанских народов существенная роль отводилась тухуму, как регулятору семейных и общественных проблем[315]. При необходимости, многочисленный тухум улаживал многие семейные конфликты, не давая им перейти порог приватного пространства. Важно подчеркнуть, что запятнанная репутация членов семьи, зеркально отражалась на репутации всего тухума. Это в определенной степени заставляло людей соблюдать нормы семейного этикета.

Семейная жизнь нашла отражение и в работах дагестанских дореволюционных исследователей, что дает нам возможность рассмотреть взаимоотношения между супругами под другим углом. Не опровергая патриархальность традиционного семейного быта, авторы отмечали, что дагестанская женщина занимала в семейной иерархии свое достойное место. Так, Б. К. Далгат, указывая на подчиненное положение женщины-дагестанки на людях, считал, что зачастую внутри семьи она полная хозяйка в доме[316]. Мало того, с ней считается муж, который очень ею дорожит [317]. По мнению автора, суровый горец даже находится под башмаком сво-

[312] Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.:, 1963. С. 50.
[313] Там же.
[314] Там же.
[315] Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана. С.542;
[316] См.: Далгат Б. К, Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 44
[317] Там же.

ей слабой половины[318]. Автор полагал, что только общественное мнение, заставляет мужа перед другими проявлять властные качества и грубо обращаться с женой [319].

В свете сказанного, представляют интерес материалы Г. М. Дебирова, характеризующие особенности внутрисемейных отношений дагестанских народов. По мнению автора, покорное поведение жены объясняется не столько во имя репутации мужа, а сколько во благо авторитета семьи[320]. Автор полагал, что для дагестанской женщины было важно прилюдно представить именно мужа, даже не слишком одаренного способностями, главой семьи, а значит, и хозяином положения [321].

Как видно из примера, поведение женщины было продиктовано, в первую очередь, заботой о репутации семьи, которой она дорожила. В свою очередь, и муж дорожил семьей, о чем свидетельствует широко распространенная среди горцев кебинная клятва – присяга именем жены (кебин-талах или хатун – талах). Так, указывая на значимость присяги в обществе, Г. М. Дебиров отмечал, что для любого горца, она была самой тяжелой кляткой[322]. Прибегал к ней муж лишь тогда, когда хотел вызвать доверие у кого-либо[323]. Если присяга мужа оказывалась ложной, то брак признавался незаконным и не имел никакой юридической силы. В свою очередь, если клятва жены оказывалась ложной, то и жена должна была уйти от мужа, забрав с собой все, как в случае добровольного развода[324].

По сведениям А.К. Халифаевой, присяга именем жены, то есть, кебинная, была связана с брачным договором и прибегали к ней в том случае, если свидетели вызывали сомнение[325]. При этом, если у мужа было несколько жен, то присягатель

---

[318] Там же.
[319] Там же.
[320] Дебиров Г. М. Дагестанские предания и суеверия// СМОМПК. Тифлис,1884. Вып. 4. С. 33.
[321] Там же.
[322] Там же. С.32.
[323] Там же.
[324] Там же.
[325] Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004. С. 93.

обязательно должен был, предварительно указать на которую из жен он был, намерен присягнуть[326].

Повседневный быт дагестанских народов, в том числе и семейные взаимоотношения освещались в периодической печати тех лет. Так, на страницах газеты «Кавказ», нередко публиковались материалы, отражавшие различные аспекты семейной жизни, положение женщины в семье и обществе, взаимоотношения между супругами и пр. Учитывая тот факт, что на страницах газеты о кавказских народах писали очень много, как русские авторы, так и представители кавказских народов, то публикации авторов не редко становились предметом дискуссий.

Одним из поводов для такой дискуссии стал очерк Н. Львова о семейных взаимоотношениях аварцев аула Хунзах. По сведениям автора, обладая по адату неограниченной властью, муж нередко употреблял ее во зло, бил жену до полусмерти, рассердившись без всякой основательной причины, рубил кинжалом, или стреляет в нее из пистолета[327]. По мнению автора, если жена не успевала уклониться от наносимых мужем ударов, то могла стать жертвою «необузданной выходки мужа»[328].

На наш взгляд, данную практику было бы неверно считать общераспространенной, скорее это частный случай, который характеризует внутрисемейные отношения конкретной семьи, а не всего народа. Конечно же, такие примеры могли иметь место у отдельных дагестанских народов, «по устарелым адатам». В частности, на примере даргинцев, Б. Далгат допускал, что в давние времена по адатным нормам, муж мог поступать с женой как «с рабыней», со всеми вытекающими обстоятельствами[329].

Кроме того, ни один адат дагестанских народов, не оставлял безнаказанным факт убийства жены мужем. Жестокость по отношению к женщине пресекалась и мужчинами – родственниками и обществом, так как могла послужить причиной

---

[326] Там же.
[327] Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ.1867.№ 71.
[328] Там же.
[329]Далгат Б. К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 113.

кровомщения. Как отмечал М.М. Ковалевский, публичное побиение жены у кавказских народов, считалось позором для самого мужчины[330].

Положение женщины в семье и обществе, гендерная специфика самобытной культуры дагестанских народов нашли отражение в таком уникальном источнике как фольклор[331]. Анализ фольклорного материала показывает патриархальный характер взаимоотношений в семье, приоритет власти мужа и отца в семье[332].

Вместе с тем, дагестанские пословицы и поговорки, притчи и сказки, свидетельствуют о значимости роли женщины в семейной жизни, в воспитании детей и тд. Об этом красноречиво говорят пословицы и поговорки народа: «Отец умрет - полусирота, мать умрет - круглый сирота», «Достойная жена дом украшает», «Нет ничего на свете лучше хорошей жены», «Муж хорош — и жена хороша, жена хороша — и муж хорош» и др.[333]

Вместе с тем, на страницах периодической печати представители кавказских народов старались своими публикациями опровергнуть тезис о рабском положение женщины. Так, в 1865 году на страницах газеты «Кавказ» вышел очерк князя Хамзаева, в котором автор давал оценку семейному быту кумыков[334]. Автор отмечал, что в домашнем быту женщина-кумычка полноправная хозяйка[335]. Князь Хамзаев

---

[330] Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С.204.

[331] Лезгинский фольклор / сост. А. Гаджиев; на лезгинском языке. Махачкала: Даггосиздат, 1941; Лакские народные песни / подгот. текста, сост., предисл. и коммент. Х. М. Халилова; на лакском языке. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1970; Даргинские народные песни / подгот. текста, сост., предисл. и коммент. З. Магомедова и Ф. Алиевой; на даргинском языке. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1970; Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. / под ред. проф. М. И. Магомедова; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2017. Т. 6. Обрядовая поэзия / сост. Х. М. Халилов, Ф. А. Алиева; отв. ред. А. М. Аджиев.

[332] Халилов Х. М. Гендерные роли в фольклоре лакцев // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008 С. 117-118; Абакарова Ф. З. Мужественность и женственность в детском фольклоре народов Дагестана // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008. С. 123-124; Мутиева О. С. Отражение социально-правового статуса женщины в духовной культуре и фольклоре народов Северного Кавказа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2014. №2. С. 246-248.

[333] Дагестанские пословицы и поговорки. https://artemislaser.ru/dagestanskie-poslovicy-i-pogovorki-o-trude-dagestanskie-poslovicy-i/ [Дата обращения: 12.03.2019].

[334] См.: М.Б. Гимбатова. Понятие «настоящая женщина» в дагестанском сознании// Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С.141.

[335] Там же.

особо подчеркивал, что жена повинуется своему мужу, не от страха, а от уважения к нему, которое в ней воспитали ее родители с рождения [336].

По мнению автора, будучи даже более умственно развитой, женщина никогда бы не позволила себе показать это перед посторонними людьми, так как она думала о репутации своей семьи[337].

Характер публикации уже вскоре вызвал полемику в писательских кругах и среди критиков. Н. И. Воронов, будучи в 60-х годах XIX века редактором – издателем газеты «Кавказ», не замедлил ответить критикой на очерк князя Хамзаева. Он обвинял князя Хамзаева в преукрашение семейного быта кумыков, и в частности, положения женщин[338]. Как видим, Н. И. Воронов, ставя по сомнение доводы князя Хамзаева, исходил из устоявшихся стереотипов – женщина у кавказских народов всегда угнетена, унижена и бесправна.

Полемика на страницах газеты «Кавказ» продолжалась и в конце XIX века, о чем можно судить по публикации А.М. Алиханова–Аварского за 1896 год. Автор, опровергая тезис, о бесправном положении женщины-горянки в семейном быту, писал, что женщина несла на своих плечах лишь законные, установленные вековыми обычаями тяготы[339]. А «лишения горской жизни», по мнению автора, были красочно преукрашены теми, кто весьма субъективно оценивал семейный быт дагестанских народов[340].

Поэтому, неубедительными являются устоявшиеся стереотипы о семейной жизни дагестанских народов, где муж – вечный деспот, а женщина бесправное, забитое существо. Это свидетельствует о неверном понимании исторически сложившихся семейных отношениях, и той миссии, которую женщина выполняла в браке.

Вместе с тем, отмечая важность женской миссии в семейной жизни, современный исследователь Ю. Ю. Карпов отмечал ее прозаичность. По мнению автора,

---

[336] Там же.
[337] Там же.
[338] Воронов Н. И. Критика и библиография газеты "Кавказ". Оттиск. б.г. С.50.
[339] Алиханов-Аварский А. М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев// Кавказ. 1896. № 223.
[340] Там же.

«что делает женщина в семейном и около семейном пространстве – приносит, кормит и воспитывает наследников, хранителей фамильного культа мужа и защитников общины, гораздо прозаичнее, миссии мужа»[341]. От женщины в целом зависел психологический климат в семье. В мировоззрении народа, в его притчах утвердилось мнение, что «каждодневно ухаживая за мужем, жена тем самым, продлевала ему жизнь»[342]. Следовательно, долголетие мужа, положительным образом отражалось на жизни всей большой семьи, обеспечивай ей покой и достаток. Очевидно, что многие авторы, неся на себе неизбежный идеологический штамп, обоснования и оправдания Кавказской войны, невольно искажали реальную семейную жизнь дагестанских народов. Единичные факты преподносили как повсеместную тенденцию, характерную для семейных взаимоотношений. При этом, авторы не учитывали особую специфику семейной жизни дагестанских народов, которая разнилась в силу культурных традиций и пр. В результате, сложились устоявшиеся стереотипы о семейных взаимоотношениях: грубое обращение с женой, которая находилась в рабском положении.

Конечно, экстремальные условия военной повседневности вносили перемены в семейный уклад жизни дагестанского общества, трансформируя традиционные нравственно-этические нормы. Так, на подвластных имамату территориях, посредством введенных имамом правил, регламентировались брачно-семейные отношения. Новые шариатские нормы регламентировали отношения между членами семьи, как в кругу семьи, так и в общественном месте. Например, мужу запрещалось разговаривать с женой при посторонних, родителям свободно общаться с детьми. По имеющимся сведениям, несоблюдение этих правил грозило наказанием со стороны муртазеков (воины Шамиля), вплоть до арестов[343].

---

[341] Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 186.
[342] Там же.
[343] Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. КС. 1902. Т.23. С.60-61; Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. Т. 9. С 143.

С помощью шариатских норм были регламентированы многие положения адатов, которые касались института семьи и брака: вопросы, касающиеся похищения девушек, заключения брака, калыма, развода, наследования и др.

В силу того, что большинство конфликтов в традиционном обществе дагестанских народов было связано с женщинами, то пристальное внимание стали уделять вопросам, связанным браку похищением. В традиционном дагестанском обществе похищение девушки воспринималось как нормальное явление, в котором народ усматривал древний обычай[344]. В различных вариациях похищение девушки с целью женитьбы встречается у многих народов Кавказа[345].

Похищение девушки с целью женитьбы предполагало два варианта: насильственное – несогласие девушки на брак и добровольное – несогласие ее родителей на брак. Тем не менее, общество не оставляло похищение безнаказанным, как деяние затрагивающее честь всего многочисленного коллектива родственников. По мнению А. К. Халифаевой, общество усматривало в этом не только посягательство на честь женщины, но и на честь тухума[346]. По мнению М.М. Ковалевского похищение девушки являлось вызовом ее родственникам – мужчинам, даже при добровольном уходе девушки[347].

Учитывая, что тухум являлся регулятором всех сфер жизни патриархальной семьи[348], то и ответственность за содеянное, похититель должен был нести в первую очередь перед всем большим родом оскорбленной девушки.

---

[344] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1882. Вып. 1-2; Алимова Б. М. Табасаранцы XIX–нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992; Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006; Лугуев С.А. Балхарцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008.

[345] Леонтович Ф. И. Указ. соч.С.172.; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С.428; Шаманов И.М. Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX – нач. XX в. //Археология этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 82.

[346] Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004. С.22.

[347] Ковалевский М.М. Закон и обычаи на Кавказе. Т.2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. С.132.

[348] Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957.С.51-52; Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана. С.542;

В каждом ауле имелись свои нюансы, которые были прописаны в адатных нормах, касающихся похищения женщины. В адатах дагестанских обществ похищению женщин были посвящены целые главы: в Адатах Тиндальского наибства Хваршинского общества в главе VI «Об увозе женщин», в Адатах Каратинского наибства в главе VII «Об увозе девушек или вдов», в Адатах Ункратль-Чамалальского наибства в главе VIII «Об увозе женщин и прелюбодеяниях», в Адатах Гумбетовского наибства в главе VII «Об увозе девушек» и др.[349]

Рассматривая дела по похищению девушек, адаты предполагали два возможных выхода из ситуации – кровомщение или брак с похитителем[350]. При этом, бралось во внимание обстоятельства похищения девушки, что существенно сказывалось на участи похитителя. Так, без согласия девушки – похититель изгонялся кровником (канлы), по обоюдному согласию – изгонялись оба.

В случае, если семья похищенной девушки или вдовы не соглашались на брак с похитителем, его могли ожидать самые разные последствия: денежный штраф или изгнание в канлы[351]. Размер штрафа зависел от желания обиженной стороны.

По сведениям Н. Львова у аварцев похититель должен был заплатить штраф в виде скотины для джамаата, 100 овец или 30 руб. серебром для хана, изгнание из аула на трёхмесячный срок для родственников похищенной[352]. Как видим, похититель нес ответственность за содеянное не только перед семьей девушки, но и перед обществом и самим правителем ханства. По возвращению из изгнания, похититель должен был угостить всех родственников похищенной девушки[353]. Надо заметить, что за похищение замужней женщины в обществе карали как за убийство[354]. Похи-

---

[349] Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы. / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М.: Наука.1965.

[350] См.: Памятники обычного права Дагестана….С. 65- 66; См.: Алигаджиева З. А. Формы заключения брака у аварцев:традиции и иновации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 1. С. 274.

[351] См.: Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ.1867.№ 71. С.21.

[352] Там же.

[353] Там же.

[354] Ковалевский М. М. Закон и обычаи на Кавказе. Т.2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. С.168.

титель наносил двукратное оскорбление – мужчинам рода женщины и мужу, будь даже он членом этого рода.

Что касается похитителя, из-за возможных материальных последствий, он все усилия прилагал для признания данного брака родственниками девушки. Что было возможным в случае совершенного в отношении девушки насилия.

Вместе с тем, и семья девушки, как правило, старалась склонить ее к браку с похитителем. С одной стороны для семьи очень важно было сохранить репутацию семьи, а брак с похитителем в какой-то мере такую возможность давал.

С другой стороны, выдав дочь за похитителя, семья не наживала себе очередного кровника. В реалиях времени, это было очень важным обстоятельством. В случае кровомщения, виновницей стала бы похищенная девушка. Из жертвы, в глазах общества, она становилась уже виновником случившегося.

Что оставалось девушки при этих обстоятельствах? Единственно правильный путь смыть позор с семьи и с себя – выйти замуж за похитителя. При этом никого не волновали моральные переживания и эмоциональное состояние девушки.

В новых реалиях, шариатские законы стали искоренять эти адаты, вводя разного рода наказания для тех, кто нарушает эти запреты. По сведениям Н. Львова, обычай похищения женщин, сильно распространенный в дошариатское время, при дагестанских имамах, был весьма редким, даже забытым[355]. Мулл, которые оформляли брак между похитителем и похищенной девушкой, ожидали самые суровые наказания. По имеющимся сведениям, при нарушение данных установок, мулл ожидала неминуемая кара, в лучшем случае они могли рассчитывать на тюремное заключение, но не исключалась и смерть [356]. Кроме того, эти санкции распространялись не только на случаи насильственного похищения девушки, но и в случае обоюдного побега из дома молодых.

---

[355] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. Тифлис. 1870. С.20.

[356] См.: 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С.78.

Шариатские нормы делали упор на штрафные санкции, преимущественно денежные штрафы[357]. С одной стороны, имам вроде и смягчил наказание, что давало избежать кровной мести, но, с другой стороны, финансовые штрафы становились весьма затруднительными в условиях тяжелого материального положения горцев. По мнению Н.Ф. Дубровина, несмотря на успех, которого достиг Шамиль путем жестоких мер, горцы с большим трудом свыкались с идеей «об удовлетворении обид путем коммерческим»[358]. Безусловно, Шамиль, прибегнул к этим мерам, руководствуясь из объективных условий военного времени, стараясь не допустить человеческих жертв, что могло спровоцировать кровную месть[359].

Тем не менее, несмотря на все эти запреты, и жестокие наказания, случаи похищения девушек повсеместно происходили, а «шариатская норма, привилась слабо»[360]. По мнению Н.Ф. Дубровина, подобные случаи являлись обычным явлением и происходили преимущественно в обществах, которые не признавали власти Шамиля»[361].

После окончания Кавказской войны, вопросы похищения регламентировались российскими властями**.** По имперскому закону («Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и в новой редакции от 1885 г.), были существенно упорядочены и дополнены нормы, касающиеся преступлений против семьи. В частности, в главе I "О противозаконном вступлении в брак", отдельный раздел «О преступлениях против прав семейственных», касался преступлений, связанных с принуждением к вступлению в брак[362]. В статье 2040 «Похищение женщины», кража невесты считалось преступлением против брака[363] В связи с чем,

---

[357] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 318.
[358] Дубровин Н. Ф. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I.С.612-613.
[359] Руновский А. Канлы в немирном крае. Военный сборник, 1860. № 7. С.199-216.
[360] См.: Першиц А. И., Смирнова Я. С. Положение кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату. Государство и право. 1997. № 9. С. 105.
[361] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 434.
[362] Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Книга по Требованию, 2012. С. 352.
[363] Там же.

российские власти придерживались принципа, что похищение девушки ни при каких обстоятельствах, не должно быть урегулировано примирением сторон[364].

Так, например, только в Даргинском окружном суде за 1861 год было рассмотрено 94 судебных дела по факту похищения девушек[365]. Обычно на похитителя налагали штраф, после чего могли отправить на каторжные работы в Сибирь.

Анализ применения наказания по фактам похищения в округах Дагестанской области свидетельствовал, что при вынесении наказания похитителю, власти апеллировали к нормам адатного права. Размер выплаты семье похищенной разнился в зависимости от ее семейного достатка и статуса женщины – замужняя, девушка или вдова.

По адатам южно-дагестанских обществ Кюринского округа, похищение женщины приравнивался к убийству мужчины[366]. Мало того, родственники похищенной женщины, имели полное право убить похитителя, не понеся за это никакой ответственности[367].

Судя по архивным данным, нередки были случаи убийства похитителя, о чем имеются сведения в материалах «Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области»[368]. Так, например, из материалов дела следует, что из ответчиков 99 % составляли мужчины от 15 до 40 лет, небольшой % - женщины того же возраста. В тоже время, потерпевших мужчин от 15 до 40 лет было 85 % , а молодых женщин всего 15 % [369].

Более строго к похищению девушки относились в Самурском и Кюринском округах, где ответственность за похищение приравнивалась к смерти женщины. Так, например, по адатам южно-дагестанских обществ, похититель девушки дол-

---

[364] Там же. С.353.
[365] ЦГА РД. Ф.126, Оп.2, Д.71-а. Л.38.
[366] Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 9.
[367] Там же.
[368] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50. Л.106.
[369] Там же.

жен был заплатить ближайшим родственникам девицы сумму в 150 руб.[370]. Как видно из адата, суммы выплаты была аналогичной как за убийство женщины, что явно свидетельствовало о строгости наказания за похищение.

Свои отличия имелись в Даргинском округе, где сумма материальной компенсации зависела от семейного положения похищенной. Так, например, за увоз девушки с похитителя взыскивалось сумма в размере 30 рублей в пользу родственников похищенной, а за увоз замужней женщины – 50 рублей в пользу мужа [371].

Аналогичную сумму взыскивали с похитителя и в Кумыкском округе[372]. В Гунибском округе похититель, обвиненный в насильственном похищении девушки, платил в общественную казну штраф в сумме – 25рублей, а за похищение замужней женщины должен сумму – 50 руб [373].

Как же общество санкционировало факты похищения женщин? По имеющимся сведениям, само общество часто принимало участие в примирении сторон. В частности, по адатам южно-дагестанских обществ, джамаат села прилагал немало усилий для примирения сторон; в том числе и обеспечивал ему безопасность, до разрешения конфликта[374]. Как мы видим, общество, учитывая обстоятельства похищения, старалось примирить враждующие стороны. Налицо доминанта адатного права над шариатом в наказаниях за похищение девушек.

Наряду с похищением с целью женитьбы, была распространен еще один обычай, который многими исследователями называется – брак прикосновением. По имеющимся сведениям, в исследуемый период, этот обычай был распространен у многих народов Дагестана [375]. По дагестанским адатам, прикосновение постороннего мужчины к женщине означало для нее бесчестие и могло стать причиной кро-

---

[370] Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 9, 68

[371] Адаты Даргинского округа. Общие адаты // АДОЗО. Тифлис, 1899. § 163, 164.

[372] Адаты жителей Кумыкской плоскости. Очерки народных обычаев Кумыков. Очерк второй. // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып.VI. Ст. 18. Гл. II.

[373] Адаты Гунйбского округа. Частные адаты обществ Андалалского наибства. 0.// АДОЗО. Тифлис, 1899. § 5

[374] Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 9.

[375] Чурсин Г. Ф. Свадебные обычаи и обряды на Кавказе // Весь Кавказ. Ч.1. Тифлис, 1903. С. 36; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985. С. 176;

вомщения. Нередки были случаи, когда мужчины прибегали к прикосновению из-за озорства, но чаще причиной являлась месть девушке.

По сведениям Абдуллы Омарова, общество рассматривало прикосновение как похищение, поэтому и наказывало виновного также строго как похитителя[376].

Безусловно, у каждого народа имелись свои различия в видах прикосновения - оскорбления, что нашло отражение в адатных нормах. Так, по адатам Тиндальского общества – мужчина преднамеренно, с дурной целью обнимет или тронет женщину[377], по Адатам Ункратль – Чамалальского наибства, адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского – мужчина с головы женщины снимет платок[378]. При этом, виновному грозило за содеянное, не только материальное возмещение за бесчестие девушки, но его еще изгоняли на 3 месяца в канлы[379].

По адатам технуцальского наибства, если женщина заявляла, что к ней прикоснулся мужчина, виновник должен был очиститься 12 соприсягателями[380]. При этом не бралось во внимание то обстоятельство, что два свидетеля, которые находились на месте происшествия, отрицали факт прикосновения к женщине[381].

У аварцев аула Бежта, если до родителей доходили слухи, что до их дочери преднамеренно прикоснулся мужчина, то они требовали его жениться на дочери[382]. В противном случае, оскорбленные родители воспринимали это как повод к кровной мести[383].

По новым шариатским нормам была скорректирована форма наказания за прикосновение постороннего мужчины к женщине. В отличие от адатных норм, Шамиль запретил признавать прикосновение к женщине бесчестием и заменил его трехмесячным арестом и денежным штрафом, к которому рационально прибегнул

---

[376] Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 21.
[377] Там же. С.122.
[378] Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 106, 157.
[379] Там же.
[380] Законы вольных обществ XVII – XIX вв. : Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. С. 167.
[381] Там же.
[382] Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы . XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994.С.112
[383] Там же.

в реалиях времени[384]. По сведениям очевидца Али-Гаджи, такими мерами Шамилю удалось существенно уменьшить междоусобицы, родовую вражду, и в итоге, объединить народ[385].

Существенной трансформации подверглись вопросы, касающиеся калыма. Как известно, у многих народов Дагестана брак был покупным, традиционно за невесту было принято давать выкуп в денежной форме. Широко распространен был калым у тюркских народов и народов Южного Дагестана.

По сведениям С. Ш. Гаджиевой калым давали за девушку у кумыков, ногайцев, дагестанских азербайджанцев, табасаранцев, агулов, рутулов, цахуров и у некоторых лезгин[386]. В горном Дагестане, калым за девушку, как правило, не предполагался. Обычно, обходились подарками со стороны жениха и его родственников.

Размер калыма мог варьироваться, в зависимости от достатка брачующихся, от их сословной принадлежности, а так же от договоренности сторон[387]. Чем выше статус жениха, тем больше ему приходилось потратить средств на свадьбу, включая калым невесте. По сведениям М. М. Ковалевского, по древним дагестанским обычаям, беки шамхальской крови должны были дать на калым невесте от 600 до 1000 рублей[388], что становилось собственностью девушки.

По сведениям Д. М. Шихалиева, у кумыков, женитьба вместе с калымом и другими расходами обходилась князю в 720 рублей серебром. Уздень на калым невесте должен был дать от 200 до 100 рублей, а представитель среднего класса от 100 до 50 рублей серебром[389].

---

[384] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С.477.

[385] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995. С. 36.

[386] Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1985.С.180.

[387] Кумык (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. "Кавказ". 1848. № 43; Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы. Сост. предисл., прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 209; Семенов Н. Очерки народных обычаев у кумыков Терской области//Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – Спб., 1895. С. 299; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961.С. 271; Адаты Кайтаго-Табасаранского округа// АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 560.

[388] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 145.

[389] Кумык (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. "Кавказ". 1848. № 43.

В бытность Шамиля, само понятие калым перетерпело изменения, что выражалось в его двойственности – одна часть калыма полагалась родителям невесты, а другая часть – (кебин), была предназначена самой девушке. Кебин был неприкосновенен и служил гарантом материального обеспечения женщины в случае смерти мужа, или же развода, который был инициирован мужем. В адатах Самурского округа, можно прочитать, что «кебинные деньги – неприкосновенная собственность женщины»[390].

Величина кебина зависела от многих факторов, в том числе от личного статуса женщины – девушка на выданье, разведенная женщина или вдова. При этом, устанавливался твердый размер калыма и кебина как для девушек, так и для вдов.

По сведениям С.Ш. Гаджиевой, в денежном эквиваленте размер кебина у разных народов составлял от 3 до 100 рублей. Так, по сведениям автора, размер кебинных денег у аварцев составлял от 3 до 5 руб., у табасаранцев был более существенным – от 15 до 40 руб., а у лакцев и у кумыков был самый высокий – от 30 до 90-100 руб. [391]. Как видим, самый высокий размер кебина был у лакцев и кумыков, а самый незначительный у аварцев. С.Ш. Гаджиева также обращала внимание на тот факт, что у лезгин девушке полагалось 15 рублей кебинных денег, а вдове не менее 7 руб. 50 коп[392].

Вместе с тем, у некоторых народов сумма кебина могла быть и более существенной. Так, в архивном деле имеются сведения о том, что в селении Цмур Кюринского округа девушке полагался кебин в размере 200 рублей и калым в размере 60 рублей[393]. Что касается вдовы, то размер кебина и калыма был вдвое ниже: кебин – 100 рублей, калым – 30 рублей[394].

Как видно из материалов архивного дела, за вдову платили в два раза меньше, чем за незамужнюю девушку. Разумеется, невинность девушки в данном примере, определило существенную разницу суммы ее кебина и калыма.

---

[390] Адаты южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 72
[391] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1985.С. 178.
[392] Там же.
[393] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 60. Л. 104.
[394] Там же.

Нередко, сумма кебина становилась предметом обсуждения сторон еще в процессе сватовства. Так, в Южном Дагестане, по сведениям С.Ш. Гаджиевой, имели место случаи, когда сумма кебина записывалась в брачный договор, во время бракосочетания при двух свидетелях сторон[395].

Безусловно, архаическая плата семье невесты, закрепленная в нормах адата, являлась нередко существенным препятствием на пути к браку. Особенно остро стояла эта проблема в период военных событий, в Имамате, в связи с чем, Шамиль был вынужден регламентировать размера кебина.

На подконтрольных Имамату территориях, Шамилем был введен твердый размер калыма, в пределах от 10 до 20 рублей. По мнению А. В. Комарова, Шамиль, видевший в браке залог благосостояния горцев, всячески старался облегчить заключение браков, уменьшив калым и кебин[396]. По сведениям автора, в селениях Гимры, Харикуни и других, бывших вблизи русской передовой линии, кебин-хакк был установлен в весьма незначительном размере - от 25 коп. до 1 рубля[397]. А. В. Комаров полагал, что Шамиль был вынужден регламентировать размер кебина в этих селах, потому-что число женщин значительно превышало число мужчин, которые попадали в плен или были убиты при набегах[398].

Конечно же, такая символическая сумма калыма являлась следствием сложной демографии периода Кавказской войны. По мнению М. Гаммера, это не могло не заботить Шамиля[399]. Поэтому, все, что касалось вопросов кебина и калыма находилось в поле зрения имама и его наибов.

Так, по сведениям А. М. Халилова, по соглашению брачующих сторон, сумму калыма могла сокращаться бесконечно[400]. Кроме того, в случае нарушения предписаний низама, если сумма выкупа превышала установленную норму, то раз-

---

[395] Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы, XIX - начало XX вв. М.: Наука, 1990. С. 168.
[396] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Т. 1.Тифлис, 1868. Вып. 1.С. 52.
[397] Там же.
[398] Там же.
[399] См.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 319.
[400] Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, Дагучпедгиз,1991.С.101-102.

ницу следовало изъять в в доход общественной казны имамата (байтулмала). Специальные комиссии строго следили за соблюдением этого порядка, а обнаружив факт нарушения виновных, наказывали, несмотря на их социальное положение.

Так, наиб Шамиля Ахверды Магома нарушил прописанные в Низаме требования к калыму, вместо положенных 20 рублей, он решил заплатить невесте 90 рублей серебром[401]. Заметим, что это был уже четвертый брак наиба.

Разумеется, такое самоуправство пришлось не по душе имаму Шамилю, узнав об этом, он приказал наказать своего наиба, отняв всю сумму калыма в пользу казны имамата[402]. Данный пример показатель того, что в имамате наказания не могли избежать и влиятельные люди, такие как наиб Ахверды Магома.

После пленения Шамиля, размер калыма за девушку родителям невесты не был строго регламентирован [403]. Он зависел многих факторов: от сословной принадлежности жениха и невесты, от условий заключения брака, от традиций народа. Например, самый большой размер калыма был у кумыков и ногайцев, который к концу XIX века доходил до внушительных сумм.

Русские власти неоднократно пытались выработать специальные правила, регламентирующие уплату калыма, но все было безуспешно. С другой стороны, было очевидно, что материальные издержки на калым, являлись существенным препятствием разводам среди народов Дагестана.

Распространение шариатских норм отразилось и на разводе. Парадоксально, но в дошариатское время, расторжение брачных союзов было нередким явлением в семейном быту дагестанских народов. Веками сложилась практика, когда муж без особых на то причин имел право дать развод своей жене[404]. По мнению А. А. Руновского, легкость, с которой совершались разводы, зависели от постановлений

---

[401] Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С. 87.
[402] Там же.
[403] См.: Далгат Б.К, Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.
[404] Адаты Кайтаго-Табасаранского округа// АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 560.

религии, «окружившей мусульманскую женщину самыми неблагоприятными условиями»[405].

Безусловно, это приводило к злоупотреблению со стороны мужчин, которые этим правом нередко обращались очень легкомысленно, не задумываясь о последствиях. Разумеется, меньше всего мужа волновали чувства жены. Поводом к разводу могли послужить ничтожные, очень редко основательные причины. Нередко муж произносил известные слова «*талак, талак, талак*» бессознательно, будучи в нетрезвом виде, после чего свершался разводный акт. Конечно же, отрезвев, муж сожалел о содеянном поступке. Мало того, он спешил повторно заключить брак со своей прежней женой. Женщина не имела даже возможности противиться данной практике. По справедливому замечанию А. А. Руновского, такой практикой «женщина получала доказательство своего бессилия и беззащитности»[406].

Наиболее распространенным видом развода считался талак. По сведениям Г. М. Керимова, у кумыков для того чтобы развод признать действительным, муж обязан был трижды произносил вслух «жена моя (имярек) свободна»[56]. По сведениям Ю. М. Гусейнова, у кумыков в XIX – начале XX в. муж мог произнести и другие слова: «ты отрезана», «ты запретна», «поводья брошены на твою собственную шею», «я отдаю тебя твоему семейству», «твои дела в твоих собственных руках», «соединись со своим родом», «иди к себе домой» и др [407].

По сведениям М. Ш. Ризахановой, у лезгин при разводе инициатором всегда выступал мужчина, который вправе был давать развод жене без всякого повода[408]. Мужу достаточно было произнести в присутствии свидетелей трижды «талакь», а также сказать слова «ты мне больше не жена, а сестра», как развод считался со-

---

[405] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор.Калуге, с 1859 по 1862 год // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1455.
[406] Там же.
[56] Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. СПб.: «Издательство. «ДИЛЯ», 2009. С. 140.
[407] Цит.: Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX вв. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. Нальчик, 2012. С. 18
[408] Ризаханова М. Ш. Лезгины XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.С.124.

вершенным[409]. После этого, женщина считалась разведенной и могла уйти в дом своего отца, оставив детей в доме мужа[410].

С введением шариатских норм, предусматривались четыре вида развода: *хуль, фасх, лиан и талак*. В отличие от адатов, женщина получила защиту во время развода. Во-первых, была пресечена инициатива развода со стороны пьяного мужа. Со стороны имамата жестко пресекалось пьянство, что повлияло на сокращение разводов среди населения. Но, говорить о том, что они не имели место, было бы неверным.

Что же это давало женщине? По мнению А. Руновского, одним из положительных последствий шариата было избавление женщины от пьянства мужа[411]. Автор полагал, что это давало ей надежду для улучшения ее положения в будущем[412]. Не вызывает сомнения, что это была маленькая, но уже победа для дагестанских женщин.

По новым шариатским нормам, оговаривалась сумма калыма, которая должна была быть возвращена жене после развода. По шариатским нормам при бракоразводном процессе непременно учитывалось важное обстоятельство – по чьей инициативе происходил развод. В случае если развод происходил по инициативе мужа, то за женщиной закреплялось право возвращения ее кебина и приданного, которое они принесли с собой из отцовского дом, без препятствий со стороны мужа[413].

Многие мужья, ссылаясь на правила шариата, по которым разводимая жена была не тронута мужем на брачном ложе, должна была получить только половину условного калыма, старались получить любыми способами свою половину [414]. Ука-

---

[409] Там же.
[410] Там же.
[411] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор.Калуге, с 1859 по 1862 год // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1455.
[412] Там же.
[413] Шамиль и Чечня // Военный сборник, № 9. 1859. С.159; Берже А. Чечня и чеченцы….С. 13; Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. С. 99.
[414] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор.Калуге, с 1859 по 1862 год // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1405.

зывая на эти обстоятельства, А. Руновский писал в своем дневнике, что многие горцы пользовались природной стыдливостью своих невест, чтобы не возвращать половину калыма[415]. При этом он подчеркивал, что свидетельствование о растлении девушек, которое существовало среди русских, у горцев не допускалось[416]. В том числе и по этой причине, как полагал А. Руновский, бедные женщины вынуждены были отказаться от права на единственное свое состояние - свою половину калыма[417].

Разумеется, девушка в силу своей скромности, не старалась публично доказать факт потери невинности в первую брачную ночь, чем и пользовался муж.

Противовес этой практике, Шамиль, «вооружившись против плутовского своевольства мужей»[418], обязал мужа возвращать жене весь калым, даже в случае, если муж был с женой наедине только несколько минут[419].

В том случае, если имелись жалобы со стороны жены на попытки мужа лишь ее части калыма, следовали санкции по отношению к мужу. Так, например, имаму Шамилю пришлось разбирать жалобу женщины, которая прожив с мужем восемь лет, была лишена части калыма, как не имевшая от него детей[420]. Реакция имама была незамедлительной, он не только разрешал это дело в пользу женщин, но и не исключал наказание мужей, в случае ложных показаний[421].

Кроме того, Шамиль специальным низамом обязал горцев, инициировавших развод, возвращать женам их калым, а также принадлежащее им имущество[422]. В случае, если после развода наступала смерть жены, все ее имущество, в том числе и кебинная сумма, переходили к ее детям.

---

[415] Там же.
[416] Там же.
[417] Там же.
[418] Там же.
[419] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор.Калуге, с 1859 по 1862 год // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904; 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С.33.
[420] Дневник полковника Руновского....С. 1405.
[421] Там же.
[422] См.: 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С. 33.

Если же жена получала развод, будучи беременной, то муж был обязан обеспечивать ее материально до рождения ребенка»[423]. Безусловно, этими мерами, имам не только укрепил имущественное положение женщины, но, и дал ей определенную самостоятельность и моральную поддержку.

С целью защиты разведенных горянок Шамиль принимал и другие меры: дети разведенной жены, по желанию отца, могли остаться при нем, или же отпускаться с матерью[424]. В том случае, если дети оставались с матерью, то муж должен был обеспечивать их до достижения совершеннолетия[425]. Мало того, на мужа возлагалась обязанность обеспечивать и мать детей, до ее нового замужества[426].

В частности, по адатам келебских селения, если возникал спор о содержании ребенка после развода, мать имела право содержать его у себя, пока он де достигнет годичного возраста[427]. При этом, отец ребенка был обязан дать на его содержание «8 мерок пшеницы и 6 фунтов внутреннего жира»[428].

По адатам Ункратль-Чамалальского наибства, если у разведенной женщины оставался грудной ребенок, то его в течение 2 лет обязана была содержать мать, а муж должен был давать ей по адату все необходимое на содержание[429].

По адатам Технуцальского наибства, до достижения трех лет ребенок после развода находился на содержании матери. А муж обязан был давать в месяц малолетнему ребенку разведенной жены «по 1 сабе зерна и ¼ ратла сала или курдюка в течение 3 лет»[430]

Надо отметить, что в рассматриваемый период у многих народов Дагестана, дети, как правило, после развода оставались с отцом: исключение делалось лишь

---

[423] Там же
[424] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1456.
[425] 100 писем Шамиля…..С.33.
[426] Там же.
[427] Законы вольных обществ XVII – XIX вв.: Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. С.99.
[428] Там же.
[429] Там же. С.194.
[430] Там же. С.167.

детям, находящимся на грудном вскармливании. На примере тюркоязычных народов на такую практику указывала М.Б. Гимбатова[431].

Муж мог проявить инициативу развода по двум существенным обстоятельствам – отсутствие целомудрия и бесплодие женщины. Например, по адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, муж имел право инициировать развод, если новобрачная была не целомудрена[432].

Учитывая, что кровная месть на женщин не распространялась, то она изгонялась с аула, как порочащая свои недостойным поведением моральные устои не только семьи, но и общества.

В случае если муж инициировал развод по причине прелюбодеяния жены, то у кумыков и терекеменцев, женщина помимо имущества и кебина лишалась и волос с головы»[433]. Желая опозорить женщину, уличенную в прелюбодеянии, муж прибегал к такому наказанию, как состригание волос жены.

Учитывая, что в культуре народов Кавказа, женские волосы обладали определенной магической силой, лишение которых свидетельствовало о потере женщиной этой силы, то такое наказание для нее было морально тяжелым. Очевидно, желая публично наказать женщину за недостойное поведение, мужья прибегали к такой унизительной такой практике. Безусловно, общественное мнение порицало блудниц, положительно санкционируя поступок мужа. При этом, женщина-блудница, получившая развод, должна была выйти замуж за мужчину с которым у нее была любовная связь. У некоторых народов, отказ женщины мог восприниматься общественным мнением как оскорбление. Так, в селении Терекем Кайтаго - Табасаранского округа, если женщина по получению развода не желала выходить замуж за человека, к которому убежала, то она считалась кровником всему обществу[434].

---

[431] См.: Гимбатова М. Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 2. С.107.
[432] Адаты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. С.211.
[433] Гаджиева С. Ш. Башлы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2009. С. 308
[434] Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004. С.145

Заметим, что при любых причинах развода, женщина не могла долго оставаться одной. Семья старалась повторно выдать ее замуж.

По новым шариатским нормам женщины получили право инициировать развод. При этом, женщина не имела права о желании развестись сказать мужу лично, за нее это должны были сделать ее братья или старшие родственники – мужчины.

Что касается причин, по которым женщина могла потребовать развод, они практически у всех дагестанских народов были схожими. Инициатива женщины была ограничена тремя случаями – жестокое обращение, измена мужа, неспособность к брачному сожительству[435]. Так, по адатам Кайтаго-Табасаранского округа, женщине дозволялось подать на развод при следующих обстоятельствах: 1) муж не выполняет своих супружеских обязанностей; 2) муж заражен прилипчивою болезнью; 3) муж по причине бедности не может содержать свою жену[436].

По адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского женщине дозволялось подать на развод в следующих случаях: нерасположение к ней мужа, потеря супружеских способностей, сумасшествие, чесотка, проказа или другое заболевание[437].

По сведениям С.Ш. Гаджиевой, у кумыков жена могла подать на развод, как по причине неспособности мужа отправлять свои супружеские обязанности, так и по причине его бедности, что не давало ему возможность содержать семью[438]. Как видим, жестокое обращение мужа, не учитывалось в качестве серьезного обстоятельства для развода у кумыков.

Грубое отношение мужа, как повод жене подать на развод отмечается исследователями у ногайцев. В частности, среди причин, по которым ногайские женщины могли инициировать развод, М.Б. Гимбатова отмечала, безосновательные обви-

---

[435]Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983. С. 35.

[436] Адаты Кайтаго-Табасаранского округа // АДОЗО. С. 560.

[437] См.: Законы вольных обществ XVII – XIX вв.: Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. С.270.

[438] См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала, 2005. С.141.

нения жене в измене со стороны мужа, которые могли подтвердить свидетели[439]. При этом, ногайская женщина, получившая развод, не возвращала мужу калым. Как правило, таких случаев было очень мало. Редко кто мог выступить в качестве свидетеля, рискуя попасть под гнев мужа.

По дагестанским адатам, если же кто-то из супругов требовал развод без всякого на то основания, то они подвергались денежному штрафу в размере 80 рублей[440]. По сведениям Ф. И Леонтовича, покидая дом мужа, она должна была оставить там все, что ей полагалось по кебину, в том числе, и свое личное имущество[441].

По адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, в случае нежелания жены сожительствать с мужем без уважительных причин, уходя от мужа, она лишалась всего личного имущества[442]. Подарки жениха (альхам), приданное, кебинные деньги, калым, и даже верхняя одежда переходили «в полное владение оставленного ею мужа»[443].

В этих же адатах говорилось, что муж имел право отрезать прядь с волос уходящей от него жены[444]. Так, как волосы обладали сакральной силой, то это воспринималось и женщиной и обществом как оскорбление чести женщины.

Следует обратить и на то обстоятельство, что женщина должна была в шариатском суде привести убедительные доводы, которые могли удовлетворить ее желание развестись с мужем. Если таковых у женщины не имелось, то развод от мужа она не получала. Единственное что ей оставалось, уйти без согласия мужа, заплатив ему вознаграждение. Так, например, в адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского говорилось, что мужу, от которого без его согласия на развод

---

[439] Гимбатова М. Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 2. С. 106.
[440] ЦГА РД. Ф. 133.оп.2.Д.2. Л.20.
[441] См.: Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II С. 99; 200;
[442] Законы вольных обществ XVII – XIX вв. : Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. С.270.
[443] Там же.
[444] Там же.

уходила жена, дозволялось требовать вознаграждение за его согласие на совершение развода[445]. Форма вознаграждения могла варьироваться у разных народов.

Так, по адатам южно-дагестанских обществ, в случае развода по инициативе жены, мужу полагалась моральная компенсация в денежном выражении. Например, терекеменские женщины, помимо своего имущества и кебинных денег, должны были уплатить мужу 25 рублей за моральный ущерб[446].

По адатам Ункратль-Чамалальского наибства, не любящая своего мужа женщина, могла получить развод от мужа, уплатив ему в качестве компенсации денежную сумму, равную стоимости 7 коров, а также отказавшись от кебинных денег[447]. Вместе с тем, по тем же адатам, если развод происходил в зимнее время, по требованию жены, муж «по суду обязан был дать ей платье»[448].

Несмотря на разрешение бракоразводной инициативы женщины, в традиционном дагестанском обществе разводы были крайне редким явлением. Во-первых, развод, инициированный женщиной, лишал ее возможности получить причитающееся ей имущество. Во-вторых, сдерживающим фактором являлись дети, которые в большинстве случаев оставались с мужем, что являлось сдерживающим фактором для инициирования развода женщиной. По справедливому замечанию М.Б. Гимбатовой, женщина, рискуя потерять детей, была вынуждена мириться с грубым отношением мужа и не подавать на развод[449].

Кроме того, учитывая отношение в обществе к разведенным женщинам, они нелегко решались на этот опрометчивый шаг. Семья женщины также всячески старалась отговорить ее от развода, заботясь в первую очередь о репутации семьи. Как правило, женщины были вынуждены покориться воле своих родителей, терпя и дальше тяжелую жизнь в доме мужа.

---

[445] Там же.
[446] Адаты южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С.51.
[447] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.С.158; Законы вольных обществ XVII – XIX вв. : Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007..С.193
[448] Законы вольных обществ….С.194.
[449] Гимбатова М.Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 2. С.107.

Под влиянием военного фактора, возрождались некоторые архаические традиции дагестанского народа, обусловленные патриархальными, религиозными и военными обстоятельствами. Одной из таких традиций в брачной политике имамата стало многоженство, которое было санкционировано и одобрено шариатом. Несмотря на все меры, многоженство широкого распространения так и не получило, народ по-прежнему придерживался моногамии.

Главным препятствием был калым за невесту, размер которого, в условиях многоженства, был эквивалентен количеству жен. Следовательно, только способность уплатить калым, давала возможность мужчине реализовывать данное право. Не имея особых материальных возможностей, как правило, мужчина не спешил заводить несколько жен. Только состоятельный мужчина мог позволить себе иметь несколько жен, так как это было связано с материальным обеспечением семей. Указывая на это обстоятельство среди жителей даргинского аула Урахи, Б. К. Далгат отмечал, что многоженство было присуще зажиточным мужчинам, которые имели по несколько жен[450].

Указывая на обстоятельства экономического характера, Н. Львов также полагал, что в ауле Ботлих многоженство мало распространено по причине их бедности[451]. По мнению автора, едва ли находилась среди горцев десятая часть тех, которые за всю свою жизнь не женились бы хоть три раза[452]. При этом, он резонно замечал, что были среди них мужчины, которые разновременно женились «на десяти и более женах»[453].

Характеризуя семейные отношения у лакцев, С. Габиев отмечал, что они не имели понятия о многоженстве, а мужья с женами обращались очень хорошо[454]. По

---

[450] Далгат Б.К.Материалы по обычному праву даргинцев. Из истории права народов Дагестана С.87.

[451] См.: Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870. С.20.

[452] Там же.

[453] Там же.

[454] Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 11.

мнению автора, численное превосходство женщин над мужчинами, должно было привести к полигамии или проституции, но этого в народе не наблюдалось[455].

Одной из неприглядных сторон многоженства, по мнению Н. Львова, были имеющиеся склоки между женами[456].

Описание семейных отношений многоженца, на примере даргинской семьи приводит в своем очерке Г-М. Амиров. По сведениям автора, привод в семью второй жены Рокие, стал причиной страшной ненависти к мужу со стороны первой жены Айши,[457]. По мнению автора, муж не уделял женам одинакового внимания и заботы, что приводило к недовольству со стороны первой жены Айши, к постоянным скандалам[458]. Одна из таких семейных ссор закончилась трагически. Айша стала высказывать мужу в грубой форме все, что успело накопиться в ее сердце за 20 лет совместной жизни, но разъярённый муж вонзил в грудь несчастной кинжал[459]. По сведениям автора очерка, убийство первой жены, не осталось безнаказанным, Саид был изгнан в канлы из аула, где вскоре и умер[460],

Кроме того, военная администрация, с момента утверждения в крае, не оставляла без внимания вопросы, связанные с многоженством. Нередко вмешивалась сама в эти дела семейные, или в своих письмах указывала лицам, в чьих владениях имели место злоупотребление со стороны мужчин. Представляет интерес письмо генерала Ермолова к Мехди-Шамхалу Тарковскому от 1 февраля 1824 года за № 24, где говорилось, что некий прапорщик «Мирза-Исмаил, имея 4-х жен, хочет еще взять 5 – ю из Карабудага. Всякими плутовствами содержал он прежних, ибо бедное состояние его было мне неизвестно, – следовательно, на те же и теперь надеется плутовства, если число жен умножить»[461]. Кроме того Ермолов просил Мехди–Шамхала Тарковского не допустить сего примера разврата в земле, где лю-

---

[455] Там же. С. 99.
[456] См.: Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870. С.20.
[457] Амиров Г-М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ.1873. Вып.7. С.32-33.
[458] Там же.
[459] Там же. С.34.
[460] Там же. С.36.
[461] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С. 99.

ди, подобные ему низким состоянием, доселе многоженства не терпели»[462]. Мало того, генерал наказывал взять этот вопрос под контроль полковнику князю Бековичу-Черкасскому, а и поставить в известность родственникам невесты, что Мирзе–Исмаилу запрещено жениться[463]. Кроме того, самым строгим образом предупреждались родители невесты: если они выдавали дочь в замужество, то сразу же изгонялись из селения[464]. Что касается Мирзы–Исмаила, в случае ослушания, его должны были посадить в крепость «как подающего пример неповиновения»[465].

Как видно из текста письма, генерал Ермолов не был против многоженства. Главным условием было, чтобы мужчина был в состоянии, как ему полагалось по обычаям, достойно содержать своих жен. А за неповиновение власти, как видно из примера, наказание ожидало всех участников – незадачливого жениха и меркантильных родственников невесты.

Несмотря на нормы шариата, которые приветствовали многоженство, мужчины, исходя из своих возможностей и желания, моли прибегнуть к данной практике. С другой стороны, в реалиях сложной демографической ситуации, которая усугубилась многолетней Кавказской войной, требовалось волевое решение данной проблемы. Многоженство, должно было эффективно сказаться на демографии. В имамате понимали, что несколько жен гарантировали увеличение потомства.

Несмотря на все усилия, которые прилагались для утверждения многоженства в Дагестане, оно так и не получило распространения среди горцев. В связи с чем, в имамате были предприняты более радикальные меры – «принуждение к замужеству засидевшихся в девках». Что по своему содержанию предполагало двоеженство. К категории «засидевшихся» были причислены все женщины детородного возраста – юные девушки, старые девы, вдовы, проживающие на территории имамата.

В Военном сборнике за 1859 год вышла статья «Шамиль и Чечня», где такая политика Шамиля была названа насильственной и была обусловлена сложной де-

---

[462] Там же.
[463] Там же.
[464] Там же.
[465] Там же.

мографической обстановкой[466]. Автор статьи, указывая на эти обстоятельства писал: «Мера эта, принятая Шамилем по случаю значительная уменьшения народонаселения, вследствие истребительных войн, носила характер чисто вынудительный, и состояла в том, чтобы каждая девушка в известное время года, по достижении совершеннолетия, должна была избирать себе жениха и выходить замуж»[467].

Безусловно, сложившийся дисбаланс между мужчинами и женщинами, являлся следствием демографического кризиса, вызванного Кавказской войной. Одинаково сложная ситуация была в наибствах Дагестана и Чечни, которые в ходе военных событий потеряла значительное количество мужского населения.

Очевидно, что львиная доля этих людских потерь были мужчины. В опустевших аулах находились сплошь рядом вдовы, возраст которых составлял от 18 до 30 лет. Учитывая, что вдовы находились в детородном возрасте, то в имамате стали проводить политику, направленную на улучшение демографии.

Оправдывая такую радикальную политику, имам Шамиль приводил веские аргументы, среди которых, человеческие потери – более тридцати лет. М.И. Ибрагимова в своем историческом романе не скупится на краски, описывала атмосферу, при которой осуществлялись мероприятия по улучшению демографии имамата[468]. По сведениям автора романа, главным аргументом Шамиля было, что вскоре в имамате подрастающим девицам не за кого будет выходить замуж[469].

Первым делом во всех наибствах была проведена перепись населения, которая показала, что мужского населения было в три раза меньше, чем женского. Следующим шагом, после широкого обсуждения на меджлисе сложной демографической ситуации в имамате, начали внедрять в жизнь практику «принуждения к замужеству».

Безусловно, такое вмешательство в личную жизнь, не могло понравиться ни женщинам, и тем более, мужчинам. Несмотря на недовольство, оспорить законы

---

[466]Шамиль и Чечня // Военный сборник, № 9. 1859.
[467] Там же.
[468]См.: Ибрагимова М.И. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С 386-387.
[469] Там же.

меджлиса никто бы не осмелился. Вся ответственность за выполнение этих предписаний была возложена на представителей от общинной администрации. В их обязанности входил контроль над девушками брачного возраста, незамужними женщинами и вдовами.

В некоторых аварских и цезских селениях представители от администрации должны были их регулярно опрашивать, за кого они желали бы выйти замуж. При этом, не исключалось, что женщины могли выбрать и женатого мужчину. Учитывая, что шариат допускал мужчине иметь и четырех жен, то такой выбор считался вполне нормальным явлением. Заметим, что желание мужчины тоже никого не волновало.

Но, не только демографические проблемы вынудили Шамиля прибегнуть к таким радикальны мерам. По сведениям А. Руновского, причина заключалась в стремлении улучшить нравственные устои общества, которые в период войны пошатнулись. Этими мерами, А. Руновский полагал, что Шамиль хотел спасти девушек, которые были замечены в предрассудительных связях, и их семьи от бесславия[470].

М. Гаммер, в причинах, побудивших Шамиля прибегнуть к столь радикальной практике - «принуждение к замужеству», усматривая также стремление Шамиля оздоровить мораль горской молодежи, не исключал и причин демографического характера[471].

Отдельным пунктом в политике имамата, стоял вопрос относительно замужества вдов. В объективных исторических реалиях это был гуманный шаг со стороны имама. Шамиль постановил, что ни одна вдова не могла, больше трех месяцев находиться в статусе вдовы. По истечению этого срока, он обязал их выбирать себе мужей. При этом, выбранные вдовами мужчины, в обязательном порядке должны были заключить с ними брак. Этот процесс находился под контролем спе-

---

[470] Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской археограф. комис.1904. Т.XII. С. 1398.

[471] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 319.

циальной комиссии имамата. Совет старейшин аула, руководствуясь этими списками вдов и вдовцов, рекомендовал вдовствующей паре вступить в новый брак[472].

Если же, по каким-то причинам, мужчины, которых назвали в ходе подобного опроса, отказывались от брака с вдовами, то они были обязаны уплатить штраф солидного размера в пользу казны имамата. Этим штрафом могли быть как деньги, так зерно, мука или курдючное сало. Такие штрафы были довольно обременительны для мужчин, а чтобы избежать штрафных санкций, мужчинам ничего не оставалось, как заключить брак с нежеланной женой.

В тоже время, в качестве поощрения мужу полагалось выплатить в момент заключения брака двадцать туманов[473]. Очевидно, что такими поощрительными мерами, в имамате пытались уменьшить число недовольных мужей. Учитывая тяжелое материальное положение, меркантильные интересы брали вверх. Кроме того, по нормам шариата, по-прошествию оговоренного срока, мужчинам предоставлялось право на развод с нежеланной женой.

Вместе с тем, для мужчин из бедных слоев, которые не могли себе позволить взять в жены девушку, за которую нужно было уплатить существенный калым, перспектива женитьбы на вдове пришлась по душе.

Так, по сведениям Н. Львова, мужчины, не имея возможности жениться на юных девушках, особые чувства испытывали к вдовам[474]. Отмечая особое влечение пожилых горцев к вдовам, автор приводил поговорку, бытовавшую среди горцев: «Можно печь куриные яйца в пазухе вдовы и даже зажарить голубя» [475].

Как же общество воспринимало вмешательство имамата в дела семейные? Конечно, это было не по нраву горскому обществу. Народ не желал такого рода перемен, которые грозили потрясти старые вековые устои общества. Учитывая мен-

---

[472] См.: Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы . XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. С.112; См.: Алигаджиева З. А. Формы заключения брака у аварцев:традиции и иновации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 1. С. 279-280.

[473] См.: 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С.86.

[474] Львов. Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870.. С.20

[475] Цит.: Львов. Н. Указ. соч. С.20.

талитет девушек-горянок и их природную скромность, то они и сами не спешили переступать через веками, сложившиеся адаты. Новые правила жизнедеятельности встречали сопротивление, как со стороны женщин, так и мужчин. Несмотря на то, что специальные комиссии строго следили за соблюдением новых правил, нередкими были случаи неповиновения. Безусловно, это вынуждало имама Шамиля прибегать к силовым методам. Так, по сведениям Д. Хожаева, в случае отказа «ослушницам» грозило заключение в яму, где они должны были находиться, пока не произнесут имя мужчины, за которого были согласны выйти замуж [476]. Если девушка не называла имя избранника, то ей подыскивали другую кандидатуру, если она соглашалась, то заключали брак[477].

Указывая на такую практику в чеченских наибствах, Д. Хожаев описывал инцидент, который имел место между родителями девушки и муллой мечети. По сведениям автора, мулла Шоаип принял решение насильно выдать девушку замуж, несмотря на отказ отца девушки. Мало того, угрожая отцу девушки, что не отпустит ее до тех пор, пока она не выйдет замуж за того, кого он ей указал, мулла приказал ее посадить в яму [478]. Пойдя на такие радикальные меры, имам мечети, безусловно, нарушил вековые чеченские обычаи, чем дал повод для кровной мести, которая была неминуема со стороны тейпа (род) девушки.

В результате, «принципиальный» мулла мечети был убит весной 1844 года мужчинами тейпа девушки, не желавшими «навлекать позор на свой род»[479]. При этом автор подчеркивал, что сам Шамиль извлек урок после убийства муллы. Он был вынужден пересмотреть некоторые положения низама. В частности, по новым правилам вся ответственность за проступки дочерей была возложена на отцов или мужчин рода[480].

---

[476] Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С. 87.
[477] Там же.
[478] Там же.
[479] Там же.
[480] Там же. С.88.

По сведениям А. Руновского[481], Шамиль отрицал тот факт, что в случае неповиновения наибам со стороны родителей, последние подлежались аресту и заключению в тюрьму, как писали об этом некоторые авторы[482]. Понимая важность данных мероприятий, Шамиль возложил учитывать мнение брачующихся и их родителей[483]. По сведениям А. Руновского, все это достигалось только «благоразумными увещаниями»[484]. Автор отмечал, что в яму ослушниц никогда не сажали, и никаких других принудительных мер не принимали[485]. Автор резонно полагал, что этого, «никто – бы и не позволил»[486].

Разумеется, стремясь заключить как можно больше браков, наибы зачастую переусердствовали в своих стремлениях, вызывая недовольство у населения. Указывая на эти нарушения, А. Руновский отмечал в дневнике, что некоторые наибы слишком усердствовали, особо не вникая в суть распоряжения имама[487]. По сведения автора, требовали от родителей заключения брака с их юной дочерью, ссылаясь, что она уже созрела для брака[488]. А. Руновский полагал, что выведать на сколько девушка созрела для брака, могли через сельских старух[489].

Иллюстрацией к этому являются материалы архивного дела (РГВИА), где имеется обзор сведений о Дагестане, составленный Генералом Штаба капитаном А. Вранкеном из которого следует, что «тленсерухцы не охотно повинуются Шамилю, иногда даже не исполняют его приказаний»[490]. Мало того, жители аула Тленсерух проявили свое неповиновение, когда «в 1842 году Шамиль потребовал от них девушек для замужества для своих мюридов, Тленсерухцы объявили, что в домах остались только малолетние. Посланники Шамиля тому не верили и хотели убе-

---

[481] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398.
[482] «Нечто о Чечне» и пр. г. Клингера. Газета «Кавказ» 1856 г. № 97.
[483] Дневник полковника Руновского….С. 1398.
[484] Там же.
[485] Там же.
[486] Там же.
[487] Там же.
[488] Там же.
[489] Там же.
[490] РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6514. Л.45.

диться в зрелости девушек осязанием их грудей, но за такую остроумную выходку, были прогнаны палками»[491].

В данном сюжете, явно прослеживается отступление от ататных норм, согласно которым, женщину не должна была касаться рука постороннего мужчины, что для него было чревато кровной местью. Вопреки адатам, чтобы добиться желаемого, в угоду политическим интересам, такими радикальными методами мюридами попирались вековые традиции и нормы морали. Разумеется, общество оказывало сопротивление, рискуя нередко быть наказанными. Честь семьи была сильнее страха и даже смерти.

Когда до Шамиля доходили слухи о злоупотреблениях и превратных действиях наибов, тех ожидали взыскания и строгое предписание «исполнять его приказания в настоящем смысле»[492].

Возвращаясь к практике принуждения девушек к замужеству, следует отметить, что проявление женщиной инициативы в выборе мужа, не могло появиться спонтанно. Очевидно, что данный обычай имел место в культуре некоторых дагестанских народов в архаичные времена, а в реалиях военного времени он возродился, облачившись в новую форму.

Описанные обычаи и обряды были зафиксированы исследователями преимущественно в горном Дагестане. В частности, сохранившиеся реликты древнего обычая отмечались у аварцев, андийцев, даргинцев и за редким случаем у лакцев[493]. Некоторые исследователи усматривали в этих обычаях отголоски материнско - родового культа, где имела место брачная инициатива девушки»[494].

---

[491] Там же.

[492] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398.

[493] Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев // Советская Этнография. 1964. № 6. С.136; Он же. Андийская группа народностей в XIX-начале XX в.: Дисс. …канд.ист.наук. Махачкала, 1968. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, Ф.3. Оп.3. Д. 67.Л.235-236; Лугуев С. А. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование (XIX– нач. XX в.). 1987 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 3. Оп. 3. Д. 671.Л.89; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы . XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала:ДНЦ РАН, 1994. С.112; Курбанов К. Э. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX – начале XX в.// Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. V. С. 132.

[494] Курбанов К. Э. Указ. соч. С. 132

Сохранившиеся обычаи проводились в форме игры, при этом соблюдался определенный ритуал действия. Так, например, в селении Тлалух Чародинского района в старину бытовал обычай, по которому ежегодно в центре аула собирали всех незамужних девушек и женщин мужчин брачного возраста. Обряд начинался со слов ведущего, который произносил имя девушки, которая должна была произнести имя своего избранника из числа присутствующих мужчин. Если же девушка долго не решалась произнести имя избранника, то из толпы ее закидывали мелкими камушками до тех пор, пока она не скажет имя избранника[495]. Не вызывает сомнения, что девушки стеснялись, не каждая могла осмелиться на такой шаг. Единственное, что смягчало проведения обряда, это игровая атмосфера.

Представляет интерес обряд, который был распространен у аварцев селения Цада Хунзахского района, в котором принимали участие все молодые юноши и девушки. Суть обряда, который также проводился в игровой форме, заключалась в том, что юноши должны были закидать папахами дом девушки, пока она не выберет одну из них. Если выбор девушкой был сделан, то проводили уже сватовство. Аналогичный обычай «*тIагърал рехи*» - «забрасывание папах» были широко известен и у ахвахцев[496].

В связи с затронувшей темой, следует сказать, что нередко выбор девушки мог пасть на того мужчину, который уже имел семью. И в этом случае, мужчина был обязан на ней жениться. Нередко мужчина до последнего был не в курсе, что он стал избранником девушки, эту новость ему приносили сельчане.

Ю. Ю. Карпов, исследовавший обычаи цезов, отмечал, что при выборе избранника, женщины должны, произнося имя мужчины, бросить в него свою вязаную обувь гедоби[497].

---

[495] См.: Алигаджиева З. А. Формы заключения брака у аварцев:традиции и иновации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 1. С. 280.

[496] Семейные адаты народов Дагестана URL: http//www.moidagestan.ru/ blogs/48334/36635

[497] См.: Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.С.73.

Следует заметить, что все проводимые в игровой форме ритуалы, как правило, не выходили за рамки приличия. Если даже такое имело место, игровая форма, проводимого действия, смягчала этот древний обычай.

Очевидно, что такому обычаю, сохранившемуся реликту эпохи матриархата, в объективных реалиях военного времени, рационально прибегнул имам Шамиль.

В оценке этой практики, мнения исследователей разнятся. По мнению А. Руновского, такая практика была продиктована благими намерениями имама Шамиля и была направлена на борьбу с распущенностью в обществе. Кроме того, касались она, исключительно, легкомысленных девушек одаренных веселым характером[498]. Руновский полагал, что такие радикальные меры должны были избавить семьи девушек от бесславия, а их самих от неминуемого наказания[499]. Необходимо отметить, что автор в своих доводах, ссылался на имама Шамиля, с которым провел длительный период в Калуге.

Заботясь о моральном облике общества, Шамиль не только предписывал своевременно выдавать замуж веселых девиц «во избежание блудства», но, и обязывал родителей это делать по первому же указанию наибов. Но, с другой стороны, это противоречило нормам шариата, согласно которым, судьбой дочери имел право распоряжаться только ее отец. Только отец мог принять действия в отношение своей «легкомысленной дочери», желая смыть позор с семьи и тухума.

По сведениям А.Руновского, сам Шамиль понимал, что таким радикальным вмешательством в семейные дела горцев, он рисковал нажить себе очень много врагов[500]. Мало того, имам не сомневался, что давно бы уже не существовал[501].

Как видим, практика «принужденных браков», носила изначально исключительно благовидный характер, но внедрялась с большими злоупотреблениями.

После пленения Шамиля все эти новые брачные нормы были забыты, за исключением двоеженства, которое у некоторых народов Дагестана сохранилось. Но,

---

[498] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398.
[499] Там же.
[500] Там же.
[501] Там же.

опять - таки, это зависело от многих факторов: сословной принадлежности брачующихся, материальных возможностей, менталитета народа.

Таким образом, под влиянием военного фактора радикальным способом происходили перемены в системе семейно-брачных отношений, что обуславливалось этнокультурными особенностями военного быта горцев.

Экстремальные условия военной повседневности вносили перемены в семейный уклад жизни дагестанского общества, трансформировали традиционные нравственно-этические нормы. Под влиянием военного фактора происходили изменения в моделях брака: отступление от эндогамии имело место не только среди элиты, но и среди непривилегированных сословий. Общественное мировоззрение, не считая это добродетелью, придерживаясь традиционных взглядов. В дагестанском обществе еще довольно длительный период браки устраивались родителями и носили характер экономического или политического союза.

Существенное влияние на семейный уклад жизни оказал религиозный фактор. Под влиянием шариатских веяний, усилившихся после Кавказской войны, шло ослабление адатных норм: регламентировались ритуалы похищения девушек, калыма, развода, наследования. Укрепилось имущественное положение женщины в семье: она получила право на свое приданное и кебин после развода. Шариат давал женщине больше семейных прав, чем адаты, но он же способствовал ужесточению сегрегации полов.

1.3. Влияние военного фактора на изменения во внесемейной повседневности и социальном поведении дагестанок

Сфера общественного этикета дагестанских народов отличалась своей патриархальностью, в соответствии с которой, в повседневно-бытовой культуре, практически во всех сферах жизни для женщин существовала строго регламентированная модель поведения. Традиционное мировоззрение народа, создавало для женщин на протяжении всей ее жизни всякого рода запреты и предписания, которые были освящены древними обычаями и предписаниями. В тоже время, и мужчина

был обязан соблюдать общественные нормы приличия, несоблюдение которых порицало его в глазах общественности.

Несоблюдение женщиной общепринятых запретов и ограничений, неизбежно встречало осуждение в семье и в обществе, и было чревато для нее разного рода санкциями. Безусловно, в первую очередь, такое поведение женщины у всех народов Кавказа пресекалось со стороны ее семьи и рода[502]. По мнению Ю. Д. Анчабадзе, в традиционном обществе род являлся «мощным органом контроля за социальным поведением женщины»[503].

И сама женщина, чтобы получить социальное одобрение и избежать порицания общества, всегда старалась соответствовать гендерной роли.

Обстановка длительной военной угрозы, существование в экстремальных обстоятельствах имела следствием изменения в менталитете дагестанок (независимо от их социального происхождения), трансформировала традиционные нравственно-этические нормы. Под влиянием военного фактора у женщин сформировались новые модели поведения, которые нередко были нетипичными для традиционного общества. Несмотря на то, что поведение женщин не соответствовало общепринятым патриархальным нормам, при определенных обстоятельствах, такое поведение оказывалось весьма эффективным.

Так, например, в реалиях военного времени наиболее рельефно проявилось поведение жен в отношении мужей – уклонистов от воинской службы и дезертиров. Учитывая, что Кавказская война имела затяжной характер, то уклонение от службы и дезертирство было нередким явлением. Объективными причинами дезертирства было тяжелое материальное положение – разруха и страдания, которые сопровождали людей на протяжении длительного периода. Наряду с ними, играли

---

[502]Гарданов В. К. Общественный быт адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967; Анчабадзе Ю. Д. Социально-политические трансформации а адыгском ауле: 1920-х гг: гендерный аспект// Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С.61-67; Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Изд.Ир, 1968; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983.

[503] Анчабадзе Ю. Д. Указ. соч. С.63.

роль и субъективные факторы – деспотизм, произвол и насилие со стороны руководства имамата[504].

Для борьбы с уклонистами и дезертирами, в имамате прибегали к практике наказания, издав низам – «За уклонение от воинской повинности». Хотя данный низам не имел к женщине прямого отношения, но косвенно он затрагивал ее интересы, провоцируя нетипичные модели поведения.

В низаме были прописаны санкции, которые ожидали виновных за уклонение от военной службы и за дезертирство с поля боя. По началу, тех, кто уклонялся от воинской повинности, приговаривали лишь к тюремной яме со сроком на три месяца[505]. Но такие меры особого результата не давали, дезертирство и уклонение от службы по-прежнему имело место в обществе. По мнению Н.Ф. Дубровина, беспрерывная война изнуряла людей и способствовала дезертирству[506]. Неслучайно у горцев в обиходе была поговорка «Лучше просидеть года в яме, чем пробыть месяца в походе»[507].

По сведениям Н.Ф. Дубровина, в качестве наказания виновных, Шамиль предложил взыскивать с этого преступника 20 коп. за каждую ночь, проведенную в яме»[508]. Такая мера наказания дезертира, действительно, оказалась очень эффективной и привела к сокращению числа дезертиров.

Очевидно, что в условиях затяжной Кавказской войны, которая была сопряжена ухудшением жизненного уровня дагестанских семей, муж-дезертир, еще более усугублял эту ситуацию. Все материальные тяготы ложилось бременем на семью дезертира, то есть, на его жену. Следовательно, чтобы снизить это бремя, женщине приходилось прибегать к таким мерам, оказывая на мужа-дезертира пси-

---

[504] Алиханов М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев / сост. и автор коммент. Р.Н. Иванов; предисл. Г.А. Гаджиева. Махачкала, 2005. С.65; Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник.1862. С.386.

[505] Шамиль и Чечня // Военный сборник, № 9. 1859.

[506] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. . С. 476.

[507] См.: Война с «неверными» в Чечне в XIX веке: требования к «призывникам» и наказание «уклонистов».URL:https://zen.yandex.com/media/armshistory/voina-s-nevernymi-v-chechne-v-xix-veke-trebovaniia-k-prizyvnikam-i-nakazanie-uklonistov-5e1c96c21ee34f00b181508b

[508] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 476.

хологическое давление. С одной стороны, руководствуясь практическими соображениями, она старалась минимизировать финансовые убытки. С другой стороны, учитывая, что дезертирство расценивалось общественным мнением как трусость, женщина пыталась оказать на мужа моральное воздействие и пробудить в нем воинский долг. Конечно, такое решение давалось ей нелегко.

По мнению Н. Ф. Дубровина, эта мера оказалась очень эффективной, женам, которые боялись разорения хозяйства, удавалось убедить своих мужей-уклонистов отправиться в военный поход[509]. При необходимости, женщины использовала весь имеющийся женский арсенал, для достижения своих целей: беззащитность, хитрость и коварство. Если же эти доводы не помогали, то жены могла пойти на крайние меры, сдавали место тайного пристанища мужей-дезертиров, «указывая места, где они укрывались»[510].

Несмотря на то, что в народе не одобряли поведение женщины, если оно получало общественный резонанс, но, в специфических условиях военного времени, такая нетипичная модель поведения женщин, у общества не вызывала осуждение. Наоборот, общество сочувствовало женщине, видя тяжелое положение ее семьи. Не вызывает сомнения, что при других обстоятельствах, такое поведение жены обществом расценивалось бы как неподобающее, подрывающее авторитет мужчины. Неслучайно у кавказских народов бытовала такие поговорки: «Муж, сваленный женой, не встанет», «Лучше быть вдовою героя, чем женою труса» – говорят горянки[511].

Нередко женщина могла выразить свое отношение к недостойному поведению мужчины, публично пристыдив его. Как правило, такое поведение в общественном месте могла позволить себе замужняя женщина или вдова. При этом, женщины нередко это делали в весьма фривольной форме.

Так, современниками описывались сюжеты из повседневной жизни горских обществ Унцукуля и Гимры, отражающие их нравы. Так, по сведениям секретаря

---

[509] Там же. С. 476.

[510] Там же.

[511] Дагестанские пословицы и поговорки.URL;https://artemislaser.ru/dagestanskie-poslovicy-i-pogovorki-o-trude-dagestanskie-poslovicy-i/ [Дата обращения: 12.03.2019]

канцелярии Шамиля Мухаммед Тагира, во время вооруженного конфликта между обществами Унцукуль и Гимры, женщина - унцукулька, работающая в поле, пристыдила мужчин своего аула, бегущих от противника:

– «Ну как, – посчастливилась дорога?». Те прошли молча. Она спросила вторую группу мужчин, – те тоже не удостоили ее ответом. Третья группа также ответила ей на вопрос гробовым молчанием. Тогда она не выдержала и крикнула:

– «Эх, вы, богатыри, вояки на боях с врагами! Вам только воевать в постелях со своими женами! Для чего вы носите усы и папахи, раз вы не умеете носить их как ваши отцы и деды»[512].

Заметим, что в этом сюжете женщины не боясь последствий, выражали свое отношение к бегущим с поля битвы мужчинам, свободно оценивая их недостойное поведение.

На свободу нравов указывали и другие обычаи, бытовавшие в некоторых аулах горного Дагестана. По сведениям некоторых авторов, девушки из лакского селения Кули и поныне отличаются своей смелостью и дерзостью и редко в чем уступают мужчинам.[513] Про таких «мужеподобных» женщин в лакском народе говорят «*бурхьни къур кунна*» – «как морковь мужского пола». Надо заметить, что традиционное общество положительно воспринимало такое необычное поведение девушек-кулинок, усматривая в этом сходство с легендарной Парту-Патима.

Маскулинные черты характера были свойственны и для женского социума других дагестанских аулов. Надо отметить, что в отличие от мужественности, которая в специфических условиях времени, выражалась в стойкости и отваге женщин, маскулинность выражалась в нарочитой мужеподобности – в дерзости, состязательности, в агрессии, воинственности. Женщины перенимали мужские паттерны поведения.

Среди дагестанских народов сложился стереотип об особом нраве женщин аварского селения Ругуджа, которые отличались своей задиристостью. Нередко,

---

[512] Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.26.

[513] Рамазан Маршаев, Бута Бутаев. История лакцев. Редакционно-издательский отдел Госкомиздата ДССР, Махачкала.1991.

стараясь подчеркнуть свое превосходство над мужчинами, они вызывали последних на единоборство. При этом, их нисколько не смущало, что мужчины были из чужих сел и могли не одобрить такое проявление женского самоуправства. Мало того, самого строптивого мужчину, женщины донимая своими шутками, заставляли выполнять свои прихоти.

Нередко, в повседневной жизни ругуджинские женщины демонстрировали свою физическую силу, кулаками отстаивая свои интересы. Примечательно, что сами ругуджинки, отмечая мужские паттерны у своих женщин, с гордостью сообщали, как дрались их женщины. Мало того, с проигравшей женщины могли в качестве трофея снять штаны, что являлось позором для всего тухума[514].

Исследователями отмечались маскулинные качества ицаринских и кайтагских женщин. Так, по сведениям дагестанского историка Р. М. Магомедова, девушки аула Ицари, встретив в окрестностях селения постороннего мужчину, с шутками начинали донимать его, как словами, так и своими действиями[515]. Мало того, когда «жертва», думая напугать озорниц, вытащил пистолет, то девушки обезоружив его и стали хлестать крапивой по оголенным местам[516].

Надо сказать, что такое поведение женщин не осуждалось старшим поколением, а наоборот даже приветствовалось. Во время полевых работ, по инициативе пожилой женщины, всадника, ехавшего верхом мимо поля, с шутками и смехом женщины пытались стащить с коня – ему еле удалось ускакать[517]. Очевидно, что небезосновательны широко распространенные представления об особом менталитете женщин-ицаринок.

Исследователь П. С. Петухов, побывавший в Дагестане в годы Кавказской войны, невольно оказался свидетелем аналогичного поведения кайтагских женщин. По сведениям автора, в магалах Тау горного Кайтага, мужчины нередко могли

---

[514]См: Кавказские амазонки: миф или реальность URL: https://etokavkaz.ru/traditcii/kavkazskie-amazonki-mif-ili [Дата обращения 12.05.2017]
[515]Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. С.71.
[516] Там же.
[517] Там же.

стать предметом недвусмысленных шуток и острот местных женщин [518]. Женщины принуждали мужчину, который попадался на их пути, исполнять все свои прихоти, и лишь сполна натешившись, отпускали его[519]. При этом, жертва мог уйти от женщин, только выплатив символический выкуп[520].

Безусловно, такие поведенческие особенности женщин, не следует рассматривать как общепринятые нормы поведения в кайтагском обществе, скорее, они являются проявлением коллективного поведения. Вместе с тем, отношение к такому поведению женщин не везде было однозначным, общество не всегда позитивно санкционировало такое поведение женщин.

Этнограф-кавказовед Е. М. Шиллинг отмечал следы этого обычая, сохранившегося до недавнего времени в ауле Кубачи. По сведениям автора, женщины-кубачинки, работающие в поле, могли нередко в шуточной форме принудить постороннего мужчину, проходившего мимо поля, выплатить им выкуп[521].

Маскулинность женщин нашла отражение не только в повседневной жизни, но и в свадебной обрядности. В частности, особенно рельефно это проявляется в свадебных обрядах аула Ругуджа. У ругуджинцев существовал интересный свадебный обычай, который традиционно происходил в брачную ночь между молодоженами. По сведениям О. Каранаилова, суть этого обряда сводилась к специфическому ритуалу – новобрачная должна была вступить в единоборство с женихом. При этом, соблюдались определенные правила: невесте перед брачной ночью выбривали голову, смазывали ее жиром, чтобы жених во время схватки не мог схватить ее за волосы[522]. Только в случае победы над новобрачной, муж мог получить право на ее обладание. В свою очередь, в случае победы девушки над женихом, это положительно санкционировалась родственниками жениха, вызывая всеобщее уважение ругуджинцев.

---

518 Петухов П. С. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 1867. №13

519 Там же.

520 Там же.

521 Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.; Л.:Изд-во АН СССР, 1949. С.189.

522 Каранаилов О. Бытовые адаты и песня аварцев // РФ ИИАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99. С.9-10.

В бытность Шамиля и его предшественников, имамов Гази-Магомеда и Гамзат-бека, такое поведение женщин не приветствовалась. Особо пристальное внимание уделялось нормам поведения в обществе, как женщин, так и мужчин. Так как, общественная нравственность по замечанию имама Шамиля, «не могла похвастаться своей чистотой»[523], на территории, подвластной имамату, новые шариатские нормы в декларированной форме регламентировали социальное поведение. Во внесемейной повседневности, эти нормы коснулись тех сфер деятельности общества, которые предполагали совместное нахождение мужчин и женщин в общественном месте. В частности, запреты коснулись совместных работ-помочей, которые в повседневной жизни являлись отражением традиционного кавказского института взаимопомощи.

У дагестанских народов нередко проводились совместные помочи, на которых могли свободно присутствовать мужчины, замужние женщины или вдовы[524]. Н. С. Семенов, отмечал царящую во время совместных помочей шуточную фривольность между девушками и юношами: участники трудового процесса исполняли песни по преимуществу эротического свойства[525].

У тюркоязычных народов, совместные помочи проводились только у кумыков[526].

По свидетельству П. Г. Пржецлавского у кумыков существовал обычай *«былкха»*, куда хозяин для лушения кукурузы приглашал на всю ночь девиц и юношей селения[527]. Автор указывал на фривольные шутки между юношами и девушками, которые происходили во время «*былкха»*[528]. По мнению автора, эти шутки были безобидными и вызывали лишь одобрение у присутствующих людей[529].

---

[523] ЦГА РД. Ф.133. Оп.3. Д. 1. Л. 9.
[524] Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870. С.10,11; Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, С.345-346; Пржецлавский П.Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Вестник Европы. 1860. №4. С.271.
[525] Семенов Н. С. Указ. соч. Там же.
[526] Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX— начало XX вв.). Махачкала: Издательство дом «Эпоха», 2014. С. 173.
[527] Пржецлавский П. Г. Указ. соч. Там же.
[528] Там же.
[529] Там же.

По мнению дагестанского этнографа А. Омарова, молодые люди отправлялись на совместные помочи не для работы, а для «развлечения и удовольствия женщин»[530].

Во время сельскохозяйственных работ нередко проводили обряды, связанные с трудовым циклом. В частности А. Г. Булатова описывала трудовой обряд, с характерной для него эротичностью, который проводился в период жатвы у горных народов Дагестана. Суть обряда заключалась в том, что вокруг каменного столба, устанавливавшего весной в центре поля и символизирующего мужской фаллос, мужчины и женщины танцевали ритуальный танец *cana,* при этом мужчины совершали откровенно «неприличные движения»[531].

Самые свободные общественные нравы имелись в Ахвахском обшестве, где больше всего нареканий было в отношении женщин. В дагестанском обществе сложился стереотип об особом свободном поведении ахвахских женщин, в том числе, и незамужних девушек. Мало того, на такое поведение женщин, спокойно смотрели в семье, да и общество, особо не осуждало. Так, отмечая свободное поведение ахвахских девушек М. Алиханов-Аварский писал, что во время сельскохозяйственных работ, молодежь практически не ночевала дома, а оставалась где-нибудь в поле, на мельницах и близлежащих хуторах на совместный ночлег. Юноши могли свободно прийти к девушке, и остаться с ней на ночь, но от выбора девушки зависело, кто из юношей с ней оставался. Оригинальный обычай выбора сводился к следующему, к месту ночлега девушки собиралась группа юношей, которые бросали в окно свои шапки, право на ночлег с девушкой получал тот, чья шапка оказывалась не выброшенной на улицу»[532]. По сведениям М. Алиханова-Аварского, ахвахские девушки до выхода в замужество могли проводить время и даже ночевать с кем угодно[533]. Автор полагал, что совместные ночлеги, не обязы-

---

[530] Омаров А. Как живут лаки // ССКГ., 1870.вып.4. С.10-16

[531] Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX-начале XX. Л., 1988. С.89

[532] Алиханов-Аварский М. Выбор мужа дагестанской девушкой // Кавказ. 1896.

[533] Там же.

вали юношу жениться на этой девушке, поэтому, он мог посвататься к любой другой [534].

Безусловно, такое свободное поведение, строго регламентировало границы дозволенного между молодыми людьми. Дальше этой допустимой границы молодые люди никогда не переступали, зная последствия, которые могли ожидать обоих. Что касается общественного мнения, то в дошариатское время общество лояльно относилось к такому поведению молодых людей. Как полагал М. Алиханов-Аварский, ахвахские женщины, несмотря на такое поведение, имели в Ахвахе репутацию «образцовых, высоконравственных матрон»[535].

По сведениям М. М. Ковалевского свободные нравы были характерны для многих кавказских народов, что, по его мнению, отражало, сохранившиеся реликты матриархата[536]. Такие свободные нравы автор связывал и с религиозным гетеризмом и архаическими формами брака, которые сохранились у народов Кавказа в исследуемый период.

С реликтами матриархата связывают и некоторые исключительно девичьи посиделки, которые с различными вариациями существовали у дагестанских народов. Общим для таких посиделок был запрет на посещение их представителями мужского пола.

В частности, на существование таких девичьих посиделок у кубачинцев указывал Е. М. Шиллинг [537]. По сведениям автора у них существовали «*юсбал*а-*кал*» – «девичьи дома», где девушки проводили время в развлечениях и в работе [538]. По сведениям автора, мужская молодежь Кубачи заходить вовнутрь «*юсбал*а-*кал*» не имела права[539]. Наряду с девичьими посиделками у кубачицев существовали и женские посиделки, которые проходили в «*хунала –кал*» – «женские дома»[540]. По

[534] Там же.
[535] Там же.
[536] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С.18
[537] Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949. С.110-111.
[538] Там же.
[539] Там же.
[540] Там же.

сведениям автора, на посиделки к замужним женщинам могли приходить и мужчин[541].

Этнографические данные свидетельствуют, что аналогичные примеры поведения женщин встречались и у других народов Дагестана[542], которые имели существенные различия между горными и плоскостными народами. Так, по мнению А. Захарова, женские бани Дербента, являлись местом проведения ими досуга[543]. Даже среди горных народов, свою специфику имели нравы среди привилегированных сословий, где для женщин предполагалось затворничество[544].

С введением шариатских норм такое вольное поведение женщин пресекалось обществом и властью, считая его предрассудительным и противоречащим нормам шариата. В реальном повседневном быту, нарушивших предписания шариата, ожидали наказания, в том числе и физические.

Подтверждение сказанного мы встречаем у Мухаммед-Тахир аль Караха, свидетеля многих его нововведений, регламентирующих нормы общественной жизни. Так, автор в своей книге описал сюжеты из повседневной жизни высокогорного аварского аула Ашильта, который оказался во власти новых шариатских норм. По сведениям Мухаммед-Тахира, имам Шамиль и его сторонники старались пресечь совместные помочи жителей аула. Кроме того, нередко сами жители доносили до имама сведения о нарушителях общественных нравов. Так, по сведениям автора, аульский мальчик донес имаму Шамилю, что у вдовы для лушения кукурузы собрались мужчины и женщины [545].

---

[541] Там же.

[542] Булатова А.Г. Зимние игры и развлечения в традиционном общественном быту народов горного Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX-начале XX вв. Махачкала, 1987. С. 64-66; Она же. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX-начале XX. Л., 1988. С.108-110; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1985.С.153-155; Захаров А. Домашний и социальный быт женщин закавказских татар// СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1884. С. 152.

[543] Захаров А. Указ. соч. С.152.

[544] Гаджиева С. Ш. Семья и брак…. С.159.

[545] Мухаммед Тагир. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.22.

Разъяренный Шамиль, узнав об этом, пошел к месту этого сборища и разогнал нарушителей правил шариата[546]. При этом, мужчины были поколочены палкой, а женщины, в том числе и хозяйка дома, обошлись упреками, которые осыпал на их головы имам[547]. По законам шариата, все были наказаны, независимо от пола[548].

Конечно, самоуправство Шамиля пришлось не по душе участникам данного происшествия, особенно, мужчинам. Двое из них громогласно об этом заявили жителям Ашильта, вызвав тем самым сочувствие у части населения. Реакция Шамиля была незамедлительной, обращаясь к жителям аула, он сказал, что видит кто враги и друзья шариата[549]. А затем, потребовал от ашильтинцев наказания нарушителей божьего закона и сочувствующих их безобразиям[550]. При этом, он предупредил, что в противном случае, собственной властью накажет и тех и других[551].

Безусловно, угрозы имама подействовали на жителей Ашильта, которые поспешили осудить «нарушителей» нравственности, а сами «бунтари» и «смутники» подверглись телесному наказанию[552].

Такими радикальными мерами, Шамиль и его мюриды, стремились насаждать в обществе нормы шариата, которые существенным образом дистанционировали границы между полами. Как правило, самоуправство имама встречало сопротивление со стороны людей, которые в своем поведении руководствовались привычками, укоренившимися в их сознании.

Современники отмечали, что Шамиль, насаждая новые социальные нормы, не делал различия между молодыми и старыми. Мало того, нередко применялась и физическая расправа над женщинами, которые были уличены в нарушение общественных норм.

---

[546] Там же.
[547] Там же.
[548] Там же.
[549] Там же. С.23.
[550] Там же.
[551] Там же.
[552] Там же.

Согласно сведениям Мухаммед-Тахира, имам лично применял санкции в отношении жителей аварского аула Гимры, которые вели себя не так, как было прописано в шариате. Так, по сведениям автора, застав группу женщин с открытыми лицами и обнаженными ногами за работой, они чесали шерсть, он страшно рассердился[553]. Упрекнув женщин в бесстыдстве, Шамиль мимоходом заметил, что их поведение не соответствовало религиозным нормам[554].

Судя по сведениям Мухаммед-Тахира, женщины не особо внимали нравоучениям Шамиля, продолжая заниматься той же работой. Мало того, когда Шамиль возвращался из кульи, он увидел еще и старика, который сидел рядом с женщинами[555]. Надо сказать, что правила межполового общения в традиционном обществе были подчинены требованиям этикета, но в отношении стариков делалось исключение. Мужчины преклонного возраста могли позволить себе шутить с женщинами в общественном месте, находясь в непосредственной близости к ним. Такую картину и мог наблюдать имам Шамиль, возвращаясь из кульи. Но имама возмутил внешний вид старика, который сидел возле женщин с открытым пахом без шароваров[556]. По замечанию Мухаммед-Тахира, все были наказаны, старик получил разнос от Шамиля, а женщины были побиты[557].

Как видно из сюжета, Шамиля возмутило поведение женщин и старика, за что они и были наказаны. С другой стороны, сам Шамиль переступил через горский принцип, который был закреплен в дагестанских адатах: «Женщина считается неприкосновенной для постороннего мужчины»[558].

Заметим, что Мухаммед-Тахир, описанный сюжет в книге назвал “Бесстыдник среди бесстыдниц”, причислив тем самым и женщин и старика к нарушителям нравственных общественных норм. Конечно, не вызывает сомнения, что автор, как

---

[553] Там же.
[554] Там же.
[555] Там же. С. 350.
[556] Там же.
[557] Там же.
[558] Адаты бывшего Тиндальского общества // Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы. / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965.С.122

сторонник идеологии мюридизма, явно приветствовал все мероприятия имама Шамиля, считая их исключительно благими для общественных устоев.

Мало того, после этого случая, по сведениям очевидца Гаджи-Али, имам заставил на подконтрольной имамату территории ввести в традиционный женский костюм штаны[559], которые должны были закрывать ноги. Автор отмечал также, что в аварских аулах Гидатле, Боголале, Цунте, Чамалале и других, женщины до Шамиля не носили штанов[560], а при нем это стало обязательной частью женской одежды. В частности, по сведениям А. Руновского, свободные нравы женщин в определенных дагестанских обществах, объясняли тем, что они не носили шаровар[561]. В связи с чем, одним из первых указаний Шамиля, было «учреждение строгих мер к восстановлению полноты в женском костюме», т.е. введение шаровар[562]. Как же относилось общество к таким мерам? По сведениям А. Руновского, со ссылкой на Шамиля, большинство населения считало эту деталь женского костюма такой же обязательной, как их природную скромность[563]. В тоже время, видя пренебрежение самих женщин к шароварам, Шамиль в этом не только усматривал «явную порчу нравов», но и неповиновение. Что же ожидало нарушительниц нравственности? По имеющимся сведениям, виновных в неповиновении должны были на долгое время заточить в яму, взыскав с них денежный штраф[564]. Как уже отмечалось выше, общественное мнение в целом такие взгляды имама разделяло, считая санкции справедливыми. В результате, шариатские нормы обязали всех женщин имамата не только носить шаровары, но и скрывать лицо[565].

Что касается женщин, то они исполняли предписания норм шариата, боясь наказания. Но, тем не менее, потребовалось время, прежде чем в сознание женщин твердо укоренилась необходимость шаровар, как неотъемлемой части женского ко-

---

[559] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995, С. 36
[560] Там же. С.24.
[561] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1418.
[562] Там же.
[563] Там же.
[564] Там же.
[565] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 315-316.

стюма. В связи с этим представляет интерес сюжет из жизни одного из горных аулов Инхиль, в котором особо не придерживались шариатских предписаний. Ссылаясь на Шамиля, А. Руновский отмечал, что женщины аула Инхиль, имели обыкновение забывать свои шаровары на берегу реки, куда приходили купаться[566]. По мнению А. Руновского, в этой забывчивости женщин, Шамиль усматривал продолжительный период безнравственности, в котором прибывали жители Инхиля[567].

Надо заметить, что на штаны, как характерную особенность женского костюма, обратили внимание и русские. По сведениям А.Руновского, среди горского населения был даже панический страх, что русское правительство может запретить горянкам носить шаровары [568]. В частности, генералу Пулло приписывают высказывание, «отняв у них оружие, нам осталось снять с женщин шаровары»[569]. В какой степени это соответствует действительности, трудно сказать.

Утверждая шариатские нормы поведения в общественном быту, Шамиль встречал неповиновение среди мужей, которые вставали на защиту своих жен. Один из таких примеров из жизни аула Гимры описал в своей книге Мухаммед-Тахир. В сюжете, который автор назвал “Неугомонная жена и ее муж” говорится о том, что Шамилем были побиты женщины за неподобающее их поведение в общественном месте[570]. По сведениям автора, одну из них, Шамилю пришлось побить дважды, так как она его ослушалась. Мало того, Шамилем был наказан и муж, который, заступившись за свою жену, обратился с жалобой к мулле, требуя наказания имама [571]. Безусловно, в реалиях времени, мулла был вынужден наказать не Шамиля, а мужа-заступника. По приказу имама муж по решению шариатского суда получил 20 палочных ударов, за то, что распустил свою жену[572].

---

[566] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1418
[567] Там же.
[568] Там же.
[569] Там же.
[570]Мухаммед Тагир. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.14
[571] Там же.
[572] Там же.

Как видно из сюжета, Шамиля не только возмутило поведение женщин, которое шло в разрез с нормами шариата, но и заступничество мужа, «распустившего» свою жену, отчего последний и был наказан.

Вызывало возмущение у народа и то обстоятельство, что Шамиль не допускал досвадебное общение молодых людей, считая это распущенностью. Запреты Шамиля коснулись и встреч молодых людей у водных источников. Обычно, единственной возможность молодых людей увидеть друг друга, был родник, куда девушки приходили ежедневно за водой. Но, и эту возможность для молодых людей Шамиль исключил, считая это нарушением шариатских норм. В частности, обращаясь к аксакалам чеченского наибства аула Центорой, имам обвинил их в том, что они отступили от шариата и от мусульманской веры. «Вы хуже, чем неверные», – сказал Шамиль, обвиняя старцев[573]. Несмотря на угрозы, центороевцы не испугались Шамиля, а достойно ему ответили, что пускали своих дочерей к источнику и впредь будут пускать[574].

Безусловно, такая реакция не могла не вызвать у Шамиля негодование, но, тем не менее, он был вынужден прислушаться к некоторым нареканиям со стороны уважаемых мюридов во избежание смуты в обществе.

В бытность трех имамов, заботясь о моральном облике общества, стали запрещать многие увеселительные мероприятия, особенно совместное проведение досуга мужчинами и женщинами, песни, танцы, шутки, ряженых и пр.

Реформатором в этом деле стал второй имам – Гази-Магомед, который руководствуясь шариатскими нормами, стал запрещать на территории имамата увеселительные мероприятия. Указывая на это, Абдурахман из Газикумуха писал, что при Гази-Магомеде начали запрещать мужчинам танцевать с женщинами, что вызвало недовольство среди части населения[575]. По сведениям автора, недовольные

---

[573] См.:Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С.88.
[574] Там же.
[575] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. С.33.

считали такие меры слишком суровыми, а сторонники Гази-Магомеда безропотно подчинились ему[576].

Учитывая тот факт, что в традиционном дагестанском обществе существовала многовековые танцевальные, песенные и свадебные традиции, то такого рода запреты, безусловно, встречали протест со стороны общества.

Несомненно, что в имамате такие нормы приходилось вводить силой. Кроме того, непослушание грозило нарушившим приказ жителям суровой расправой. Так, например, в бытность Гамзат-бека, провинившихся людей «сажали в яму и наказывали 70 ударами по пяткам»[577].

Еще более ревностным сторонником шариата бы имам Шамиль, который, еще дальше пошел в запретах «дурных занятий», приложив немало усилий, чтобы это зло искоренить из народа. По мнению М. Н. Чичаговой, все эти пороки сдерживались в границах лишь благодаря страху наказания, неумолимости суда и казни виновных[578]. В противном случае, пороки могли охватить все население поголовно[579].

Не только за совместные пляски горцев ожидали наказания, но и за игру на музыкальных инструментах и песни[580]. По свидетельству современников, уличенных в «грехотворение», Шамиль не только телесно наказывал, но и изгонял из аула[581].

В значительной степени запреты коснулись женщин. В частности, женщинам запрещено было принимать участие во многих свадебных мероприятиях: танцевать

---

[576] Там же.
[577] Там же..
[578] Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.45.
[579] Там же
[580] См.: Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.: Академия нук СССР. 1941. С.59-61; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995, С. 36; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923.С.225; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С.479.
[581] Мухаммед Тагир. Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.21.

в кругу, исполнять песни под бубен, быть ряженными. Обычным явлением для аульской свадьбы было присутствие на ней ряженных обоего пола[582].

Так, в послесвадебном обряде вывода невестки к роднику, в селении Харахи сопровождавшие ее женщины переодевались в мужскую одежду, а мужчины – в женскую[583].

У аварцев селениях Бацада и Ругуджа Гунибского округа, ряженные обоего пола, веселили публику. Мужчины в шутку обнимали ряженую - «женщину» и танцевали с ней[584]. Как правило, ряженые позволяли себе некоторые вольности, которые были недопустимы в будни[585].

По мнению дагестанского этнографа Р. И. Сефербекова, обрядовое ряжение являлось своего рода реакцией на жесткую регламентацию гендерных ролей в традиционном горском обществе, где поведение ряженого яркий пример преднамеренного нарушения всевозможных предписаний и табу[586].

Повседневное мировоззрение женщины ничего порочащего в этом не видело, воспринимая все атрибуты свадебного торжества, как обязательные элементы досуга. В то время как шариатские нормы поведения, усматривая в этом нарушение норм мусульманской этики, пытались регламентировать рамки дозволенного.

Такая жесткая регламентация, не соответствовала традиционным дагестанским обычаям и самобытной культуре, что приводила к определенному диссонансу.

Надо сказать, что любые трансформационные процессы в обществе, как правило, существенным образом затрагивают женское сообщество. Даже положительная динамика, являлась некоторым стрессом для женщины. Так, по мнению Ю. Д.

---

[582] Сефербеков Р. И., Шигабудинов Д. М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала, 2006. С.69-72; Дибиров М.А. Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988. С.125-127.

[583] Сефербеков Р. И., Шигабудинов Д. М. Указ. соч. С.69-72.

[584] Алигаджиева З. А., Сефербеков Р. И. К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-андалальцев // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2004. № 19..С.105-106.

[585] Там же.

[586] См.: Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификация). Махачкала. 2009. С.245

Анчабадзе, трансформационные процессы 20 - х годов XX века в адыгском обществе, являлись травмирующими для женского сознания[587]. Как справедливо отмечал исследователь, это было «напористое и агрессивное вмешательство» в женскую психику[588].

Это в полной мере относится и к женскому социуму Дагестана, которое оказалось под жестким прессингом реформатской деятельности имама Шамиля. Давая оценку такой политике Шамиля, М. Н. Покровский сравнивал ее с режимом Кромвеля в Англии XVII века, которая вызвала у населения «антиреспубликанскую и антипуританскую реакцию»[589]. Действительно, все «благие» намерения Шамиля, не находили поддержки в обществе. В связи с чем, допускались некоторые послабления. Так, стали разрешать мужчинам играть на музыкальных народных инструментах и танцевать «без участия прекрасного пола»[590]. Мужчины, как правило, «мало пользовались этим исключением, не доставлявшим им особенного удовольствия»[591], а при каждой удобной возможности, нарушали запреты мюридов. Как правило, такое было возможно на свадьбе, которая традиционно не обходилась без песен и танцев.

По мнению Н. Ф. Дубровина, несмотря на все усилия, Шамилю так и не удалось вывести пляску[592]. По наблюдениям автора, на аульской свадьбе присутствовали как мужчины, так и женщины[593].

Надо заметить, что территория присутствия мужчин и женщин, была строго регламентирована. Только в танцевальном кругу могли находиться рядом представители обоего пола. При этом существовали определенные нормы поведения для танцующих. Так, мужчине считалось неприличным приглашать одну и ту же жен-

---

[587] Анчабадзе Ю. Д. Социально-политические трансформации в адыгском ауле: 1920-х гг.// Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С.66.
[588] Там же.
[589] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923. С.225.
[590] См.: Пржецлавский П. Г. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №3
[591] Там же.
[592] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С. 433.
[593] Там же.

щину на танец, как правило, в танцевальный круг приглашали женщин-родственниц. Засватанную девушку, обязательно приглашали родственники жениха, в том числе, и сам жених. Женщины старшего поколения являлись наблюдателями свадебного торжества, как правило, в танце они участия не принимали. Исключение делалось самой старшей женщине рода, которую могли в знак особого уважения, пригласить на танец мужчины – родственники.

После пленения Шамиля, судя по источникам, общество возрождало традиционные досуговые практики, допуская совместные увеселительные мероприятия мужчин и женщин. По свидетельству Н. Львова, танцы и песни опять входили в народную традицию, что особенно радовало молодежь, большей частью незнатную[594]. На свадьбах присутствовали и женщины – певицы, которых приглашали исключительно для развлечения гостей[595].

По сведениям автора, женщины за свое исполнение материального вознаграждения не получали, хозяева свадьбы могли лишь угостить певиц на свое усмотрение[596].

Не вызывает сомнения, что женщин привлекала сама атмосфера свадьбы. В отличие от будничной жизни, женщины могли позволить себе некоторые вольности. Так, описывая свадебную атмосферу аварского села Ботлих, Н. Львов отмечал, что женщины вели себя свободно, наслаждаясь возможностью позволить себе некоторые вольности, которые в будничные дни были недопустимы[597].

Вместе с тем, следует отметить, что в традиционном обществе, отношение к женщинам, которые исполняли песни в общественных местах, было неоднозначным. Это зависело от самой семьи, ее статуса, традиций, отношения мужа и пр. Чем выше был статус семьи, тем меньше было возможностей для женщины вести себя так в общественном месте. Женщины из знатных семей, вообще, не могли себе такое позволить.

---

[594] Львов. Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. Тифлис. 1870. С.20
[595] Там же.
[596] Там же.
[597] Там же.

К исследуемому периоду среди дагестанских народов получили известность исполнительницы народных песен Анхил Марин из аварского аула Ругуджа, Залму из Чоха, Патимат из Кумуха и Шаза из Куркли. Девушки принадлежали к неимущим социальным слоям, и в своих песнях они нередко затрагивали вопросы, связанные с правами женщин, личной свободой, выступали против духовенства, которое существенным образом ограничивало их свободу. Нередко, такой вызов обществу, мог стоить им жизни.

В частности, много легенд сложено об авторе и исполнительнице лирических песен, уроженки аварского аула Ругуджа Гунибского округа – Анхил Марин. По одной из легенд, песни, которые она пела, очень не нравились мюридам. Один из наибов – Хуршил Магомед, перед домом которого она пела, не смог обуздать свою ярость и ненависть, которые кипели в нем по отношению к Анхил Марин. Боясь народного гнева, он приказал зашить рот горянке, решив показать тем самым, что никому не позволит петь свободолюбивые песни. Как гласит легенда, Анхил Марин страшным усилием воли разорвала губы и плюнула в лицо тирану[598]. Насколько это соответствует истине, трудно судить. Но, согласимся с доводами дагестанского историка П. И. Тахнаевой, что такое жестокое наказание Анхил Марин, не могло быть в вольном обществе Андалал, куда входил аул Ругуджа. Традиции общества не допускали жестокое обращение с женщиной, что было бы чревато для обидчика, в том числе и кровной местью. По мнению П.И. Тахнаевой, скорее, ей было велено «закрыть рот», а народная молва разнесла это как «зашить рот»[599].

Трагически оборвалась жизнь жительницы аварского аула Чох, исполнительницы лирических песен Залму. В материалах архивного дела имеются сведения о том, что молодая женщина была убита на почве ревности своим мужем. Как следует из материалов архивного дела, 8 сентября 1900г. житель селения Чох, Курбан Абдула оглы, в ссоре нанес своей жене Залму Омар кызы кинжальное ранение, от

---

[598] Анхил Марин. Отдел краеведческой национальной библиографии. URL: http://top-bal.ru/kultura/48545/index.html [Дата обращения 10.01.2016]

[599] Стихи, отрава и зашитый рот. URL: https://tushisvet.livejournal.com/95775.html [Дата обращения 10.01.2016]

которого она скончалась 12-го сентября [600]. Убийство исполнительницы песен, получали различные оценки в обществе – от сочувствия до осуждения. В силу сложившихся патриархальных традиций, большинство негативно санкционировало поведение Залму: они полагали, что своим поведением женщина сама спровоцировала данное убийство. Как видим, нарушение женщиной общепринятых этических норм, всячески пресекалось членами семьи, не исключая убийство нарушительницы морали. Помимо семьи, как уже отмечалось выше, нравственные устои общества, ревностно охраняли шариатские законы.

Надо заметить, что ко времени пленения Шамиля, в повседневной жизни населения горного Дагестана заметно ослабели шариатские нормы. П. Г. Пржецлавский, обратил внимание, что население, пользуясь тем, что шариатские нормы постепенно уходили в прошлое, возвращались к дошариатским традициям [601]. Так, по сведениям автора, обычным явлением у жителей горных аулов стали увеселительные мероприятия[602].

В качестве примера, автор привел атмосферу праздника, приуроченного ко дню празднования начала посевов в Улли-Кале, на котором присутствовали переодетые в женское платье молодые мужчины[603]. Автор связывал такое поведение мужчин с правилами мюридизма, которые запрещали танцевать с женщинами[604]. Но, желая угодить русским гостям, – писал автор, «почтенные амфитрионы употребили хитрость»[605].

Новым явлением для местного населения было присутствие на свадьбах в качестве гостей представителей военной администрации, нередко высокопоставленных военных чинов. Как правило, это были свадьбы знатных дагестанских семей, куда в качестве почетного гостя, хозяева считали за честь пригласить русского гостя. Гости, как правило, не зная особенностей национального этикета, нередко допускали слишком фривольное поведение в отношении присутствующих на свадьбе

[600] ЦГА РД.Ф.21.оп.4.Д.6.№2605
[601] Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №3.
[602] Там же.
[603] Там же.
[604] Там же.
[605] Там же.

женщин. Конечно, во многих случаях, это могло закончиться для гостя драматически, так как присутствующие на свадьбе мужчины пресекали такое недопустимое поведение.

Одну из таких историй, связанную со свадьбой правителя Аварии Ибрагимхана, описал в своей этнографической работе С. И. Габиев. «Полковник Лазарев, тогдашний начальник Дагестанского округа, держал себя на свадьбе развязно,– писал автор, характеризуя поведение полковника,– приглашено было много именитых гостей: ханов, беков и военачальников. Все держали себя корректно, только один Лазарев был настолько бестактен, что подходил к женщинам и за рукав выводил их танцевать»[606]. По мнению С.И. Габиева, именитые гости были вынуждены сносить подобное оскорбление со стороны русского офицера[607]. При этом, автор подчеркивал, что Казикумухский Агалар-хан «не мог переварить в себе это. Он ежеминутно бросал грозные молниеносные взгляды на дерзкого гостя, давая этим понять о своем недовольстве»[608]. Но, видимо, Лазарев не принимал всерьез недовольство Агалар-хана, и продолжал вести себя развязно с женщинами. В результате, для самого почетного гостя, все это закончилось тем, что Агалар-хан схватил за шиворот и вышвырнул Лазарева в окно[609]. К счастью, Лазарев особо не пострадал, так как «окно находилось над землей»[610].

Как видно из сюжета, злоупотребление генерал-майора Лазарева своей властью было пресечено по дагестанским обычаям Агалар-ханом. Разумеется, для генерала эти обычаи ничего не значили. Кроме того, пользуясь своей неограниченной властью, будучи уверенным в своей безнаказанности, генерал Лазарев допускал такие вольности в отношении женщин.

Что касается Агалар-хана, не каждый мог пойти на такой смелый поступок, опасаясь санкций со стороны русских военных властей. Мало того, Агалар-хан не только не испугался, но, уезжая со свадьбы, он высказал всем присутствующим

---

[606] Габиев С. И. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36.. С. 84
[607] Там же.
[608] Там же.
[609] Там же.
[610] Там же.

мужчинам, что «они струсили перед Лазаревым»[611]. Кроме того, на прощание нанес оскорбление жене самого Ибрагим-хана[612]. Очевидно, что оскорбив жену Ибрагим-хана, Агалар-хан желал преподнести ему урок, показав тем самым, каково было терпеть оскорбления генерал-майора Лазарева, другим женщин.

Обстановка длительной военной угрозы, существование в экстремальных обстоятельствах имела следствием изменения в менталитете дагестанок (независимо от их социального происхождения), трансформировала традиционные нравственно-этические нормы, нарушались гендерные границы.

На территории подвластной имамату новые шариатские нормы препятствовали модернизации и эмансипации социального самосознания дагестанок, поскольку жестко регламентировали их социальное поведение. Выраженную самостоятельность женщин шариат трактовал негативно.

1.4. Влияние военного фактора на возникновение регулярной социальной помощи женщинам в их повседневной жизни

Социальная помощь женщинам, как самой незащищенной категории населения, имела в дагестанском обществе давнюю историческую традицию. Особое внимание уделялось женщинам-вдовам, одиноким женщинам, которые в силу разных обстоятельств не имели семьи. В связи с бесконечными войнами, которые неминуемо приводили к гибели мужского населения, вдовство для дагестанских женщин являлось распространенным жизненным сценарием. Добавим к этому и традиционный институт «кровной мести», из-за которого сотнями погибали мужчины, а нередко, в опустение приходили целые аулы. Все это, разумеется, приводило к увеличению числа вдовствующих женщин, которые нуждались в социальной помощи. Надо отметить, что денежное обеспечение вдовам и их семьям не полагалось, в отличие от социальной помощи вдовам и их семьям в Российской империи, которым полагалось пенсионное содержание[613]. Социальное благополучие

---

[611] Там же.
[612] Там же.
[613] Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, «Издательство Юлис», 2004. С. 51-52.

дагестанских женщин, оставшихся без кормильца, зависело от содействия родственников и общины. В традиционном дагестанском обществе, по нормам обычного права, исторически сложилась традиция - устанавливать над вдовой опеку и попечительство до ее смерти или до повторного замужества[614].

Судьба вдовы зависела от многих факторов, ее социальный и правовой статус в традиционном обществе обладал высокой степенью вариативности. Так, большое уважение в обществе имела вдова, которая после смерти мужа кормильца, осталась одна с несовершеннолетними детьми. О ней заботились как родственники, так и общество, стараясь взять на себя часть хозяйственных хлопот, обеспечить пропитанием и пр. Менее высоким был статус вдовы, имевшей уже женатых или замужних детей, которые сами могли о себе позаботиться, не нуждались в опеке. В отличие от первых двух категорий, статус бездетной вдовы, был самым низким в обществе. Тем не менее, было бы неверно утверждать, что она оставалась без внимания. Семья бездетную вдову не бросала на произвол судьбы, а оказывая о ней заботу, старалась выдать замуж повторно. Так, у некоторых дагестанских народов был обычай заключать брак с вдовой покойного брата (левират). При этом, желание самой вдовы было необязательным. Кроме того, несогласие женщины на брак, было для нее еще и чревато последствиями.

Так, по сведениям Б. К. Далгата, в Даргинском округе была лищена надела земли дочь-вдова, за отказ выйти замуж за родственника покойного мужа[615]. В Мехтулинском ханстве вдова, неизъявившая согласие выйти замуж за брата умершего мужа, лишалась личного имущества, в том числе, и приданного, и изгонялась из дома[616].

Очевидно, что такая практика, несмотря на то, что не имела обязательный характер, вынуждала вдов соглашаться на брак с братом покойного мужа. Единицы

---

[614] Казиев Ш.М., Карпеев. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. Москва: Молодая гвардия, 2003. С.27.

[615] Далгат Б. К, Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.

[616] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С.209.

оказывали сопротивление, не боясь общественного мнения и лишения личного имущества.

Наряду с левиратом, имел распространение сорорат – обычай жениться на сестре умершей жены, если после ее смерти оставались несовершеннолетние дети. Очевидно, что распространение левиратных и сороратных браков имело под собой экономическую основу. В условиях малоземелья и ограниченных средств для существования, семья, желая сохранить имущество, практиковала такие браки.

Статус вдовы-хозяйки зависел от формы семьи– большая неразделенная семьи или малая семья.

По свидетельству Б. Р. Рагимовой, женщина-вдова не могла считаться полноценной хозяйкой дома, а эти обязанности возлагались на ее старшего сына, который фактически становился главой семьи[617]. Несмотря на то, что с этого момента вдова лишалась права самостоятельно принимать какие-либо серьезные решения, касающиеся семейного имущества, тем не менее, негласно сын многие серьезные шаги, не предпринимал без участия или совета матери.

Рассматривая этот же вопрос, М. И. Гаджиева и А. О. Омаршаев указывали, что, оставшись вдовой, женщина брала в свои руки все бразды правления в доме, и только после ее смерти, власть переходила к старшему сыну и его жене[618]. Положение вдовы после смерти мужа, во многом зависело от того, насколько ей удавалось реализоваться как матери. Именно, рождение детей давало женщине такую возможность. Так, женщина, родившая несколько сыновей, пользовалась в обществе особым уважением. Традиционное мировоззрение людей воспринимало сыновей как продолжателей рода. В то время, как рождение дочери выражали сдержано, нередко проявляя недовольство.

Рассмотрим особенности системы социальной помощи женщинам в годы Кавказской войны. Изучение правовых аспектов и форм социальной поддержки

---

[617] Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С.69.

[618] Гаджиева М. И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии. Часть 1. Махачкала: «Стиль», 2000. С.100

вдов свидетельствуют о том, что в исследуемый период личностную защиту вдовам гарантировали, как нормы обычного права и шариата, так и российские законы. Социальные гарантии женщинам и их семьям от государства зависели от многих факторов, которые в реалиях военного времени имели свою специфику. Социальная помощь населению на территориях подконтрольной имамату, отличалась от помощи населению на подконтрольной русской администрации.

В связи с значительным сокращением мужского населения, существенно увеличилось количество вдов и сирот. Не было в дагестанских аулах семьи, которой бы не коснулась трагедия, связанная с потерей кормильца.

Рассмотрим, какие социальные гарантии женщинам предполагались в период Кавказской войны со стороны имамата. Как и любое государство, имамат представлял организацию, которая решала военные, политические, административные и социально-экономические задачи. Материальной базой имамата служили финансы и налоговая система, узаконенная шариатским законодательством. Из этих средств значительная сумма шла на реализацию социальной политики в имамате.

Анализ социальной политики в имамате Шамиля показывает, что особая забота проявлялась в отношении вдов, осиротевших детей, и инвалидов, которые олицетворяли собой самую нуждающуюся категорию населения.

Механизмы и формы социальной поддержки семьи были разными, и зависели от конкретной ситуации в имамате. Приоритетным направлением в социальной политике имамата была поддержка женщин, чьи мужья воевали против русских войск. Если муж погибал, то его семья оказывалась под защитой имамата: вдова и дети погибшего мюрида находились под постоянной заботой, получали регулярную помощь из казны имамата. Так, например, для поддержания вдов и сирот из шариатской казны «*бай-тулмал*» регулярно выделялись денежные средства[619]. Социальная поддержка нередко выражалась в натуральной форме, преимущественно продуктами питания. Так, по сведениям Г.-А.Д. Даниялова, вдовам и их семьям ре-

---

См.: [619] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С.491; Берже А. П. Чечня и чеченцы…С. 21;.Магомедов Р. М.Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. С.107; 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С.124;.

гулярно оказывалась помощь из хлебных запасов, которые хранились в имамате для общественных и военных потребностей[620].

Все функции и ответственность по поддержке семьи погибшего мюрида возлагались на наибов, которые должны были держать ответ перед имамом. Имам Шамиль постоянно напоминал своим наибам, о необходимости материальной поддержки семье погибшего мюрида, отмечая, что это есть святая обязанность имамата. Дагестанский ученый Р.М. Магомедов отмечал неравнодушие имама к проблемам нуждающихся, который старался вникать во все их нужды, чтобы облегчить тяжелое материальное положение.[621]

Особое внимание уделялось семьям, где находились инвалиды, получившие увечья на войне и потерявшие трудоспособность. Шамиль требовал от своих подчиненных, и в первую очередь от наибов, чтобы те оказывали всяческую помощь семьям инвалидам. Между тем, нередко сами инвалиды обращались к имаму за материальной поддержкой для своей семьи, которая испытывала нужду. В частности, в одном из писем Шамиля к наибу Умару говорилось о необходимости оказывать содействие семьям инвалидов, не оставлять без внимания их жалобы [622].

Преимущественно, помощь инвалидам оказывалась в натуральной форме, продуктами питания, сеном, дровами и пр. Так, обращаясь в 1846 году к согратлинскому наибу Мухаммаду, Шамиль строго наказывал оказать помощь зерном тем, кто обращался к наибу за помощью[623]. При этом в письме подчеркивалось, что это обязанность имамата[624].

Социальная помощь касалась и семей казненных преступников, изменников, которые перешли на сторону русских во время военных действий. По некоторым сведениям, имам, заботясь об их семьях, сам лично оказывал помощь «беспомощ-

---

[620] Даниялов Г.- А. Д Имам Шамиль. Махачкала, 1996. Т. III. С. 67.

[621] Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. С.107.

[622] 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С. 123.

[623] Там же.

[624] Там же.

ным сиротам»[625], забыв, что они дети изменников. Подобный подход, несомненно, свидетельствовал о том, что сироты казненных преступников, не оставались без минимальной социальной поддержки имамата.

В имамате старались решить не только проблемы материальной поддержки вдов, но и нередко наладить их личную жизнь. Так, законодательно была закреплены некоторые установки, касающиеся замужества вдов. Так, в имамате была специально утверждена комиссия, в функции, которых входило соединить вдовствующие пары брачного возраста. Такая инициатива сельской общины, была продиктована с одной стороны, стремлением как можно скорее найти надежную опору для вдовы, и опекуна для детей-сирот. А с другой стороны, забота об овдовевших горянках, была продиктована стремлением решить проблемы демографического характера, т.е. поднять уровень рождаемости в имамате.

По имеющимся сведениям, создать новую семью удавалось в подавляющем большинстве случаев[626]. Очевидно, что особо не противились замужеству и женщины – вдовы. Оказавшись в тяжелом эконмическом положении, они видели для себя в новом замужестве положительную перспективу. Что касается общества, то оно, положительно санкционировало такие браки, снимая с себя часть ответственности за вдов и их семей.

Таким образом, анализ практики социальной поддержки женщинам со стороны имамата, свидетельствует, что они не были брошены на произвол судьбы. По сложившимся традициям, к насущным проблемам женщин и их семьям, проявляли интерес, как родственники, так и общество. Все нуждающиеся категории женщин и их семьи регулярно получали социальную помощь, как в натуральной форме, так и в денежной.

Рассмотрим практику социальной поддержки дагестанским женщинам и их семьям в годы Кавказской войны со стороны российского государства. Социальная поддержка женщин – вдов, находилась и в центре внимания кавказской админи-

---

[625] Там же. С. 124

[626]Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы. (XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1994. С. 112.

страции, где имелись свои особенности, зависящие от конкретной политической ситуации. Главным определяющим фактором при оказание помощи вдовам и сиротам горцев со стороны Российской империи, была лояльность главы семейства к царской власти. Надо сказать, что женщинам из неимущих слоев со стороны российского государства социальная помощь не оказывалась. Если солдатским вдовам из русских семей государством полагалась хоть минимальная социальная поддержка[627], то всего этого были лишены дагестанские женщины.

Особое значение царскими властями, придавалось социальным выплатам вдовам и семьям горских высокопоставленных особ. Соответственно, и размер пособия, который назначался из государственной казны, был весьма существенным. В архивных источниках содержатся материалы официальной переписки кавказского командования, касающиеся вдов высокопоставленных особ и их материально обеспечения. Вмешательство царской администрации в судьбы женщин, гарантировало им возможность положительного решения многих ходатайств, с которыми они обращались к властям. Но, опять–таки, положительного решения можно было ожидать только при условие лояльности семьи просительницы к российским властям.

Интересна в этом плане судьба вдовы Хасан-хана Аварского, убитого царскими войсками за его попытки строить козни против России. После его смерти осталась вдова с детьми.

В Актах Кавказской археографической комиссии имеются сведения о ходатайстве вдовы к русским властям. Об этом в августе 1823 года генерал Ермолов писал в письме к генералу Грекову, подчеркивая, что вдова просила майора князя Муса-Хасаева походатайствовать о покровительстве начальства ее детям[628]. Она уведомляла его, что подвластные обязуются служить детям изменника - хана луч-

[627] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, «Издательство Юлис», 2004. С. 60.
[628] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII.. С.29-30

ше прежнего[629]. Главной ее целью было донести до русских властей, что ее сын должен был наследовать «достоинство хана»[630].

Обращает внимание, реакция русских властей на это ходатайство. Учитывая, что вдова и ее дети являлись наследниками изменника и злодея, в таком покровительстве было отказано. Кроме того, отказ объяснялся тем обстоятельством, что вдова не выполнила условий, которые ей были выдвинуты властями. А, именно, она не покинула Аварское ханство, на которое уже не имела право претендовать, как это требовали русские власти[631]. Очевидно, что невыполнение вдовой условий ей выдвинутых, привело к тому, что наследником Аварского ханства стал, назначенный российскими властями Сурхай-хан.

С ходатайством к генералу Ермолову тремя годами раньше обращалась мать, Хасан-хана, о чем свидетельствовало письмо генерала Ермолова к Нессельроде от 10 января 1820 года. В частности в письме отмечалось, что мать просила у генерала покровительство, которое он по обычаям здешним не мог ей отказать ей[632]. При этом, характеризуя ее, генерал Ермолов, особо подчеркивал, что она «еще гнуснейших свойств, нежели они сами»[633]. По имеющимся сведениям, генерал Ермолов, действительно, не отказал пожилой женщине, судя из его же письма, он «злую сею старуху отослал в Кизляр, назначив ей приличное содержание»[634]».

Представляют интерес вопросы, касающиеся социальной помощи вдове и детям генерал-майора Ахмед-Хана Мехтулинского, умершего в 1843 году. После смерти своего мужа, вдова Нух-бике осталась с четырьмя детьми – сиротами: сыновьями Гасан-ханом, Ибрагим-ханом, Рашид-ханом и дочерью Умукусюм. Конечно, оставшись вдовой, ханша Нух-бике могла рассчитывать на все привилегии и материальное обеспечение, которые полагались ей по статусу покойного мужа.

В материалах архивного дела (РГИА) имеются сведения, касающиеся социальной помощи вдове и детям Ахмед-Хана Мехтулинского. В частности, в матери-

---

[629] Там же. С. 30.
[630] Там же.
[631] Там же. С. 30.
[632] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С. 11.
[633] Там же.
[634] Там же.

алах дела говорится о том, что после смерти мужа, русским правительством Нух-бике было назначено ежегодное жалованье в 1500 руб. серебром[635]. Примечательно, что спустя два года по указанию императора Николая I, размер этого жалованья был увеличен.

В письме Военного министра к Главнокомандущему Отдельным Кавказским корпусом от 21 декабря 1845г. сообщалось, что император соизволил вдове генерал-майора Ахмед-Хана Мехтулинского, Нух-бике, производить из казны то содержание, каким пользовался покойный муж[636]. В результате, вместо 1500 р., она стала получать из казны по 2000 р. серебром в год[637].

Безусловно, такая внушительная социальная поддержка ханши, была связана с заслугами ее покойного мужа Ахмед-Хана Мехтулинского перед российским государством.

Так, в письме Военного Министерства к управляющему делами Кавказского комитета В. П. Буткову, датированным за № 1 от января 1846 года речь также шла о предполагаемой материальной поддержке Нух-бике[638]. В. П. Буткову была направлена копия Высочайшего послания о представлении вдове тех окладов содержания, какими пользовался покойный муж ее[639].

Однако, после похищения ханши Нух-бике в декабре 1846г. наибом Шамиля – Хаджи-Муратом, вопрос о ее жалованье стал предметом специального обсуждения высокопоставленных чинов Российской империи. Кроме того, в сфере внимания военных и гражданских властей находились и малолетние дети ханши Нух-бике, которые нуждались в опеке и материальной поддержке.

В частности, такую заботу о Нух-бике проявлял генерал – лейтенант князь Бебутов, который был в то время командующим войсками в Северном Дагестане, Так, заботясь о детях покойного правителя, князь ходатайствовал о продолжении

---

[635] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л.2.
[636] Там же.
[637] Там же.
[638] Там же. Л. 3.
[639] Там же.

отпуска пансиона на их содержание [640]. Учитывая тот факт, что Нух-бике находилась в плену, князь Бебутов предлагал властям сохранить за ними денежное содержание, которое полагалось вдове, до возвращения ее из плена [641].

Более того, в случае смерти ханши, князь Бебутов предлагал передать этот пансион детям, как в награду на смерть их отца, покойного генерал-майора Ахмет-хана[642].

Сразу же после похищения Нух-бике ставился вопрос о месте содержания ее детей. В письме Военного министра, князя А.И. Чернышева к Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом предлагалось немедленно их отправить в учебные заведения[643]. Князем А.И. Чернышевым особо отмечалось, «чтобы оставшиеся в Дженгутае дети ханши Нух-бике были воспитаны приличным образом[644].

Такое приличное воспитание для сыновей ханши Нух-бике, Военному министру виделось в учебных заведениях Санкт-Петербурга, но вопрос оставался на стадии обсуждения с наместником, князем М.С. Воронцовым[645].

Судьба трех сыновей Гасан-хана, Ибрагим-хана и Рашид-хана, а также дочери Умукусюм, находилась в поле зрения князя М. С. Воронцова и в последующем. В Пажеский корпус, где обучались дети высших чиновников, был отправлен сначала старший сын ханши Гасан-хан, который умер в 1839 году, не перенеся сырого климата столицы, затем его младшие братья – Ибрагим-хан и Рашид-хан.

После возвращения из Нух-бике плена, самим императором Николаем 1 было дано распоряжение о том, что пожалованный ей пансион должен был сохраняться за ней[646]. Было направлено письмо к Военному министру, князю А.И. Чернышеву, где говорилось, что Нух-бике смилостивше пожалован пансион тысяча пятьсот рублей серебром, которыми она пользовалась до похищения [647].

---

[640] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 5.
[641] Там же. Л. 6.
[642] Там же.
[643] Там же. Л. 41.
[644] Там же.
[645] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 43.
[646] Там же. Л. 9.
[647] Там же. Л. 4.

Кроме того, на высочайшем уровне решался вопрос, касающийся спорных деревень Урма, Парааул и Доргели[648]. Из материалов архивного дела следовало, что после смерти Ахмет-Хана-Мехтулинского, на них предъявили права брат Ахмет-Хана-Мехтулинского – подполковник Али-Султан и ханша Нух-бике[649].

Однако, по разным причинам, вопрос этот затянулся на долгое время. Очевидно, что русское правительство посчитало то денежное жалованье, которое ежегодно получала вдова Ахмет-Хана-Мехтулинского, достаточным для нее, а со спорными деревнями решило повременить.

Представляют интерес вопросы, связанные с социальной поддержкой семьи покойного генерал-майора Агалар-бека Казикумухского. Высочайшим указом Николая I Агалар-бек был назначен в 1849 году правителем Кази-Кумуха. Свою лояльность к власти, Агалар-бек доказал тем, что предал своего брата Абдул-Рахмана, который был правителем Кази-Кумуха до 1848 года. Абдул-Рахман в свою очередь проявлял лояльность к мюридам, и даже собирался помочь имаму Шамилю в нападении на Кази-Кумух. По сведениям С. Габиева, узнав о намерениях брата, Агалар-бек донес о его намерениях князю М. З. Аргунтинскому и наместнику М. С. Воронцову[650].

Это было оценено русскими властями. За свою преданность Российской империи Агалар-бек вскоре получил ханскую власть, но с незначительными ограничениями и чин генерала. После своей внезапной смерти в 1859 году, он был похоронен со всеми почестями, как генерал русской армии[651].

После смерти Агалар-бек остались вдовами три его жены. Они оказались в поле зрения русского правительства, так как, им полагалось денежное жалование, как вдовам покойного генерала.

Перед русскими властями стоял и вопрос, связанный с управлением в ханстве. Некоторое время ханством управляла вдова Шамай-бике, к которой для помощи был представлен русский генерал. Но, после своего повторного замужества,

---

[648] Там же. Л. 6.
[649] Там же.
[650] Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 81.
[651] Там же. С.86.

Шамай-бике лишила себя права «престолонаследия»[652]. Очевидно, что русские власти не одобрили ее повторного замужества, так как видели в этом определенные сложности для себя. Конечно, женщиной - вдовой управлять было гораздо безопаснее, чем замужней. По требованию русских властей вдова Шамай-бике должна была покинуть навсегда Кази-Кумух, который полностью перешел под русское правление – ханство было преобразовано в Кази-Кумухский округ[653].

Оказавшись в сложной жизненной ситуации, Шамай-бике, вынужденная покинуть ханский дворец, не взяла с собой многого из личного имущества. Все принадлежащее ей имущество, в том числе деньги и драгоценности, перешли к наследнику Агалар-бека. Разумеется, Шамай-бике пыталась бороться за принадлежащее ей имущество, желая его вернуть. Имеются сведения, что она с прошением обращалась к управляющему ханством. Так, в Актах Кавказской археографической комиссии содержалась докладная записка от барона Врангеля к князю Барятинскому от ноября 1858 г., где говорилось о прошении вдовы генерал-майора Агалар-бека Казикумухского Шамай – бике к управляющему ханством[654]. В частности, Шамай – бике просила вернуть ей деньги и личные вещи, которые достались ей в наследство от отца и бабушки[655]. Учитывая, что составлялась опись имущества, которое должен был наследовать приемник Агалар-бека, Шамай – бике важно было убедить русские власти, в правоте своих претензий на деньги и вещи.

В результате, ею претензии были удовлетворены, деньги, и вещи ей возвращены, как не вызывающие сомнения в их происхождении[656].

Не осталась Шамай – бике и без социальной поддержки, ей и другим вдовам Агалар-бека Казикумухского, были назначены из казны империи пожизненные пенсии. Так, в архивном документе (РГИА) имеется письмо председателя Кавказского Комитета князя Орлова к Наместнику Кавказскому, князю Барятинскому от 9

---

652 Там же. С.87.
653 Там же.
654 АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С. 429
655 Там же. С. 429.
656 Там же. С. 429.

декабря 1858 года, за № 1825, где говорилось об оказании им помощи [657]. По указанию императора было велено женам умершего – Шамай–бике и Халай с детьми производить пожизненную пенсию[658].

При этом, отмечалось, что пенсия в размере шестьсот рублей серебром в год каждой, должна была производиться за счет общественных доходов Закавказского края[659].

Кроме того, аналогичного содержания письмо было отправлено и к министру финансов Российской империи, в котором говорилось о включении этих расходов в смету края, до 1860 года включительно [660]. Понятно, что такое благосклонное отношение российских властей к вдовам Агалар-бека и материальная поддержка, были связаны с лояльностью покойного к Российской империи и его личными заслугами.

Представляют интерес материалы, отражающие поддержку семьи генерал-майора Джамов-бека-Адиль Уцмиева, правителя Кайтага. После его смерти в центре внимания государства оказались вопросы социальной помощи его вдове Фатиме – бике и детям-сиротам. Учитывая, долгую и плодотворную службу генерал-майора Уцмиева, сам князь Барятинский ходатайствовал о назначении пенсии семье покойного. В частности, об этом князь писал в декабре 1858 года в письме к князю Орлову, председателю Кавказского Комитета[661]. В письме особо подчеркивались заслуги генерал-майора Уцмиева перед Россией, которые до князя Барятинского были доведены в рапорте барона Врангеля[662]. Отдельным пунктом в письме стоял вопрос о сумме пенсии, а так же условиях ее назначения.

В конечном итоге, вдове генерал-майора Джамов-бека-Адиль Уцмиева была назначена пенсия в сумме 860 рублей в год[663]. Деньги выделялись из 20 тысяч

---

[657] РГИА. Ф.1268. Оп.9. Д.342. Л. 3-4
[658] Там же. Л. 4.
[659] Там же.
[660] Там же.
[661] Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 гг. // Осада Кавказа. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 430.
[662] Там же.
[663] Там же.

червонцев, которые ежегодно из казны государства поступала на пенсии азиатам[664]. При этом было оговорено, чтобы половина суммы предназначалась вдове, а другая половина шла детям до их совершеннолетия[665]. Кроме того, после выхода в новое замужество, или по смерти вдовы, пенсия не производилась[666].

Как видно из приведенных выше примеров, российскими властями при оказание социальной поддержки вдовам горских правителей, бралось во внимание лояльность к царской власти. Очевидно, что заслуги покойного сказывались на последующих отношениях с вдовой и детыми – сиротами.

Не только на семьи горских правителей распространялась социальная помощь от царских властей, но и на ту часть населения, которая в период Кавказской войны, открыто, выступала на стороне русских. Надо справедливо заметить, что такого рода лояльность, могла нередко стоить горцам жизни. Известно немало примеров, когда с изменниками жестоко расправлялись мюриды за пророссийские настроения.

В качестве примера можно привести жителя селения Ахты Самурского округа Гасан Чуру оглы, которого имам Шамиль казнил за то, что тот открыто, выступил на стороне русской армии, подтолкнув к мятежу население Ахты.

В 1848 г. имам Шамиль подготовил военную операцию в Самурском округе против русской крепости у селения Ахты. На стороне Шамиля выступили хорошо организованные отряды из горных обществ[667], но имам был уверен, что его поддержат и жители селения Ахтов. Между тем, вопреки ожиданиям Шамиля, вместо поддержки, ахтынцы во главе Гасан Чуру оглы открыто выступили на стороне русских войск.

Такая лояльность Гасан Чуру оглы не осталась незамеченной со стороны русских властей, этому была дана соответствующая оценка. В архивном деле (РГИА) имеется письмо князя М.С. Воронцова, адресованное к Военному министру А.И. Чернышеву, где отмечалось, что нукер при Самурском окружном Управ-

---

[664] Там же.
[665] Там же.
[666] Там же.
[667] Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Издание А.А. Каспари, журнал "Родина" СПб., 1904. С.407.

лении, житель селения Ахтов, Гасан Чуру оглы отличался особенной преданностью к русским [668]. Будучи лояльным к русским, он открыто призвал актынцев, чтобы они бросили осаду и шли по домам[669].

Разумеется, такое предательство нукера Гасан Чуру оглы имам Шамиль простить не мог, расправа последовала незамедлительно. В том же письме М. С. Воронцова к А. И. Чернышеву сообщалось, что с Гасан Чуру оглы поступили по шариату, по приказу имама Шамиля «за его поступок и была снята голова» .[670]

Безусловно, российские власти не могли не оценить заслуги Гасан Чуру оглы перед империей. Власти позаботились о его семье, вдова и дети не были брошены на произвол судьбы. На самом высоком уровне, решались вопросы, связанные с социальной поддержкой семьи, о чем свидетельствуют материалы архивного дела «О назначении пенсии семейству казненного Шамилем Ахтынского жителя Гасан Чуру оглы »[671]. Однако, вопрос о назначении пенсии затянулся в силу бюрократических проволочек , связанными с местным начальством.

Так, в письме князя М. С. Воронцова к военному министру А. И. Чернышеву говорилось, что вдова, оставшаяся в бедном положение с шестью сыновьями, осталась «ненагражденной». [672] Причину этого, князь Воронцов объяснял тем, что местным начальством не было сделано формального предоставления правительству на семейство Гасана Чуру оглы[673].

По мнению князя М. С. Воронцова, ни столько справедливым, а столько необходимым было для примера другим, не оставлять семейство Гасана Чуру оглы без помощи[674]. Он полагал крайне необходимым ходатайствовать о назначении семейству пенсии по шестидесяти рублей серебром в год[675]. Из этой суммы, одну

---

[668] РГИА. Ф. 1268. Оп.7. Д. 279. Л.2.
[669] Там же. Л.2.
[670] Там же.
[671] Там же. Л. 1-10.
[672] Там же. Л. 3.
[673] Там же.
[674] Там же.
[675] Там же

половину вдове Генуш Муса Кызы пожизненно или до выхода ее в новое замужество, а другую шести сыновьям по равной части[676].

В конечном счете, семейству, казненного Шамилем в 1848 г. нукера Самурского Окружного Управления Гасан Чуру оглы, с одобрения со стороны императора Николая I была назначена пенсия, о чем в архивном деле имеется соответствующая запись[677]. Были назначены пенсии, как вдове убитого, так и шести его сыновьям.

В материалах архивного дела имеется список членов семьи Гасана Чуру оглы, которым полагалась пенсия[678]. Ниже представлена таблица.

№	Имя убитого	Члены семьи убитого	Сколько от роду лет
	Самурского округа житель селения Ахтов Гасан Чуру оглы	Жена Генуш Муса Кызы	43
		Сыновья:	
		Камиль	20
		Аюбъ	16
		Муса-хан	13
		Каиб	10
		Шихъ-Керим	6
		Гасан	5

В сфере внимания российских властей были и другие представители дагестанского общества, проявившие к ней особую лояльность.

В архивных материалах также имеются сведения о производстве в 1851 г пенсии семейству умершего Керим Хана Ширванского[679], о назначении в 1852 г. пособия семейству находящегося в плену у горцев письмоводителя Хазринского

[676] Там же.
[677] Там же. Л.8.
[678] Там же. Л.4.
[679] РГИА. Ф. 1268 Оп. 5 Д. 412.

участкового Управления канцелярского служителя Юзбашева[680]. Учитывая лояльность Керим Хана Ширванского и Юзбашева к русским, правительство не оставило без поддержки их семьи, выплатив им соответствующее денежное пособие.

В частности, в 1857г. пенсия в размере 30 рублей серебром в год была назначена семье жителя Самурского округа Уста Сенда Сенд оглы[681]. Деньги выделялись из 20 тысяч червонцев, которые ежегодно направлялись Кавказскому начальству для пенсии «азиятцам»[682].

После окончания военных действий, социальная политика российских властей была направлена на сохранение экономических привилегий дагестанской аристократии из числа бывших феодальных владетелей. Государство регулярно выплачивало им и их семьям денежные пособия и пожизненные пенсии[683], размер которых варьировался в зависимости от их нового статуса.

В период Кавказской войны в поле зрения русского правительства находились вопросы, связанные с государственной поддержкой вдов и сирот военных чинов, погибших во время службы на Кавказе. Российским законодательством предусматривались меры по социальной поддержке семьи погибшего. Особо были прописаны размер пособия вдове и детям-сиротам, а также, предполагаемые льготы и привилегии.

Заметим, российские законы лишали вдову пенсии, если она повторно выходила замуж. Впрочем, как это применялось и в отношении вдов кавказских народов, в случае их повторного замужества.

Как правило, социальная поддержка семьям военных чинов, осуществлялась после ходатайств, как самих вдов, так и их окружения, в том числе, и военных чинов.

---

[680] РГИА.Ф. 1268 Оп. 5 Д. 482.
[681] РГИА. Ф. 1268 Оп. 9. Д. 135.
[682] Там же. Л. 6.
[683] РГВИА. Ф.400. Оп.3. Л.7.

Согласно сведениям князя А.М. Дондукова-Корсакова, помощь вдовам осуществлялась как по инициативе официальных лиц, так и частных лиц[684]. Автор в своих воспоминаниях, упоминал о том, что сам лично в 1848 году обращался с ходатайством к наместнику, князю М.С. Воронцову, о материальной поддержке вдовы штабс-капитана Апшеронского полка. Так как, наместник в это время находился в Темир-Хан-Шуре, где был расположен Апшеронский полк, то ходатайство за короткие сроки было удовлетворено.

А.М. Дондуков-Корсаков сообщал, что князь М.С. Воронцов, принимая во внимание тяжелое положение вдовы, которая осталась без средств к существованию с двумя малолетними детьми, распорядился выдать ей щедрое денежное пособие[685].

Участие наместника в судьбе вдовы штабс-капитана, не закончилось на этом. Благодаря его инициативе, а также его супруги, княгини Е. К. Воронцовой, вдова штабс-капитана была определена в Ставрополь, а ее дети устроены в учебные заведения[686].

Заметим, что особую роль здесь сыграла, именно, супруга князя, Е. К. Воронцова. По мнению А.М. Дондукова-Корсакова, благодаря княгине судьбы многих детей-сирот, чьи отцы погибли на Кавказе, не остались без внимания властей[687]. Учитывая, что княгиня была попечительницей женских учебных заведений на Кавказе, многие дочери русских офицеров получили возможность обучаться в гимназиях столичных кавказских городов.

А.М. Дондуков-Корсаков в своих воспоминаниях упоминал об Анне Ефимовне Клюгенау, супруге командующего войсками в Темир-Хан-Шуре, полковника Клугенау. По сведениям автора, она оказывала материальную помощь и содей-

---

[684] Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 430.
[685] Там же.
[686] Там же.
[687] Там же. С. 428

ствие офицерам в Темир-Хан-Шуре, помогала семьям в случае их гибели, ухаживала за ранеными[688].

После завершения военных действий в 1860 году была образована Дагестанская область. На территории области было введено военно-народное управление во главе начальника из числа царских генералов. В ведение начальников находились и вопросы, касающиеся социальной поддержки населения, в том числе и вдов.

Существенную социальную поддержку оказывали вдовам государственных чинов разного ранга, выплачивая им денежное содержание, а нередко и пожизненно обеспечивая земельными угодьями на Кавказе.

В архивных делах сохранилась переписка военной и гражданской администрации, касающаяся вопросов о выделении вдовам земельных наделов на Кавказе. Так, в архивных материалах (РГИА) содержатся сведения за 1873 год о представлении вдове Надворного Советника Смирновой в пожизненное пользование участка казенной земли в Кайтаго-Табасаранском округе в количестве 130 десятин, 94 саж[689]. Проживающая в г. Дербенте, Дагестанской области, вдова обратилась к начальнику той области с просьбой о пожаловании ей в потомственное владение небольшого участка казенной земли в с. Курчах Кайтаго-Табасаранского округа[690].

В своем ходатайстве вдова отмечала, что она осталась с двумя дочерями без средств к жизни, и находится в крайне стесненном положение [691]. Объясняя тяжелое положение семьи, она писала, что это стало следствием того, что она лишилась сына, служившего прапорщиком и погибшим от нападения горцев[692].

В письме Начальнику Дагестанской области Генерал- адъютанту, князю Меликову, за подписью Начальника Кавказского областного управления, содержалось ходатайство о возможном положительном решение вопроса вдовы Смирновой. Автор письма указывал на важные обстоятельства, которые следовало бы учесть, при решение данного вопроса. В частности, отмечалось, что вдова Смирнова содержала

---

[688] Там же. С.430
[689] РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.126. Л.1-15.
[690] Там же. Л. 6-7.
[691] Там же.
[692] Там же.

себя незначительной пенсией, получаемой ей за службу мужа[693]. Кроме того, автор письма полагал, что просимый ею участок земли в с. Курчах не приносит казне никакого дохода, и следовало предоставить его ей в пожизненное пользование [694].

В итоге, ходатайство вдовы Смирновой было удовлетворено. В выписке из журнала Кавказского комитета от 17 июля 1873 года отмечалось, что вдове Смирновой в пожизненное пользование, без платы за это в доход казны предоставить земельный участок с. Курчах[695].

Вместе с тем, следует отметить, что при оказание социальной поддержки, царские власти, исходили из конкретной ситуации, учитывая многие факторы и строго следуя законам Российской империи. Нередко, ссылаясь на российские законы, ходатайство вдов военных чинов отклонялось.

В этом плане представляет интерес архивное дело вдовы генерала-лейтенанта Мадатова, из которого следует, что ходатайство вдовы Софьи Мадатовой о пожаловании ей участка земли на Кавказе за военные заслуги покойного мужа, было отклонено[696]. Конечно, для отказов должны были быть формальные причины.

Так, в письме Статс – секретаря Его императорского Величества Н. Гулькевича к Софье Александровне Мадатовой говорилось о том, что просьбу о пожаловании ей участка земли на Кавказе удовлетворить в данное время не могут[697].

Отказ объяснили тем, что свободные казенные земли на Кавказе, в количестве 43400 десятин всемилостиво были пожалованы лицам 1-х и 2-х разрядов[698]. Как это и полагалась по действующим законам Российской империи, на тот момент. Что касается лиц 3-го разряда, то предполагалось наделить их землей только в случае, если откроются на Кавказе еще свободные земли[699].

Как видно из документа, руководствуясь российским законодательством, в первую очередь социальную поддержку получали лица 1-х и 2-х разрядов, а за тем,

---

[693] Там же. Л. 7.
[694] Там же. Л.7-8.
[695] Там же. Л. 3-4
[696] РГИА. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 62. Л. 1-10.
[697] Там же. Л. 7
[698] Там же.
[699] Там же.

по возможности, удовлетворяли ходатайство лиц меньших разрядов, к каковым относился и покойный муж Софьи Мадатовой.

В этом же письме Статс – секретарь Н. Гулькевич писал Мадатовой, что по мнению Комитета, оказалось невозможным в настоящее время удовлетворить Ваше Милостивое Государыня ходатайство[700]. Приняв, однако, во внимание важные военные отличия, связанные с покойным ее супругом во время службы его за Кавказ, Комитет обещал, что при возможности удовлетворить ходатайство[701]. При этом, особо подчеркивалось, что решение будет зависеть от усмотрения Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией[702].

В конечном итоге, дело вдовы Софьи Мадатовой, начатое 7 марта 1873 года, было через 20 дней завершено, но положительного решения так и не получило. Власти, сославшись на имеющиеся положения в законах, довели до вдовы причины отказа пожалования ей участка земли на Кавказе.

Аналогично имперскими властями во всех кавказских губерниях оказывалась социальная поддержка семьям офицерских чинов, чьи мужья погибли на Кавказе. Об этом свидетельствуют архивные документы (РГИА), содержащие многочисленные прошения от вдов.

В частности, имеются прошения от вдовы Надворного Советника Брискорн о назначении ей пособия за службу умершего за Кавказе, отставного капитана Брискорна[703].

Прошение о назначении в 1845 г. вдове убитого прапорщика Князя Тагу Дзапшипа Княгине Екатерине пенсии[704].

Прошение вдовы убитого Кутаисского губернатора, генерал-лейтенанта князя Гагарина, которой в 1858 году была назначена пенсия в 3 тыс. руб. серебром в год[705].

---

[700] Там же. Л. 8
[701] Там же
[702] Там же.
[703] РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.602. Л.1-16.
[704] РГИА. Ф. 1268 Оп. 1 Д. 845. Л.6.
[705] РГИА.Ф. 1268 Оп. 9. Д. 123. Л. 4

Заметим, что все эти прощения были удовлетворены властями, несмотря на бюрократическую волокиту: многие ожидали положительного решения долгие годы.

Так, например, около 8 лет, судя по архивным материалам, рассматривалось прошение вдовы полковника Княгини Софьи Челокаевой, по которому было вынесено положительное решение[706]. По архивным данным, вдове Софье Челокаевой было назначено два пансиона, один из которых назначен ей за службу мужа, второй определен ей из 2 тысяч рублей серебром, производившихся покойному взамен доходов[707].

В другом архивном документе содержатся сведения, судя по которым, вдове капитана Екатерине Геттинг не только была назначено единовременное пособие в размере 300 рублей серебром, но и назначена ей в последствие пожизненная пенсия по 350 рублей серебром в год. Кроме того, вдове выделялось в год по 114 рублей серебром на квартиру и отопление[708].

В материалах архивного дела № 305 имеются сведения о том, что в 1862 году вдове бывшего владетеля Шекинской провинции генерал - майора Исмаила Хана Туте Ханум были выданы на три года из казны производимого ей содержания по 4500 р. серебром[709]. Кроме того, в материалах дела имеется ходатайство об освобождении жены полковника Хана Садат Бегум от платежа в казну долга ея матери Тути Ханум и о возобновлении Садат Бегуме производившегося ея матери содержания по 1500 руб. сер. в год[710].

Данные архивные источники характеризуют специфику социальной поддержки семьям офицерских чинов, оставшимся без кормильца.

Анализ всех приведенных выше архивных материалов свидетельствует о том, что при оказании содействия семьям, имперские власти руководствовались в первую очередь, заслугами глав семейства перед государством. Исходя из этого,

---

[706] РГИА. Ф. 1268 Оп. 6 Д. 254. Л.5.
[707] Там же.
[708] РГИА. Ф. 1268 Оп. 6 Д. 395. Л. 1-6.
[709] РГИА.Ф. 1268 Оп. 9. Д. 305. Л. 9.
[710] Там же. Л.10-11.

все прошения вдов, как правило, удовлетворялись. Денежное пособие вдове, нередко составляла сумму, которую при жизни получал ее покойный муж.

Социальная политика городских властей Дагестанской области была направлена на поддержку малоимущих, инвалидов, вдов и сирот. В городах социальное призрение вдовам и сиротам осуществлялось с указания градоначальника г. Дербента, полицмейстера г. Темир-Хан-Шуры и военного начальника г. Петровска (с 1886 г. полицмейстер – О.М.)

Заметим, что с 1877 года в Российской империи повсеместно действовали новые правила оказания социальной помощи семьям военных чинов, которые были прописаны в указе Александра 11 «Временные правила о призрении семей запасных, призванных на действительную службу. На основе этих правил осуществлялась и социальная поддержка семей военных чинов и в Дагестанской области. Градоначальники ежегодно закладывали в смету расходы на социальную помощь вдовам и их семьям. Несмотря на нехватку денежных средств в бюджете города, выплата пособий вдовам проводилась.

Анализ социальных пособий вдов свидетельствует, что на рубеже XIX -XX вв., сумма варьировалась от 15 рублей до 40 рублей в зависимости от звания мужа. Лишь в начале XX века встречалась существенная разница в сумме денежного пособия, которое превышало 100 рублей.

Так, по сведениям Е.И. Козубского в Дербенте в 1898г. городскими властями было выдано денежное пособие вдове Р. Свидинской в размере 20 рублей[711]. В 1899 году денежные пособия получили уже трое женщин: вдова Хан-Пери в сумме 15 рублей, вдова штабс – капитана Газалова в сумме 25 рублей и вдова пристава Псалтырова в сумме 40 рублей[712]. Заметим, что вдове пристава Псалтырова в 1903 году было назначено пособие в сумме 120рублей, которая значительно была выше предыдущей[713].

---

[711] Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1906. С. 144.
[712] См.: Там же.
[713] См.: Там же.

Анализ практики социальной поддержки женщин и их семей в период Кавказской войны, показывает, что они были социально защищены, как со стороны общества, так и государства. В дагестанском обществе исторически сложилась традиция поддержки семьи женщины-вдовы, что нашло отражение в нормах обычного права. Приоритетными в политике имамата были вопросы, связанные с социальной поддержкой вдов и сирот, в том числе и казненных преступников, выдача вдов в повторное замужество. При оказании содействия дагестанским женщинам, оставшимся без мужей, имперские власти руководствовались в первую очередь заслугами погибших глав семейств перед государством. Лояльность главы семьи сказывалось на последующих отношениях с вдовой и детьми покойного, что доказывают тексты прошений вдов и их переписка с гражданскими и военными властями. Социальная помощь от царских властей распространялась, прежде всего, на семьи, которые в период Кавказской войны открыто, выступали на стороне русских, ведь такого рода лояльность могла стоить им жизни.

Таким образом, социальная поддержка женщинам-вдовам дагестанских народов, их семьям, со стороны царского правительства и имамата, зависела от конкретной политической ситуации. Русскими властями в первую очередь учитывались личные заслуги главы семьи и его лояльность к Российской империи. Только, принимая во внимание все эти обстоятельства, вдова и дети-сироты могли рассчитывать на пансион от российского государства, который обеспечивал их безбедное существование.

Существенную социальную поддержку государство оказывало вдовам военных и государственных чинов разного ранга, погибшим на Кавказе. В специальных законодательных актах Российской империи XIX вв. были закреплены меры поддержки вдов и семей русских офицеров, которые предполагали наряду с денежным пособием, предоставление земельных участков на Кавказе.

Власти имамата, также при оказании помощи вдовам и детям, брали во внимание лояльность и личную преданность глав семейства идеям борьбы с противниками мюридизма. При этом, реализуя социальную политику, не исключали помощи семьям изменников, выплачивая денежное содержание вдове и сиротам.

ГЛАВА 2. ЖЕНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1817-1864 ГГ.

2.1. Обыденность женского участия в оборонительных сражениях в Дагестане. Мотивы и формы участия дагестанок в политической жизни

В повседневной жизни населения в годы Кавказской войны обыденным явлением стало участие женщин в оборонительных сражениях. Отметим тот факт, что постоянного театра военных действий не было. Локальные военные столкновения между русскими войсками и горцами происходили на протяжении всего периода войны, а по мере продвижения русских войск в глубь Дагестана, эпицентром военных сражений могла стать любая территория, население которой оказывало сопротивление.

Кавказская война не только изменила уклад жизни дагестанских народов, но и стала фактором небывалого подъема патриотизма, героизма и самопожертвования. По мнению участника Кавказской войны Р.А. Фадеева, на Кавказе русские встретили такое ожесточенное сопротивление, какое только можно себе представить: людей, природы, неприступных аулов[714]. В самые напряженные периоды на защиту своих аулов вставало все жители аула, способные держать в руках оружие, от малых детей до дряхлых стариков[715].

Учитывая, что многие авторы сами были непосредственными участниками описываемых сражений, они своими глазами наблюдали героизм и доблесть людей. Авторы стали свидетелями самоотверженности горских женщин, которые стояли на смерть, защищая свои аулы Гимры, Ашильта, Аргвани, Ахульго, Телетля, Гергебиль, Хунзах, Салта, Чох, Гуниб и др[716]. Женщины стали участницами са-

---

[714] Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.34.

[715] См.: там же.

[716] Джон Баддели. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 181; Фадеев Р.А. Указ. соч; Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С- Петербург, 1892; Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850; Каспари А. А. Покоренный Кавказ. СПб.:

мых трагических и переломных событий этой многолетней кровопролитной войны. Несмотря на то, что женщины не принимали участия в наступательных боевых действиях, они являлись примером настоящего героизма в осажденных врагом аулах. В периоды многодневной осады делили поровну с мужчинами все тяготы экстремального быта. Не на минуту не задумываясь, заменяли на подступах к аулу, убитых своих мужей и сыновей.

По мнению современных исследователей, сам феномен участия женщин в войне очень сложен, в силу особенной женской психологии[717]. В связи с этим, женщина иначе воспринимала военную реальность, иначе ее переживала. По мнению Е.С. Сенявской, высший человеческий дух, который редко проявляется в мирной жизни, при чрезвычайных обстоятельствах, становится массовым явлением[718]. В военных обстоятельствах поступки людей оцениваются «по завышенному нравственному критерию»[719]. Именно в этих экстремальных условиях, проявляются все качества человека, хорошие и плохие. Людям приходится ежеминутно стоять на краю жизни и смерти, стоять перед нравственным выбором.

К женщине это относится вдвойне, ей приходилось смотреть в глаза смерти, она не могла избежать потери близких людей, собственных детей. Все это стократно умножало психологические проблемы женщин.

В реалиях военного времени, по мнению специалиста по культуре повседневности М. В. Капкана, многие повседневные действия наполнялись экзистенциальным смыслом [720]. Добавим к этому моральное напряжение долгой Кавказской

1904; Романовский Д. И. Кавказ и кавказская война. СПб.: Тип. Тов–ва «Общественная польза»,1860.

[716] Волконский Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа. Кавказский сборник. Т.IV. Тифлис, 1879.

[717] Гугова М.Х.,Текуева М.А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 77: Сенявская Е. С. Женщина на войне глазами мужчины: (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: Методы и проблемы изучения. М., 1999. Вып. 3. Мировосприятие и самосознание российского общества. С. 216.

[718] См.: Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва. 1997. С.11.

[719] Там же.

[720] Капкан, М. В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М. В. Кап- кан ; М–во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фе- дер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С.16.

войны, которое и мужчин могло сломать, не говоря о женщинах. Несмотря на все трудности, женщине приходилось приспосабливаться к данной реальности: бороться за жизнь, если выпадал шанс выжить, или достойно принимать смерть, когда уже не удавалось ее избежать.

Какими были моральные переживания женщин, чем они руководствовались, принимая те или иные решения, каковы были мотивы поведения и практики адаптации к военной повседневности?

Исследуя поведение человека на войне, Е.С. Сенявская полагала, что война накладывала особый отпечаток на людей, заставляя адаптироваться к экстремальным условиям.[721] Нередко женское поведение характеризовалось выраженностью маскулинных черт – бесстрашием и воинственностью.

Женская маскулинность имела давнюю историко-этнографическую и культовую основу, являясь реликтом эпохи матриархата, отголоски которого по сей день сохраняются в культуре и быту дагестанских народов[722]. Исторические корни воинственности женщин-горянок некоторые авторы связывали с легендами об амазонках, некогда живших на Кавказе.[723]

Следы женского культа, обнаруженные в разных частях Западного и Центрального Дагестана, свидетельствуют о преимущественном положение женщины в обществе. В частности, В. И. Марковин, исследуя культовую пластику Кавказа, обнаружил следы поклонения божествам-женщинам возле аварских селений Карата, Арчо, Гергебиль[724]. О существовании культа женщины свидетельствуют раскопки кургана Катарагач-тап недалеко от Дербента, Шаракунского поселения вблизи Касумкента, поселения Великент, Джемикент и др.[725]

---

[721] Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва. 1997. С.24.
[722] Косвен М. О. Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2, 3; Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, Дагучпедгиз, 1979. С.31-32; Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001.С.61; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.:- Л.: 1949.С.110-111; Рамазан Маршаев, Бута Бутаев. История лакцев. Редакционно-издательский отдел Госкомиздата ДССР. Махачкала.1991.209с.
[723] Там же.
[724] Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа// Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.75.
[725] Там же.

М. О. Косвен, ссылаясь на данные исследователей, полагал, что в далеком прошлом у ряда народов Северного Кавказа была широко распространена женская субкультура – амазонок[726]. Исследовав быт, социальный строй и духовную культуру кубачинцев, этнограф-кавказовед Е. М. Шиллинг отмечал существование в давние времена сугубо женских сообществ – «*юсбал*а-*кал*» («девичьи дома») и «*хунала-кал*» («женские дома»)[727]. По мнению Ю. Ю. Карпова, видоизменившись в течение длительного времени, эти женские сообщества олицетворяли собой субкультуру женщин-воительниц, предания о которых сохранились и поныне в духовной культуре кубачинцев[728].

С другой стороны, у дагестанских женщин, в силу частых войн, постоянной внешней угрозы, выработались прекрасные военные навыки. Формированию у женщин ярко выраженных маскулинных черт, отмеченных у ряда дагестанских народов, способствовали обстоятельства патриархального и этнокультурного характера. В истории дагестанского народа имеется немало примеров, когда женщины с оружием в руках вставали на защиту своей родной земли. В многочисленных легендах и преданиях народа содержатся сведения о дагестанских женщинах, принимавших участие в борьбе против завоевателей: полчищ монголо-татар, Тамерлана, Надир-шаха и др.

Яркий след в памяти дагестанских народов оставила юная защитница Парту Патимы, из лакского селения Кули. В преданиях лакского народа героиня, надев доспехи своего погибшего брата, решает отомстить Тамерлану. Парту Патима своим примером не только вдохновила на борьбу против Тамерлана, но и возглавила отряд мужчин-воинов. В народном историческом эпосе показано, как в итоге решающего сражения войско Тамерлана потерпело поражение [729] от бойцов под предводительством Парту Патимы. За бесстрашие ее прозвали в народе дагестанской Жанной Д’ Арк.

---

[726] Косвен М. О. Указ.соч. С. 34-36.
[727] Шиллинг Е. М. Указ.соч. С. 110-111.
[728] Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001. С. 58-62.
[729] Халидова М. Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 209.

Память о ней до сих пор живет в народе, а место ее захоронения, получившее название Партувалу, в наши дни стало местом паломничества. Примечательно, что легендарной Парту Патиме посвятил свою поэму дагестанский поэт Расул Гамзатов.

Женщины-горянки отличились и во время нашествия на Дагестан полчищ иранского тирана Надир-шаха. Так, во время кровопролитного сражения с Надир-шахом, в сентябре 1741года, рядом со своими мужьями и сыновьями стояли женщины аулов Мегеб, Обох, Согратль, Кумух. По имеющимся сведениям, женщины, надев на себя мужскую одежду, вступали в бой с неприятелем[730].

Как писал дагестанский историк-востоковед Н.А. Сотавов, исход андаляльских сражений определил провал кампании Надир-шаха в Дагестане[731]. Не увенчались успехом и дальнейшие попытки шаха взять реванш в 1742-1745 годы. Ему было оказано жестокое сопротивление населения в Табасаране, в Кайтаге, в Дербенте. Так, среди защитников селения Калакорейш было много женщин, которые убивали себя и своих детей, лишь бы не попасть в плен к иранцам[732].

Не вызывает сомнения, что патриотически настроенные дагестанские женщины, внесли свою лепту в эту победу над Надир-шахом. Именно, женщины – матери, сестры и дочери – являлись нравственным стимулом этой победы.

Несмотря на примеры участия женщин в военных действиях, надо заметить, что это не было обычным явлением для традиционного общества.

Исследователи отмечают неоднозначное отношение общества к участию женщин в военных событиях. По мнению Е.С. Сенявской, женщина с оружием в руках всегда порожала массу легенд, слухов и домыслов[733].

---

[730] См.: Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала. 1996. С.252-253; Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.) // Уч.зап. ИИЯЛ Даг-ФАН СССР. Т.5, 1958. С. 120:;

[731] Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане: Монография/ 2-е изд., расш. И допол. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. С. 215.

[732] См. Там же. С. 243

[733] Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С.77.

Что же побуждало женщин взяться за оружие? Природа женского патриотизма, в условиях экстремальности, естественна. Исследователями отмечается, что жестокая необходимость толкает женщин на этот шаг[734].

Что касается Кавказской войны, здесь обращает на себя внимание тот факт, что в наступательных военных операциях горцев женщины не участвовали. Как правило, женщин можно было встретить на оборонительных рубежах, на подступах к аулам. По имеющимся сведениям, женщины во время обороны аула не только оказывали вспомогательную помощь, поднося ядра и камни, но и сражались наравне с мужчинами, морально воздействуя на них[735]. В условиях осады аула боеспособная женщина становилась дополнительным шансом для спасения жизни всех, кто оказывался во вражеском кольце. Хотя женщины и не могли полноценно заменить воина-мужчину, но две-три горянки уже становились силой, и с нею врагам все же приходилось считаться.

По имеющимся сведениям, чтобы захватить самый маленький аул, русским приходилось потратить на это несколько месяцев[736]. Очевидцы военных сражений обращали внимание, что, благодаря своему расположению, аул становился неприступной крепостью[737]. Выбирая место для поселения, люди руководствовались, прежде всего, перспективой безопасности и обороноспособности. Отмечая трудности, связанные с покорением горных аулов, Р.А. Фадеев отмечал, что каждый дагестанский аул приходилось брать штурмом[738]. При этом, русским солдатам, непривычным к горной местности, приходилось под градом пуль и камней, взбираться

---

[734] Гугова М.Х.,Текуева М.А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 77.

[735]Чичагова. М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.160; Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С- Петербург, 1892. С. 507; Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С. 55.

[736] См.: Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. С.47; Каспари А. А. Покоренный Кавказ. СПб.: Издание А.А. Каспари, журнал "Родина", 1904. С.407; Джон Баддели. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.7.

[737] Там же.

[738] Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 34.

вверх по отвесной скале[739]. Все эти камни на головы штурмующих бросались женщинами и детьми, которые заблаговременно собирали их на подступах к аулу.

Вместе с тем, несмотря на мужество и стойкость, которые женщины проявляли в осажденных неприятелем аулах, им сложнее было пережить войну в психологическом плане. Эмоциональные переживания женщин и их страхи во время карательных операций противника переданы авторами, многие из которых сами были очевидцами тех событий.

Описывая наступление русских войск на горные аулы, Д. Баддели отмечал тактику русских, которые совершали набеги на аулы ночью[740]. По мнению автора, в таких условиях, у застигнутых врасплох женщин и детей не оставалось никакой возможности спастись[741]. А ужасы, творившиеся под покровом ночи в домах жителей аула, по замечанию автора, не поддавались описанию [742]

Очевидно, что во время карательных экспедиций, военные применяли самые изощренные методы покорения аулов, не щадя женщин и детей. Несмотря на все страдания в осажденных аулах, женщины и дети, наравне с мужчинами стойко переносили все тяготы осадного периода, до последнего не покидали своих домов. Настроенные решительно, женщины до критического момента пытались выстоять, защитить свой дом и имущество. Как только они понимали, что избежать покорения аула не удастся, то были вынуждены, бросив все нажитое уйти в более безопасное место.

Такое поведение Р.А. Фадеев объяснял тем, что люди, понимая, что главная цель похода – разорение, всегда до последнего защищали свое имущество[743].

Так, отмечая ожесточенное сопротивление жителей селения Чириюрт, где находился со своими мюридами Кази-мулла, генерал Вельяминов отмечал, что они не покидали своих домов[744]. В своем письме от 21 октября 1831г. барону Розену он

---

[739] Там же.
[740] Баддели Д. Указ. соч. С.169.
[741] Там же.
[742] Там же.
[743] Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 34.
[744] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII.С.541.

писал, что мятежники, будучи уверенными, что русские не овладеют Чирюртом, не вывезли ни семейств, ни имущества[745].

По сведениям генерала Вельяминова, только, услышав первые пушечные выстрелы, они стали «отправлять оныя»[746].

Как правило, уйти из осажденного аула получалось не у всех. В первую очередь, самой уязвимой категорией были женщины и дети, которым редко удавалось избежать плена. Так, генерал Вельяминов писал барону Розену, что после покорения Чириюрта были взяты в плен 482 человека, разного пола и возраста[747]. Но, большая часть из них были женщины и дети[748].

В конечном итоге после пережитых тягот осады женщинам предстояло пройти еще и через моральные и физические трудности жизни в русском плену.

В истории каждого дагестанского аула, прошедшего через кровавую драму Кавказской войны, оставили свой след женщины-горянки. Так, по замечанию участника военных сражений Д. И. Романовский, дагестанские женщины редко сдавались в плен, до последнего оказывали сопротивление[749]. По сведениям автора, можно было наблюдать картину, как отчаявшиеся женщины, в последнем порыве бросались на неприятеля с пистолетами или кинжалами[750].

Английский кавказовед Д. Баддели, отмечая множество интереснейших фактов героической борьбы горцев за свою землю, сострадал и сопереживал им. Особенно выделял автор среди защитников осажденного аула женщин, которые ничем не уступали мужчинам, а нередко в своей решительности превосходили их[751].

Другой участник военных действий, Л. И. Богуславский, также отмечал, что горцы сражались с необыкновенным ожесточением[752]. По мнению автора, они предпочитали погибнуть под завалами саклей, но никогда не оставляли своих ау-

---

[745] Там же
[746] Там же
[747] Там же.
[748] Там же.
[749] Романовский Д. И. Кавказ и кавказская война. СПб.: Тип. Тов–ва «Общественная польза», 1860. С. 236.
[750] Там же.
[751] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.7-8.
[752] Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С- Петербург, 1892. С. 507

лов[753]. Отмечал участие жителей в обороне аулов, автор подчеркивал, что аульские женщины никогда не оставались без дела[754]. Автор обратил внимание на поведение женщин в осажденном ауле: одни из них, переодевшись в мужскую одежду сражались на подступах к аулу, а другие, выводили маленьких детей под обстрел русских орудий[755].

Автор полагал, что таким экстремальным способом, женщины удерживали более робких мужчин от желания бежать[756].

Одно из самых кровопролитных сражений Кавказской войны, в котором отличились женщины-горянки, – это оборона Ахульго в 1839 году. Для русских властей, в том числе, и самого императора Николая I, взятие Ахульго было принципиальным вопросом. Об этом особо отмечалось в письме императора к генералу Е. А. Головину. Отмечая важность этой военной операции для русских, император подчеркивал, что без покорения и усмирения Горного Дагестана, ни покоя, ни верного владычества достичь на Кавказе не возможно[757].

Руководствуясь этим письмом императора, генерал Головин писал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву, что Ахульго непременно должен быть взят или приступом, или продолжительным «тесным обложением»[758]. Кроме того, в письме особо подчеркивалось, что взять Ахульго необходимо любой ценой, что в итоге окупится взятием самого Шамиля[759].

Военная операция тщательно готовилась под командованием ген.–л. П. Х. Граббе. Военный историк, участник военной кампании 1839 года Д. М. Милютин, отмечал необходимость покорения Ахульго любыми средствами[760]. По мнению Д. М. Милютина, чтобы достигнуть этой окончательной победы, необходимо было

---

[753] Там же.
[754] Там же.
[755] Там же.
[756] Там же.
[757] АКАК. Тифлис, 1884.Т.IX. С.4.
[758] РГВИА Ф.846. Оп.16. Д. 6361 (Ч.1), Л.234
[759] Там же.
[760] Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. С.47.

нанести сокрушительное поражение горцам повсеместно, не страшась неминуемых кровопролитных встреч [761].

На пути к Ахульго стояли небольшие горные аулы Аргвани, Ашильта, которые самоотверженно оборонялись, несмотря на неравные силы. Когда начиналась атака русских войск, все жители аула, от детей до преклонных стариков выходили на защиту аула. Особенно выделялись женщины, которые оказывая сопротивление неприятелю, ничем не уступали своим мужьям и братьям.

По мнению Д. М. Милютина, успех всей военной экспедиции зависел от взятия укрепленного аула Аргвани[762]. Отмечая неприступность аула, генерал подчеркивал, что каждая сакля могла служить блокгаузом, а каждый квартал - цитаделью[763]. Оказав трехдневное сопротивление русским, аул Аргвани пал, более 500 жителей аула погибло под развалинами, большая часть из них были беззащитные женщины и дети[764].

Такая же страшная участь была уготована аулу Ашильта, который был практически стерт с лица земли. В источниках имеются сведения о трагической судьбе ашильтинцев, о мужестве и стойкости доведенных до отчаяния женщин. О защитниках аула Ашильта оставил свои воспоминания участник штурма, адьютант генерала П. Х. Граббе, Я. И. Костенецкий[765]. Среди его воспоминаний есть интересный сюжет о юной девушке-защитнице Ашильта. «Вы знаете, чего нам стоило овладеть каждой террасой, – писал автор, – и когда мы поднялись уже почти до середины, вдруг в стороне, между густым виноградником мелькнула какая-то странная фигура. Я бросился туда – и что же вижу! Молоденькая, прелестной наружности девушка, как безумная стояла и держала на плечах своих окровавленный труп юноши. Едва увидела меня, она выхватила кинжал и стала в своем грозном положении <…>Я посмотрел вниз и увидел, что несколько солдат напали на девушку, вышед-

---

[761] Там же.
[762] Там же. С.57.
[763] Там же. С. 62.
[764] Там же. С. 65.
[765] Костенецкий Я. И. Записки об аварской экспедиции на кавказ 1837 года URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kostenecki [Дата обращения: 02.12.2018].

шею на чистое место. Она придерживала одной рукой труп, другой с остервенением защищалась<…>. Труп все ниже и ниже, она ловит его руками, но тщетно<…>вот он на краю пропасти, вот полетел в бездну, и несчастная туда же за ним бросилась<…>. Она схватила его в воздухе и навеки скрылась с ним на дне пропасти»[766].

Конечно, такое самоотверженное сопротивление девушки, ее стойкость и отчаяние не могли оставить равнодушными никого.

После падения аул Ашильта представлял жуткую картину, где основная часть жителей погибла. Трагедия покоренного Ашильта как свидетельство жестокости по отношению к беззащитным женщинам и детям нашла отражение в работе дагестанского историка Г.-А.Д. Даниялова. По сведениям автора, узкие улицы и сакли аула были завалены грудой трупов, среди которых было немало женщин и детей[767]. Автор полагал, что многие доведенные до отчаяния женщины совершили самоубийство: они от безысходности шли на самый крайний шаг, предпочитая мучительную смерть позорному плену[768].

Мало кому из женщин аула Ашильта удалось избежать плена. По сведениям Д. Баддели, из всего аула в живых осталось лишь 78 человек, которые были взяты в плен[769], среди них большинство составляли женщины и дети.

Уйти из Ашильта удалось лишь имаму Шамилю и немногим мюридам с их семьями. Их путь лежал в Ахульго. По сведениям Д. Баддели, после падения Ашильта, имам стал усиленно укреплять аул Ахульго, которое должно было стать его убежищем[770]. Автор полагал, что это место имам считал безопасным, с ним находились его жены и дети, а русские были еще далеко[771].

Героическая оборона аула Ахульго в 1839 году – одно из наиболее трагических событий в истории Кавказской войны. По разным источникам, на защиту но-

---

[766] Там же.
[767] Цит: Даниялов Г. –А. Д. Имам Шамиль. Махачкала: Идательско-полиграфическое объединение «Юпитер». Т.III. 1996. С.32-33.
[768] Там же. С.33.
[769] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.117.
[770] Там же. С.119.
[771] Там же.

вого оплота мюридов встало от 1000 до 5000 человек. Согласно сведениям современного дагестанского историка Ш. М. Казиева, обороняли Ахульго около пяти тысяч воинов[772]. Очевидно, что среди защитников Ахульго находились жители близлежащих хуторов и соседних аулов, так как в самом ауле такого числа жителей не могло быть. В историческом очерке об имаме Шамиле Н. Кровяков приводил гораздо более скромную цифру, полагая, что «защитников Ахульго было немногим более тысячи человек»[773]. Заметим, что среди защитников Ахульго автор отмечал участие большого числа переодетых женщин[774]. Не без основания можно полагать, что это был один из примеров массового участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях.

Мужество женщин, доведенных до отчаяния, их самоотверженность на пути к неминуемой смерти не оставляла равнодушными даже неприятеля. Так, например, в своем письме от 24 августа 1839 года к наместнику Кавказа Ф.А. Головину командующий войсками Граббе докладывал, что во время ужасного боя в Ахульго самое деятельное участие принимали женщины с оружием в руках[775]. Отмечая мужество женщин, генерал писал, что матери с детьми бросались в реку, чтобы только не попасть в плен[776]. По сведениям Граббе, под развалинами сакль оказались погребены живыми целые семьи, которые не сдались в плен[777].

Поведение женщин во время штурма Ахульго не оставило равнодушным генерала Д. А. Милютина. Потрясенный от увиденного, генерал отмечал отчаяние горцев, которые предвидя свою неминуемую гибель, не сдавались неприятелю, защищались до последнего[778]. По сведениям автора, даже женщины с детьми, взяв

---

[772] Казиев Шапи Имам Шамиль URL: http://royallib.com/book/kaziev_shapi/imam_shamil.html [Дата обращения: 08.11.2017].
[773] Кровяков Н. Шамиль. Исторические очерки. Москва: Издательство «Интербук». 1989. С. 31.
[774] Там же.
[775] См: АКАК. Тифлис, 1884.Т.IX. С.334.
[776] Там же.
[777] Там же.
[778] Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. С.117-119.

в руки камни или кинжалами бросались на штыки русских, а если не было другого выхода, то бросались в пропасть[779].

В состоянии сильного психологического стресса, вызванного эмоциональным напряжением экстремальной обстановки, формировались девиантные модели поведения матерей (в том числе связанные с детоубийством).

Аул Ахульго пал спустя три месяца после ожесточенной осады, что стало переломным моментом в войне. Но и после падения Ахульго бои не прекращались еще больше недели. В разваленных саклях находились изможденные люди, которые из последних сил пытались оказать сопротивление врагу.

В покоренном Ахульго практически не осталось жителей. По описанию Д. Баддели, скала на подступах к аулу была усеяна телами погибших и раненых, а среди выживших было несколько голодных женщин и детей[780]. Но даже здесь оставшиеся в живых жители аула показывали пример бесстрашия и непреклонной воли. По сведениям автора, 900 жителей Ахульго были взяты русскими в плен, преимущественно истощенные или раненные женщины, дети и старики[781]. Несмотря на истощение и раны, эти отчаявшиеся люди, предпочитая смерть позорному плену, выхватывали штыки у своих стражей и бросались на них[782]. Плач и крики детей и женщин, физические страдания раненых и больных довершали страшную картину покоренного Ахульго[783].

Объяснение такому отчаянию мы находим у современника тех событий Мухаммед Тагира из Караха. Автор полагал, что люди не берегли жизнь, не цеплялись за нее, так как она потерял для них свой смысл [784]. По мнению автора, люди не избегали смерть, а наоборот искали ее, видя в ней высшее благо, окончание всех мук[785]. Очевидно, что доведенные до отчаяния люди, спасение и успокоение виде-

---

[779] Там же.
[780] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 20С.131.
[781] Там же. С.132.
[782] Там же.
[783] Там же.
[784] См.: Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.41.
[785] Там же.

ли лишь в смерти, которая давала возможность прекратить эти многодневные муки.

Среди многочисленных жертв аула Ахульго оказалась и семья имама Шамиля – жена Джавгарат и грудной сын. Они находились в осажденном ауле до своих последних минут жизни. Моральные и физические страдания, которые пришлось пережить Джавгарат и ее ребенку во время штурма Ахульго, Мухаммед Тагир описал в своей книге. По сведениям автора, Джавгарат была тяжело ранена в голову и после трехдневных мучений, без водв и еды, она умерла[786]. Грудной ребенок пережил ее на несколько дней, находясь голодным рядом с мертвой матерью. Описывая последние дни жизни ребенка, Мухаммед Тагир писал, что ребенок, не понимая, что мать мертва, то жадно присасывался к холодной груди материнского трупа, то нарушал тишину своим криком[787].

По сведениям очевидца Гаджи-Али, после покорения Ахульго русскими Шамиль со своим семейством и семью приверженцами бежал ночью в Шубут[788]. В это время русские, получив в добычу всю казну Шамиля, а также захватив пленников, возвратились через Чиркей в Шуру[789].

Трагическая оборона Ахульго нашла отражение в поэме дагестанского поэта Расула Гамзатова «Сказание об Ахульго», где она представлена в образах женщины и ребенка: «Ахульго, бесстрашный образ твой – Это образ женщины суровой<...>Ахульго, бесстрашный образ твой – Это образ гордого ребенка»[790].

Яркой иллюстрацией упорной и героической борьбы защитников Ахульго стала картина русского художника-баталиста Франца Рубо «Штурм аула Ахульго». В одном из фрагментов картины символами этой борьбы неслучайно высту-

---

[786] Там же. С.42.
[787] Там же.
[788] Гаджи – Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995. С. 23.
[789] Там же.
[790] Гамзатов Р. Г. Сказание об Ахульго. http://www.stihi.ru/2012/11/30/3019

пают женщины – защитницы Ахульго[791]. Все полотно будто пронизано трагизмом женской судьбы, ее болью и страданиями. Информация более чем красноречива: глядя на стоящую среди огня и дыма женщину с люлькой, понимаешь все ее отчаяние и безысходность. Назад дороги нет, а впереди или плен, или смерть.

В песенном фольклоре запечатлен героический подвиг защитницы Ахульго ашильтинки Ханзадай, которую в народе прозвали – кавказская львица. Она мстила за смерть своего мужа Нурмагомеда и героически погибла на поле боя[792].

Подобным же образом защищали аулы, осажденные неприятелем, женщины Гимры, Телетля, Гергебиля, Хунзаха, Салта, Чоха, Гуниба и др.

Ярким примером мужества и стойкости дагестанских женщин стала защита аулов Гергебиля и Салта в 1847-1848 годах, которые являлись оплотом власти Шамиля. Описывая осаду аула Гергебиль в 1847г., Джон Баддели писал, что аул был прекрасно защищен и самой природой, и людьми[793]. По сведениям автора, внутри аула были построены баррикады, вырыты окопы и внутренние переходы, а плоские крыши своих домов находчивые жители еще до штурма заменили хворостом, густо пересыпанным землей[794]. По мнению автора, в результате такой подготовки каждый дом в Гергебиле для русских войск оказался смертельной ловушкой[795].

Русское командование предпринимало две попытки штурма аула, которые закончились неудачей. По сведениям М.Н. Покровского, первый штурм Гергебиля стоил русской армии тяжелых человеческих потерь[796]. Вторая осада Гергебиля в 1848 году была более успешной и подступы к аулу были разрушены, но, несмотря на это, удержать аул за собой русским так, и не удалось[797].

---

[791] Ахульго.Дагестан. Кавказ в творчестве Франца Рубо «Штурм аула Ахульго» URL: https://www.ais-aica.ru/2011-01-26-19-02-06/2011-02-03-09-34-06/novosti-kolleg-2019/2009-2013/2012/250-2012-01-26-14-49-08/2622-l-r-2012.html [Дата обращения: 10.02.2018].

[792] Хабибова З. Кавказская львица // Ас-салам. 2004. № 6 (221).

[793] См.: Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.163.

[794] См.: Там же. С.164.

[795] Там же.

[796] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923. С.226.

[797] Там же. С.227.

По мнению некоторых исследователей, одной из причин, по которой русские не стали удерживать Гергебиль, была начавшаяся в ауле холера, вынудившая жителей покинуть свое неприступное гнездо после двадцатитрехдневной осады[798]. А безлюдный аул удерживать, безусловно, не имело смысла.

Много сил было потрачено в 1847 году русскими и на захват аула Салта: на протяжении 2,5 месяцев шла оборона, которую стойко держали муртазигеты (постоянное войско Шамиля). На помощь им вышло все население, включая седобородых стариков, женщин и детей. Отмечая мужество жителей Салта, генерал М.С. Воронцов писал в своих мемуарах, что за весь его долголетний военный опыт ему редко встречались такие стойкие и храбрые люди, как в гарнизоне Салты [799].

Как следует из материала, в 1848 году аул Салта пал, не выдержав длительной осады. От аула, в котором горцы видели надежный оплот своей независимости, не осталось камня на камне, там, где прежде возвышалось укрепление, были руины[800]. По имеющимся сведениям, смогли покинуть Салта порядка 400 –500 человек, а остальные погибли, обрываясь с огромной высоты, редко кому удавалось укрыться от плена в ущельях [801]. Безусловно, среди погибших было большое число женщин и детей, тех, кто не смог покинуть аул до начала штурма.

Примером героического сопротивления горцев стал последний оплот Шамиля – высокогорный аул Гуниб. По сведениям Гаджи Али, на съезде в Гиничутле, имам Шамиль, опасаясь предательства, заставил наибов и других влиятельных лиц поклясться на Коране, что они до последнего вздоха будут сражаться с русскими[802]. Кроме того, по сведениям Абдурахмана-ал-Газикумухи [803] и А.А.Руновского [804],

---

[798] Каспари А. А. Покоренный Кавказ. СПб.: Издание А.А. Каспари, журнал "Родина", 1904. С.407; Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С.94.

[799] Каспари А. А. Указ. соч. С.489-490.

[800] Овладение укреплением Салта.... С.48.

[801] Там же. С.15, 47.

[802] Гаджи Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995. С.59.

[803] Абдурахмана-ал-Газикумухи. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997.С.50.

[804] Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской археограф. комис.1904. Т.XII. С.271.

наибы произнесли и кебинную клятву, нарушив которую, они обязаны будут развестись со своими женами.

С июля по август 1859 года Гуниб готовился к обороне, укрепляя по приказу Шамиля слабые места, исправляя завалы[805]. По сведениям Гаджи Али жители из близлежащих аулов Ругуджа, Хиндах, Кудали приносили в Гуниб продукты питания, особенно соль, которой не было у гунибцев[806]. После начала блокады Гуниба войсками генерала А. И. Барятинского помощь от жителей прекратилась[807].

Что касается человеческих ресурсов, по некоторым сведениям защитников Гуниба было от 200 до 300 человек[808].

В августе 1859 года вместе со своими мужьями оборону против 40-тысячной армии генерала А. И. Барятинского держали и женщины Гуниба. Отмечая участие женщин в защите Гуниба, современники писали, что женщины всех близлежащих аулов помогали мюридам, чем могли. Так, находящийся на месте обороны секретарь Шамиля Абдурахман отмечал, что по причине отсутствия у защитников артиллерии, на головы русских сыпался град камней, которые в большом количестве подносили женщины и дети[809]. При этом автор подчеркивал в своих воспоминаниях, что для женщин такая помощь не была в тягость. Наоборот, помогая мюридам, они участвовали в джихаде[810].

Во время наступления русских войск на Гуниб погибло, по сведениям Д. Баддели, 300 женщин, которые, пытаясь сдержать натиск Апшеронского полка, ничем не уступали своим мужьям и братьям, сражаясь также яростно[811].

По сведениям Л. А. Богуславского, только в одном коротком бою с апшеронцами погибли три женщины, а семеро были взяты в плен, несмотря на ожесточенное сопротивление[812].

---

[805] Гаджи Али. Указ. соч. С.63.
[806] Там же. С. 66.
[807] Там же. С.69.
[808] Абдурахмана-ал-Газикумухи. Указ. соч. С.112; Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев// Кавказ. 1896. № 223
[809] Абдурахмана-ал-Газикумухи. Указ. соч. С.164.
[810] Там же. С. 164-165.
[811] См.: Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.181.

Н. А. Волконский, непосредственный участник сражения, в своих воспоминаниях о повседневных военных реалиях Гуниба так описывал один из рукопашных боев: «уже сцепились не только оружием, но и просто голыми руками со своими врагами<...>озлобленно дерутся остальные горцы, в особенности трое из них: как фурии, как бешеные кошки кидаются они в лицо солдатам. Физиономии их искривлены, сухие пальцы хватают лезвие подставленного им штыка, и в то же время левая рука наносит кинжал над солдатом, одежда их в беспорядке, волосы открыты, рассыпались по плечам, груди обнажены»[813].

Далее автор провел сравнение горянок, защищающих свой аул, с ведьмами, которые «восставали в неистовом виде, вооруженные с ног до головы, отбивались и нападали как гиены» [814].

Конечно, приведенный пример носил не единичный характер, многие другие женщины, находясь до последнего рядом со своими мужьями и сыновьями, защищали так же неистово Гуниб[815]. Среди защитников Гуниба находилась семья имама Шамиля: две его жены Шуанет и Зайдат, дочери Нафисат, Патимат, Баху-Меседу, Саидат, Нажават, невестки – Каримат и Аминат, которые по мере возможности участвовали в боевых сражениях[816].

В преданиях и песенном фольклоре аварского народа осталась память о двух слепых сестрах – близнецах Джавгар и Меседу, которые обороняли Гуниб. По сведениям Б. И. Гаджиева, маленькие дети подносили им камни, которые слепые девушки наугад швыряли в наступающих солдат[817]. Обе сестры погибли, защищая свой родной аул Гуниб. Так, по сведениям русского офицера Н. Н. Стреллока, даже в покоренном Гунибе женщины сбрасывали на головы идущих по узким улоч-

---

[812] Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С- Петербург, 1892. С. 310-311.
[813] Волконский Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа. Кавказский сборник. Т.IV. Тифлис, 1879. С.415-419.
[814] См.: Там же. С.419.
[815] Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис. Типография К.П. Козловского, 1910. С.14; Гаджиев Б.И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2006. 244.
[816] См.: Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 244.
[817] Там же. С. 245.

кам солдат камни, раня многих из них[818]. При этом автор описывает реакцию женщин, жен и сестер мюридов, когда те узнали, что Гуниб пал: они рыдали и рвали на себе волосы, ругая солдат[819]. Конечно, сознавать, что Гуниб пал и погибли их близкие люди, для женщин было невыносимо. До последнего у них была надежда, что все закончится победой мюридов. Но в результате предпринятого князем А.И. Барятинским штурма 25 августа 1859 года Гуниб пал.

По мнению дагестанского историка П. И. Тахнаевой, единственным выходом для русских был штурм Гуниба, так как имам игнорировал условия ультиматума главнокомандующего, выдвинув свое встречное, заведомо невыполнимое условие – предоставить ему еще один месяц пребывания в Гунибе[820].

Одним из инициаторов мирного исхода событий был шейх Саййд Джамалудин ал-Хусайни. Среди доводов, которые, по мнению шейха, должны были заставить Шамиля покориться главнокомандующему, главный – это спасение женщин и детей, находившихся в осажденном Гунибе[821]. Шейх Саййд Джамалудин ал-Хусайни полагал, что Шамиль должен был сжалишься над ними[822].

Согласно бытующей по сей день точке зрения, Шамиль добровольно решил сдаться, приняв условие главнокомандующего князя Барятинского[823]. Среди причин, заставивших его пойти на такой компромисс, одни авторы объясняли это нежеланием населения Гуниба сражаться[824], а другие, заботой о женщинах, которых Шамиль не хотел подвергать опасности, так как они обратились к нему с просьбой не подвергать их ужасам штурма[825]. По сведениям очевидца Гаджи Али, внимая

---

[818] Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца//Военный сборник, № 11. СПб.,1870. С.286.
[819] Там же. С.286.
[820] Тахнаева П. И. Письмо шейха Саййда Джамалудина ал–Хусайни ал – Газикумуки ал-Дагистани имаму Шамилю: неизвестная страница переговоров о мире на Гунибе в августе 1859 года Минбар. Исламские исследования. 2018; 11(3). С.497.
[821] Там же. С.486.
[822] Там же.
[823] Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С.546-547.
[824] Эсадзе С. С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско–горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, тип. Штаба Кавказского военного Округа, 1909. С. 201; Гаджи-Али. Указ. Соч. С. 64;
[825] Эсадзе С. С. Указ.соч С.201; Гаджи–Али. Указ.соч. С. 64; Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Москва: Издательство «Интербук», 1989.С. 79–80.

этим просьбам, Шамиль принял сложное для себя решение сдаться, подчеркнув, что все это он делал ради людей[826].

По мнению Д. Баддели, это решение далось Шамилю непросто. Автор полагал, что Шамиль сражался бы с врагами до конца и погиб бы, как первый имам Кази-Мулла в Гимрах, если бы был один, но, не желая ставить под удар людей[827], если начнется настоящий штурм, имам и решил сдаться[828]. Кроме того, Шамиль до последнего надеялся, что после выхода его из Гуниба к князю Барятинскому он получит возможность уйти из Дагестана, но этого не произошло. Как мы уже отмечали выше, более 300 женщин погибли при осаде Гуниба, став жертвами атаки Апшеронского полка[829].

Представляет интерес мнение Д. Баддели о «гуманизации» методов покорения аулов в бытность генерала А. И. Барятинского.

В чем же выражалась «гуманизация» А. И. Барятинского? Так, по мнению Д. Баддели, несмотря на ночной обстрел, люди, разбуженные выстрелами имели шанс спастись[830]. Автор полага такую тактику русских самой честной и открытой[831]. Кроме того, такие «гуманные» методы сокращали число жертв, особенно из числа женщин, детей и стариков[832]. В то же время, автор не отрицал, что сакли жителей, оказывающих сопротивление, обстреливались артиллерией или брались штурмом[833].

На наш взгляд, такие методы покорения сложно назвать гуманными. Здесь налицо попытка сгладить реальные масштабы уничтожения аулов и их жителей, которые на протяжении всех долгих месяцев осады оказывали ожесточенное сопротивление. Особенно цинично это звучит по отношению к беззащитным женщи-

---

[826] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995.С.64.
[827] См.: Джон Баддели. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.181.
[828] Там же.
[829] Лесли Бланч Сабли рая. Махачкала, 1991. С. 87.
[830] См.: Баддели Д. Указ. соч. С.169.
[831] Там же.
[832] Там же.
[833] Там же.

нам и детям, погибавшим в горящих осажденных аулах, откуда живыми выйти было практически невозможно.

Как же общество воспринимало участие женщин в оборонительных сражениях? В традиционном дагестанском обществе не приветствовалось такое поведение женщин, когда ее действия получали общественный резонанс. Но война накладывала отпечаток на мировоззрение людей, ломала сложившиеся в народе стереотипы. В осажденных неприятелем аулах мужское население положительно реагировало на женщин, активно участвовавших в оборонительных сражениях. Характер Кавказской войны способствовал формированию у женщин комплекса особых ментальных характеристик, ярко выраженных маскулинных черт. Одним из таких проявлений, отражающих эмансипацию женщин, являлся феномен женского переодевания.

Надо сказать, что на эмансипацию женщин оказал влияние и изданный в 1845 году Шамилем низам, который обязывал женщину брать в руки оружие. Пойти на столь радикальные меры Шамиля вынуждали объективные причины, обусловленные демографической ситуацией в имамате. Современники отмечали, что потери горцев были большими, в ходе кровопролитных сражений нередко целые аулы исчезали с лица земли [834].

Эта удручающая картина не оставила равнодушным поэта А.С. Пушкина, побывавшего в годы войны на Кавказе. Под впечатлением от увиденного поэт особо отмечал, что практически все аулы горцев были разорены, а целые племена уничтожены[835].

В результате повсеместно имело место катастрофическое сокращение мужского населения. Безусловно, выходом из сложившейся ситуации и было принятие столь радикального низама Шамиля, дающего женщине право взять в руки оружие. Воспользовавшись этим низамом, многие горянки с оружием в руках вставали на места убитых своих мужей, братьев и сыновей.

---

[834] Дубровин Н. Ф. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С.615

[835] Пушкин А. С.. Полное собрание сочинений в 10 томах. АН СССР. М.–Л., 1949. Т. VI. С. 649.

Оценив этот патриотический порыв, Шамиль заметил, что на поле сражения женщины редко уступают мужчинам, а иногда и превосходят их в боевом искусстве. Мало того, переодетых в мужскую одежду женщин Шамиль использовал во время переговоров с русскими. Так, в воспоминаниях современников имеются сведения о переговорах имама Шамиля с генералом Пулло во время обороны Ахульго, на которые имамом были взяты переодетые в мужское одеяние женщины. Очевидец событий Мухаммед Тахир из Караха писал, что на переговоры с русским генералом Шамиль взял с собой переодетых в мужской костюм, вооруженных женщин[836].

По сведениям автора, реакция на таких «воинов» со стороны противника была ожидаемой. Русских удивило такое количество безволосых пожилых мужчин. «Почему они не носят чалмы по примеру своих волосатых и бородатых товарищей, – спросил генерал Пулло?». Мюриды же ответили: «– Мы обращаем внимание на сердце верующих, а не наружность»[837].

Последовавшая вскоре оборона Ахульго продемонстрировала верность доводов мюридов.

Об участии вооруженных женщин в оборонительных сражениях упоминали многие очевидцы военных событий. По сведениям М. Н. Чичаговой, женщины, переодетые в мужские платья, упорно сражались в передовых позициях, не уступая в героизме мужчинам[838].

Так, по сведениям С.Н. Шульгина, среди защитников Гуниба нередко встречались переодетые в мужскую одежду и вооруженные женщины[839]. Автор, ссылаясь на Сейида Абдурахима, одного из сподвижников имама Шамиля, особо выделял среди защитников Гуниба женщину по имени Зайнаб, татку по национальности: она была переодета в мужское одеяние, вооружена и постоянно находилась на

---

[836] Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С. 26.
[837] Там же. С.37.
[838] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889.С. 58.
[839] Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1910. С. 14

переднем краю[840]. По мнению С.Н. Шульгина, Зайнаб, ходившая по улицам аула с обнаженной шашкой, тем самым настраивала мужчин на бой с неприятелем[841].

Безусловно, видя такое воинственное поведение женщины, мужчины психологически настраивались на бой. Они не могли допустить, чтобы инициатива патриотического порыва оставалась у женщины.

По мнению С. Н. Шульгина, защита Гуниба являлась не первым боевым крещением Зайнаб. Со слов Сейид Абдурахима, она прославилась еще во время обороны Ахульго[842]. Надо заметить, что между этими сражениями прошло 20 лет (Ахульго-1839 год), и данный факт вызывает все же сомнение. Вероятно, Сейид Абдурахим мог ошибиться в название аула, который Зайнаб защищала.

Неизбежно возникает вопрос об отношении мужского сообщества к такому воинственному поведению женщин. По оценкам С. Н. Шульгина, патриотический порыв женщины с оружием в руках способствовал поднятию морального духа защитников последнего оплота мюридизма – Гуниба[843] и воспринимался мужчинами-мюридами положительно.

В свете сказанного представляет интерес сюжет, описанный в работе «Сабли рая» английской писательницы Лесли Бланч. По сведениям автора, во время пребывания в Санкт-Петербурге на Шамиля оказал сильное впечатление балет об амазонках. По мнению автора, амазонки напоминали ему женщин, защищавших Ахульго, Паху-бике, выступившую против него в Хунзахе с мечом в руках[844]. На вопрос: «Как сражались амазонки на сцене?» – Шамиль ответил с иронией: «Если бы был у меня полк таких амазонок, Гуниб не пал бы» Эти слова Шамиля, безусловно, выражают отношение его к женщинам, гордость за них, признание их заслуг перед имаматом.

Женщины в осажденных аулах являлись важным психологическим фактором усиления морального духа мужчин. Нередкими были случаи, когда женщины своим

---

[840] Там же.
[841] Там же
[842] Там же.
[843] Там же.
[844] Бланч Лесли Сабли рая. Махачкала: МРИП «Юпитер» 1991. С. 99.

мужественным поведением воздействовали на мужчин, проявлявших нерешительность и малодушие.

Так, аварская ханша Паху-бике в 1830 году не испугалась открыто выступить против мюридов Гази-Магомеда. Мало того, увидев нерешительность мужчин Хунзаха, она с пламенной, гневной речью обратилась к ним, обвинив их в трусости[845]. Посчитав, что они недостойны, носить оружие, Паху-бике предложила им отдать свое оружие женщинам, а самим спрятаться за их юбками![846]. После такого поступка ханша Паху-бике еще более возвысилась в глазах хунзахской общественности.

Весьма показательно поведение женщин при штурме аула Ахульго, когда они заставили мюридов, пытавшихся бежать, продолжать оборону аула, что, по мнению многих авторов, дало мюридам новый заряд энергии и уверенности[847]. По мнению М. Н. Чичаговой, именно мужественное поведение женщин Ахульго, бросившихся навстречу русским, которые ворвались в передовую часть укреплений, остановило мюридов, готовых было бежать [848].

Такое поведение женщин, безусловно, оказывало на мужчин колоссальное влияние и многократно увеличивало их моральный дух.

Женщины находили и другие психологические формы воздействия на защитников аулов. Девушки из чеченского селения Дади-юрт – Дади Айбики и Амаран Заза – показали еще один яркий пример эмоционального воздействия на мужчин. По сведениям Д. Ходжаева, в начале Кавказской войны, в 1819 году, они вместе с другими девушками аула Дади-юрт вдохновляли защитников селения, играя на медной чаре и исполняя песни на площади перед мечетью[849].

---

[845] Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.101.
[846] Там же.
[847] Баддели Д. Указ. соч. С. 129; Чичагова М. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.58; Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.». С– Петербург, 1892. С. 507; Чичагова М. Н. Указ. соч. С.58.
[848] Чичагова М. Н. Указ. соч. С.58.
[849] Ходжаев. Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С.36.

Заметим, что чеченское селение Дади-юрт стало примером героического сопротивления народа, неиссякаемого героизма и стойкости женщин, проявивших себя во время обороны села. В 1819 году генерал А.П. Ермолов решил жестоко покарать богатейший чеченский аул Дади-юрт[850]. Оказывая вооруженное сопротивление генералу, на защиту своей земли встали все жители аула Дади-юрт, как мужчины, так и женщины. Наставляли своих сыновей на подвиг, матери грозились проклясть их, если те проявят трусость. В воспоминаниях А.П. Ермолова нашли отражение трагические события тех дней. Так, отмечая многочисленные примеры героического поведения, генерал в своих записках вспоминал, что мужья умерщвляли своих жен, чтобы те не достались противнику[851].

По имеющимся сведениям, из аула Дади-юрт были взяты в плен 140 женщин и детей, они единственные кто остался в живых[852]. Всех женщин-пленниц солдаты забрали с собой. По сведениям генерала Ермолова, во время переправы через бурную реку Терек, 46 девушек бросились в реку и погибли[853]. Генерал понимал, что таким экстремальным поступком, отчаявшиеся девушки, избежали для себя надругательства в плену[854].

Чеченские женщины отличились и летом 1840 года, во время сражения между чеченским отрядом русской армии генерал-лейтенанта А. В. Галафеева и горцами наиба Ахберды Магомы у реки Валерик. По сведениям Д. Хожаева, вооруженные женщины и девушки становились на место убитых мужчин, отстаивая свою землю от неприятеля[855]. Кроме того, автор отмечал, что летом 1842 года в местности между Белгатоем и Дарго произошел бой, в котором принимали участие и чеченские женщины, нападая с кинжалами на солдат, и даже, забирая в плен целые подразделения[856].

---

[850] Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг. М.: Высшая школа. 1991. С.87-88.
[851] Там же. С.87-88.
[852] Там же. С.58-59.
[853] Там же. С. 190.
[854] Там же.
[855] См.: Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С. 63.
[856] Там же. 69.

Конечно, это не было массовым явлением. Физически слабые женщины, редко могли одержать победу над вооруженными, хорошо подготовленными солдатами. Чаще всего в жестоких условиях войны, во время карательных операций именно среди женщин были наиболее многочисленные жертвы.

Несмотря на то, что в начальный период Кавказской войны жестокость по отношению к мирному населению, была обычным явлением, это встречало осуждение. В том числе, на самом высоком уровне российской власти, старались это если не пресечь, то осудить. Представляет интерес резолюция императора Александра I к генералу А. П. Ермолову. Получив ходатайство генерала о награждении генерал-майора Власова и полковника Бековича – Черкасского, которые особо отличились во время боевых операций, император подчеркнул, что они отличились во время уничтожении населения[857]. Император обратил внимание генерала А. П. Ермолова, что военная храбрость уважается, когда она употребляется против вооруженного неприятеля[858]. Император полагал, что мстить безоруженным женам и детям, истребив более 3000 семейств горцев, омрачает всякую славу победителей, и не дает им право на награды[859].

Как видно из текста резолюции императора, жестокость по отношению к мирному населению на первом этапе военных действий не санкционировалось положительно властью. Безусловно, власти понимали, что жестокими мерами невозможно было заставить население края повиноваться. В связи с этим, стала меняться политика в отношении кавказских народов. В сфере особого внимания оказались так называемые «мирные» народы. Так, например, в 1839 году генерал Граббе издал приказ, который обязывал военные власти различать покорных горцев от непокорных[860]. Генерал объяснял это тем, что многие горские народы, устав от многолетней войны, хотят покоя[861].

---

[857] Записки А. П. Ермолова.1798-1826 гг. М.: Высшая школа. 1991. С.192–193

[858] Там же

[859] Там же

[860] Три года на Кавказе (1837-1839) // Кавказский сборник, Том 9. 1885 http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Tri_goda_Kavkaz/pril2.htm [Дата обращения: 10.02.2018].

[861] Там же.

Было запрещено употреблять вооруженную силу против безоружных, женщины и детей, а неповиновение сурово наказывалось властью[862].

Но, это не означало, что все резолюции, приказы и предписания повсеместно исполнялись. Жестокость по отношению к мирному населению была обычным явлением во время карательных экспедиций.

Так, участник военных событий Полторацкий в своих воспоминаниях отмечал, что во время нападения в 1847 году на чеченский аул Дубы, мало кому удалось увидеть восходящее солнце, застигнутые врасплох полунагие, старые и молодые, женщины, дети утонули в своей крови [863]. Конечно, такая жестокость не могла привести народы к покорности, а наоборот, жестокость поднимала новую волну сопротивления среди кавказских народов.

Отдельной стороной нашего исследования является вопрос об участии в военных сражениях женщин русских крепостей и укреплений, расположенных в стратегических точках на территории Дагестана и Чечни. Как показывает анализ источников, в военных гарнизонах женщины – жены, сестры, дочери военных – нередко становились участницами обороны.

Так, например, в 1842 году при защите укрепления Низовое, которое пытался захватить имам Шамиль со своими мюридами, в оборону включились женщины и мирные жители – более ста человек. По сведениям Л. А. Богусловского за короткое время был сформирован специальный обоз для перевозки раненых, в том числе, детей и женщин[864]. По имеющимся сведениям, за дни осады гарнизона Низового были ранены 5 женщин[865].

Интересные сведения, связанные с участием женщин Апшеронского гарнизона в обороне Темир–Хан–Шуры, приводил в своей работе Е.Н. Козубский, ссылаясь на публикацию некого В. Каченовского в «Московских ведомостях» за 1892 год. В. Каченовский, описывая ожесточенную оборону гарнизона Темир–Хан–

---

[862] Там же.
[863] Кровяков Н. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Москва: Издательство «Интербук», 1989. С. 69.
[864] Богуславский Л.А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С- Петербург, 1892. С. 89.
[865] Гаджиев Б.И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2006. С.93.

Шуры в 1843г. от мюридов Шамиля, отмечал участие в этих событиях женщин: «Гарнизон, состоявший из одного батальона Апшеронского полка, нашел себе подкрепление: даже женщины с чанами горячей воды стояли на валу форштадта и обливали ею осаждавшие толпы изуверов»[866].

Надо сказать, что сам Е. Н. Козубский ставил под сомнения эти сведения В. Каченовского, объясняя это тем, что не встречал подтверждения участия женщин в обороне гарнизона в других источниках.

Под пристальным вниманием имама Шамиля находился Южный Дагестан, где он ставил задачу – взятие русской крепости Ахты. В крепости был сосредоточен гарнизон, насчитывающий более 500 человек – солдат и их семей[867]. Для начала имаму было необходимо склонить на сторону имамата Табасаран, в связи с этим Шамиль в 1844 году предпринял попытку покорить его[868], назначив там своих наибов. Видя угрозу для крепости Ахты и боясь распространения влияния мюридов на местное население, правительственные войска взяли под свой контроль население Верхнего Табасарана. В результате ожесточенного сражения, несмотря на сопротивление жителей, царским войскам под командованием Аргутинского удалось покорить селение Дювек, предав огню все дома жителей[869].

В сентябре 1848 года Шамиль предпринял новую попытку овладеть крепостью Ахты. Среди защитников крепости были члены семей военных, в том числе семья полковника Рота – жена и дочь. По имеющимся сведениям, Шамиль пообещал отдать дочь полковника тому, кто водрузит знамя мюридов на стенах крепости[870]. Понимая, что не могут выдержать наступление мюридов, защитники гарнизона взорвали крепость, погибнув под его обломками[871].

---

[866] См. Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 21.
[867] Гаджиев Б. И. Указ. соч. С.49-50; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 165-166; Ковалевский П. И. Кавказ. СПб.: 1915. Т.II. С.242.
[868] Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. С.92.
[869] Гасанов М. Р. Табасаран в период борьбы горцев в 20-50 гг. против царизма. Махачкала. 1997. С.20.
[870] Баддели Д. Указ. соч. С. 166; Мухаммед–Тахир. Указ. соч. С.92; Мужественная защита укрепления Ахты в 1849 году (на Кавказе). СПб. 1873. С.6.
[871] Там же.

Среди защитников Ахтынской крепости находилась жена поручика Богуславского, которая, будучи тяжело раненной, мужественно перенесла все тяготы осады гарнизона. Указывая на это, Н.Ф. Дубровин писал в своем обзоре, что она получила 24 раны, но осталась жива[872]. По сведениям Б. И. Гаджиева, ее мужество не осталось незамеченным – она была отмечена самим императором Александром II[873].

Вопреки ожиданиям Шамиля и его наибов Хаджи–Мурата и Даниель–бека, помимо гарнизона Ахтынской крепости, им оказали сопротивление и жители Ахты во главе с Гасан Чуру-оглы. По имеющимся в архивном деле РГИА сведениям, Гасан Чуру-оглы открыто выступил на стороне русских войск[874]. По другим сведениям, жители селения Ахты, не оказав сопротивления, поддержали Шамиля и его мюридов[875].

Впрочем, учитывая сложившуюся реальную политическую обстановку в 40-50 годы Кавказской войны, можно предположить, что местное население было вынуждено сотрудничать с русской администрацией, видя в этом единственную возможность сохранить себе жизнь.

По мнению Н. Кровякова, безустанное наступление русских, голод, гибель людей, а также очевидность того, что положение будет ухудшаться с каждым днем, сломили сопротивление горцев[876]. Чтобы довести население до понимания этого, русским понадобилось семь лет вести непрерывное наступление[877].

В полную драматизма историю Кавказской войны, которая продолжалась более 40 лет, вписали свои имена и дагестанские женщины. Дагестанки наравне с мужчинами мужественно переносили долгие месяцы осады, взяв в руки оружие, вставали на место своих убитых мужей, отцов и братьев. Женщины, хотя не участ-

---

[872] Дубровин Н. Ф. Обзор войн России….С.267.
[873] Гаджиев Б. И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2006. С. 50.
[874] РГИА. Ф. 1268. Оп.7. Д. 279. Л.2.
[875] АКАК. Т.IX. Тифлис. 1884. С.392; Мухаммед–Тахир. Указ. соч. С.92; Мужественная защита укрепления Ахты в 1849 году (на Кавказе). СПб. 1873. С.6; Геничутлинский Х. Историко–биографические и исторические очерки. Махачкала. 1992. С.97.
[876] Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Москва: Издательство «Интербук», 1989. С. 69.
[877] Там же.

вовали в военных действиях, но при обороне своего аула, выполняли роль важного психологического фактора для усиления морального духа мужчин. В осажденных аулах они стали символом неимоверной стойкости и жертвенности, важным психологическим фактором, который вдохновлял людей на победу.

Кавказская война приблизила женщин к политической жизни. Несмотря на то, что в традиционном дагестанском обществе политика находилось исключительно в руках у мужчин, история Дагестана знает немало примеров участия женщин в политической жизни. В силу определенных обстоятельств женщины привилегированных сословий дагестанского общества невольно оказывались вовлеченными в политические события. Как правило, это были женщины из высших сословий – жены и дочери ханов и беков, получавшие такую возможность в случае смерти или болезни своих мужей, братьев и сыновей. Наличие власти и материальных средств давало женщинам возможность манипулировать и умело лавировать в политических событиях.

Н. Л. Пушкарева полагала, что имея в руках немалые денежные богатства, женщины привилегированного сословия могли участвовать в политических интригах, ведя самостоятельную линию во всех административных делах[878].

Каковы же были мотивы и формы их участия в политической жизни? Женщины из высших слоев дагестанского общества нередко оказывались втянутыми в политическую жизнь, выполняя обязанности правительниц и регентов. Будучи регентами при своих малолетних сыновьях, они нередко становились значимыми фигурами на политической арене. Кроме того, этому не препятствовали русские власти, оказывая женщинам всякого рода преференции, они давали им возможность проявить себя в административных делах. Женщины нередко выступали инициаторами переговоров между военными и гражданскими властями на Кавказе.

---

[878] Пушкарёва Н. Л. Вклад женщин в российскую культурно-историческую традицию и преемственность поколений// Модернизация общего и профессионального образования: теория и технология воспитания патриотизма: материалы Первых межрегиональных педагогических чтений им. Николая Михайловича Конжиева 19 – 20 ноября 2013 г. / Под общ. редакцией Н. Н.Дубининой и В. И. Лутовинова. Петрозаводск : Изд-во. 2014. С.72.

Заметим, что примеры участия женщин в политической жизни Дагестана имели место и в ранние периоды. В частности, в XVIII веке одной из таких женщин была Тути-Бике, жена дербентского правителя Фатали-хана. В сложной политической ситуации Тути-Бике смогла проявить самостоятельность, взять на себя всю ответственность, приняв важные политические решения. В отсутствие Фатали-хана Тути-Бике смогла организовать защиту Дербента от неприятеля, возглавив войско. Вся сложность ситуации была в том, что неприятелем, строившим козни правителю Дербента Фатали-хану, был родной брат Тути-Бике – Амир-Гамза [879].

О вышеприведенных событиях повествует в своей исторической хронике «Ассари-Дагестан» Алкадари Гасан-Эфенди, отмечая, что правитель Дербента Фатали-хан для укрепления своего политического положения долго пытался породниться с уцмием кайтагским Амир–Гамзой и в итоге женился на его сестре Тути-Бике[880]. По сведениям автора, в последующем, отношения между Амир-Гамзой и Фатали–Ханом ухудшились. Амир-Гамза в отсутствие Фатали-хана пытался вероломно завладеть Дербентом, для чего обманным путем, под предлогом свидания с сестрой (Тути-Бике) проник в цитадель Нарын–кала[881]. При этом он тайно склоняет на свою сторону дербентского чиновника Ильяс-бека и с его помощью вводит в Дербент до 2000 своих войск[882].

По сведениям Г. Э. Алкадари, Амир–Гамза объявил, что прибыл для управления Дербентом, отчего дербентское общество должно ему повиноваться[883].

В этой непростой политической ситуации вызывает интерес поведение Тути–Бике, которая, сбежав от брата Амир–Гамзы, смогла до прибытия Фатали–хана склонить горожан на свою сторону[884]. В последующем Амир-Гамза вновь пытался завладеть Дербентом, распустив слухи о смерти Фатали-хана. Но, узнав о новом

---

[879] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIXв.: Сборник документов. М.: 1888. С.157.
[880] Алкадари Г. Э. Асари – Дагестан. Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. С.97.
[881] Бакиханов А. К. Гюлистан – и Ирам. Баку. 1991. С. 160.
[882] См.: Серебров А. Г. Историко–этнографическое описание Дагестана. 1796.// ИГЭД.М., 1958. С.183.
[883] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С.97.
[884] Там же.

вероломстве брата, Тути–Бике вновь вставала на защиту города вместе со своими сторонниками. После этих событий, в отсутствие Фатали–хана она становилась фактической правительницей Дербента.

Надо сказать, что и русские власти не остались в стороне от политической ситуации в Дербенте. После взятия Дербента русскими войсками в 1796 году наместником графом Зубовым дочь Фатали–хана Пери–Джихан-ханум была назначена правительницей города.

По сведениям П. Г. Буткова, к главнокомандующему в российский лагерь вместе с Шейх–Али–Ханом добровольно верхом на лошади прибыла Пери–Джихан–ханум, дочь Фатали–хана[885].

В исторической хронике «Ассари-Дагестан» об этом написано, что завладев Дербентом, наместник граф Зубов пробыл в городе шесть дней, назначив там правительницей дочь Фатали–хана Пери–Джихан–ханум[886]. Кроме того, наместник приказал, чтобы Дербентское и Кубинское ханство также были переданы ей во власть[887].

По всей видимости, граф Зубов, выбирая между 18 летним Шейх–Али–Ханом и Пери–Джихан–ханум, отдал предпочтение ей. Учитывая, что по ее просьбе ханом в Кубинский уезд был назначен ее брат Гасан-ага, не вызывает сомнения, что граф Зубов считался с мнением Пери–Джихан–ханум[888].

Определенную роль сыграла Пери-Джихан-ханум в контактах между Фатали-ханом и Ума-ханом Аварским после подписания между правителями мирного договора. Одним из условий договора являлось обещание Фатали-хана выдать свою дочь за Ума-хана[889], в ответ на обещание последнего не враждовать с Аварским

---

[885] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: 1869. Ч. II. С.369.

[886] Алкадари Г. Э. Асари – Дагестан. Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. С.118-119

[887] Там же.

[888] Там же.

[889] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С.88; Серебров А.Г. Историко–этнографическое описание Дагестана. 1796.// ИГЭД.М.: 1958. С. 187; Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С.243; РГВИА. Ф. 846. Д.18474. Л.88-105.

ханским домом. Безусловно, этот брак укрепил связи Аварского ханства с Дербентом.

В свете исследования представляет интерес участие в политической жизни Южного Табасарана XVIII века правительницы Ханум–бике Каракахан–бек–кызы. Известно, что после убийства майсума Муртузали, уцмий и кадий со старейшинами Табасарана, назначили майсумом немого сына убитого – Норузбека[890]. Вдову Муртузали, Ханум–бике Каракахан–бек–кызы назначили опекуном Норузбека[891]. По сведениям Г. Э. Алкадари, она, будучи опекуном, фактически исполняла обязанности майсума [892] . Воспользовавшись физическим состоянием своего ны, вплоть до своей кончины в 1776 году, Ханум–бике Каракахан–бек– кызы фактически правила единолично майсумством. В период ее регентства повседневная жизнь населения Южного Табасарана была налажена, регулярно пополнялась казна, что сказывалось на социально–политической стабильности.

Вышеприведенные примеры – яркое свидетельство того, что женщины из знатных сословий нередко являлись важными фигурами исторических событий, разворачивавшихся на политической арене Дагестана.

Не стала исключением и богатая политическими событиями Кавказская война. Анализ мотивов и форм участия женщин в политике свидетельствует, что при различных особенностях форм участия, мотивы женщин были схожими – борьба за наследство, интриги, меркантильные интересы, желание отомстить и пр.

По имеющимся сведениям, начавшаяся вскоре после смерти Умма–хана Аварского борьба за власть в ханстве столкнула интересы его дочери Паху–бике и трех его жен – Гихили, Кистаман и красавицы-грузинки Дариджа, присланной в качестве подарка Умма-хану Великому грузинским царем Ираклием [893].

---

[890] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С.99.

[891] Там же.

[892] Там же.

[893] См.: Атаев.Б. Б. Князь-князей Мехтибек Тарковский: исторический роман. Махачкала.: Эпоха, 2004; Геничутлинский Х. С. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб.Т. Айтберова. Махачкала. 1992. С. 47; Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. С.276.

Невольным свидетелем интриг и склок, разворачивавшихся в Аварском ханском доме, оказался Ф.П. Скалон, находившийся там по поручению генерала Паскевича. По мнению автора, виной всех этих склок были ханша Паху–бике и Гихили, которые не только постоянно враждовали между собой, но и нередко втягивали в конфликт мужскую половину ханского дома[894].

По свидетельству В.А. Потто, большее влияние в ханстве имела вдова Гихили, которая пользовалась особой поддержкой народа. По замечанию автора, ханша Гихили находилась в постоянной вражде с Паху-бике, но умело управляя народом Аварского ханства, пользовалась половиной всех его скудных доходов[895].

Учитывая тот факт, что мужская линия Умма-хана Аварского пресеклась, то официально власть в ханстве перешла к вдове Гихили. Но фактически правителем являлся муж ее падчерицы Паху-бике – Ахмед-хан, к которому вдова Гихили испытывала сильную неприязнь. Как показывают источники, она не гнушалась никакими средствами, вплоть до убийства, стараясь убрать его со своего пути.

Так, по сведениям В.А. Потто, ханша Гихили через муллу обращалась к генералу Ермолову с просьбой содействовать в отстранении Ахмет-хана[896]. Таким «содействием», как писал автор, должно было стать отравление Ахмет-хана[897]. Очевидно, что просьба ханши Гихили вызвала у генерала Ермолова много вопросов. Пытаясь получить информацию о событиях, происходящих в ханском доме, и непосредственно о Гихили, в своем письме к генералу Грекову от 12 августа 1823 года Ермолов писал: «Какое имеет влияние на народ старшая жена умершего, бывшая жена Умай-хана (Ума-хана Аварского)»[898]. Как видно из письма, генерала Ермолова интересовало, какой властью Гихили обладала в Аварском ханстве.

Учитывая, что для русских властей было очень важно, чтобы Аварское ханство приняло российское подданство, генералу необходимо было назначить во гла-

---

[894]Скалон Ф. П. Указ. соч. С.276.

[895] Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1887. С.133.

[896] Там же.

[897] Там же.

[898] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С.19.

ве ханства надежного человека. А для этого нужна была сильная политическая фигура, которая склонила бы к этому аварский народ. Генерал Ермолов спешил, и в качестве такой политической фигуры выбрал все же Ахмет-хана. Очевидно, что в реалиях сложившейся политической ситуации генерал не рассматривал ханшу Гихили в качестве правительницы ханского дома.

Несмотря на то, что Ахмет-хан сам принял подданство России, он вскоре попал в немилость у власти – ему так и не удалось склонить к этому же народ ханства. По мнению Махсуда Алиханова-Аварского, Ахмет-хан без ведома и согласия народа принял подданство России и получил звание генерала[899]. Так как Ахмет-хан не сумел склонить к подданству аварцев, вся его затея кончилась тем, что Ермолов объявил его изменником[900].

Что касается ханши Гихили, она продолжала укреплять свои позиции в Аварском ханстве, не гнушаясь никакими методами. В частности, она оказалась причастной к смерти сводного брата Умма-хана – Гебек-хана, за которого она вышла замуж после смерти Умма-хана. Согласно одним источникам, Гихили руководствовалась местью, отчего, питая с давнего времени к Гебеку вражду, изъявила согласие на брак, только для того, чтобы отомстить ему[901]. Гихили, дав согласие на этот брак, главной целью для себя ставила простую женскую месть.

Что касается Гебек–хана, то он, женившись на вдове брата Гихили, несмотря на ее неприязнь к себе, он хотел упрочить свои позиции в Аварском ханстве[902]. Все закончилось трагически. По имеющимся сведениям, Гебек-хан был отравлен по приказу Гихили и при ее непосредственном присутствии[903].

Надо сказать, что женщины из влиятельных семей нередко прибегали к убийству ради осуществления своих меркантильных целей. Так, причастной к убийству Хасан-хана, брата Аварского хана, оказалась его жена. Из письма генера-

---

[899] Алиханов М.. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев./ сост. и комм. Р. Иванов. Махачкала. 2005. С. 159.
[900] Там же.
[901] См.: Записка о сношениях с аварскими ханами….С. 353.
[902] Там же. С. 353.
[903] Там же.

ла Ермолова к Нессельроде от 10 января 1820 года следовало, что Хасан-хан, бунтовщик, неоднократно действовавший против русских, умер недавно отравленный женой[904]. Детали этого убийства не называются. Возможно, что это могли быть и бытовые причины, побудившие женщину пойти на такое преступление.

В центре внимания русского командования оказалась вдова уцмия Каракайтагского Адиль-хана. После убийства Адиль-хана в списке подозреваемых оказалась и его вдова, дочь Мехти-шаухала Тарковского. Известно, что Мехти-шаухал на протяжении более 30 лет проводил лояльную политику в отношении России. Зная интриги, которые имели место в уцмийстве Каракайтагском, военные власти не исключали, что к борьбе за власть могла быть причастна и влиятельная жена Уцмия. Неслучайно генерал Вельяминов характеризовал ее как «хитрейшую из женщин»[905].

Кроме того, в своем Предписании к генерал-майору барону Вреде от 16 октября 1822 года за № 3307 по поводу убийства Адиль-хана Уцмия Каракайтагского, Вельяминов отмечал, что она могла быть причастна к смерти мужа[906]. Указывая на свои подозрения, генерал считал необходимым ей «не давать покоя»[907]

Одной из наиболее влиятельных женщин своего времени была вдова Ахмед – хана Аварского – Паху-бике. После смерти мужа Ахмет-хана Аварского, сложившаяся политическая обстановка заставила Паху-бике приложить немало усилий для укрепления своих позиций в ханстве. Она отличалась необычайной энергией, талантом влиять на свое окружение, умением манипулировать людьми, подчинять их себе, использовать обстоятельства и достигать поставленной цели.

Каковы же были мотивы участия Паху-бике в политической жизни Аварского ханского дома? В первую очередь, это было ее стремление укрепить свои позиции и позиции своих сыновей в ханском доме после смерти мужа Ахмет-хана. Эти старания ханши не прошли даром. Уже в 1828 году царские власти сочли целесообразным разделить Аварское ханство между двумя сыновьями Паху-бике. По све-

[904] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С 11.
[905] Там же. С 66.
[906] Там же.
[907] Там же.

дениям Д.Баддели, оба ее сына, Абу-Султан-Нуцал и Сурхай-хан получили от русских властей высокие чины полковников и жалованье в размере 2 тысяч рублей[908].

Несмотря на все преграды, честолюбивой Паху-бике удалось все же добиться от императора Николая I признания своего сына Абу-Султан-Нуцал-хана наследником Аварского ханства. Надо заметить, что фактической правительницей в ханстве была Паху-бике, которая со слов Ф.П. Скалона «распоряжается в ханстве с общего совета и согласия»[909].

Отмечая влияние и авторитет Паху-бике в ханстве, Джон Баддели писал, что реальной властью обладала она, а не ее сын[910]. При этом, автор особо подчеркивал, что ханша Паху-бике является одним из многочисленных примеров того, что мусульманские женщины не отстранены от власти[911].

Амбициозная Паху-бике неоднократно обращалась к русским властям за помощью. Так, в разгар военных событий ее письма с прошениями и жалобами были адресованы к высшим государственным и военным чинам. Эти письма позволяют интерпретировать некоторые события Кавказской войны, осветить военную повседневность: жизненные проблемы, специфику взаимоотношений с родными и властью.

Так, в своем ходатайстве к генералу Паскевичу она просила сохранить ей не только денежное жалование покойного мужа, но и возвратить ее сыну Абу-Султан-Нуцал-хану земли, некогда отобранные генералом Ермоловым и переданные во владения шамхала Тарковского и Сурхая-хана[912]. Обращает внимание, характерная особенность этих писем – перегруженность детальными описаниями личных пере-

---

[908] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.101.
[909] Скалон Ф. П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. С. 276.
[910] Баддели Д. Указ. соч. С.101.
[911] Там же.
[912] Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. СПб.: Тип. Окруж. Штаба Кавк.воен.окр,1899 . С.11; Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.7.

живаний и настроений, что, по мнению исследователя А.В. Беловой, было особенно характерно для женских писем[913].

В обмен на лояльность к Российской империи, Паху-бике торговалась до последнего, отстаивая право Аварского ханства на отобранные Ермоловым земли. Несмотря на все усилия, требования Паху-бике относительно земель не были удовлетворены генералом Паскевичем. По имеющимся сведениям, ханше было отказано в связи с тем, что шамхал Тарковский и Сурхай-хан, доказали своей преданностью Росии, право на эти владение этими землями[914]. Отмечая важность лояльности шамхала Тарковского и Сурхай - хана к России, подчеркивалось, что было бы не удобно забирать деревни, данные за верную службу [915].

Несмотря на такой нежелательный для нее исход дела, Паху-бике сохранила за собой все привилегии мужа Ахмет-хана, регулярно получая от казны ежегодный пансион. Понятно, что Паху-бике ничего не оставалось, как привести в сентябре 1828 года Аварское ханство к присяге на верность государю императору.

В 1829 году Паху-бике вместе с Гихили инициировала переговоры с русским командованием о российском подданстве[916]. Представители от хунзахской знати отправились на аудиенцию к императору в Санкт-Петербург. Переговоры через несколько месяцев закончились успешно, Аварское ханство приняло российское подданство. В знак признания от императора Николая I ханскому дому были отправлены щедрые подарки. Примечательно, что подарки были дарованы не только ханству – знамя с российским гербом, но и женщинам, представительницам ханского дома, одежда, парча, атлас и меха [917].

---

[913] Белова А. В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30-31). С.73.
[914] АКАК. Тифлис, 1878. Т.VII. С. 521.
[915] Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.7.
[916] АКАК. Тифлис, 1878. Т.VII. С.520-521.
[917] См.: Казиев Ш. М, Карпеев И. В. Указ. соч. С.11.

Кроме того, Паху-бике предпринимала попытки наладить хорошие отношения с Турцией и Ираном, для чего отправляла туда для ведения переговоров делегации из Хунзаха[918].

В дальнейшем покровительство России Паху-бике умело использовала в борьбе с мюридами, которые пытались насаждать идеологию мюридизма в ханстве. Так, например, в 1830 г. началось открытое противостояние с первым имамом Гази-Магомедом. Надо сказать, что Гази-Магомед считал ханшу воплощением и источником зла, исходившим от Хунзахского ханства.

По сведениям Д. Баддели, Паху-бике проявляла свой сильный характер, изворотливость и гибкость, открыто выступив против мюридов[919]. Лояльность Паху-бике и аварского ханского дома к России отмечалась в донесениях барона Розена графу Чернышеву в 1831 году. Розен сообщал, Нуцал-хан Аварский и его мать Паху-бике, проявляя к русским преданность, выставили на границах своих караулы, чтобы не пускать «ни Кази-Муллу, ни сообщников его»[920].

При Гамзат-беке Паху-бике умело лавировала между мюридами и царскими властями. Такое неопределенное поведение ханши, конечно, пришлось не по душе русским властям, последовала немедленная реакция. В письме Розена к Нуцал-хану Аварскому от 19 августа 1833 года, за № 592 отмечалось, что ханша Паху-бике не проявляла усердия в истреблении Гамзат-бека [921]. Барон давал знать Нуцал-хану, что следующее жалование от русских властей, и он и ханша получат лишь тогда, когда истребят Гамзат-бека[922]. Розен не скрывал, что получив в подлиннике письмо ханши Паху-бике к полковнику Клугенау, командующему войсками в Темир-Хан-Шуре, он отменил свое распоряжение о жалование[923].

По мнению барона, неубедительно звучали доводы ханши Паху-бике, что уничтожить Гамзат-бека, поборника и защитника исламизма, было бы нарушением

---

[918] Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С.124.
[919] Баддели Д. Указ. соч. С. 102;
[920] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С.543.
[921] Там же. С. 570.
[922] Там же.
[923] Там же.

шариата[924]. При этом Розен особо подчеркивал в письме, что «жалование Высочайшее даруется одним усердным подданным», дав тем самым понять, что ханша Паху-бике к их числу не относится пока[925].

Как видно из письма барон Розен недвусмысленно намекал Нусал-хану Аварскому о последствиях такого поведения для ханши Паху-бике. Далее Розен предупреждал Нусал-хана о том, чтобы ни он, ни его мать-ханша не совершали ошибки, допущенные Кази-муллой, ибо их ожидает та же незавидная участь[926]. Розен писал, чтобы для собственной их пользы, для общего спокойствия, был наказан Гамзат-бек [927].

Аналогичное послание барон Розен адресовал и генералу Нессельроде от 24 августа 1833года, за № 594, где выразил свое отношение к происходящему[928].

Будучи дальновидной женщиной, не желая лишиться российского пенсиона, Паху-бике вскоре открыто перешла на сторону России. Об этом красноречиво свидетельствует письмо барона Розена военному министру, графу Чернышеву от 23 февраля 1834 года за № 135. В частности, в письме отмечалось, что Паху-бике и оба ее сына стали действовать против имама Гамзат-бека[929].

Лояльность ханши Паху-бике к Российской империи стоила ей очень дорого – она заплатила за нее ценой жизни своих сыновей и своей собственной [930]. Не желая преклоняться перед мюридами, она до последнего вела себя достойно, чем снискала к себе уважение своего народа. Безусловно, этот период жизни раскрывает ее как яркую неординарную личность Кавказской войны, внесшую существенную лепту в историю взаимоотношений Аварского ханства с Российской империей.

---

[924] Там же.
[925] Там же.
[926] Там же.
[927] Там же.
[928] Там же.
[929] Там же. С.575, 582.
[930] См.: Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923. С. 211; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 112.

В политической жизни исследуемого периода оставила свой след ханша Нух-бике, вдова Ахмет-хана Мехтулинского. В 1843 году, после смерти мужа, ей было поручено управление ханством.

Ханша находилась под пристальным вниманием военной и гражданской администрации. По существующей тогда практике ей в помощники был приставлен русский штаб-офицер. Согласно архивным данным, действуя во всем как бы с её согласия, на самом деле он был полным правителем ханства[931]. Надо отметить, что народ ханства изъявлял желание, чтобы управление ханством после смерти Ахмет-хана Мехтулинского было передано Нух-бике. Но, с другой стороны, народ опасался, что она может не справиться со своими полномочиями в силу женского характера. Так, в рапорте генерал-лейтенанта, князя Бебутова к генерал-адьютанту Нейдгардту, датированном 19 января 1844 года, докладывалось о положении в шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве. Обращаясь к русским властям, представители знатных семей ханства подчеркивали, что лишившись хана, которого очень любили, они вынуждены повиноваться женщине[932]. При этом, в письме отмечалось, что уважая дом хана, они уважают и ее, правительницу, но они сомневались, что женщина сможет управлять Мехтулинским ханством[933].

В связи с этим, было представлено ходатайство о назначении правителем старшего сына Гасан-хана, а до наступления его совершеннолетия назначить к нему одного русского офицера, которому народ обещал «служить очень хорошо и усердно»[934].

При этом сам князь Бебутов понимал, женщине будет очень сложно управлять мехтулинцами, которые, не только отличались буйным характером, но и относились неприязненно к русским властям[935].

---

[931] ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 21-а. Л. 17; Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.8.
[932] Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 1959.URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Dvizenie/ [Дата обращения 05.10.2017]
[933] Там же.
[934] Там же.
[935] Там же.

Князь полагал, что в имеющихся смутных обстоятельствах самой Нух-бике будет сложно управлять Мехтулинским ханством, поэтому считал разумным поручить управление ее брату шамхалу Тарковскому, до совершеннолетия ее сына[936].

В качестве альтернативы князь Бебутов предлагал предоставить управление ханством вдове Нух-бике, назначив к ней «одного опытного и благоразумного офицера»[937].

По имеющимся сведениям, объектом обсуждения в самых высоких правительственных кругах стали спорные земли, некогда переданные генералом Ермоловым во владения шамхала Тарковского и Сурхая-хана. После смерти Ахмет-хана Мехтулинского эти спорные деревни имели непосредственное отношение к ханше Нух-бике, которая наследовала право покойного мужа на эти земли[938].

В архивном деле содержатся материалы официальной переписки кавказского командования с царскими властями по вопросу касательно трех деревень, подаренных шамхалом Тарковским племяннику его Султану Амет-хану[939]. Отмечая лояльность покойного Амет-хана Мехтулинского к России, власти оставили этот вопрос без изменения. При принятии тех или иных решений во внимание русской стороной бралась и лояльность ханши Нух-бике к Российской империи.

Одним из предметов переписки кавказского командования стала личная жизнь ханши Нух-бике. После похищения ханши в декабре 1846 года наибом Шамиля – Хаджи-Муратом – судьба самой ханши и ее детей оказалась в поле зрения высокопоставленных чинов Российской империи и даже самого императора Николая I [940]. Мы уже писали о том, что социальная поддержка вдовы Нух-бике являлась предметом обсуждения военных и гражданских властей Российской империи.

Похищение ханши Хаджи-Муратом воспринималось российской стороной как дерзость. Учитывая, что он был врагом Ахмет-хана Мехтулинского, вплоть до перехода на русскую сторону, отношение к нему оставалось негативным.

---

[936] Там же.
[937] Там же.
[938] Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.8.
[939] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 3.
[940] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 1-6.

Судя по архивным данным, понимая, что на молодую вдову хана заглядывались многие мужчины из знатных фамилий, русские власти опасались ее повторного замужества [941]. Кроме того, такой брак был нежелателен и для русских властей, так как они исходили из политической выгоды[942]. Женщиной легче было манипулировать. Это настолько заботило русские власти, что в переписке военных чинов отмечалось, что после возвращения из плена ханши Нух-бике, никто ей руку не предлагал[943]. Власти полагали, что и сама ханша вряд ли могла согласиться на новый брак[944].

В результате вплоть до назначения в 1855 году правителем Мехтулинского ханства сына Ибрагим-хана ханша Нух-бике оставалась у власти. Хотя ее власть, как мы уже отмечали выше, была номинальной, а ведал всеми делами ханства пристав[945]. Несмотря на это, до конца своей жизни Нух-бике оставалась для русских властей вдовой Ахмет-хана Мехтулинского, генерал-майора царской армии, который заслужил своей преданностью России особое уважение.

В политической жизни Дагестана свой след оставила и вдова Аслан-хана Казикумухского – Умма-Гюльсум-бике. По имеющимся сведениям, после смерти мужа ей пришлось взять бразды правления в ханстве в свои руки, так как оба ее сына, Нуцал-Ага и Магомед-Мирза, были слабого здоровья и не отличались особыми способностями[946]. Умма-Гюльсум-бике же как «женщина весьма умная и имевшая большое влияние на казикумудцев»[947] могла в сложной политической ситуации умело лавировать между различными политическими силами. Заметим, что в тех сложных реалиях Кавказской войны это было крайне сложно и могло стоить ей жизни.

Несмотря на слабое здоровье, а главное, отсутствие способностей для управления ханством у Нуцал-Аги, кавказская администрация в лице генерал - адьютан-

---

[941] Там же.
[942] Там же.
[943] Там же.
[944] Там же.
[945] Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.8.
[946] Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С. 29-30.
[947] Там же.

та барона Розена назначила его ханом, представив ему все права[948]. Вместе с ханской властью в новых политических реалиях Нуцал-Ага получил и звание полковника русской армии. Управлять ханством ему было суждено недолго, в этом же 1836 году после непродолжительной болезни он скончался. Барон Розен вынужден был передать власть его брату Магомед-Мирза-хану, который в 1838 году после болезни также умер.

Все эти обстоятельства способствовали тому, что их мать ханша Умма-Гюльсум-бике упрочила свое положение на политической арене. К тому же, русские власти усматривали в ней надежного политического союзника. В начавшейся политической борьбе за Казикумухское ханство у нее было самое выгодное положение, а главное, доверие народа. По имеющимся сведениям, большинство народа сочувствовала ее интересам, и поклялась верно, ей служить[949]. Указывая на особую расположенность казикумухцев к ханше Умма-Гюльсум-бике, С. Габиев подчеркивал, что именно ее они желали назначить ханшей.[950]

Руководствуясь этими обстоятельствами и особой преданностью народа Умма-Гюльсум-бике, генерал Головин принял решение назначить ее правительницей Кази-Кумуха[951]. Кроме того, всяческую помощь ей должен был оказывать ее племянник – Махмуд-бек. С. Габиев полагал, что фактическая власть была сосредоточена в руках у Махмуд-бека[952].

Начавшаяся борьба за власть между оставшимися наследниками Абдурахман-беком и Гаджи-Ягъей (племянники Аслан-хана Казикумухского), заставила Умма-Гюльсум-бике умело лавировать между ними, не забывая при этом о своих интересах. Несмотря на то, что оба они были равноправными наследниками, влиятельная и хитрая Умма-Гюльсум-бике стала открыто поддерживать Абдурахман-бека[953]. Почему она желала видеть именно его наследником Казикумухского ханства? Объясняется это тем, что Умма-Гюльсум-бике, будучи противницей мюри-

[948] Там же.
[949] Там же. С. 32.
[950] Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С.70.
[951] Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.32-33.
[952] Габиев С. Указ. соч. С.71.
[953]Казикумухские и куюринские ханы ….С.32-33.

дизма, не желала видеть наследником Гаджи-Ягъю, который проявлял свою лояльность имаму Шамилю. Конечно, в реалиях военного противостояния такая политика Умма-Гюльсум-бике могла иметь для нее неприятные последствия.

Так, узнав о ее намерениях относительно Абдурахман-бека, майор Корганов, всячески стал отговаривать ее от этого опрометчивого шага[954]. Мало того, Корганов предупреждал Умма-Гюльсум-бике о том, что Абдурахман-бек может поступить с ней коварно[955]. В силу разных причин, несмотря на все усилия Умма-Гюльсум-бике, ей так и не удалось посадить на ханство своего любимца Абдурахман-бека. Кроме того, вскоре он оказался в изгнании, из которого Умма-Гюльсум-бике удалось его вернуть. В то время как Гаджи-Ягъя, воспользовавшись поддержкой мюридов, одержал победу над Абдурахман-беком.

Цена этой победы была слишком дорогой для жителей Казикумуха, который пал в марте 1842 года под натиском мюридов Шамиля и стал частью имамата. Что касается ханши Умма-Гюльсум-бике, она по настоянию полковника Снаксарева оставалась до последнего в Кази-Кумухе, убежали только ее сыновья[956]. После вытеснения русскими Шамиля из Кази-Кумуха в ауле было восстановлено спокойствие, а управление передано Абдурахман-беку. Гаджи-Ягъя же открыто перешел на сторону имама Шамиля и его сподвижников и вскоре стал наибом[957].

По мнению С. Габиева, в новых политических условиях ханша Умма-Гюльсум-бике не была полностью отстранена от управления ханством[958]. Умма-Гюльсум-бике пользовалась среди народа любовью и уважением. Честолюбие Абдурахман-бека, который не отличался особыми управленческими способностями, отталкивало от него казикумухцев. Его попытки упрочить свои позиции с помощью брака с внучкой Аслан-хана и Умма-Гюльсум-бике, Шамай-бике, не имели успеха. Не удалось ему и выхлопотать себе звание хана через Умма-Гюльсум-бике,

---

[954] Там же.
[955] Казикумухские и куюринские ханы ….С.32-33; Габиев С. Указ. соч. С.71.
[956] Габиев С. Их прошлое и быт // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 74.
[957] Там же. С. 81.
[958] Там же. С. 76.

жва ее ходатайства были отклонены[959]. Русские власти, которые были в курсе ситуации в Кази-Кумухе, неоднократно получали жалобы на Абдурахман-бека, злоупотреблявшего спиртным. В итоге, в 1847 году главнокомандующий князь М.С. Воронцов отстранил его от управления, назначив на его место брата, Агалар-бека. Агалар-бек отстранил Умма-Гюльсум-бике от всякого управления ханством. Вскоре, в 1849 году она умерла в родном Казикумухе, оплакиваемая благодарным народом.

История Умма-Гюльсум-бике – это еще одна страница в женскую летопись Кавказской войны. Без сомнения, она оставила след в памяти казикумухцев, еще при жизни снискав к себе уважение той части населения, которое не поддерживало идеологию мюридизма. Примечательно, что Умма-Гюльсум-бике не боялась проявить принципиальность тогда, когда часть казикумухцев не одобрила ее особой лояльности к русским властям.

В политической жизни Кази-Кумуха незначительный след оставила вдова Агалар-хана Казикумухского – ханша Шамай-бике, внучка Умма-Гюльсум-бике. После смерти Агалар-хана ей было поручено недолгое управление ханством.

По мнению С. Габиева, ее повторное замужество лишило ее права на престолонаследие[960]. Определенные политические силы во главе с узденями настаивали на том, чтобы она так легко не отказывалась от правления и продолжала борьбу за власть[961]. Но, понимая, что у нее не было реальной возможности повлиять на политическую ситуацию в ханстве, Шамай-бике отказалась от борьбы за ханство. Кроме того, русские власти оказывали на нее давление, что вынудило гордую ханшу Шамай-бике вскоре покинуть Кази-Кумух[962]. Ее судьба и после неоднократно становилась предметом обсуждения среди высших чинов военной и гражданской администрации. Мы уже упоминали о ходатайстве ханши Шамай-бике по поводу возвращения ей части наследства после изгнания из Кази-Кумуха.

---

[959] Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.39.
[960] Габиев С. Их прошлое и быт // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 87.
[961] Там же.
[962] Там же.

В политических событиях Кавказской войны предметом обсуждения высокопоставленных чинов Российской империи оказались и судьбы женщин из семьи имама Шамиля. Те сведения, что имеются в источниках, не говорят об их значительной роли в социально-политических процессах. К политическим событиям Кавказской войны волей судьбы оказалась причастной мать имама[963]. Не по своей воле ей пришлось стать посредницей между Шамилем и представителями чеченских наибств.

По сведениям Д. Баддели, чеченцы, терпя постоянные бедствия со стороны русских, решили просить Шамиля взять их под защиту или дать разрешение пойти на мир с Россией[964]. Опасаясь возможных последствий, предприимчивые просители решили найти способ воздействия на Шамиля через его мать, к которой имам питал глубочайшую любовь и уважение[965]. В качестве вознаграждения за успех дела предполагалась сумма в 2000 рублей, о которой было сообщено в приватной беседе мулле Хасиму, которого очень ценила и любила мать Шамиля[966]. Очевидно, что об этих денежных вознаграждениях мать Шамиля и понятия не имела, а нечистоплотные на руку посредники хотели на этом деле нажиться немалой суммой.

Хасиму-Мулле удалось уговорить мать Шамиля замолвить перед Шамилем слово за чеченцев[967]. Шамиль пришел в ярость от того, что представители Чечни обратились не к нему, а стали действовать через его мать[968]. Очевидно, они полагали, что мать сумеет воздействовать на Шамиля. Но, имам, возмущенный их действиями, предал все гласности, обвинив их в предательстве идей мюридизма[969].

По существующим в имамате законам Шамиль должен был наказать любого, кто нарушал общепринятые правила мюридов. Не стала исключением и его мать,

---

[963]Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 143-144; М. Н.Чичагова. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.157; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С.404-405.

[964] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 143-144.

[965] Там же. С.144.

[966] Там же.

[967] Там же.

[968] Там же.

[969] Там же.

по отношению к которой Шамиль был вынужден поступить жестоко за то, что она донесла до него «позорное намерение чеченцев»[970].

По приказу Шамиля мюриды, схватив ее стали наносить удары скрученной жгутом веревкой, но после пятого удара, Шамиль остановил мюридов, приняв на себя оставшиеся 95 ударов [971].

С одной стороны, Шамиль показал, что законы шариата писаны для всех и в условиях войны он не гнушается никакими средствами для достижения своих целей, даже если приходится поднять руку на собственную мать. С другой стороны, как любящий сын, вынужденный пойти на этот поступок, он не смог выдержать до конца истязание матери, перенеся наказание на себя.

Несмотря на трагизм этого случая, имам такой показной жестокостью преподнес урок всему населению имамата, и его врагам. Всем было понятно, что так он будет поступать с любым, кто пойдет на соглашение с противником. Любого человека, независимо от пола, кто оказался бы на месте матери Шамиля, ожидала бы такая же неминуемая участь.

В числе женщин, оказавшихся волей судьбы втянутыми в политическую жизнь этого времени, следует назвать и невестку Шамиля – Каримат. Ее судьба оказалась в центре внимания высоких государственных чинов и военного министерства Российской империи.

Отношение к своей невестке Каримат у Шамиля было неоднозначным, что объяснялось несколькими причинами. Она была дочерью бывшего султана Елисуйского – Даниель-бека, который отличался своей лояльностью к царскому режиму, но после измены русским был лишен генеральского звания [972]. Отношения с мюридами у Даниель-бека также не сложились, судя по источникам, а к 1856 году особенно обострились[973].

---

[970] Там же.
[971] Там же.
[972] АКАК. Тифлис, 1888. Т.XI. С.63.
[973] Там же. С.63-64.

По имеющимся сведениям, Даниель-бек сдал русским укрепленный аул Ириб с 9-го орудиями[974], чем вызвал гнев и ненависть мюридов. Другой причиной, по которой Шамиль испытывал неприязнь к своей невестке Каримат, была ее нелюбовь к его сыну Гази-Магомеду (Кази-Магомед)[975]. Характеризуя отношения между Гази-Магомедом и Каримат, М.Н. Чичагова в своих мемуарах подчеркивала, что Гази-Магомед к жене испытывал серьезные чувства, он ее страстно любил, но она не платила ему взаимностью[976].

Безусловно, такое отношение невестки к мужу не нравилось семье имама, которая при каждом удобном случае ставила это в упрек Каримат.

По сведениям А. Руновского, неприязнь к дочери Даниель-бека больше исходила от женщин большого семейства Шамиля, чем от него самого[977]. Но при этом, семья всячески старалась в предупреждение толков и огласки семейного раздора не выносить сор из избы.

Представляет интерес объяснение этих сложных взаимоотношений в семье Шамиля самой Каримат. Заметим, что в рассматриваемый период, в отличие от русской традиции, где письма «были важным элементом дворянской повседневности»[978], практически не осталось писем дагестанских женщин как авторских свидетельств той эпохи. Письма Каримат, одни из редких исключений. Так, например, в письме к князю Барятинскому перед отъездом в Калугу она писала, что она с мужем Кази-Магомой не испытывали взаимной привязанности, так как практически

---

[974] Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm [Дата обращения: 02.12.2018].

[975] Там же.

[976] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.148.

[977] Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm[Дата обращения: 02.12.2018].

[978] Белова А. В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIXв.//Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII-XXI вв.): Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Изд-во Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013.С. 67.

не знали друг-друга[979]. Она полагала, что этот брак был политикой со стороны Шамиля, который мог теперь манипулировать ее отцом Даниель-беком[980]. Мало того, себя Каримат считала аманаткой – заложницей, взятой в семью под предлогом брака с сыном Шамиля[981].

Как видно из письма, в браке с сыном Шамиля Каримат усматривала только политический интерес, чувствуя себя в статусе аманатки - заложницы.

Причину своего нежелания следовать за мужем в Калугу Каримат объясняла опасениями возможной мести ей со стороны Шамиля. Она полагала, что нелепо ожидать ей, дочери смертельного врага Шамиля, хорошего отношения в его семействе[982].

Молодую женщину, без сомнения, пугала необходимость жить в доме Шамиля, терпеть от него большие притеснения[983]. Опасения ее были не напрасны, о чем свидетельствуют записи в дневнике А. Руновского. По сведениям пристава, при каждом удобном случае Шамиль обвинял Даниель-бека и его дочь Каримат в передаче русским сведений о положении гарнизона Гуниба во время осады князем Барятинским[984].

Князь Барятинский, узнав об этих обвинениях, в своем письме в военное министерство опровергал их[985]. В том числе, касательно обвинений со стороны Шамиля в отношении дочери Даниель-бека Каримат, о доставлении ему сведений о силах, положении и средствах к обороне гарнизона Гуниба»[986].

Хотя, учитывая явную лояльность Даниель-бека к русским, от него могли исходить сведения, которые он мог передать князю Барятинскому. На что указывает и письмо князя Меликова к генералу Филинсону, где говорилось о том, что раска-

---

[979] Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm[Дата обращения: 02.12.2018].
[980] Там же.
[981] Там же.
[982] Там же.
[983] Там же.
[984] Там же.
[985] Там же.
[986] Там же.

явшийся в измене Даниель-бек в январе 1858 года вступил с ним в переговоры. По мнению князя Меликова, искренность его раскаяния и неутомимая деятельность в пользу русских, способствовали ускорению умиротворения Дагестана и удержанию большинства качагов, составляющих лучшее войско Шамиля, от следования за ним на Гуниб[987].

Тем не менее, вызывает сомнение, что к этому каким-то образом была причастна дочь Даниель-бека – Каримат. Конечно же, недоверие, которое имело место по отношению к ее отцу, автоматически отражалось и на ней. В повседневной семейной жизни она постоянно ощущала подозрительное отношение многих домочадцев. Что создавало для нее психологический дискомфорт, который в условиях чужбины многократно усиливался.

Переживая за жизнь Каримат, начальник главного штаба кавказской армии Д. А. Милютин писал А. Руновскому, что им получено письмо от Даниель-бека, где тот выразил опасения за будущее своей дочери в семействе Шамиля[988]. Он также просил пристава оказать свое влияние для устранения всех неприятностей, которых Каримат опасалась «по приезде ее с мужем в Калугу».

Отношение к ней А. Руновского было, действительно, хорошее, о чем можно судить из ее писем отцу, где она, отмечая симпатии к ней Руновского, просила отца написать приставу «хорошее письмо»[989]. Безусловно, Каримат не могла написать в письме всего того, что ее волновало и огорчало, но все ею недосказанное можно было прочитать между строк. Смиряясь со своей участью, живя и тоскуя по своим родным, Каримат могла лишь этими письмами облегчить хоть на время свое физическое и моральное состояние.

Надо отметить, что такие доверительные отношения с А. Руновским давали ей возможность вести переписку с родными, не боясь огласки. Учитывая обстоятельства нахождения семейства Шамиля в Калуге, можно предположить, что письма, попав в руки чиновников, не доходили до своих адресатов. К сожалению, такая

---

[987] Князь Меликов генералу Фелинсону 25 октября 1860. Дело канцелярии начальника Дагестанской области. II отделение. 1860. № 239.
[988] Там же.
[989] Там же.

участь постигла и послания Каримат к родным. Лишь спустя много лет в 1910 году эти письма были опубликованы в «Историческом вестнике». После того как они стали доступны широкой общественности, они вызвали к себе пристальный интерес.

По всей видимости, отношения между А. Руновским и Каримат были не по душе властям. Так, в письме военного министра к главнокомандующему кавказской армией, отмечалось, что подобный образ отношений, непозволителен с точки зрения азиатских обычаев[990]. Особо подчеркивалось в письме, что такие отношения не могут способствовать соединению Каримат с мужем, чему правительство приложило немало усилий[991].

Что касается царского правительства и военного министерства, то они умело лавировали между невесткой имама, которой «искренно сочувствовали»[992], и Шамилем, опасаясь причинить ему неприятность своим вмешательством в его семейные дела [993].

Свой небольшой след в политической жизни той эпохи оставили и жены имама Шамиля. Несмотря на то, что они находились рядом со своим влиятельным мужем, обладали определенными привилегиями, они не могли оказать существенного влияния на ход политических событий. Да и сам имам Шамиль этого не допустил бы. Тем не менее, отдельные эпизоды из их жизни и самые общие оценки их деятельности характеризуют их как неординарных личностей.

По имеющимся сведениям, в повседневной жизни, нередко используя интриги и склоки, женщины пытались упрочить свое положение в доме имама. По сведениям многих авторов, старшая жена Заидат, дочь воспитателя Шамиля, Джемаль - Эддина Казикумухского, отличалась деспотичным характером и своими постоян-

---

[990] Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm [Дата обращения: 02.12.2018].

[991] Там же.

[992] Т Князь Меликов генералу Фелинсону 25 октября 1860. Дело канцелярии начальника Дагестанской области. II отделение. 1860. № 239.

[993] Там же.

ными интригами нередко создавала почву для конфликтов[994]. Властный свой характер Заидат проявляла и будучи в Калуге, куда в 1859 году она прибыла вместе с Шуайнат и другими членами семьи.

По мнению М. Н. Чичаговой, Заидат при каждом удобном случае, своим смелым и самоуверенным тоном, высказывала, что пользуется в семье правами распорядительницы [995]. Стараясь подчеркнуть свое особое положение в семье, Заидат нередко вступала в конфликты с другими женами имама.

По мнению М. Н. Чичаговой, Шамиль все же выделял любимую жену Шуайнат (Анна Улуханова)[996]. Ей единственной Шамиль давал право посещать его военную резиденцию, чего не дозволялось другим женам. Шуайнат разделила с имамом все тяготы длительной войны и калужскую ссылку, до последних его дней находилась рядом с ним.

Таким образом, можно сделать вывод, что характер Кавказской войны способствовал формированию у женщин комплекса особых ментальных характеристик (неосознанное проявление в поведение, обусловленное фактором экстремальности), ярко выраженных маскулинных черт, связанных с адаптацией к специфическим условиям военного времени. Традиционными оставались такие качества женщин, как патриотизм, бесстрашие и самопожертвование, которые складывались веками. Женщины, хотя не участвовали в военных действиях, но при обороне своего аула, выполняли роль важного психологического фактора для усиления морального духа мужчин.

Женщины из привилегированных сословий дагестанского общества, пользуясь своим положением, не только умело лавировали между различными политическими силами в годы Кавказской войны, но и нередко играли важную роль в политических событиях. Оставаясь в тени своих мужей или сыновей, они могли прояв-

---

[994] См.: Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской археограф. комис.1904. Т.XII. С.1414,1424, 1434, 1449-1450; Пржецлавский П.Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П.Г. Пржецлавского 1862-1865. Руссуий сборник, 1877, Т.20. С.256; Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.147.

[995] Чичагова М. Н. Указ. соч. С.157.

[996] Там же.

лять самостоятельность в решении политических задач и оказывать существенное влияние на ход самого события. Покровительство высших государственных чинов и кавказской администрации, содействие в их судьбах, зависело от их лояльности к русским властям.

Мотивы женщин были схожими и определялись интересами семьи, рода, личной выгоды. Для одних путь к власти был открыт, а другим для достижения своих целей приходилось использовать различные неблаговидные средства, нередко и физическое устранение противника. Для достижения политических целей женщины использовали как «мужские» приемы выстраивания политической и социальной иерархии, включая шантаж и подстрекательство, так и те, что традиционно принято считать «женскими» – интриги, манипулирование.

2.2. Повседневность матерей в обстановке военного времени. Влияние биосоциального фактора детности на содержание военной повседневности женщин Дагестана

Учитывая, что Кавказская война являлась очень долгим военным конфликтом, продолжавшимся в течение нескольких десятилетий, то экстремальность, присущая войне, неизбежно превращалась в обыденность, к которой люди были вынуждены приспосабливаться. По мнению исследователей, в экстремальных условиях жизни, в стрессовой ситуации важнейшим фактором являлась поведенческая стратегия людей. По мнению Е. С. Сенявской, война существенным образом сказывалась на сознании и поведении людей[997]. Стратегия поведения человека зависела от конкретной ситуации, где, по мнению зарубежных исследователей R. Lazarus и S. Folkman, определяющим являлось человеческое совладение[998].

Безусловно, экстраординарные события Кавказской войны не могли не отразиться на повседневной жизни матерей. Военная действительность парадоксальным образом отразилась на психологии матерей, на их отношениях с детьми.

---

[997] Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С.24

[998] Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York, 1984. С.35.

Изучая влияние военного фактора на бытовую жизнь дагестанского общества, интересно понять психологию поведения и поступков женщин-матерей. Как и каким образом проявлялся материнский инстинкт, как вели себя матери с детьми, для которых суровая реальность была страшным испытанием? Каковы были источники самоорганизации и механизмы выживания, модели поведения, как и каким образом они переживали личные трагедии, как заботились о потомстве?

Следует сказать, что война привела к значительному сокращению мужского населения, вследствие чего весь груз моральной ответственности за детей лежал на женщинах. Повседневность матерей протекала в условиях постоянного стресса, психологических переживаний, инстинктивного страха потерять своих детей. Это было постоянное бытие на грани жизни и смерти.

Следует указать на удивительный феномен Кавказской войны – детей осажденных аулов, которые сполна делили с родителями все страдания и тяготы долгих месяцев осады. Одна из характерных черт такой реальности – отсутствие детства как такового. Детская жизнь соотносилась с окружающей их суровой действительностью, которая была страшным испытанием для взрослого человека, не говоря уже о детях. Рядом с матерями в пылающих, осажденных неприятелем аулах находились дети. Умонастроения детей отвечали патриотическому настрою их родителей, они ощущали себя полноценными защитниками, от которых зависел исход сражения. Дети принимали самое активное участие в обороне, чувствуя свою сопричастность к происходящему.

Очевидцы и непосредственные участники военных событий, отмечали присутствие детей в оборонительных сражениях. Так, по сведениям участника Кавказской войны Р. А. Фадеева, на защиту своих аулов вставали дети от двенадцати лет, которые полностью делили с родителями все страдания и тяготы долгих месяцев осады[999].

Отмечая участие детей в обороне Ахульго, генерал Граббе сообщал в своем письме к наместнику Кавказа Ф. А. Головину, что во время атаки русских войск

[999] Цит. по: Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.34.

малые дети кидали каменья на штурмующие войска[1000]. Учитывая, что нападающим приходилось карабкаться вверх по скалистым горным тропам, то и град из камней был сродни оружейным залпам.

Рядом с детьми постоянно находились матери. Материнское поведение определялось конкретной обстановкой, где женщинам приходилось принимать решения по стратегии и тактике действия. Нередко в исключительных условиях осады заложенные в женщине природой материнский инстинкт и охранительные функции проявлялись в противоестественном поведении. Материнский страх провоцировал деформированное поведение, которое особенно отчетливо проявлялось в условиях многодневной осады, во время атаки аула неприятелем.

Обращая внимание на поведение людей в экстремальных ситуациях, зарубежные исследователи C. Holahan и R. Moos полагали, что определяющим фактором для такого поведения являются психологические особенности индивида[1001]. Люди по-разному ведут себя в силу человеческой природы, собственного характера. По мнению ученых N. Haan и J. Amirkhan, в подобных ситуациях очень важную роль играла личная диспозиция защитного поведения[1002]. Так, например, в осажденных русскими войсками аулах, женщины, понимая, что во время атаки в саклях находиться было небезопасно, выводили с собой всех детей без исключения. На оборонительных рубежах матери инстинктивно держали рядом с собой даже младенцев в люльках, таким сильным был страх потерять своих детей.

С другой стороны, вопреки материнскому инстинкту, в экстремальных условиях женщины нередко поступали противоестественным образом. Так, по сведениям участника Кавказской войны Л.И. Богуславского, женщины выводили под непрекращающийся обстрел противника малых детей, понимая, что в любой момент

[1000] АКАК. Тифлис, 1884.Т.IX.С.334.

[1001] Holahan C. J., Moos R. H. Personal and contextual determinants of coping strategies // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. 52. 5. С.294

[1002] Heim E. Coping und adaptivitat: gift es geeignetes oder undeeion-etes coping? // Psychother. Psychosomatik Medizinische Psychol. 1988.Vol. 1. C.11; Amirkhan J.H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses // Eur. J. Pers. 1999. Vol. 4, N 4.C. 24.

их могут убить [1003]. Целью такого экстремального, отчаянного порыва матерей было стремление вдохновить мужей на бой.

Как объяснить такое поведение матерей? Не вызывает сомнения, что выводя детей на передовую, женщины пытались вдохновить мужей на бой, а нередко таким психологическим приемом удерживали мужчин от желания бежать с поля боя.

По мнению Н.Л. Пушкаревой, такое материнское поведение следовало рассматривать с позиции детерминизма – в связи с социально-историческими, этническими и конфессиональными особенностями [1004]. Объективные условия реальности вынуждали женщин к неординарным поступкам.

В исключительных условиях войны, под влиянием психотравмирующего фактора нередко происходила девиация в поведении матери: в осажденных аулах матери от отчаяния и безысходности убивали своих детей. Очевидно, что в состоянии сильного эмоционального напряжения, обуреваемая ужасом и отчаянием, мать не видела иного выхода из этой ситуации. Жестокая необходимость, совокупность всех факторов толкала мать на такой опрометчивый шаг. Под сильным психологическим стрессом, находясь в «пограничной ситуации» между жизнью и смертью, матери уже теряли контроль воли и разума. Они шли на этот шаг в состоянии патологического аффекта, которое сопровождалось потерей рационального регулирования своими действиями. В женском сознании прочно сложился тандем – мать и дитя, который нельзя было уже ничем разделить. Оттого, наверное, мать и выбирала для себя и своего ребенка такой полный драматизма путь, не имея возможности уйти от жестокой необходимости.

Так, по сведениям Г.-А. Д. Даниялова, доведенные до отчаяния женщины осажденного аула Ашильта, от безысходности, ослепленные фанатизмом и ненавистью, на глазах противника убивали своих детей[1005], а затем убивали себя. Автор в

[1003] Богуславский Л. А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.». С- Петербург, 1892. С. 507.

[1004] Пушкарева Н. Л. Материнство как социобиологическое явление: Психология, философия, история // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2014. С.117.

[1005] Цит: Даниялов Г.- А. Д. Имам Шамиль. Махачкала: Идательско-полиграфическое объединение «Юпитер». Т.III. 1996. С.32-33.

своей работе описал одну из таких кровавых драм, когда жительница Ашильта по имени Алимат, под воздействием сильного эмоционального стресса, в безумии нанесла кинжалом смертельные раны своим детям[1006]. В состоянии аффекта, с окровавленным кинжалом в руках, обезумевшая мать, бросилась на штыки солдат[1007].

Конечно, для матери этот отчаянный шаг был очень нелегким. В состоянии сильного эмоционального переживания, обуреваемая ужасом и отчаянием, мать не видела иного выхода из этой страшной реальности.

Описание такого поведения женщин встречается у очевидцев Кавказской войны, русских генералов, которые руководили военными операциями. Описывая отчаяние матерей, в покоренном Ахульго, генерал Граббе отмечал, что матери с детьми своими бросались в кручу, чтобы не попасть в плен[1008]. В экстремальной ситуации, от безысходности, матери принимали для себя такое тяжелое решение, пойти на убийство собственных детей.

Под впечатлением подобного женского поведения в осажденном русскими войсками ауле генерал Д.А. Милютин также описывал в своих воспоминаниях, как обезумевшие матери убивали своих детей[1009]. По мнению генерала, на этот шаг они шли осознанно, чтобы избежать русского плена[1010].

Трагедия покоренного аула Ахульго нашла отражение в творчестве художника Франца Рубо, который в своей картине «Штурм Ахульго» сумел передать весь драматизм происходящего. В одной из батальных работ, посвящённой Кавказской войне, живописец передал это отчаяние женщин аула Ахульго, бросающих в исступлении своих детей прямо на штыки русских, а затем и срывающихся с обрыва вниз.

Была ли для матери другая альтернатива? Да, была, – плен. Эту перспективу она не рассматривала для своих детей, так как это было для нее равносильно смер-

---

[1006] Там же. С.33.
[1007] Там же.
[1008] АКАК. Тифлис, 1884.Т.IX. С.334.
[1009] Милютин Д. М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. С.118-119.
[1010] Там же.

ти. Исходя из этих побуждений, мать и решалась на такой безумный шаг–убийство своих детей. Плен для нее самой был сродни позору, поэтому она выбирала смерть как доказательство стойкости и самоотверженности. Парадоксально, но такое материнское поведение было реакцией на неопределенность перспектив жизни детей в плену.

Однако в годы Кавказской войны плена не удалось избежать ни женщинам, ни детям. Пленение детей – это одна из трагических страниц в истории Кавказской войны. Детям-пленникам была уготована незавидная судьба кантонистов или аманатов (заложников). По имеющимся сведениям, детей мюридов из осажденных аулов брали в плен с целью принуждения горцев к покорности[1011], отрывая их на долгие годы, а нередко и навсегда, от семьи и родины. По существующей практике детей-пленников отправляли в батальоны военных кантонистов. Объяснялось это тем, что в российском правительстве уделялось особенно пристальное внимание пополнению регулярной армии за счет кантонистов. Число кантонистов увеличивалось с каждым годом, в основном за счет солдатских детей[1012]. Если в начале активных военных действий оно составляло не более 40 тысяч человек, то к 1856 году достигло порядка 400000 человек[1013].

По мнению П.П. Щербинина, некоторые солдатские дети изъявляли добровольное желание попасть в ряды кантонистов, так как это гарантировало им крышу над головой, пищу, а так же возможность получить военное образование и профессию[1014].

Наряду с солдатскими детьми в кантонисты отправляли и малолетних сыновей кавказских народов. В отличие от солдатских детей это были дети убитых во время зачистки покоренного аула мюридов. После зачистки обычной практикой

[1011] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII.С.541; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.117,132.

[1012] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, «Издательство Юлис», 2004. С.35.

[1013] Ячменихин В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии//Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 1. С.37.

[1014] См. : Щербинин П.П. Указ. соч. С.35.

стало подбирать в развалинах и ущельях осиротевших детей горцев, которым в дальнейшем была уготована незавидная судьба кантонистов.

Военные власти держали на особом контроле вопросы, связанные с горскими детьми-пленниками, регулярно докладывали статистические сведения в вышестоящие инстанции. Все несовершеннолетние дети, захваченные в плен, вскоре пополнили ряды кантонистов. Понятно, что другой стратегии выживания у них не было.

Надо сказать, что указ Николая I от 1835 года, дозволяющий родителям содержать сыновей до достижения 20 летнего возраста, на сыновей кавказских народов не распространялся. Указом императора от 1836 года были специально прописаны правила касающиеся детей из семей, которые отличались враждебностью к русским властям[1015]. Это были дети из бедных горских семей, как правило, сироты, оставшиеся без попечительства родителей[1016].

В зависимости от политической обстановки в кавказском крае, число таких воспитанников менялось, а командир корпуса мог сам регулировать их численный состав[1017]. Не вызывает сомнения, что в период активных военных кампаний число воспитанников в отрядах кантонистов росло.

По некоторым сведениям, только из Ахульго было взято в кантонисты детей мюридов в количестве 40 человек[1018]. В рапорте генерала Е.А. Головина от 4 декабря 1839 года докладывалось военному министру графу А.И. Чернышеву, что все пленники младше 20 летнего возраста были отправлены в батальоны военных кантонистов [1019].

Конечно, малолетние мальчики, которых забирали в кантонисты, тяжело переносили разлуку с родными, если таковые оставались. Добавим к этому и языковой барьер, что ограничивало возможности для адаптации детей в инородной среде. Тяжелым моральным испытанием неизбежная разлука с малолетними сыновья-

[1015] ПСЗРИ. Т.XI. 1848. № 20929
[1016] Там же.
[1017] Там же.
[1018] АКАК. Тифлис. 1885. Т.X. С.566.
[1019] Каширин В. Б., Муханов В. М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. 2010. №6(38).С.66.

ми была для матерей. Это были долгие годы ожидания, которые, как правило, не оправдывали их надежд.

Война породила и такое явление, как детское аманатство, которое стало своеобразным рычагом давления на кавказские народы. Практика детского аманатства, предложенная генералом А.П. Ермоловым императору Александру I, своей основной целью ставила «замирить» непокорных горцев, используя в качестве заложников их сыновей[1020]. Главным образом, институт аманатства активно использовался российскими властями в качестве политической практики во взаимоотношениях с непокорными горцами. В первую очередь, в отношениях с кавказской знатью. Это был канал, через который осуществлялись контакты российской администрации с национальной аристократией края[1021].

Надо заметить, что выдача в залог детей из знатных родов как одна из форм аманатства широко практиковалась российской стороной на протяжении XVII-XVIII веков. Архивные источники сохранили материалы, отражающие специфику политики властей в отношении детей-аманатов. Так, в одном из архивных дел (ЦГА РД) содержится рапорт о приеме в аманаты сына Андреевского владельца Айдемирова[1022]. Обращаясь к кизлярскому коменданту, Темир Хамзин писал, что своего сына младшего давал на смену старшего сына[1023].

С началом Кавказской войны правительство стремилось усилить контроль над аманатами и превратить аманатство в хорошо налаженную систему. Специальными распоряжениями несовершеннолетние аманаты с Кавказа должны были распределяться по всем военным частям. Первый транспорт с кавказскими детьми – аманатами отправился в Петербург еще в 1830 г. Учитывая, что шла кровопролитная война, число покоренных аулов постоянно росло, а вместе с ними росла и чис-

---

[1020] Ермолов А. П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.,Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.16, 27.
[1021] См: Торопицын И. В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. Том 4(36). Москва, 2007. С. 78.
[1022] ЦГА РД. Ф.379. 4. Оп. 1. Д. 291. Л. 39 и об.
[1023] Там же. Д. 291. Л. 55.

ленность пленников. По имеющимся сведениям, ежегодно в столицу направлялось до 30 человек горских детей-аманатов[1024].

В особую категорию правительство выделило аманатов из «неблагонадежных» семей горцев. Разумеется, отношение власти к ним существенным образом отличалось от отношения к детям-аманатам из числа «мирных горцев». Разнились вопросы, связанные с денежным содержанием, питанием, сопровождением до места назначения и пр. Так, например, малолетнего сына «изменника» Сурхай-хана Аварского Ермолов требовал «арестовав, отправить к генерал - майору Сталю»[1025]. Кроме того, Ермоловым были определены расходы на его содержание в сумме по 1 рублю ассигнований в день[1026], которая была существенно мала. Желая еще больше усугубить положение малолетнего мальчика, находящуюся при нем прислугу Ермолов порекомендовал отправить на работу в Сибирь[1027]. Конечно, оказавшись без женского присмотра, малолетний сын Сурхай-хана особенно болезненно переносил повседневные тяготы плена.

По сведениям В.А. Потто, за свое двуличное поведение уцмий Кайтагский Адиль-Гирей был вынужден отдать в аманаты своего сына Мамед-бека[1028]. По замечанию автора, такие меры к Адиль-Гирею были предприняты генералом Ермоловым в наказание за то, что уцмий допустил нападение акушинцев на русский отряд в Башлах в 1818 году[1029]. Расплатой за содеянное уцмием стал его сын, которого определили на долгие годы в аманаты.

Вместе с тем, нередко делались исключения и для сыновей изменников и «мятежников», которые не оставались без покровительства правительства.

Так, например, в предписании генерала Ермолова полковнику Верховскому от 11 января 1820 года речь шла о судьбе детей «изменника» Хасан-хана, которых следовало принять в подданство государя Императора, обеспечить им покрови-

[1024] Каширин В. Б., Муханов В. М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. 2010. №6(38). С.73.
[1025] ЦГА РД. Ф.379. 4. Оп. 1. Д. 291. Л. 55.
[1026] Там же
[1027] Там же.
[1028] Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1887. С. 47.
[1029]

тельство и сохранить их имущество[1030]. Кроме того Ермолов указывал в письме полковнику Верховскому, что если старший сын Хасан-хана пожелает явиться под покровительство Императора, его принять и обнадежить[1031]. А по достижению совершеннолетия он должен был получить все права владельца[1032]. Таким образом, сын-сирота «изменника» Хасан-хана получал не только возможность сохранить свои права на имущество отца, но и перспективу сделать в России военную карьеру.

С началом военных действий на Кавказе все вольные общества Дагестана также должны были регулярно предоставлять России своих аманатов. Так, в Предписании генерала Ермолова к генералу Вельяминову от 25 декабря 1819 года за № 76 отмечалось, что из Акуша аманаты были представлены от всех обществ[1033].

На особом счету у государства были дети-аманаты из семей дагестанских феодальных владетелей, которых выдавали как залог особой преданности Российской империи. На протяжении всей Кавказской войны детей-аманатов из знатных кавказских семей использовали как инструмент обеспечения лояльности горской знати к России, в правительственных указах отмечая важность воспитания аманатов в пророссийских настроениях. Так, указом императора Николая I от 1836 года дети горцев, воспитанники кадетских корпусов должны были привлекаться для службы на благо империи[1034].

В архивных источниках сохранились материалы, отражающие специальные предписания русской администрации в отношении детей-аманатов. В одном из архивных документов имеются предписания к власти, где настоятельно рекомендовалось стараться искоренять в воспитанниках традиции своего народа и воспитывать в духе русской культуры[1035]. Для этого, дети-аманаты должны были чаще общаться с россиянами, обучаться русской грамоте[1036].

[1030] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С. 29.
[1031] Там же.
[1032] Там же.
[1033] Там же. С. 39.
[1034] ПСЗРИ. Т.XI. 1837/ № 9130
[1035] ЦГА РД.Ф.379. Оп. 4. Д. 539. Л. 24–26
[1036] Там же.

При этом отмечалось, что все это необходимо делать с крайнею осторожностью, по собственному желанию[1037]. Власти выражали опасения, что в случае злоупотребления, отцы и родственники, могут встревожиться, что детей-аманатов будут наставлять в христианском законе[1038].

Архивный материал свидетельствует, что дети-аманаты являлись своеобразными проводниками российской культуры на Кавказе, конечной целью такой политики было обеспечение пророссийских настроений в дагестанском обществе.

Для достижения поставленных целей власти старалась продвигать аманатов на русской службе, давая им возможность сделать в России успешную военную карьеру. Специально для этих целей во многих городах Кавказа: Тифлисе, Гори, Владикавказе, Нальчике, Моздоке, Георгиевске, Дербенте, Кизляре были открыты аманатские школы. Перед руководством учебных центров стояла главная задача – обучить и воспитать аманатов в лучших традициях российской культуры. После окончания школ аманаты продолжали свое обучение военному искусству в полках и военных училищах. Некоторые из них отправлялись также и в столицу, где им оказывались особые знаки внимания как «почетным заложникам».

В высочайших указах императора содержались предписания в отношении детей почетных мусульман Кавказского, квота для обучения в кадетских корпусах, от 20 до 30 человек в год и но не более [1039].

Барон Розен в своей записке, адресованной императору Николаю I, особо подчеркивая важность данной политики, предлагал отправлять в аманаты детей из знатных родов Северного Кавказа, в их числе и из семей дагестанских феодальных сословий[1040]. Особо обращали внимание на преданность семьи к России[1041]. Эти

[1037] Там же.
[1038] Там же.
[1039] Ислам в Российской империи (законодательные акты, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. Издательство: Академкнига. Москва, 2001. С. 111.
[1040] Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. Том 2, Часть 3 / Н. Мельницкий. СПб.: Тип. Глав. штаба Его Имп. Велич. по Военно-Учеб. Завед., 1857. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003506867 [Дата обращения: 12.12.2017].
[1041] Там же.

аманаты, в перспективе должны были обеспечить лояльность к Российской империи других жителей края.

На самом высоком уровне следили за вопросами содержания, образования и воспитания аманатов. Приоритетными являлись вопросы их материального обеспечения. Так, сумма содержании аманата зависела от условий соблюдения договоренности со стороны семьи. Нарушения договоренностей были чреваты сокращением денежного обеспечения аманата.

При этом, несмотря на существенные траты казны на аманатов, условия их жизни были недостаточными для поддержания существования на должном уровне.

По имеющимся сведениям, из-за нехватки специальных помещений для аманатов, их нередко содержали вместе с преступниками и арестантами на гауптвахтах [1042].

Вопросы, касающиеся содержания аманатов поднимались неоднократно на разных уровнях власти. Так, например, генерал Вельяминов предписывал в своем письме к Тифлисскому полицмейстеру от 6 января 1820 года, находящегося в аманатах сына Сурхай–хана Казикумухского Джафар-агу отправить в Георгиевск[1043]. При этом особо наставлялось, чтобы арестант был пристойно содержан в пути и обеспечен необходимой теплой одеждой, учитывая, что была зима[1044].

На эти недостатки в содержании детей-аманатов из знатных семей, нередко указывали и высшие военные чины. Так, в письме военному министру А.И. Чернышеву барон Г.В. Розен, отмечал крайне необходимым улучшение содержания аманатов, «заложников народа»[1045]. Отмечая, недостаточное, скудное содержание аманатов, барон Розен полагал, что это вредит мерам, принимаемым к покорению горцев[1046]. По его мнению, терпя бытовые тяготы, дети-аманаты оставляют в своей памяти самые негативные воспоминания о времени, проведенном в России[1047].

[1042] См.: АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С.651.
[1043] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II.. С. 39.
[1044] Там же.
[1045] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С.651.
[1046] Там же.
[1047] Там же.

В связи с этим, барон Розен считал крайне важным существенно увеличить расходы на аманата, вместо 25 копеек довести до 1 рубля ассигнациями, что должно было обеспечить сносные условия их жизни[1048].

При этом, барон Розен резонно замечал, что российской казне от ущемления аманатов, особой выгоды не будет[1049].

Несмотря на все предписания, аманаты не были обеспечены необходимой по сезону одеждой, а продовольственное обеспечение было самое скудное. Конечно, все эти тяготы были тяжелым испытанием для малолетних детей, которые страдали в физическом и психологическом плане. Оторванные от своих родителей в очень юном возрасте, дети испытывали страх перед неизвестностью. Негативные эмоции сопровождали детей на протяжении долгого адаптационного периода. Только, встав взрослым, аманат начинал постепенно привыкать к чужбине.

Одним из самых таких аманатов был сын имама Шамиля Джамалуддин. Он был взят в заложники русскими летом 1839 года в Ахульго. Ему на тот момент было всего 9 лет. Шамилю это решение далось нелегко. По сведениям генерал-адъютанта Граббе, он до последнего не решался выдать своего сына аманатом, надеясь на возможность покинуть осажденный Ахульго[1050]. По мнению Граббе, только поняв, что если он не отдаст сына, то с ним не вступят в переговоры, Шамиль пошел на это[1051]. Шамиль был вынужден дать своего сына в качестве аманата, так как это было одним из условий капитуляции[1052].

Особенно тяжело горечь разлуки с детьми переживали матери, для которых это была незаживающая рана на всю оставшуюся жизнь. Как правило, они последними узнавали о том, что их сыновьям предстояло пойти в аманаты. Щадя материнские чувства, мужья до последнего не говорили им об этом трудном для них решении. Когда же матери узнавали об этой печальной новости, им ничего не оставалось, как стойко принять этот тяжелый удар судьбы.

[1048] Там же.
[1049] Там же.
[1050] РГВИА Ф. 13454. Д. 6361, Л. 7-8
[1051] Там же.
[1052] См.: Там же. Л. 24.

Так, например, жена имама Шамиля Патимат, узнав о том, что ее старшего сына Джамалуддина отправляют в качестве аманата в С.- Петербург, не находила себе места. Убитая горем мать страдала от неизбежности расставания со своим любимым сыном. Но в минуты прощания постаралась не показать сыну своего душевного состояния[1053].

К сожалению, ей так и не суждено было увидеть своего любимого сына, которому на тот момент было всего лишь 9 лет. Джамалуддин смог вернуться на родину лишь в 1855 году, спустя 15 лет. В слезах и тоске она прожила 6 лет в ожидании сына, и умерла в 1845 году, так и не дождавшись его возвращения. А ведь ей от роду было всего лишь 35 лет. Несмотря на то, что у нее было еще четверо малолетних детей, которые смягчали ее тоску по старшему сыну, она сломалась под этим психологическим грузом.

В период Кавказской войны дети-аманаты являлись средством достижения целей и для мюридов. В бытность трех имамов Гази – Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля, принуждая население принять шариатские нормы в повседневной жизни, детей забирали в качестве аманатов. Понятно, что аманаты становились залогом выполнения условия договоренности. Как отмечал Р. А. Фадеев, «насаждая шариат в обществе, поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшей дорогой»[1054].

По свидетельству К. И. Прушановского, имам Гази-Магомед, в качестве залога принятия шариата жителями селения Аракан Аксальского общества потребовал, чтобы те выдали ему в аманаты тридцать детей[1055]. В противном случае это грозило араканцам жесткими санкциями со стороны мюридов. Страх наказания вынуждал население выполнять требования и обеспечивать аманатов.

Аналогичную тактику для достижения своих целей применял и имам Гамзат-бек. Так, например, принуждая ханшу Паху-бике принять шариат в Аварском ханстве, Гамзат – бек вынудил ее отдать в аманаты младшего сына Булач – хана. Указывая на эти обстоятельства, Д. Баддели писал, что она согласилась принять усло-

[1053] Ибрагимова М. И. Имам Шамиль. Махачкала. 1997. С.208.
[1054] Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.21.
[1055] Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Кавказский сборник. 1902. Т.23. С.14.

вия мюридов и отправила к ним в заложники своего 8 летнего сына Булач-хана[1056]. Затем, трагическую судьбу младшего сына повторили старшие сыновья Паху-бике. Отданные в заложники, все трое были коварно убиты по приказу Гамзат – бека.

По свидетельству современника Мухаммед–Тахир–ал-Карахи, младший сын ханши, малолетний Булач-хан был брошен в реку Аварское Койсу по приказу Шамиля[1057]. По мнению автора, Шамиль, будучи правой рукой Гамзат-бека, в уничтожении наследников Аварского ханского дома видел лишь «справедливое социальное возмездие»[1058].

Такая жестокость по отношению к сыновьям ханши, особенно по отношению к малолетнему Булач-хану, не смущала современников. По мнению Мухаммед–Тахира, тем самым был истреблен «последний из того народа, кто угнетал»[1059] .

От рук Гамзат-бека погибла и сама ханша Паху-бике.

В бытность имама Шамиля аманаты продолжали оставаться средством достижения политических целей. Принуждая население к покорности, аманатов в большом количестве брали от тех обществ, которые не признавали власти Шамиля.

Очевидно, что дети-аманаты были разменной монетой в руках правительства, военной администрации и мюридов. Они являлись эффективным средством достижения политических целей, к которому часто прибегали обе стороны военного конфликта. Ни тех, ни других не смущало то обстоятельство, что для достижения своих политических амбиций использовались беззащитные дети.

Повседневность матерей в обстановке военного времени была наполнена постоянными психологическими переживаниями за детей. Кавказская война привела к небывалому росту детей-сирот. В традиционном дагестанском обществе сироты не оставались без помощи. В повседневной жизни заботу о них брали родственники и общество. В первую очередь о них заботились родственники отца и матери,

---

[1056] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 112.
[1057] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.: Академия нук СССР. 1941. С. 67.
[1058] Там же.
[1059] Там же.

которые всячески старались поддержать семью погибшего. Как уже отмечалось выше, помощь вдове автоматически распространялась на ее детей-сирот.

Представляет интерес специфика и цели оказания помощи детям-сиротам со стороны правительства и военной администрации. В поле зрения военной администрации находились вопросы, касающиеся материального обеспечения, образования и воспитания детей-сирот из числа «почетных мусульман». Властями издавались специальные распоряжения и приказы, руководствуясь которыми в столичные города для учебы отправляли детей-сирот дагестанских владетелей. Власть старалась продвигать их на русской службе, давая им возможность сделать в России успешную карьеру. По мнению И.В. Торопицына, дети поневоле становились «важным связующим звеном между Россией и горской аристократией»[1060].

Конечно же, особое внимание уделялось детям-сиротам из семей, лояльных к России. Им предоставлялась возможность получить образование в престижных военно-учебных заведениях, в том числе и в Пажеском корпусе. Это было одно из самых привилегированных учебных заведений России, где обучались дети высшей дворянской знати. Зачисление в Пажеский корпус производилось только указом императора. Воспитанниками этого заведения становились и сыновья-сироты из кавказских мест, в том числе и Дагестана.

Так называемая «забота» о сиротах, у матерей вместо благодарности постоянно вызывала чувство тревоги. Предвидя последствия от этой разлуки, матери всячески препятствовали отправке сыновей на чужбину. Нередко они прибегали к разного рода хитростям. Так, по имеющимся сведениям, несмотря на требования генерала Ермолова выдать старшего сына Хасан-хана под покровительство империи, мать и бабушка «под видом болезни скрыли его»[1061]. Разумеется, все их попытки были безуспешны, и такое поведение женщин вызвало только негодование

[1060] См: Торопицын И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. Том 4(36). Москва, 2007. С.78.
[1061] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С 11.

генерала Ермолова[1062]. Сын Хасан-хана был в принудительном порядке отправлен под покровительство империи.

Позаботилось правительство после смерти Ахмед-Хана Мехтулинского о судьбе его малолетних сыновей – Гасан-хана, Ибрагим-хана и Рашид-хана. Мы уже писали выше о том, что судьба ханши Нух-бике и ее детей являлась предметом обсуждения в высших военных кругах. В период ее похищения власти старались решить судьбу ее детей. В частности, военный министр, князь А.И. Чернышев в письме, адресованном к Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом рекомендовал отправить сыновей ханши в столичные учебные заведения[1063].

Князь А. И. Чернышев полагал, что дети, не имея отца и лишившись материнского попечения, не могли быть оставлены в родительском доме без всякого присмотра[1064].

Особенно болезненно предстоящую разлуку с сыновьями переживала ханша Нух-бике. Из материалов архивного дела следует, что, несмотря на то что ханша была возвращена из плена[1065], у нее не было возможности самостоятельно принять участие в судьбе своих детей. Нух-бике оказалась под давлением объективных обстоятельств, которые существенным образом отразились на ее правах в отношении собственных детей. Психологические переживания матери усугублялись тем, что она уже потеряла старшего из сыновей, который умер во время пребывания на учебе в Пажеском корпусе. А предстоящая разлука с младшими для нее была просто невыносима. Яркое этому свидетельство – письмо ханши Нух-бике к генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову, командующему войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае.

Это был период завершающего этапа Кавказской войны, который ознаменовался интеграцией кавказских народов в российское общество. Важную роль в этом процессе должна была сыграть местная интеллигенция, как проводник российской культуры на Кавказе. Решающая роль отводилась детям «почетных му-

---

[1062] Там же.
[1063] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 41.
[1064] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 42.
[1065] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 9.

сульман», которые отличились своей преданностью к Российской империи. Русские власти, продвигая детей высокопоставленных дагестанских владетелей на русской службе, давали им возможность сделать в успешную карьеру. К таковым относились и дети покойного хана Мехтулинского и ханши Нух-бике, судьба которых решалась на самом высоком уровне.

Так, М.З. Аргутинский-Долгоруков в своем письме сообщал вдове о намерении русского правительства и Военного министра отправить ее сыновей в Петербург, для учебы в Пажеском корпусе. На момент написания письма, генерал находился в чине командующего войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае. В его ведении находились многие вопросы, связанные с судьбами высокопоставленных дагестанских правителей, лояльных к Российской империи, а также их семей.

Содержание ответного письма ханши Нух-бике к генералу отражало ее отношение к предполагаемому отъезду малолетних сыновей. Нух-бике благодарила генерала за участие в судьбе ее сыновей, за «благие намерения», которые содержались в его «благородном письме»[1066]. Понимая, что такое решение в отношении своих сыновей – «обучение наукам и надлежащее их воспитание», исходили от высочайшего указа императора, ханша благодарила за милость, оказанную ее семье[1067].

Среди причин своего нежелания отправить младшего сына в Петербург ханша Нух-бике называла суровые климатические условия, которые пагубно влияли на здоровье детей. В письме к генералу она напомнила о трагической участи ее старшего сына Гасан-хана, воспитанника Пажеского корпуса, умершего от чахотки в 1839 году в Петербурге. В надежде на милость и сострадание со стороны властей, она ходатайствовала в письме к генералу, чтобы ее пожелания, непременно, были доведены до императора [1068]. Каждая строчка этого письма пронизана болью и тре-

---

[1066] Письмо мехтулинской ханши Нох-бийке генералу М.З. Аргутинскому–Долгорукову (1850 г.). URL:.http://kumukia.ru/?id=1094 [Дата обращения 18.02.2019]
[1067] Там же.
[1068] Там же.

вогой за судьбу своих детей. В этом письме и надежда матери на то, что ее мольбы будут, наконец, услышаны властью.

К сожалению, этого не случилось, письмо убитой горем матери осталось без должного внимания властей. В конечном итоге по высочайшему повелению императора, при содействии правительства и военного министерства ее сыновья все же отправлены в Пажеский корпус Петербурга.

Очевидно из письма, что в отношениях с семьей высокопоставленных владетелей Дагестана, русские власти исходили из собственных соображений, в силу конкретных исторических событий.

Судьба сыновей Ахмед-Хана Мехтулинского сложилась весьма успешно. Они сделали прекрасную военную карьеру. Так, Ибрагим-хан состоялся в звание флигель-адъютанта царской свиты. Рашид-хан завершил свою службу в звании поручика лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Все эти годы легли тяжелым психологическим грузом на их мать, ханшу Нух-бике. Никакие почести и звания сыновей не значили ровным счетом ничего для матери. Для нее разлука с детьми была болью, растянутой на многие годы.

Многих детей, отправленных на учебу, ожидала участь сына ханши Нух-бике – Гасан-хана. Не привыкшие к сырому климату Петербурга, оторванные от матери в достаточно юном возрасте, они просто чахли, потеряв надежду когда-либо вернуться домой. Но даже вернувшись, они не находили себя на своей исторической родине. Настроенные пророссийски, оторванные от своей этнической культуры, от своих родных корней, эти дети становились совершенно «чужими» на своей этнической родине.

Ярким тому примером служит сын имама Шамиля Джамалуддин. Оказавшись оторванным на долгие годы от своих родных, воспитанный в традициях русской дворянской культуры, он так и не смог найти себя на родине.

По мнению Ю. Д. Анчабадзе, в процессе интеграции среду Петербурга, горцы приносили на родину новые поведенческие и мировоззренческие стандарты[1069].

Конечно, в процессе односторонней аккультурации, дети-аманаты невольно становились проводниками российской культуры в своем крае. Безусловно, это был результат той политики, которую российские власти целенаправленно проводили в отношении аманатов. На примере сыновей ханши Нух-бике, имама Шамиля, можно говорить, что конечная цель властей была достигнута. Успешные, состоявшиеся молодые люди, воспитанные в лучших традициях русской дворянской культуры.

В то же время в процессе длительного отрыва от этнической культуры они теряли свою национальную идентичность, а вместе с ней – весь потенциал носителя культурных традиций.

Это в полной мере относится и к Джамалуддину, который с трудом находил понимание в своей семье. Семья зачастую не принимала его мировоззрения и поступков, чуждых горскому менталитету. В своем письме к генералу Муравьеву князь Орбелиани писал об имеющихся сложностях во взаимоотношениях имама Шамиля с Джамалуддином, подчеркивая, что Шамиль недоволен сыном[1070].

Вместе с тем Шамиль, проявляя терпение, не только старался найти общий язык с сыном, но и спокойно реагировал на то, как близко Джамалуддин воспринял смерть императора Николая I – «своего благодетеля»[1071].

Судьба Джамалуддина закончилась трагически, через два года после возвращения чахотка подорвала его жизнь. В его судьбе – история сотен тысяч детей и матерей, которым пришлось пройти через кровавые события многолетней Кавказской войны.

Влияние биосоциального фактора детности на содержание военной повседневности женщин Дагестана» показало, как в осажденных аулах, формировались

[1069]Анчабадзе Ю. Д. Рец на М *Г* Кулешин, Немашкалов П.Г. Межкультурный диалог славянского и горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX *в* // Российская история. 2011. № 5. С. 170.

[1070] АКАК. Тифлис, 1888. Т.XI. С.63.

[1071] Там же.

новые, зачастую девиантные, модели поведения матерей (в том числе связанные с детоубийством). Это не факты проявление агрессии, а скорее формы девиантного поведения психики военного времени. В состоянии психологического стресса, вызванного эмоциональным напряжением экстремальной обстановки осады, дети нередко использовались инструментально. Такими мерами женщины пытались вдохновить своих мужей на бой или удержать от желания бежать с поля боя.

Под влиянием военного фактора сформировались поведенческие реакции матерей в отношении детей – аманатов. Несмотря на перспективы для детей-аманатов получить материальное обеспечение, образование в русских столичных городах, матери встречали такой подарок военной и гражданской администрации без восторга. Реакция матерей на данную практику была отрицательной. Несмотря на тщетность своих усилий и чинимые сложности, матери старались препятствовать отправке детей на чужбину.

2.3. Женская экстремальная повседневность: жизнь в плену

Женская повседневность в условиях военного времени была сопряжена с постоянными чрезвычайными ситуациями. Кавказская война, как и любая другая война, неизбежно порождала плен. На протяжении всего военного конфликта, обе воюющие стороны использовали пленников, как эффективное средство для достижения политических целей. Исследование показывает, что пленение в период Кавказской войны зачастую превосходило все другие результаты. Пленники рассматривались как правомерная добыча военного времени, которая, переходила из рук в руки[1072]. По замечанию Ф.А. Щербины, пленение и было конечной целью войны [1073].

[1072] См.: Бларамберг. И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., Изд. Надыршин, 2010. С. 19, 175.
[1073] Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринодар, б/и., 1913. С. 517..

По сведениям многих авторов, торговля людьми существовала на Кавказе с очень давнего времени и имела повсеместно широкое распространение [1074]. Тем не менее, было бы несправедливо рассматривать торговлю пленными как привычный уклад жизни горских народов Северного Кавказа, что характерно для многих дореволюционных и современных исследователей[1075].

По справедливому замечанию современного дагестанского историка Е.И. Иноземцевой, было бы неверно рассматривать работорговлю как своеобразную визитную карточку Кавказа наряду с буркой[1076]. Автор полагала, что набеги горцев скорее носили спорадический характер, и не имели всеобщего распространения[1077].

По мнению Я. И. Гордина, набеги отражали скорее психологию и особую ментальность горских народов, являлась многовековой традицией, где они могли проявить свою отвагу и геройство[1078]. В то же время автор отмечал, что российская сторона, в силу своего менталитета, считала такую традицию неприемлемой для себя[1079], отчего и оправдывала этим начало военных действий на Кавказе.

[1074] См.: Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку. 1965. С.166; Магомедов Р.М. Исторические этюды. Вып. II. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. С.210-211; Волконский С.М. О декабристах: (по семейным воспоминаниям) / Сергей Волконский. Петербург : Издательство "Начала", 1922. С.14; Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб: Тип. департамента внешней торговли, 1830. Ч. 42. – № 121.С.165; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринодар, б/и., 1913. С. С.808-810.

[1075] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. (Репр. воспр. М., 1823). С.182-186; Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа// Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1882. Т. XXXVI. С.8, 13.; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С - Петербург, 1871. Т.I.; Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские общества первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.С.19; Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государ- ственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /Под ред. и с пре- дисловием Б.В.Виноградова. Пятигорск: «РИА-КМВ», 2011; Цыбульникова А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века.: спецификаповседневной жизни в условиях военного времени. Монография.Армавир, 2012.

[1076] Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2014. С.154.

[1077] Иноземцева Е. И. Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений Исламоведение. № 4, 2014. С.46.

[1078] См.: Гордин Я. А. Кавказ: Земля и кровь. СПб, 2000. С.87.

[1079] Там же.

На наш взгляд, справедливо по этому поводу замечание израильского историка М. Гаммера, который считал довольно циничным утверждение русских, что главной их целью начала военных действий на Кавказе, было прекращение работорговли[1080]. При таком подходе российской стороне следовало бы начинать военные действия на любой территории, где имела место работорговля, а не только на Кавказе.

Вместе с тем Кавказская война не привела к прекращению работорговли, а напротив, способствовала ее развитию как одного из главных источников обогащения воюющих сторон. Все пленники, независимо от этнической, конфессиональной принадлежности, пола и возраста становились объектом торговли. Особенной статьей дохода становились женщины.

Как нами было уже показано, видя существенную выгоду от продажи пленниц, их стали вывозить в большом количестве заграницу, несмотря на запретительные меры со стороны российских властей [1081].

Как же относилось государство к торговле «живым товаром»? На протяжении всего периода военных действий, политика российских властей в отношении работорговли была непоследовательной. По мнению Г.А. Кокиева, русские власти не покровительствовали, но и не препятствовали[1082] работорговле. Кроме того, по сведениям Е. И. Иноземцевой, нередко некоторые алчные представители российской администрации на местах выступали заинтересованной стороной в этом процессе[1083]. По имеющимся сведениям, в период наместничества генерала А. П. Ермолова торговля «живым товаром» всячески пресекалась, а самих продавцов веша-

[1080] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.:КРОН-ПРЕСС, 1998. С.63.
[1081] Мутиева О.С. Женщины как объект пленения и работорговли в контексте Кавказской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. Владикавказ, 2017. №3. С.47-51
[1082] Кокиев Г. А. К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А.Кокиева: Сб.: статей. С. 45.
[1083] Иноземцева Е. И. Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2014. С.140.

ли[1084]. Тем не менее, несмотря на все эти запретительные меры, работорговля продолжала иметь место на протяжении всего периода Кавказской войны[1085].

В частности, в бытность наместничества М. С. Воронцова, работорговля на Кавказе особо процветала. По мнению ряда исследователей, такие меры отражали стремление наместника расположить к себе местных феодалов, для которых работорговля являлась существенным источником доходов[1086]. Торговле живым товаром способствовала и практика выкупа русскими властями горских пленниц[1087]. Горцы не упускали случая, чтобы выгодно продать или обменять своих пленников[1088]. С другой стороны, для пленников-христиан, такой вариант спасения из горского плена был единственным [1089].

Заметим, что из государственной казны на выкуп пленников обоего пола выделялись денежные средства. В законодательных актах было прописано, что пленные христиане могли быть представлены российскому начальнику за определенную плату»[1090]. Сумма выкупа варьировалась в зависимости от политической ситуации на Кавказе.

Кавказские женщины в период войны были существенной частью работорговли с Турцией. Мы не располагаем сведениями о национальной принадлежности женщин, так как происхождение пленницы определял географический фактор, а не этнический. Так, традиционно за пределами Кавказа все женщины-пленницы упоминались как кавказские женщины. Редким исключением являлись женщины - черкешенки, о которых имеются сведения некоторых авторов. Среди сведений ав-

---

[1084] АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. С.9; Бларамберг. И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., Изд. Надыршин, 2010. С. 175.
[1085] Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. СПб., 1879. С.139; Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.32-33; АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С. 541.
[1086] Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. С.150; Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность: М.: Русская панорама. 2003. С.182.
[1087] Там же. С.141.
[1088] Там же
[1089] Там же
[1090] АКАК Тифлис, 1868. Т.I I. С.936.

торов нет отдельного упоминания о дагестанских женщинах из числа пленниц, отправленных в Турцию.

По сведениям Р. А. Фадеева, весь Кавказ представлял собой один невольничий рынок, а турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами[1091]. По мнению автора, в этой практике следовало усматривать причины изменения физического типа турецких народов[1092].

Русский офицер и дипломат, участник Кавказской войны Ф. Ф. Торнау также отмечал, что турецкие купцы, не страшась угрозы со стороны русских крейсеров, вывозили кавказских женщин [1093]. По мнению автора, это был быстрый источник обогащения, совершив три или четыре рейса, турок мог стать богатым человеком и позволить себе безбедно жить всю оставшуюся жизнь[1094].

По этой причине, полагал Ф. Ф. Торнау, у турецких купцов была такая жадность на красивых девушек, которых они воспринимали как дорогой товар[1095]. По замечанию автора, купцы нередко обменивали невольниц на товары, которые пользовались спросом у горцев, в том числе, на соль и военные припасы[1096].

Не остановило работорговлю и прописанный в 1845 году в «Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных», наказание за похищение и продажу в подданных Российской империи. Особое место в Уложении отводилось торговле женщинами. В частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года был наложен запрет на продажу женщин в Турцию, а имеющийся факт рассматривался как уголовное преступление.

Во второй половине XIX века работорговцы, стараясь обойти российское законодательство, девушек с Черкесии нередко вывозили под видом собственных

[1091] Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 24.
[1092] Там же.
[1093] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.). С. 180.
[1094] Там же.
[1095] Там же.
[1096] Там же. С. 37-38.

жен[1097]. Приток пленниц-горянок на невольничьи рынки, в силу спроса на «живой товар», был существенным.

Как же проходила повседневная жизнь кавказских пленниц в турецком плену? Насколько экстремальными были для них условия плена? Положение пленницы зависело от многих факторов: возраст, физические данные, характер и пр. Кавказских девушек-пленниц условно делили на три группы. В первую входили пленницы, которых покупали для физической работы, и цена на них была невысока. Во вторую группу входили юные невольницы с миловидной внешностью, лет пяти - семи, купленные с целью последующей перепродажи.

По сведениям Е.И. Иноземцевой, нередко женщины из высших слоев османского общества покупали у работорговцев юных кавказских девушек, обучали их хорошим манерам, а затем перепродавали с большой для себя выгодой[1098]. В третью группу входили самые красивые пленницы, лет двенадцати - шестнадцати, изначально предназначавшиеся для роли наложниц в гареме.

И только после запрета, введенного российским правительством на работорговлю с Турцией, «живой товар» стал средством натурального обмена между сторонами военного конфликта – русскими и горскими народами. Нередко обмен происходил между самими горцами. По мнению И. Ф. Бларамберга, не имея возможности продать пленных туркам, горцы продавали их друг другу[1099].

В условиях Кавказской войны захват пленных, с одной стороны, стал служить гарантом возвращения их в результате обоюдного обмена, а с другой стороны, – средством наживы. Как уже отмечалось выше, к таким методам прибегали как горцы, так и русская сторона, в том числе казаки. Существенной стороной в системе пленения были женщины. Они становились объектом обоюдного обмена, предметом продажи, нередко в качестве рабынь – прислуги в хозяйство дворян.

[1097] Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. СПб, 2001. С.248

[1098] Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. Алеф, 2014. С. 59-60.

[1099] Бларамберг. И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., Изд. Надыршин, 2010. С. 176.

Отмечая распространенную практику пленения женщин и детей в годы Кавказской войны, современники объясняли это тем, что они были самой беззащитной категорией населения[1100]. И горцы, и казаки, жившие на кордонной лини, не гнушались продажей женщин-пленниц..

Так, исследователь О. В. Матвеев, отмечая схожие черты характера и ментальность горцев и казаков, приводил сюжет из Кавказской войны, где одна из казачек вспоминала, что не только горцы их обижали, но казаки «не давали им спуска»[1101].

Кроме того, военные власти на местах нередко применяли набеги на непокорных горцев, руководствуясь распоряжениями, которые давались свыше. Так, например, в бытность наместничества М.С. Воронцова генерал-майору Ковалевскому было дано право производить набеги на непокорные аулы[1102].

Во время карательных операций против «непокорных аулов» захватывали большое число оставшихся в живых пленников, среди которых самой беззащитной и уязвимой категорией были дети и женщины. Так, во время карательной операции против Гази-Магомеда, в селения Чириюрт, было взято в плен 482 человека, разного пола и возраста. В письме к барону Розену в октябре 1831г. генерал Вельяминов докладывал, что большая часть пленных это женщины и дети[1103]. Безусловно, плененная женщина-горянка становились для русской армии своеобразным трофеем, который являлся лишним свидетельством покорения горцев.

Карательные операции сопровождались мародерством и неоправданной жестокостью по отношению к населению, которая вызывала нередко негодование у самих русских. Так, например, в газете «Кавказ» за 1954 год, были опубликованы воспоминания офицера, очевидца военных событий тех лет, где он писал о пленных горских женщинах. «Какое сильное сердечное волнение снова произвела во мне группа уцелевших полуобнаженных женщин! Некоторые из них не могли ни

[1100] См.: Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С.211.

[1101] Матвеев О. В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 63.

[1102] АКАК. Тифлис, 1885. Т.Х. С.590-591.

[1103] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С. 541.

стоять, ни идти, потому что отморозили себе ноги. Одна мать старалась отогреть младенца на остывшей груди своей; другие с тихим прискорбием смотрели на трупы детей, прикрывая их своими рубашками: материнская любовь пыталась согреть холод смерти. Я приказал этих несчастных присоединить к прочим пленным; тогда две из них, молодые, с лицами, искаженными страхом и холодом, приползли ко мне на коленях, уцепились за мои стремена и говорили слова непонятные, между которыми я мог только различить "Боги милость", слова, которые легко узнать на каждом языке, потому что они заимствованы из словаря сердца и очей<…>»[1104].

Нередко в русский плен попадали женщины – непосредственные участницы военных сражений – о чем имеются сведения в архивных документах. Так, например, в письме генерал-адъютанта графа Клейнмихеля, датированном 8 мая 1842 года сообщалось о том, что в числе 24 пленных, захваченных во время сражения 15 апреля 1842 г. близ урочища Большой Яндырки, находилась женщина по имени Тамахан Молова, одетая в национальный костюм[1105].

Из материалов архивного дела следовало, что Тамахан Молова руководила одним из отрядов ополченцев, принимая участие в набегах горцев более 10-лет, под предводительством наиба Ахверды Магомеда [1106].

Как же сложилась судьба пленницы? По высочайшему указу императора Николая I Тамахан Молова была отправлена в С.- Петербург. Кроме того, было дано особое распоряжение снабдить ее всем необходимым для дальней дороги, одеждой и питанием[1107].

В архивном деле имеется «отчет о деньгах, употребленных на пленную азиатку Тамахан Молову, отправленную в июле 1842 года по Высочайшему повелению в Санкт-Петербург»[1108], где были расписаны все статьи расходов, включая питание, ночлег и одежду. Сначала пленница была отправлена из Владикавказа в Ставро-

[1104] Воспоминания кавказского офицера // Кавказ. 1854. № 17, С. 18
[1105] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.372. Л.10.
[1106] Там же.
[1107] Там же.
[1108] Там же. Л.10- 13.

поль, а на дорожные расходы выделена ей сумма в размере 10 рублей ассигнациями, а также, с учетом расстояния до Ставрополя, еще 11 руб.94 коп. серебром[1109].

Кроме того, было предписано предоставлять ей необходимое жилье для отдыха, в любое время суток, а также суточное содержание в сумме 28 коп. серебром, на 39 дня дороги[1110]. Среди прочих предписаний было кроткое и ласковое обращение с пленницей[1111].

В материалах архивного дела имеются сведения о том, что по пути следования для пленной Тамахан Моловой были куплены: «рубаха и штаны холщёвые, штаны бурметовые, чувяки, бешмет, бурка»[1112].

Более того, по прибытии в Санкт-Петербург Тамахан Молова была удостоена чести быть представленною Государю Императору и получила из рук Императрицы драгоценную золотую цепь [1113]. Затем по указу императора, она была отправлена на родину, с денежным довольствием 100 рублей серебром, которые были ей выданы на дорожные издержки[1114]. Отмечалось также, что в качестве обмундирования ей был выдан мужской костюм[1115].

Не вызывает сомнения, что всех этих почестей пленница была удостоена, с одной стороны, в знак особого преклонения императора перед ее храбростью[1116]. В тоже время, такое показательное радушие, и такие знаки внимания пленнице, ни что иное, как показательный пример для кавказских народов. Это должно было оказать влияние на мировоззрение людей, поменять их на стереотипы, что от империи исходит только зло. Безусловно, история с Тамахан Моловй, это одна из стратегий политики государства, направленная на замирение народов Кавказа.

Дальнейшая судьба Тамахан Моловой также стала предметом обсуждения, о чем свидетельствуют архивные данные. В частности, при обсуждении предполага-

---

[1109] Там же. Л.13.
[1110] Там же. Л.14, 21.
[1111] Там же. Л.21-22.
[1112] Там же. Л.30.
[1113] Там же. Л.40-43.
[1114] Там же.
[1115] Там же.
[1116] Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. С. 67.

емого места постоянного жительства генерал-майор Фрейтаг в своем рапорте к генерал-майору Траскину писал, что желательно «предоставить ей свободное возвращение в Чечню»[1117], не поселяя ее в крепости Грозный.

Приводя аргумент в пользу возвращения пленницы в Большую Чечню, генерал-майор Фрейтаг писал: «облагодетельственная Государем Императором, она может рассказами в Чечне о Высочайшей Императорской фамилии более принести нам пользы, чем пребыванием в Грозном, которое она будет считать для себя наказанием»[1118]. Как видим, царские власти и военная администрация не упускала случая для создания положительного имиджа среди непокорного населения, прибегая даже к таким методам.

Конечно, не многим из горских пленниц была уготована такая честь, какая была оказана Тамахан Моловой. Повседневная жизнь тысяч пленниц проходила обыденно, в постоянных бытовых и моральных тяготах. Плен для женщин становился экстремальной повседневностью, который сказывался на ее физическом и психическом здоровье. Лишь надежда на освобождение из плена согревала их сердца.

Судьбы пленниц складывались по-разному. При определенном стечение обстоятельств пленницы могли выйти замуж за иноверца. В частности, в фондах Главного штаба кавказской армии имеются документы, содержащие сведения о том, что рядовые русские солдаты обращались с ходатайством к своему военному начальству, чтобы те разрешили им вступать в брак с пленницами[1119].

Имели место случаи, когда девушка-горянка выходила замуж за иноверца, перейдя в его веру. Но, такие случаи были крайней редкостью. В свете сказанного представляют интерес сведения русского офицера царской армии Палавандова, который поведал о судьбе пленницы горянки. По имеющимся сведениям, попав в

[1117] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.372. Л.45.
[1118] Там же. Л.45-46.
[1119] РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.60. Л.54.

русскую семью, и со временем излечившись от раны, она смирилась со своей судьбой[1120]. Мало того, приняв православие, удачно вышла замуж[1121].

Учитывая большие масштабы пленения, стали издаваться в соответствии с российскими законами специальные указы в отношении пленниц. Анализ этих актов позволяет нам выявить особенности политики государства в отношении пленных женщин.

Представляет интерес, указы императора за 1833 и 1842 годы, которые касались пленниц с Кавказа. Учитывая, что это был период активных военных действий, то пленных было много. Указом 1842 года разрешалось пленниц с их личного согласия отдавать на воспитание тем, кто этого пожелает [1122]. При этом большое внимание уделялось моральным качествам тех лиц, которые брали на воспитание девочек-пленниц, а возраст опекуна должен был быть не менее 25 лет[1123].

В подтверждение сказанному можно привести историю, которую в своей книге поведала М. Н. Чичагова: «Во время взятия Гуниба случился трогательный эпизод. В пещере, около которой происходила схватка Ширванского полка с мюридами, нашли женщину с грудным ребенком. Женщина была убита, а ребенка спас прапорщик<…>.Командир полка, полковник Кононович, взял малютку к себе, окрестил ее, дал ей имя Св. Нины и положил ей на зубок значительную сумму денег»[1124]. По сведениям автора, участие в судьбе ребенка принимали и сослуживцы полковника Кононовича, а в полку ее стали называть Ниной Ширванскою»[1125].

Безусловно, в наиболее кровавые периоды в истории Кавказской войны, когда русская армия проводила успешные боевые операции, число горских пленниц

1120 Эпизоды из Кавказской войны // Исторический вестник, № 6. 1896.
[1121] Там же.
[1122] См.: Цыбульникова А. А. О некоторых аспектах социальной защиты пленниц-горянок в первой половине XIX века в российской юридической практике// Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70- летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 1. С.223.
[1123] Там же.
[1124] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.104.
[1125] Там же.

многократно увеличилось. Как правило, пленницы сначала отправлялись в Новочеркасск, а затем уже решалась их дальнейшая судьба.

Издавались специальные указы, которые касались только девочек аристократического происхождения. Так, например, указом Николая I от 5 мая 1842 определялась дальнейшая судьба черкесских пленниц.

В указе также прописывалось, как поступать с несовершеннолетними черкешенками, в частности, «тех из них, кои дворянского происхождения, и коих пожелают взять на воспитание женатые офицеры, отдавать им, а всех прочих за тем, отправлять, как было назначено и прежде, в Московский Воспитательный Дом»[1126]. Помимо этого, в указе отмечалось, что при достижение 25 лет, девушки сами могли решить свою дальнейшую судьбу.

Восстановление в 1844 году кавказского наместничества позволило наместнику, князю М.С. Воронцову, с учетом местной специфики определить судьбу пленных. Безусловно, вся правила обращения с пленниками, не должны были противоречить российским законам. Особое внимание в документе уделялось судьбам женщин, членам их семей и сиротам.

В частности, наместником были юридически оформлены правила попечительства над пленницами-горянками. По этим правилам разрешалось пленниц не отправлять в Новочеркасск[1127]. При этом, обязательно бралось во внимание согласие самих пленниц, а так же, особое значение придавалось моральным качества попечителя, которому доверялись юные пленницы – горянки.

Что касается указа императора об отправке Московский Воспитательный Дом, то здесь детально были прописаны все пункты. Особое внимание убыло уделено пленницам из семей знатных горцев.

«1) Таковых детей отправлять из Новочеркасска в Московский Воспитательный Дом при уряднике или благонадежном казаке, с отпуском прогонных денег, как для сопровождающего, так и на каждых трех девочек на одну одноконную подводу.

[1126] ПСЗРИ. II. Т.II. СПб.: 1830. № 15608.
[1127] См.: ПСЗРИ. II. Т.XX. 1846.

2) Вменить в обязанность препровождающему уряднику или казаку сдавать сих детей в Воспитательный Дом по списку, в котором означать лета, имена и прозвания каждой девочки.

3) Для сокращения издержек, отправлять означенных детей в летнее время, и именно: в мае и августе месяцах; а до того содержать их в богоугодных заведениях, подведомственных Войсковому Приказу Общественного Призрения.

4) Малолетним девочкам и препровождающему их уряднику или казаку производить в сутки на продовольствие по пятнадцати копеек серебром на каждое лицо, и сверх того снабжать девочек одеждою по табели, для сиротитательного дома установленной, с тем, чтобы одежда эта, если она не

нужна будет для них в Воспитательном Доме, поступала обратно в ведение Войскового приказа Общественного призрения.

5) Всю издержку на этот предмет<…>отнести на счет казны»[1128].

В 1847 году наместником М.С. Воронцовым было подписано специальное распоряжение, согласно которому определялись правила в отношении пленных горцев, было рекомендовано отправлять их в губернии Российской империи[1129]. В распоряжении особо оговаривались условия содержания пленных «женщин и девиц», которые могли оставаться при желании на попечении. А. Н. Маремкулов, давая оценку инструкциям в отношении пленниц, писал: «…нижним чинам дозволялось вступать с ними в брак, при условии принятия христианства, причем прозелитизм не должен был носить ‘’насильственный или обольстительный характер’’»[1130].

В соответствии с «Правилами о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев», безусловно, важным пунктом являлся последующий обмен пленных горцев на русских пленных.

[1128] Там же.

[1129] Думанов З. Б. Внутренние миграции на Северо-Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 271.275; ГАКК. Ф. 263. Оп.1. Д. 118. Л. 3-4.

[1130] Маремкулов, А. Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII-XIX) / А. Н. Маремкулов//Отечественные архивы.2005. № 5. С.20.

За всеми этими указами, безусловно, неприглядная практика государства, «благие намерения», мнимая «забота» о пленницах. Безусловно, никого не заботила их дальнейшая судьба. К сожалению, за редким исключением, нет сведений о том, как сложилась судьба пленниц на чужбине.

В годы Кавказской войны торговля пленными кавказскими женщинами становилась серьезным источником обогащения для офицеров – участников военных операций. Они не упускали возможности для продажи пленниц в качестве экзотического товара, на который был высокий спрос в первой половине XIX в. среди столичной знати. Кроме того, большое количество пленниц отправлялось в русские губернии в качестве дворовой прислугой[1131]. К сожалению, здесь нет статистических данных, которые имеются, в частности, по пленницам – казачкам.

Указывая на популярность у дворян прислуги из числа восточных женщин, князь С. М. Волконский отмечал в своих воспоминаниях, что в высшем свете была на них мода[1132]. Кроме того, восточные женщины становились для русских дворян своеобразным финансовым вложением, их в последующем могли еще и очень выгодно перепродать[1133].

По имеющимся сведениям, русские военные не гнушались и торговлей русскими женщинами, видя в этом возможность хорошо заработать. Так, по сведениям А. А. Цыбульниковой, такую неприглядную практику, русские офицеры использовали в своих финансовых интересах[1134].

В свете исследуемой темы интересны оценки исследователей в отношении участи пленниц. Так, в дореволюционной историографии, сложилась точка зрения, что и сами пленницы и их семьи в данной практике относились весьма спокойно.

[1131] Махмудбеков А. Мюридическая секта на Кавказе.// СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 24. Ч. II. С. 22.

[1132] Волконский С. М. О декабристах : (по семейным воспоминаниям) / Сергей Волконский. Петербург : Издательство "Начала", 1922. С. 14.

[1133] Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /Под ред. и с предисловием Б.В.Виноградова. Пятигорск: «РИА-КМВ», 2011. С. 59 – 60.

[1134] Цыбульникова А.А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы шестой международной Кубанско-Терской конференции». Краснодар; Армавир, 2008. С. 88.

По мнению некоторых исследователей, плен не воспринимался как что-то унизительное, недостойное человека. А, наоборот, в период социальных потрясений давал кров и пищу. Так, по мнению Н. Ф. Дубровина, для женщин в самой продаже в рабство не было ничего оскорбляющего их человеческое достоинство[1135].

Оригинальна точка зрения Е. П. Ковалевского, который полагал, что родители не препятствовали продаже своих дочерей в Турцию, видя в этом единственную возможность для попечения своих детей[1136]. При этом автор полагал, что родители руководствовались меркантильными соображениями, проданные в рабство дочери, могли попасть в гаремы могущественных пашей, а если повезет, то и султанов[1137].

Еще более циничным является мнение Ф. Ф. Торнау, который проводил аналогию между пленением и замужеством кавказской женщины, указывая на то, что «у мусульман девушка, выдаваемая замуж, равномерно продается»[1138]. Видимо, автор под продажей подразумевал калым (выкуп), который у народов Северного Кавказа принято было давать за невесту. Было бы неверным утверждать, что суть калыма сводилась к продаже девушки, учитывая тот факт, что одна часть калыма (кебин), в случае развода возвращалась женщине, тем самым обеспечивая ей материальный достаток в будущем[1139].

Аналогичные оценки имеют место и в работах современных исследователей. Так, по мнению А.А. Цыбульниковой, большинство женщин с Кавказа лояльно воспринимали продажу в рабство[1140]. Автор полагала, что во время продажи де-

---

[1135] Дубровин Н. Ф. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С. 142-143.

[1136] Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы, 1867, Т II.

[1137] Там же.

[1138] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.). С. 179.

[1139] См.: Рамазанов А.Х. Указ. работа. С.33-38; 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С. 33.

[1140] См.: Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012. С. 122.

вушка-горянка лишь внешне выражала свое недовольство, а проявление горя в большинстве случаев носили сугубо обрядовый характер[1141].

Конечно, не исключено, что женщины - пленницы могли приноровиться к экстремальным условиям в плену, чтобы выжить, однако это не означало, что они искренне радовались плену, как полагала автор. Независимо от пола и сословия, национальности и конфессии, рабство не может восприниматься как норма жизни человека, как его достоинство.

По мнению А.А. Цыбульниковой женщины-горянки в основном положительно относились к возможности быть проданной в рабство, особенно, в восточные гаремы[1142]. Автор полагала, что в турецких гаремах их ожидала лучшая доля, чем нищета, которая ожидала девушек после замужества у себя на родине[1143].

Такая оценка женской доли в замужестве, безусловно, не отражает объективного положения женщины в традиционном обществе кавказских народов. Женщина была социально защищена, как по нормам обычного права, так и по шариату. Как мы уже отмечали, в отличие от европейского права, у дагестанских народов муж не мог претендовать на личное имущество своей жены. Только с ее личного согласия, он мог приобрести такое право. Следовательно, неверным является тезис о том, что «кавказскую женщину после замужества ожидала нищета».

В период Кавказской войны, наряду с женщинами-горянками, в большом количестве пленницами становились женщины соседних народов, в частности, казачки кордонной линии. Также как и русские, горцы, захватив пленниц казачьих станиц, затем их продавали или обменивали на своих.

Характеризуя торговлю пленными среди горского населения Дагестана, военный историк А.Л. Зиссерман, отмечал, что горцы, получая за пленных значительные деньги, превратили работорговлю в источник доходов[1144].

По мнению С. М. Броневского, наиболее привлекательным объектом набегов горцев в годы Кавказской войны являлась российская пограничная линия, в том

[1141] Там же. С. 124.
[1142] Там же. С. 125.
[1143] Там же. С. 125.
[1144] Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. СПб., 1879. С.139.

числе, «русские города, казачьи станицы, рынки, военные гарнизоны»[1145]. По имеющимся сведениям, во время набегов горцев на русские укрепления, в плен в большом количестве захватывали женщин разного возраста. Как мы уже отмечали выше, пленение являлось средством давления и последующего обмена.

Так, по материалам архивного дела (ЦГА РД), во время нападения имама Гази-Магомеда на Кизляр в 1831 году, мюридами было захвачено в плен много жителей города, среди которых большинство составляли женщины[1146].

По имеющимся сведениям, число пленных женщин превосходило число мужчин - 106 женщин и 62 мужчин[1147].

В архивном деле имеется сведения об убитых, раненных и увезенных в плен жителей Кизляра, а также сумма ущерба, нанесенная городу от нападения Гази-Магомеда[1148].

Мюриды Гази-Магомеда в конечном итоге вывезли с Кизляра 168 человек, большая часть из которых были женщины [1149].

В бытность имама Шамиля набеги на военные городки, приграничные станицы и хутора стали важным средством достижения политических целей. Все эти обстоятельства вынуждали казаков укреплять станицы, чтобы обеспечить безопасность мирного населения. По мнению А.А. Цыбульниковой, казаки старались обезопасить от горских набегов на станицу, в первую очередь женщин и детей[1150]. Автора полагала, что безопасность женского населения напрямую зависела от степени укрепленности новых станиц[1151].

[1145]Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. (Репр. воспр. М., 1823). С. 168.

[1146] ЦГА РД.Ф.379. Оп.4. Д.370. Л.4-13

[1147] См.: Гарунова Н.Н. “Не видно было никаких признаков угрожающей опасности…”: Еще раз к вопросу о нападении Гази-Магомеда на Кизляр // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер.всерос. науч. конф. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. В. Крюков, Н. А. Костина. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С.78-79.

[1148] Там же. С.79.

[1149] См.: Гарунова Н.Н. “Не видно было никаких признаков угрожающей опасности…С.79.

[1150] Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012. С. 95.

[1151] Там же.

По сведениям военного писателя М. Я. Ольшевского, мюриды Шамиля во время набегов на русские укрепления захватывали в плен казачек с целью их последующей продажи в рабство или равнозначного обмен на женщин-горянок[1152].

Подобная практика существовала на протяжении всего периода военных действий. Так, по сведениям Д. Баддели, после падения аварского аула Ашильта 60 русских пленных, большая часть из которых были женщины, были обменены на 78 человек из пленных горцев разного пола[1153].

Примечательно, что в военное время нередко в плен могли попасть «испытанные» кунаки, оказавшись в «немирном» ауле горца. Военный историк Н.Ф. Дубровин, указывая на данную практику, полагал, что даже традиционное кавказское гостеприимство не гарантировало кунаку спасение от смерти и плена[1154].

Объектами горских набегов, нередко оказывались кубанские казачки, о чем свидетельствуют архивные данные (РГВИА). Так, например, в архивном деле фонда «Штаб войск Кубанской линии» упоминается о том, что жертвами горских набегов были казачки хуторов[1155], поскольку хозяйство находилось далеко от станицы.

В этом же фонде имеются сведения о том, что в последующем казачек-пленниц обменивали на горцев или горянок, которые находились в плену у русских[1156]. В материалах архивного дела упоминается о том, что казачки-пленницы нередко выходили замуж за пленных русских солдат, которые находились у мюридов[1157].

По сведениям писателя и журналиста Е. Вердеревского, попавших в плен к горцам христианок старалась выдать замуж[1158]. Понятно, что согласия девушек на брак и принятие новой веры никто не спрашивал. Но не вызывает сомнения, что для пленниц это была единственная возможность выжить в плену.

[1152] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.32-33.
[1153] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.117.
[1154] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С. 542.
[1155] РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.5об.
[1156] РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.81. Лл.12 об. -13.
[1157] РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.6. Л.1-2.
[1158] Вердеревский Е. Плен Шамиля. Спб.,1856. Ч.1. URL: https://avidreaders.ru/book/plen-u-shamilya.html [Дата обращения 15.02.2018]

В делах фонда «Штаб войск Кавказской линии и Черномории» имеются списки жителей казачьих станиц мужского и женского пола, взятых в плен в 1840-1842 годах «в разное время и при разных случаях горскими хищниками»[1159]. Так, например, в 1840 году на Кисловодской линии были захвачены в плен 11 женщин разного возраста. Анализ архивного дела показывает, что некоторые женщины были семейные, многие с малолетними детьми. Так, среди женщин-пленниц были: «<…>девицы – Аксинья Колесникова 14л, Прасковья Шелкоплясова 15 л, вдова Меланья Гречихина 24 г., девица Анна Климова 19 л. <…>девица Марья Гитова, жинка – Акулина Уварова с сыном Михаилом Уваровым, жинка Матрена Федорова с 2 дочерьми, Дарьей и Ульяной, девица Акулина Белявинова, девица Екатерина Кейхлярова»[1160].

В этом же фонде имеется именной список жителей станицы Северской, захваченных в плен в результате набега, совершенного горцами в 1841 году, в том числе, лица «женского пола 12 человек»[1161].

Как правило, всех своих пленниц мюриды содержали в Новом Дарго[1162]. В журнале «Русский Архив» за 1912 год были опубликованы материалы, описывающие события Кавказской войны с 1832—1859 гг. [1163]. Среди разнохарактерного материала имелись сведения о русских женщинах, которые бежали к непокорным горцам, а также о женщинах-пленницах. Живя в имамате, они могли выйти замуж на свое усмотрение[1164].

Как же складывались судьбы пленниц? Как они переживали экстремальные условия плена, специфический быт, строили отношения с окружающими?

Следует сказать, что отношение к пленницам были прописаны в специальных правилах, которыми должны были руководствоваться в имамате. По сведениям А. Руновского, повседневный быт женщин-пленниц соотносился с их вероиспо-

---

[1159] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.356. Л.2.
[1160] Там же. Л.2-3.
[1161] Там же. Л. 11-12.
[1162] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998.С. 343.
[1163] Очерках терской старины. Побеги к непокорным горцам. Жизнь у Шамиля (1832—1859 гг.) // Русский Архив, 1912, № 1, С. 66-79.
[1164] Там же.

веданием[1165]. По мнению автора, «целомудрие христианок было несколько более обеспечено религиозной нетерпимостью»[1166].

По сведениям автора, если пленницы являлись добычей нескольких мюридов, то последние делили их поровну[1167]. При этом, до окончательного раздела, пленница, а также «не должна была быть оскорблена ни словом, ни делом»[1168].

Автор отмечал, что насилие в отношении пленницы было запрещено, а если оно имело место, то мюрида ожидало наказание[1169]. При этом, выбор наказания полностью зависел от кадия[1170].

После того, как пленница принимала ислам, ее целомудрие могло быть нарушено[1171]. По мнению А. Руновского, мюриды старались любыми методами склонить пленниц к перемене религии, чтобы заполучить ее[1172].

Некоторые положения шариата касались несовершеннолетних пленниц-христианок. В частности, по сведениям А. Руновского, пленницы до достижения семилетнего возраста должны были жить в семье горцев на правах собственных детей[1173]. И только по достижению пятнадцати лет, после обращенная в ислам христианка, вступала в статус взрослой пленницы[1174].

Конечно, при удачном стечение обстоятельств, пленниц, независимо от возраста, могли обменять на пленниц-горянок. Но, для малолетних пленниц существовали обязательные условия - они должны были находиться в плену вместе с матерью. В противном случае, их оставляли на постоянное жительство в горах, обратив в последующем в ислам.

Как же долго пленницы-христианки находились в ожидании обмена? Надо отметить, что судьба многих пленниц была неизвестна, а вопросы, касающиеся

[1165] Дневник полковника Руновского // АКАК.1904. Т.XII . С. 1457.
[1166] Там же.
[1167] Там же.
[1168] Там же.
[1169] Там же.
[1170] Там же.
[1171] Там же.
[1172] Там же.
[1173] Там же. С.1458.
[1174] Там же.

освобождения их, не могли быть решены без специального на то распоряжения. Об этом свидетельствует запись в архивном деле за подписью генерала-лейтенанта, которая касалась русских пленниц, находящихся в горском плену. Из материалов архивного дела следовало, что место нахождения пленниц не было известно, а без особого распоряжения освобождать их из плена не могли[1175]. В этом же деле генерал-лейтенант сетовал на имеющиеся бюрократические преграды, на пути освобождения женщин[1176].

Не вызывает сомнения, что в результате бюрократических проволочек, многие из пленниц так и не возвращались на свою родину. Они вынуждены были смериться с жизнью в плену: поменяв свою веру, выходили замуж и обзаводились детьми. Только единицам из числа пленниц улыбалось счастье вернуться в родные станицы.

Так, в ведомости «Опись наших русских возвращенных из плена за 1841 год», упоминалось о 11 жителях казачьих станиц женского пола, возраст которых от 8 до 46 лет[1177]. В частности, в ведомости «О числе освобожденных от горских народов русских пленных» упоминалась казачка Авдотья Минеева с детьми[1178]. По имеющимся архивным данным, в сентябре 1841 года из плена была возвращена казачка Татьяна Маслакова со своими малолетними сыновьями[1179].

Имеются сведения о 17 летней дочери казака Рагункина из станицы Червленной Афросиньи, которая была взята в плен в 1858 году во время нападения горцев на станицу. Девушка была увезена в горы, где ее продали за 150 рублей. Освободить девушку смогли лишь после взятия Гуниба в 1859году[1180], когда она в числе других пленниц, смогла вернуться к себе в станицу.

Как уже отмечалось, нередко пленницы становились предметом продажи. И. Ф. Бларамберг в своей работе «Кавказская рукопись» описывал сюжет, связанный с казачкой из станицы Калиновской, которая была похищена горцами во время

[1175] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.356. Л. 11-12.
[1176] Там же.
[1177] Там же. Л.49.
[1178] Там же. Л.14-15.
[1179] Там же. Л. 45.
[1180] Дело канцелярии начальника Дагестанской области. 1859. № 177.

набега. По сведениям автора, горцы требовали за нее 2 тысячи рублей выкупа[1181]. Мало того, семье девушки пришлось выплатить горцам не только, оговоренную сумму, но деньги за лечение, за крышу над головой, и даже цепи[1182].

И. Ф. Бларамберг полагал, что чеченцы, живущие по соседству с казаками, назначая выкуп, исходили из достатка семьи пленника [1183].

Нередко женщины после пленения могли стать объектом последующего похищения, о чем в архивах (ГАКК) имеются сведения о похищенной в ходе набега на станицу Круглолесской казачки Прасковьи Фандеевой. В последующем, она же была повторно похищена и перепродана черкесам. И, только спустя более 10 лет, девушка была выкуплена российской стороной[1184]. В материалах фонда имеются дела о женщинах-казачках Кубани, которых обменяли на пленных женщин-черкешенок[1185].

Обмену содействовали и российские власти, которые давали не только право атаманам казачьих войск избавлять людей из плена путем обмена[1186], но и при определенных обстоятельствах выкупать пленных[1187]. Собранные денежные средства находились на строгом контроле у правительства, что прописывалось специальным указом Императора Николая I, датированного 1833 годом.

После окончания Кавказской войны, правительство всячески пыталось пресекать работорговлю. Значительное число пленников - христиан продолжало находиться на территории Дагестана. Участь их была жалкая, о чем в своей записке от 30 марта 1861 года к Главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому докладывал начальник Дагестанской области[1188].

[1181] См.: Бларамберг. И. Ф. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 168.
[1182] Там же.
[1183] Там же.
[1184] ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1335а. Л.399.
[1185] Там же. Оп.1. Д.448. Л.17б; Д.1335а. Л.339-350.
[1186] Там же. Оп.1. Д.605. Л.1.
[1187] Там же. Оп.1. Д. .1335а. Л.337.
[1188] ЦГА РД. Ф.120. Оп.2. Д.71 а. Л.1.

Нередко пленницами горцев становились женщины из знатных сословий, которых захватывали во время набегов в соседние государства. В реалиях войны женщин использовали как своеобразный рычаг давления на политику.

Русские власти нередко прибегали к политике пленения с целью достичь определенных целей, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства». Например, после побега Сурхай – хана Аварского в Персию его 7 детей и женская половина ханского дома «48 девиц и женщин» находились в плену у Ермолова[1189]. Лишь после возвращения в Аварию беглого Сурхай – хана, Ермолов дал согласие на их освобождение.

Безусловно, на жизнь знатных пленниц оказывали влияние многие факторы, обстоятельства пленения, условия договоренности, их статус и др. При любых обстоятельствах приходилось адаптироваться к непривычным условиям жизни. Одним это удавалось, а другие, не выдержав испытаний судьбы, надламливались морально и физически.

В драматических событиях Кавказской войны политический резонанс получило пленение грузинских княгинь Чавчавадзе и Орбелиани в 1854 году. По имеющимся сведениям, Шамиль совершил дерзкий набег на имение Цинандали Телавского уезда Грузии и захватил более 600 пленников, из которых 349 были женщины, в их числе и княгини Анна Чавчавадзе и Варвара Орбелиани со своими детьми и прислугой [1190].

Главной целью пленения княгинь, было возвращение сына Джамалуддина[1191]. По мнению Д. Баддели, пленение двух княгинь, давало Шамилю возможность вернуть своего сына Джамалуддина[1192].

Известие о пленении знатных княгинь не оставило равнодушным никого, включая самого Императора Николая I, которому новость была сообщена в одном

[1189] АКАК. Т. VI. С. 45.
[1190] АКАК. Тифлис. 1885. Т.Х. С.566; Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. Кавказская война (1829-1867 гг.) // Сборник РИО. Т.2 (150). М., 2000. С. 158–171; Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.77-82.
[1191] АКАК. Тифлис. 1885. Т.Х. С.564; Чичагова М. Н. Указ. соч. С.78.
[1192] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.171.

из рапортов российской администрации[1193]. Император тотчас же потребовал освобождения пленниц, бывших «родными внучками последнего грузинского царя»[1194]. По всей Грузии собирались денежные средства для освобождения из плена княгинь. Видимо, в силу исторического опыта общения с горцами грузинское общество в пленении знатных княгинь усматривало все же финансовый интерес. Причина же, как уже отмечалось выше, изначально была в попытке Шамиля вернуть своего сына Джамалуддина[1195]. По прошествии некоторого времени, как показывают источники, в деле мог появиться и материальный интерес[1196]. Военный министр князь В. Долгоруков доложил Николаю I условия, выдвинутые Шамилем, на что Император обещал подумать[1197].

По имеющимся сведениям, переговорный процесс затянулся, так как Шамиль потребовал за освобождение женщин выкуп, что было его ошибкой[1198]. Сумма выкупа в 1 млн. рублей стала предметом долгих переговоров, и лишь спустя месяцы она была сокращена до 40 000[1199].

Что касается знатных пленниц, то с первых же минут пленения они ощутили на себе всю трагичность своего положения, которая все более усугублялась. За короткое время им пришлось пережить экстремальные условия тяжелой, продолжительной переправы, жестокость со стороны мюридов, смерть своих малолетних детей.

Детальное описание переправы княгинь А. Чавчавадзе и В. Орбелиани из Грузии в резиденцию имамата Дарго–Ведено, имеется у Д. Баддели. Отмечая чрезмерную жестокость сопровождающих пленниц мюридов, автор писал, переправа в горы проходила в экстремальных условиях, и обращались с женщинами жестоко[1200]. В любой момент женщин могло унести сильное течение рек[1201]. Страшным

[1193] АКАК. Тифлис. 1885. Т.X .С.564.
[1194] АКАК. Тифлис. 1885. Т.X .С.564; Чичагова М. Н. Указ. соч. С.78.
[1195] Там же.
[1196] Баддели Д. Указ. соч. С.171.
[1197] Там же.
[1198] Там же.
[1199] Там же.
[1200] Там же.
[1201] Там же.

испытанием для женщин была трагическая гибель маленьких детей, четырехлетняя дочь княгини Чавчавадзе был затоптан лошадьми[1202]. Матери были свидетелями, как их детей засовывали вниз головой в мешок, а обессиленную няню грудного малыша зверски убили[1203].

Несмотря на строжайший приказ Шамиля не обижать княгинь и неминуемое наказание ослушавшихся, по сведениям М.Н. Чичаговой, все равно мюриды не исполняли его, проявляя к пленницам жестокость[1204]. По мнению автора, угрозам Шамиля мюриды нисколько не внимали, они беспощадно обращались с княгинями во время всего путешествия до Дарго-Ведено[1205].

По мнению М. Н. Чичаговой, мюриды были уверены, что об их жестоком обращении с княгинями Шамилю никто бы не донес, а сами пленницы об этом и не подумали бы [1206].

Пройдя тяжелые испытания переправы, знатных пленниц доставили в резиденцию имама, в селение Ведено. Как же протекала жизнь княгинь в плену? Можно говорить о том, что их жизнь в ожидании долгожданного обмена шла размеренно. Княгиням приходилось адаптироваться к новым условиям жизни, привыкать к быту, строить отношения с окружающими их людьми.

Надо сказать, что М. Н. Чичагова, в описании повседневной жизни пленниц ссылалась на материал книги Е.А. Вердеревского[1207], вышедшей в печать в 50-годы XIX века. Учитывая, что Е.А. Вердеревский услышал трагическую историю пленения княгинь из их собственных уст, то материал, который автор излагал а своей книге, у М.Н. Чичаговой не вызывает сомнений в своей достоверности. Как отмечала сама автор, эта книга была в свое время «нарасхват»[1208].

[1202] Там же.
[1203] Там же.
[1204] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.79.
[1205] Там же.
[1206] Там же.
[1207] Вердеровский Е.А. Кавказские пленницы или Плен у Шамиля. СПб.,1856. URL: https://avidreaders.ru/book/plen-u-shamilya.html [Дата обращения 15.02.2018]
[1208] Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.78-80.

И, так, знатные пленницы не были лишены внимания со стороны семейства имама Шамиля, даже сам Шамиль оказывал о них заботу, по его распоряжению в их комнате был переделан камин[1209]. Скорее всего, под камином, автор подразумевала традиционный очаг, которым отапливалось жилище горцев,

Кроме того, заботились о надлежащем питании княгинь. По сведения М.Н. Чичаговой, имам Шамиль гневался, если видел, что для пленниц готовилась скудная еда[1210].

Д. Баддели, описывая пребывание пленных княгинь, отмечал, что отношение к пленницам не было жестоким, но кормили очень скудно[1211]. По мнению автора, княгинь больше тяготило долгая неопределенность их дальнейшей судьбе.

Описывая моральное состояние пленниц, М. Н. Чичагова полагала, что бежать княгини не пытались, но не теряли надежду на спасение, которое должно было прийти от правительства[1212].

Безусловно, тяготы пленной жизни скрашивало общение. Особую моральную поддержку княгини видели от жен имама Шамиля, с которыми сложились доверительные отношения. Очевидно, что среди жен имама, они выделяли Шуанет. Схожесть ментальности, происхождение сближало их с Шуанет, которая и сама не упускала случая для приватного общения. Душевный комфорт княгиням давало общение с гувернанткой детей Чавчавадзе, француженкой Анной Дрансе, которая напоминала им их привычную жизнь в Грузии[1213].

Надо заметить, что после освобождения из плена, Анна Дрансе одна из первых в своих мемуарах, поведала миру о долгих восьми месяцах плена. По сведениям Дрансе, участь пленных княгинь была незавидной, им многое пришлось пережить в Ведено. Каждая строчка воспоминаний Анна Дрансе пронизана сочувстви-

---

[1209] См.: Там же. С.81.
[1210] Там же.
[1211] См.: Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С.171.
[1212] Чичагова М.Н. Указ. соч. С.160.
[1213] Воспоминания г-жи Дрансе взятой в плен вместе с княгинями: Варварой Ильиничной, вдовою генерал-майора князя И. Орбелиани, Анной Ильиничной, супругою полковника князя Д. Чавчавдзе, с детьми их и другими, во время вторжения скопищ Шамиля в Кахетию, в 1854 г., изданные в Париже в 1857 году / пер. с франц. – Тифлис, 1858 URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003564135/[Дата обращения: 12.03.2019].

ем к пленницам, восхищением их мужества. Их не смогли сломить ни экстремальность пути из Цинандали в Ведено, ни смерть детей[1214]. Анализируя пережитое ими, Анна Дрансе полагала, что княгиням в плену пришлось гораздо сложнее, чем остальным пленницам, в силу своего социального статуса, что усугубляло их положение[1215].

В частности, Анна Дрансе отмечала содействие в освобождение пленниц жен Шамиля Шуанет и Заидат. Так, по совету Шуанет княгиня Варвара Орбелиани попросила Заидат вмешаться ее отцу шейху Джамаллудину в процесс переговоров об освобождении. Княгиня, желая вызвать сострадание у Заидат, ссылалась на ухудшение здоровья своей сестры, на мучения своей маленькой дочери[1216].

Переговоры были сложными, среди мюридов не было единого мнения; одни были настроены враждебно, требуя большего выкупа, другие предлагали продать знатных пленниц. В итоге, при содействии шейха Джамаллудина, которого имам Шамиль безмерно уважал, мюриды все же согласились за сумму в сорок тысяч рублей обменять княгинь на сына Шамиля – Джамалуддина.

Наконец, 10 марта 1855 года состоялся долгожданный обмен, после чего княгини А. Чавчавадзе и В. Орбелиани с детьми и гувернанткой Анной Дрансе, покинув столицу имамата Ведено, смогли вернуться к своей привычной жизни в родном имении Цинандали Телавского уезда Грузии.

Надо отметить, что провожать княгинь с их семейством вышли многие жители Ведено, в том числе и жены имама. Особо выделялась среди провожающих Шуанет, которая находила нужные слова каждой из бывших пленниц, в том числе и гувернантке Анне Дрансе. Шуанет, успокаивая ее, говорила, что та скоро увидит своих родных, оставленных в Париже, сына и старую мать[1217]. Конечно, за долгие месяцы плена женщины привязались друг-другу. А добрая Шуанет, которая всегда защищала пленниц, теряла в их лице интересных собеседниц, близких ее ментальности.

[1214] Там же.
[1215] Там же.
[1216] Там же.
[1217] Там же.

Как мы уже отмечали выше, среди пленниц, захваченных мюридами во время набега на Телавский уезд Грузии, было 349 женщин. Как же сложилась судьба этих безымянных пленниц в Ведено? Если судить по сведениям, которые приводил Н. Ф. Дубровин в своей книге, то отношение к ним было весьма приличное, и жизнь их в неволе не отличалась особо от жизни свободных женщин. По сведениям автора, когда одна из женщин-пленниц, родила там сына, жители аула, встретили эту весть выстрелами в воздух, и даже зарезали жирного барана[1218]. Мясо этого зажаренного барана прислали и княгиням, пленницам Шамиля[1219].

Объектами похищения мюридов нередко могли стать и представительницы дагестанской феодальной знати. Одно из резонансных похищений было связано с вдовой Ахмед-хана Мехтулинского – ханшей Нух-бике, которая была увезена из ханского дома наибом Шамиля – Хаджи-Муратом.

В материалах архивного дела (РГИА), имеются документы, касающиеся похищения вдовы Нух-бике. Указывая на факт похищения ханши, князя Бебутов сообщал Н.Н. Анненкову Командующегму войсками в Дагестане, что вдова Хана Мехтулинского похищена, но не известны обстоятельства похищения, когда и кем это было совершено[1220]. До определенного времени, похититель ханши не был известен.

Но, уже в письме князя М.С. Воронцова к Военному министру А.И. Чернышеву, говорилось о деталях похищения ханши Нух-бике. Из письма следовало, что глубокой ночью с 13 на 14 декабря, наиб Хаджи-Мурат прибыл в с. Большой Джангутай, убив караульных на подступах села, он подошел к дому ханши Нух-бике[1221]. По мнению князя М.С. Воронцова, ворота Хаджи-Мурату открыла служанка ханши Фатима, она же отдала ему все драгоценности[1222].

Уже после возвращения ханши Нух-бике из трехмесячного плена в апреле 1847 года, дело «О похищении из Дженгутая ханши Мехтулинской», было возвра-

[1218] Дубровин Н. Ф. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. С. 439.
[1219] Там же.
[1220] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а. Л. 35.
[1221] 166а. Л. 39.
[1222] Там же.

щено в канцелярию Военного Министерства[1223], о чем Н.Н. Анненков сообщал в своем письме к князю Бебутову[1224]. Выяснилось, что ханшу обменяли на 11 мюридов, попавших в плен к русским, заплатив при этом, пять тысяч рублей серебром.

В этой истории, представляют интерес разные точки зрения о причинах и мотивах похищения ханши Нух-бике. Так, например, по заключению князя Орбелиани, управляющего Мехтулинским ханством в похищении ханши Нух-бике были причастны конюх ханши и ее служанка Фатима, которая приходилась родной сестрой похитителю Хаджи - Мурату [1225]. Уже в упомянутом заключении князя Орбелиани подчеркивалось также, что к служанке Фатиме когда-то испытывал любовные чувства Ахмед-хан Мехтулинский, но после его смерти, девушку возненавидела ханша Нух-бике[1226].

Таким образом, одной из причин похищения ханши Нух-бике, по мнению князя Орбелиани, была личная неприязнь служанки Фатимы, которая, будучи сестрой Хаджи-Мурата, посодействовала этому похищению. Безусловно, учитывая, что в традиционном обществе сам факт похищения женщины отражался негативно на ее репутации, то, видимо, этим Фатима пыталась унизить ханшу Нух-бике. Что может быть лучшим возмездием, чем знатная женщина, разделившая участь тысяч похищенных рядовых соплеменниц?

В отличие от князя Орбелиани, князь Бебутов причиной похищения ханши видел совсем другие обстоятельства. Князь полагал, что не обошлось без личной сопричастности Нух-бике к данному происшествию. Указывая на это, князь Бебутов писал, что такое удачное похищение не могло произойти без участия самой ханши Нух-бике[1227]. Князь полагал, что больше правдоподобно, что ханша была благосклонна к Хаджи-Мурату [1228]. Именно эта расположенность Нух-бике к

[1223] Там же. Л. 36-38.
[1224] Там же.
[1225] Там же. Л. 40.
[1226] РГИА. Ф.1268. Оп. 2. Д. 166а.
[1227] Там же.
[1228] Там же.

Хаджи-Мурату, по мнению князя Бебутова, и было причиной ненависти к нему покойного Ахмед-хана Мехтулинского[1229].

Как мы видим, главную причину похищения князь Бебутов усматривал, в якобы имеющихся любовных отношениях между ханшей и Хаджи-Муратом. По мнению князя, подтверждением этого было то, что похищение прошло в абсолютной тишине, никто не слышал ни шума, ни криков[1230].

Надо сказать, что князь М. С. Воронцов не разделял данную точку зрения князя Бейбутова, отмечая, что ханша, будучи любящей матерью, не пошла бы на такой опрометчивый шаг. По мнению М. С. Воронцова, Нух-,бике отличалась спокойным нравом, очень любила своих детей и никогда не решилась бы на разлуку с детьми[1231]. Последующее возвращение ханши Нух-бике из плена потвердело доводы князя М. С. Воронцова. Она, действительно, была любящей матерью своих детей, для которой превыше всего было их благо.

Вместе с тем, согласно сведениям участника Кавказской войны Максуда Алиханова, Хаджи-Мурат вернул ханшу Нух-бике лишь по настоянию имама Шамиля, который не одобрил этого поступка и приказал развестись с пленной ханшей и отправить ее на жительство в Хини, хутор недалеко от Хунзаха[1232]. Максуд Алиханов полагал, что Хаджи-Мурат исполнил этот приказ Шамиля, не желая входить с последним в конфликт, однако, сам не разрывал с Нух-бике отношения. Указывая на имеющиеся между Хаджи-Муратом и Нух-бике любовные отношения, автор писал, что хунзахцы были свидетелями, как Хаджи-Мурат ездил по вечерам в сторону Хини, недалеко от Хунзаха[1233].

Учитывая, что Хаджи-Мурат оказался участником еще одного дерзкого похищения, связанного с семьей Шах-Вали – хана, брата шамхала Тарковского, нельзя сбрасывать со счетов и материальный интерес. По сведениям Д. Баддели,

---

[1229] Там же.
[1230] Там же. Л. 39.
[1231] Там же. Л. 40.
[1232] Алиханов -Аварский «Кавказ» №16 от 18 января 1895 г.
[1233] Там же.

Хаджи-Мурат, убил Шах-Вали – хана на пороге его собственного дома, а затем, с целью выкупа, пленил его жену и детей[1234].

Надо сказать, что такое дерзкое похищение вдовы Шах-Вали – хана, вызвало возмущение и негодование жителей ханства, которые посчитали это недостойным. По сведениям Ш. М. Казиева, жители ханства обещали поддержать Шамиля, если тот освободит вдову[1235]. Как известно, вдове удалось убежать из плена, а ее дети вскоре были выкуплены шамхалом Тарковским[1236].

По мнению Д. Баддели, такими резонансными похищениями «наиб Хаджи-Мурат навечно вписал свое имя в историю Кавказской войны»[1237].

Показательна судьба еще одной знатной пленницы – Анны Улухановой, дочери зажиточного армянского купца. В 1840 году, во время набега на Моздок, она была взята в плен наибом Ахверды-Магома и вместе с другими пленниками доставлена Шамилю. Несмотря на попытки семьи выкупить девушку, они не увенчались успехом. Шамиль отказался вернуть им Анну, он был искренне в нее влюблен. В свою очередь и девушка отвечала ему взаимностью.

По сведениям Д. Баддели, когда ее брат предложил Шамилю в качестве выкупа 10 000 рублей, то имам отказался вернуть девушку и за миллион, в свою очередь, и Шуанет передала родным, что не оставила бы Шамиля и за вдвое большую сумму[1238].

Как могло получиться так, что юная девушка, воспитанная в инокультурной среде, добровольно согласилась принять эту новую для себя жизнь?

Этим вопросом, видимо, задавался Д. Баддели, которого тронула судьба Шуанет. Автор был поражен, как смогла она, девушка другой культуры, веры, социального положения, не знающая языка, могла стать женой человека, у которого

[1234] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 167; Бланч Лесли. Сабли рая/ переводчик А. Давыдов. Махачкала: МРИП «Юпитер», 1991. С.57.
[1235] Казиев Ш.М. Имам Шамиль. URL:. https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/492966-shapi-kaziev-imam-shamil.html [Дата обращения 08.11.2017]
[1236] Там же.
[1237] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 167.
[1238] Там же. С. 172-173.

уже было несколько жен[1239]. При этом автор понимал, что, как ни странно, Шуанет действительно искренне любила Шамиля и была ему предана[1240].

Мало того, она отреклась от своей веры, став искренней мусульманкой[1241]. Не вызывает сомнения, что эти чувства были взаимными.

В конечном итоге, Анна Улуханова прошла путь от пленницы до любимой жены имама. По мнению Анны Дрансе, Шуанет сначала была вынуждена смириться со своей участью ради семьи, тем самым пожертвовав собой, но потом искренне полюбила Шамиля, узнав его ближе[1242].

После пленения Шамиля в августе 1859 года, в статусе пленниц оказались и женщины семейства имама, которые разделили с ним калужскую ссылки. Рядом с Шамилем находилось его большое семейство – сыновья, Кази-Магомед и Магомед-Шафи, зятья Абдурахман и Абдурагим, жены имама Заидат и Шуанет, невестки имама, Аминат и Каримат, дочери Написат, Фатимат, Наджават, Баху-Меседу, Софият, и внучка Магазат. Их повседневная жизнь протекала в доме местного помещика Сухотина, который был специально арендован царским правительством для семьи Шамиля.

Конечно, было бы неверно говорить о классическом пленении, со всеми вытекающими обстоятельствами. У семейства, несмотря на их особое положение, сохранялись многие привычки прошлой жизни. Что касается женской половины семьи, в статусе пленниц они чувствовали себя больше из-за затворничества. Заметим, что и в привычной жизни у себя на родине, знатные женщины жили затворнической жизнью. Во всем остальном, привычки их, характер взаимоотношений с домочадцами, человеческие симпатии, привязанности сохранялись и в Калуге.

Так, П.Г. Пржецлавский, находящийся приставом при «почетном пленнике» в Калуге, оставил интересные наблюдения их жизни в своем дневнике. В частности, автор обратил внимание на очень непростые отношения между женами Шами-

---

[1239] Там же.. С. 167.
[1240] Там же.
[1241] Там же.
1242 Воспоминания г-жи Дрансе…. URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003564135/[Дата обращения: 12.03.2019]

ля, его невестками. Характеризуя жен Шамиля, П.Г. Пржецлавский отмечал особую доброту Шуанет, и напротив, властный характер второй жены Заидат[1243]. По наблюдениям автора, Шуанет всегда безропотно повиновалась Заидат[1244].

В частности, женщины не были лишены возможности одеваться, как было принято до пленения в их кругах. Кроме того, сам Шамиль благосклонно относился к этому, считая наряды женщин единственным утешением их калужской жизни. По сведениям А. Руновского, казначей Хаджио выговаривал Шамилю, что тот потворствует женщинам, угождает им, расходует на их наряды без всякой надобности деньги, когда последние никуда не выходят[1245]. На что бывший имам ответил, что позволяет женщинам одеваться, так, как они считают нужным, потому- что, наряды доставляют им удовольствие[1246]. Шамиль полагал, что и тем самым, он облегчают их затворничество[1247] . Отмечая тяготы затворнической жизни женщин, Шамиль также подчеркнул, что фактически женщины находятся в двойном плену, и поэтому необходимо их освободить, хотя бы морально[1248].

Разумеется, такие доводы Шамиля казначея не убедили. По сведениям А. Руновского, Хаджио, недовольный мотовством женщин, которые приехали в Калугу почти нагими, жаловался, что по их вине нет денег, «даже рис купить для плова»[1249]. Деньги, выделяемые государством, решили все же проблему с трудностями быта, но не запретили женщинам покупать «всякий вздор»[1250]. Чему женщины семейства, безусловно, были весьма рады.

Женщины постепенно свыкались с жизнью в Калуге. По сведениям М.Н. Чичаговой, по многочисленным просьбам калужских дам, Шамиль позволил снять

[1243] Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского. URL: https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43238988994/[Дата обращения 19.03.2019

[1244] Там же.

[1245] Дневник полковника Руновского // АКАК.1904. Т.XII . С. 1416.

[1246] Там же.

[1247] Там же.

[1248] Там же.

[1249] Там же.

[1250] Там же.

портреты своих жен и дочерей[1251]. Надо заметить, что такое решение далось Шамилю не сразу, а только после того, когда А. Руновский представил ему женщину-фотографа[1252]. По сведениям М. Н. Чичаговой, Шамиль с трудом согласился на портреты жен, что лучше бы увидел [1253]. Когда же он увидел портрет своей жены Шуанэт, по сведениям автора, то он сказал, что предпочел бы увидеть жену с отрубленной головой [1254].

Таким образом, в период калужской ссылки, оказались запечатлены на фотографиях женщины семейства Шамиля.

Повседневные будни Калуги нашли отражение и в женских письмах. Так, в своем письме к брату в Моздок Шуанэт отмечала, что жизнь ее в Калуге продолжается особо не отличается от жизни в Дагестане[1255]. Она особо подчеркивала, что счастлива с Шамилем и чего еще ей желать, но, при этом просила почаще ей писать, не скрывая, что письма доставляют ей удовольствие[1256]. Конечно же, письма от родных скрашивали будни женщин.

М. Н. Чичагова в своей работе не оставила без внимания трудности повседневной жизни знатных пленниц на чужбине. По сведениям автора, женщины жаловались, что не переносят калужского климата, постоянно болеют, скучают, сидя постоянно дома[1257]. Женщины особо подчеркивали свое затворничество, так как могли гулять только вечерами во дворе или в саду, которые были обнесены высоким забором, редко катались по городу в коляске [1258]. Автор также писала, что женщины не любили выезжать зимой, так как не переносили калужских морозов[1259].

[1251] См.: Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.136.
[1252] Там же.
[1253] Там же.
[1254] Там же.
[1255] Руновский А. Записки о Шамиле. URL: http://padaread.com/?book=192138 [Дата обращения 12.05.2016]
[1256] Там же.
[1257] Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.157.
[1258] Там же.
[1259] Там же.

Конечно, для людей, привыкших к сухому горному климату Дагестана, было очень сложно адаптироваться к природным условиям Калуги. Экстремальными для них были холодные зимы и сырость, которые приводили к чахотке. Особенно тяжело, в силу своей физиологии, приходилось женщинам. Каждая зима была для них тяжким испытанием, которая в любой момент могла закончиться летальным исходом.

Так, сырой калужский климат оказался губительны для невестки Шамиля Каримат. Видя ее тяжелое состояние, личный врач Шамиля доктор В. Е. Кричевский, настоятельно рекомендовал срочно отправить ее на Кавказ. Конечно, учитывая особый статус Шамиля, согласие должны были дать русские власти. Шамиль был вынужден обратиться с такой просьбой к военному министру Д. Милютину.

В тоже время, опасаясь, что Каримат может не вернуться обратно в Калугу, Шамиль настаивал, чтобы местом ее лечения был избран город Тифлис[1260]. К сожалению, в силу различных обстоятельств, решение вопроса затянулось. Здоровье Каримат ухудшалось с каждым днем. В конечном итоге, в 1862 году она умерла в Калуге от усугубившейся чахотки. По сведениям М.Н. Чичаговой, ее тело за счет казны отправили в Бакинскую губернию, в г. Нуху, где на тот момент проживал ее отец Даниял-бек[1261].

Безусловно, для здоровья женщины, как физического, так и психического, не могли пройти бесследно все эти переживания, которые она испытывала в семье имама Шамиля. Она сломалась под ударом обвинений, которые ей приходилось выслушивать в семье мужа. Предательство отца по отношению к имаму Шамилю не только тенью легло на нее, но и сказалось на семейных взаимоотношениях. Усугубила ситуацию и личная драма - ее нелюбовь к мужу. Возможно, отвечай она

[1260] См.: Дашлай Фазил. Небесная красавица Каримат. URL: https://www.proza.ru/2017/02/28/1046[Дата обращения 06.11.2018].

[1261] Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С.148.; Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm . [Дата обращения: 02.12.2018].

взаимностью Кази-Магомеду, то ее жизнь в семье имама была бы гораздо спокойней. В лице Кази-Магомед она могла бы найти заступника.

Российская пресса не оставила без внимания трагическую кончину невестки Шамиля, отметив среди причин ее смерти резкую смену климата[1262].

Примечательно, что спустя много лет в 1910 году, в журнале «Исторический вестник» был опубликован материал с интригующим названием «Керимет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики». Жизнь Каримат в Калуге описывалась в самых темных красках: нелюбовь к мужу, притеснение со стороны семейства Шамиля, обвинение в предательстве ее отца. В журнале были опубликованы письма Каримат к родным на родину, в Дагестан, полные тоски и безысходности. «Смиренная дочь ваша Керимет, живущая на чужбине и скучающая от разлуки с вами, – писала она отцу и матери, – <…> прощайте!»[1263].

Трагически сложилась в Калуге судьба другой невестки Шамиля – Аминат, жены Мухаммад-Шапи. В 1860 году она вместе с мужем прибыла в Калугу, потеряв до этого своего малолетнего сына. По сведения А. Руновского, не успев прибыть в Калугу, она вскоре заболела «тоской по родине» (чахоткой), к которой имела склонность больше, чем кто-нибудь из остальных женщин[1264].

Жизнь ее в Калуге проходила в затворничестве, без особого общения с членами большого семейства Шамиля. Не сложились ку нее отношения женской половиной дома. А. Руновский полагал, что в отличие от остальных женщин, у которых были семья и дети, Аминат была менее счастлива[1265]. Для других, по мнению автора, огорчением было лишь сознание того, что воздух которым они дышат, не был родным[1266]. Не вызывает сомнения, что наличие детей компенсировало им тяготы чужбины.

[1262] См.: Дашлай Фазил. Небесная красавица Каримат. URL: https://www.proza.ru/2017/02/28/1046[Дата обращения 06.11.2018].

[1263] Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.htm . [Дата обращения: 02.12.2018].

[1264] Руновский А. Записки о Шамиле. URL: http://www.homlib.com/read/runovskiy-ai/zapiski-o-shamile [Дата обращения 10.01.2019]

[1265] Там же.

[1266] Там же.

Усугубляло положение Аминат и непонимание со стороны мужа Мухаммад-Шапи, в ее психическом состоянии он не видел проблем для здоровья, считая это лишь женским капризом. По сведениям А. Руновского, Мухаммад-Шапи полагал, что она скучала по своим родным, отцу, матери, брату, а если бы увидела их, то тотчас же выздоровела бы[1267]. Конечно, отданная в замужество в юном возрасте, на момент прибытия в Калугу ей было всего лишь восемнадцать лет, она очень скучала по родным.

Даже пребывание с мужем в Петербурге, во время его службы в кавказском эскадроне Собственного Его Величества, не дало ей особого успокоения. Это была та же повседневная рутина, та же тоска по родным, что угнетала ее и в Калуге. Долгожданная беременность давала ей надежду побывать у себя на родине в Дагестане, но этому не суждено было осуществиться. Ее отъезд затянулся на неопределенное время, это существенным образом отразилось на ее здоровье: она потеряла ребенка и впала в долгую депрессию. Лишь в 1864 году, ее тяжелобольную наконец-то отправили на родину, где она после долгой болезни умерла в окружении своих родных.

Ее трагическую судьбу повторила и дочь Шамиля, Написат, которая также не перенесла тяжелый калужский климат. По сведениям М.Н. Чичаговой, Написат тяжело заболела в 1864 году и вскоре умерла от скоротечной чахотки, ей было всего 22 года[1268]. Было получено высочайшее дозволение императора Александра II на отправку ее тела, на родину. Сопровождал тело Написат до Гимры, муж Абдурахман.

Как видим, плен для женщин был тяжелым моральным и психологическим испытанием. Для хрупких женщин, оторванных от своих родных корней, непосильной ношей оказалась жизнь в непривычных суровых реалиях чужбины.

И, так, захват пленниц в годы Кавказской войны служил средством достижения политических и военных целей, как для российского правительства, так горцев.

[1267] Там же.

[1268] Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. С. 186.

Чаще роль женщин была объектной: взятие женщин в плен женщин в годы Кавказской войны было серьезным источником доходов, служило гарантом возвращения их в результате обоюдного обмена. К сожалению, судьба многих пленниц была неизвестна, а вопросы, касающиеся их освобождения, не могли быть решены без специального на то распоряжения. В результате бюрократических проволочек, единицам удавалось освободиться из плена, а многие так и не возвращались на свою родину.

Повседневная жизнь женщин в плену зависела от многих факторов: обстоятельств пленения, социального положения, общественного резонанса. Однако, на протяжении всего времени плена их жизнь была отягощена постоянными моральными и психологическими переживаниями. Плен вносил существенные изменения в структуру женского быта.

2.4. Изменения в женской повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов в начале - середине XIX в.

В процессе этнокультурного взаимодействия народов Кавказа и сопредельных этносов происходило стремительное изменение женской повседневности. Несмотря на весь трагизм, вызванный многолетней, кровопролитной Кавказской войной, очевидно, что это время складывания уникальных форм сотрудничества между кавказским миром и Россией. Характеризуя социокультурное пространство Кавказской войны, исследователь Я. А. Гордин полагал, что оно не сводилось лишь к жестокости и взаимной ненависти[1269]. Повсеместно происходило мирное взаимодействие в различных сферах повседневной жизни.

Учитывая затяжной характер кровавой Кавказской войны, народам Дагестана приходилось вступать во взаимодействие с многими пришлыми народами. В том числе, повсеместно взаимодействовать с кавказской администрацией, русскими военными, интеллигенцией, российскими промышленниками и пр. По мнению С. С.

[1269] Гордин Я. А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. С.110.

Лазаряна, народы Кавказа не могли избежать взаимодействия с Россией, которая на протяжении длительного времени, активно заполняла географическое и социальное пространство края[1270]. Где не получалось мирно, применялась сила. Как в годы активных военных действий, так и после завершения войны, отношения были неоднозначные. Шел долгий адаптационный период, который был одинаково сложным, как для местных этносов, так и для пришлых народов, волей судьбы оказавшихся в кавказском крае.

Мирному взаимодействию между пришлыми и местными народами способствовали традиционные кавказские институты: куначество и гостеприимство, аталычество, где существенную роль играли женщины. Именно, в этих институтах, предусматривалась возможность выхода женщин за рамки традиционных гендерных ролей.

Особой формой межэтнической дипломатии были традиционные кавказские институты – гостеприимство и куначество, которые подвергались модернизации. Важную роль гостеприимства и куначества в укреплении межэтнических отношений отмечали многие русские исследователи, которые на себе испытали кавказское радушие. В частности, А. К. Сержпутовский полагал, что только благодаря священному кавказскому обычаю гостеприимства, можно проникнуть в эту почти недоступную страну[1271]. Учитывая давние горско-казачьи отношения, то нередким явлением было, когда дом казака посещал человек мусульманского вероисповедания. Хозяева, оказывая уважение гостю, в первую очередь старались не задевать его религиозные чувства. По сведениям жительницы станицы Бороздинская Кизлярского округа Е. Бутовой, в казачьих станицах, где принимали горцев, спиртное на стол не подавалось, и гостю-мусульманину самому разрешалось зарезать скотину или птицу, по нормам ислама[1272].

Аналогичным образом встречали в дагестанских селах гостей. О широком распространении данного института, а также о наличии у всех дагестанцев особой

[1270] Лазарян С. С. Особенности межкультурных коммуникаций в ходе Кавказской войны // Вестник СКФУ. Ставрополь, 2014. №3. С.143. (С. 143-149.)

[1271] Сержепутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. Вып. 16.С. 6.

[1272] См.: Бутова Е. Станица Бороздинская // СМОМПК. Вып.7. Тифлис, 1889. С.24.

комнаты-кунацкой - (тавхана, хъун къатта) для гостей писали многие исследователи[1273].

Гостеприимство оказывали всем без исключения, даже военным, которые по своей службе оказывались в «мирных» аулах. Так как многие военные гарнизоны были расположены повсеместно, то населению, безусловно, приходилось взаимодействовать с военными.

В Кавказском сборнике за 1859 год говорилось, что жители Итум – Кале, освоившись с русскими, оказывали гостеприимство себя в саклях солдатам и офицерам[1274]. По сведениям сборника, гостей, как людей давно знакомых, принимали, в том числе и женщины[1275].

У народов Дагестана, гостя, в отсутствие хозяина могла встретить и женщина-хозяйка дома. Во второй половине XIX в. это было уже нередким явлением.

Так, К. Ф. Ган, посетивший Дагестан в конце 90-х годов XIX века, писал в своем очерке, что в доме старшины селения Хосрех, его с путниками встречала собственно жена хозяина[1276]. Не оставил без внимания автор и свободно хлопочущих по хозяйству женщин семейства старшины, которые помогали хозяйке[1277]. К. Ф. Гана удивило, что хозяйка, здороваясь с ним, подала ему руку[1278].

Надо заметить, что у горских народов, в частности у лакцев, аварцев, даргинцев, женщины здороваясь, подавали руку и мужчине. У тюркоязычных народов, это было недопустимо[1279]

[1273] Абельдяев Н. М, Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. «Кавказ».1857 №№ 50—51; Васильев А. Г. Кази-кумухцы. Этнографическое обозрение, 1899, № 3, С. 68; Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1904. С. 567; Алибекив Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, С. 27; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, С. 291; Османов М.-З. О. Материальная культура даргинцев в XIX—XX вв. Махачкала, 1964. РФ ИИЯЛ, Ф. 3, Оп. 3, Д. 203, С. 124; Егорова В. П. Из народных традиций Дагестана, ВИЭД, В. 2. Махачкала, 1970. С. 83;

[1274] Кавказский сборник, том №3. 1879. С.196.

[1275] Там же.

[1276] Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. С. 7677.

[1277] Там же.

[1278] Там же.

[1279] См.: Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX— начало XX вв.). Махачкала: Издательство дом «Эпоха», 2014. С. 221.

Так, что ничего удивительного, оказавшись в лакском селении Хосрех, автор испытал на себе эту традицию. Как мы уже отмечали в работе, женщины в горах пользовались большей свободой, чем на равнине, что отразилось и на институте гостеприимства. Женщины, не обращая внимания на присутствие в доме посторонних людей, могли заниматься домашними делами, в отсутствие хозяина, уделить гостю должное внимание.

При этом, независимо от социального статуса женщины, они могли позволить себе радушно встретить гостей, согласно дагестанским обычаям.

Так, Н. И. Воронов, посетивший аул Кумух, оставил свои впечатления о посещении вдовы Агалар-хана Казикумухского Шамай-бике, которая гостеприимно его принимала и угощала. Автор отмечал, что ханша лично присутствовала за ужином, объясняясь через переводчика[1280]. Затем автор, будучи в Кумухе, посетил дом второй вдовы Агалар-хана, которая также оказала гостю самое радушное гостеприимство[1281]. По замечанию Н. И. Воронова, ханша, еще молодая женщина, принимала гостя, сидя на ковре, с поджатыми под себя ногами[1282].

Н. И. Воронов обратил внимание на внутреннее убранство ханского дома вдовы, которая представляла смесь туземного и русского стилей[1283].

Безусловно, в процессе этнокультурного взаимодействия дагестанских народов с русскими, происходило заимствование и элементов материальной культуры. Эти заимствования, очевидно, наблюдали и современники, посещая дома представителей знатных сословий.

Одной из форм, характеризующих межэтническое взаимодействие, безусловно, являлся традиционный институт куначество.

Куначество являлось отражением взаимодействия дагестанских народов с живущими по соседству терскими казаками. Надо сказать, что казачьи власти неодно-

---

[1280] Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-14.
[1281] Там же.
[1282] Там же.
[1283] Там же.

кратно поднимали вопрос в станицах о запрете куначества[1284]. Очевидно, что этому способствовали и события Кавказской войны, когда горцы и казаки оказывались в центре конфликтов. Опять таки, причина конфликта находилась в политической плоскости.. Этому немало способствовала и российская администрация на местах. Особенно ярко это проявлялось в пореформенный период. Реформы, проводимые российской администрацией, необдуманная переселенческая политика царизма, проводимая в пореформенный период на Северном Кавказе, часто ущемляли интересы местного населения, что вызывало у последних недовольство.

Но, несмотря на это, кавказский институт куначества оставался важным средством взаимодействия соседних народов в различных аспектах повседневной жизни. Уникальной спецификой этого периода являются массовое заимствование традиций и обычаев горского общества.

Л.Н. Толстой, будучи на Кавказе в период Кавказской войны, отмечал в своих произведениях дружеские отношения, которые имели место между казаками и горцами, которые проявлялись во многих сферах жизнедеятельности казаков[1285].

Конечно, важную роль в этих взаимодействиях играла женщина, которая в повседневной жизни являлась носителем культурных традиций. По сведениям Л.Н. Толстого, терские казачки стали на кавказский манер украшать коврами стены хат, а на них развешивали медные тазы и оружие[1286].

Горское влияние заметно в материальной культуре, в частности в одежде казачек. Так, среди терских казачек широкое распространение получило длинное до пят платье горского типа (архалук). По сведениям Е. Бутовой, казачки станицы Бороздиновской проявляли большую страсть к нарядам, особенно к азиатским костюмам[1287]. По наблюдениям автора, эти костюмы носят во всех станицах Нижнего Терека, начиная с Червленной, и казачки называют их «гребенскими»[1288].

[1284] Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т.8. М.,1984. С.59.

[1285] См.: Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть 1853 года. Собрание сочинений: в 20-ти т. М: Издательство: Художественная литература, 1961. Т.3. С.38.

[1286] Там же. С. 99.

[1287] Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области // СМОМПК. Вып.7. Тифлис, 1889. С.11.

[1288] Там же.

Подражая горянкам, замужние казачки стали носить большие платки, повязывая их на горский манер, совершенно закрывая лоб[1289]. Надо заметить, что казачка замужняя без платка на людях не появлялась.

Горское влияние выразилось в обязательном включении в состав приданого и свадебных подарков ювелирных изделий, как это было принято у дагестанских народов, а также заимствования элементов свадебной одежды, украшений[1290].

Отражением межэтнического взаимодействия являлась пища казаков. Казачки заимствованные у дагестанок технологии приготовления мучных изделий, добавляя в пресное тесто соленый творог и сыр.

В свою очередь и народы Дагестана заимствовали у сопредельных народов многие элементы материальной и духовной культуры. В процессе интеграция кавказских народов в составе Российской империи, это было неизбежно. Конечно, более приверженными к таким изменениям оказались представители высшего и среднего сословия, которым приходилось чаще контактировать с русскими властями.

Русское и европейское влияние, наиболее отчетливо прослеживается в материальной культуре, куда проникли элементы городской жизни, отразившись на одежде, убранстве домов кавказской знати.

Под влиянием русских происходило заимствование предметов материальной культуры: предметы быта, мебель, одежду и др.

Женщины из состоятельных семей, подражая русским переселенцам, заменяли традиционные предметы внутреннего убранства европейской мебелью. По сведениям Т. А. Невской, обычным явлением в домах состоятельных кавказских семей, стали предметы мебели, в том числе металлические кровати, шкафы и комоды, а также зеркала[1291]. Как видим, если традиционно, мебель была местного кустарного производства, то теперь это были фабричные предметы мебели. На манер

[1289] Там же.
[1290] Там же. С.58.
[1291] Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: Матер. заочной науч.-практ. конф. Краснодар, 2008.С. 184–185

русских дворянских традиций, столы стали накрывать скатертью, а на окна вешать портьеры, а также пользоваться постельным бельем[1292].

Обычным явлением в гардеробе представителей кавказская аристократии стала европейская одежда. По сведениям военного писателя, генерала М. Я. Ольшевского, кавказская аристократия очень быстро усвоила не только европейский костюм, но и образ жизни[1293]. Особенно рельефно, это проявлялось в женской одежде горожанок высшего сословия, наряды которых выделялись своим богатством и изысканностью. Женщины из столичных и уездных кавказских городов, подражая русским дворянкам, становились законодательницами моды. По замечанию М. Я. Ольшевского, в пышности туалетов, кавказские женщины даже переще-голяли русских дворянок[1294].

В городской среде Темир Хан Шуры, Дербента и Порт-Петровска особо выделялись жены и дочери из дагестанских аристократических кругов. Под влиянием городской культуры трансформировались поведенческая культура дагестанских женщин. Женщины - аристократки могла выйти за рамки приватного пространства, в соответствии с нормами городского этикета. Их одежда соответствовала модным европейским тенденциям: корсеты, турнюры, трены, шляпки, обувь на каблуке. Наряду с европейской одеждой, женщины носили и традиционные платья «къабалай», имевшие распространение среди кумычек. Платья «*къабалай*» носились по особому случаю, были очень нарядными: приталенные, с облегающим лифом, с широкой длинной юбкой и рукавами на манжете. Другие народы Дагестана заимствовали платье «къабалай», внося в него некоторые свои детали.

Среди горожанок пореформенного периода, особо выделялись жены и дочери зажиточных кавказских купцов, чьи наряды отличались богатством. Следует сказать, что кавказское купечество, как и дворянство, придерживалось в одежде сословности. С проникновением капиталистических отношений, местные купцы превратились в предпринимателей, что не могло не сказаться на их образе жизни,

---

[1292] Там же.
[1293] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.295.
[1294] Там же. С.294

манере одеваться и тд. Имея, не малые финансовые возможности и стараясь подчеркнуть свой социальный статус, новоиспеченные предприниматели предпочтение отдавали европейской одежде. Особенно выделялись дербентские купцы, которые существенно разбогатели на торговле с Россией и Ираном.

Предметом их особой гордости и тщеславия были жены и дочери, которые одевались по последней моде. Купечество, стараясь не отставать от дворянского сословия, в повседневной жизни перенимали многие их привычки. «Зажиточный купец послереформенного времени, – писала Н.Л. Пушкарева, – обыкновенно гордился тем, что его «жену не отличишь от барыни» и старался выписывать и ей, и дочерям наимоднейшие наряды из-за рубежа»[1295].

На рубеже XIX - XX веков, одежда европейского типа получила распространение и среди представителей средних и бедных слоев городского населения: мещан, интеллигенции, рабочих предприятий. Обычным атрибутом повседневного гардероба женщин - горожанок разных сословий стали модные платья, шляпки, сумочки.

Новое в женскую повседневность вносили браки представителей русских народов с кавказскими женщинами. Несмотря на военный конфликт, посредством таких браков, складывалось и родственное взаимодействие.

В частности, межэтнические браки были характерны среди казачества, в том числе, терского. По мнению исследователей, такие браки «в мирное время твердо поддерживались»[1296].

В более поздний период, как нами было показано ранее, такие браки встречались все реже[1297]. По российскому законодательству запрещалось вступать в браки, если брачующиеся исповедовали разные религии. Такие меры применялись и к брачным союзам между казаками и дагестанскими народами. Допускалось лишь в

[1295] Пушкарева Н. Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (одежда русских женщин XIX — начала XX века)// URL://http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml [Дата обращения 11.03.2019]
[1296] Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 496.
[1297] Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX - начале XX в.в. (2-е переработанное и дополненное издание). Махачкала, ДГУНХ. 2015.

том случае, если человек, исповедующий ислам или другую религию, переходил в христианство[1298].

По свидетельству А. А. Цыбульниковой, казачки обычно выходили замуж за горцев в результате похищения, а сватовства, как это было принято традиционно[1299]. По мнению автора, смирившись с похищением, казачки перенимали все обычаи горцев, учили язык, рожали детей[1300].

Этнокультурному взаимодействию народов способствовали связи брачного характера между представителями высших сословий. В период Кавказской войны, на самом высоком уровне происходили браки между представителями знатных, влиятельных семей, завязывалась личная дружба между правителями [1301].

Власти поощряли браки между русскими и кавказскими дворянскими семьями, так как видели в этом возможность для влияния на местную аристократию.

Кавказская аристократия особо жаловала представителей русских аристократических кругов, высших военных чинов, губернаторов, интеллигенцию.

В частности, русский военный и дипломат герой Кавказской войны, К.К. Бенкендорф в своих воспоминания приводил сведения о русско-грузинских браках[1302]. В частности он отмечал, что дочь М. П. Щербинина Марья Михайловна, была замужем за М. Е. Чиляевым, грузином, очень известным и влиятельным на Кавказе человеком[1303].

Генерал-лейтенант русской императорской армии князь А. И. Гагарин, занимавший в 1851-53 гг. должность кутаисского военного губернатора был женат на юной грузинской княжне Анастасии Орбелиани. К сожалению, их счастливый брак продлился лишь четыре года, в 1857 году Гагарин был убит князем Сванетии. Князь А. И. Барятинский был женат на сестре Анастасии Орбелиани – Елизавете,

---

[1298] Там же. С.289.

[1299] Цыбульникова А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012. С.131.

[1300] Там же.

[1301] См.: Дегоев В. В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 1999. Вып. 2. С.129.

[1302] Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.358.

[1303] Там же.

которая до этого была замужем за адъютантом Барятинского. По сведениям графа С. Ю. Витте, ухаживание князя Барятинского за женой своего адъютанта Давыдова, закончилось тем, что князь похитил чужую жену и уехал с Кавказа [1304].

Барон А. П. Николаи был женат на Софье Чавчавадзе, младшей сестре Нино Чавчавадзе, в замужестве Грибоедовой. Как видим, межэтнические браки были нередким явлением в аристократических кругах.

В годы войны имели место и браки между представителями русского военного командования и народами Дагестана. По имеющимся сведениям, в бытность наместничества Ермолова, у генерала были жены из местных сел.

В 1884 г. в журнале «Русская старина» вышла статья А.П. Берже, где он описал историю женитьбы генерала Ермолова на кебинных женах.

Так, по имеющимся сведениям, А. П. Ермолов прибыл в 1819 года в Тарки, где заключил кебин с девушкой Сюйдой, дочерью местного жителя Абдуллы[1305]. Затем, генералу пришлось выехать в Тифлис, оставив уже беременную на тот момент жену, на попечение жены Шамхала Тарковского [1306]. После рождения сына Бахтияра (Виктора), Сюйда родила) переехала в Тифлис, забрав с собой свою служанку из Тарков[1307].

По разным обстоятельствам отношения между генералом и Сюйду не оказались долгими. После того, как ее сын Бахтияр был отправлен Ермоловым к себе на родину, она вернулась в Тарки, где вскоре вышла замуж за местного жителя Султан-Али.

Следующей женой генерала А. П. Ермолова стала дочь узденя (феодал – М.О.) из Какашуры – Тотай. Красивая девушка сразу приглянулась генералу, и вскоре стала его женой [1308].

[1304] См.:Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский URL:http://www.liveinternet.ru/users/4000579/post328536590[Дата обращения 08.02.2019]

[1305] См. по: Гаджиев Б. И. Темир-Хан-Шара.2-е изд. Махачкала: ГАУ РД. Издательский дом «Дагестан», 2014. С.148.

[1306] Там же. С.149.

[1307] Там же.

[1308] Там же.

Как видим, для генерала происхождение жены было важным обстоятельством, что он и поспешил законным образом обозначить. Двое сыновей А. П. Ермолова от этого браков впоследствии стали генералами русской армии. Но, сама Тотай, прожив 7 лет в Тифлисе и не пожелав перейти в христианство, вскоре вернулась в Кака-шуру с дочерью Сатиат.[1309].

Третий брак Ермолова заключил с девушкой из Казанище, по имени Султанум-Бамат-казы, где на стоянке находились войска генерала. Этот брак долго не продлился, после смерти новорожденного сына, Султанум-Бамат-казы не захотела следовать за генералом в Тифлис и вернулась к родителям в Казанище[1310].

Как же относилась семья девушек, к браку с русским генералом? Очевидно, что для многих семей предстоящее родство с Ермоловым, несмотря на конфессиональные и национальные различия, оставалось единственной возможностью, смягчить отношение русских властей к себе. Что касается общества, то, очевидно, что последующие замужества всех трех кебинных жен Ермолова за местных жителей, говорят сами за себя. Если даже и осуждалось, но особо этому не противились.

По сведениям мы В. А. Потто, зимняя стоянка войск генерала Ермолова в мехтулинских селениях, в частности, в Казанище прошла на удивление весело [1311]. За время пока войско находилось на зимовке, многие офицеры, в том числе и сам Ермолов, успели жениться на местных девушках, заплатив родителям калым[1312]. По мнению В. А. Потто, этому способствовали слишком свободные нравы мехтулинцев[1313]. По замечанию генерала Ермолова, стоянка превратилась в рай[1314].

Д. Баддели, отмечал, что во время постоя войск в селении Мехтули зимой 1823 года, военные, измотанные постоянными военными экспедициями, пытались

[1309] Там же.
[1310] Там же.
[1311] Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1887. С.22.
[1312] Там же.
[1313] Там же.
[1314] Там же.

украсить свой досуг, проводя время весьма приятно в обществе местных жительниц[1315].

Было бы неверно говорить о каких-то особых «свободных» нравах населения Мехтулинского ханства. Как нами было показано раннее, лояльность дагестанского общества к данной практике, была вынужденной мерой. В случае неповиновения властям, для населения это было чревато не только разорением, но и смертью[1316]. В частности, особую жестокость генерала Ермолова отмечали и русские авторы.

Так, по сведениям Н. Ф. Дубровина, мехтулинцы были предупреждены, что в случае неповиновении, их дома будут разорены, а сами они физически наказаны [1317].

Жестокость в отношении местного населения имела место и в бытность наместничества генерала И.Ф.Паскевича. Так, недобрую славу о себе оставил майор В.О. Корганов, назначенный в 1830 году генералом Паскевичем в Дагестан. В.О. Корганов злоупотребляя своей властью, вел себя вызывающе, попирал человеческие достоинства людей. Надо сказать, что в мемуарах о нем пишут как о безнравственном человеке, который одинаково устрашал бедных и властьимущих.

По сведениям В.А. Потто, феодальные владетели, боясь гнева Корганова, всячески старались его задобрить, как деньгами и подарками, так и красивыми девушками[1318]. По мнению автора, это оскорбляла нравственные устои, вызывая недовольство народа[1319].

Н. П. Глиноецкий во время поездки в Дагестан в 1860 году запечатлел в своих путевых заметках интересные наблюдения из жизни местных жителей. В частности, по замечанию автора, семья, выдавая свою дочь за русских офицеров, руко-

---

[1315] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2011. С. 120.
[1316] Мутиева О.С. Влияние Кавказской войны на женскую повседневность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. Владикавказ, 2016. №1.С.47-51.
[1317] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1888. Т.VI. С.376
[1318] Потто В. А. Указ. соч. Том V.С.136-137
[1319] Там же.

водствовались материальной выгодой, возможностью получить хороший выкуп[1320].

Конечно, для семьи девушки, было весьма важным признание ее законной женой, со всеми вытекающими обстоятельствами[1321]. Кроме того, обязательно оговаривались условия, согласно которым, девушка не могла без своей воли перейти в православие[1322], а ее дети ее должны быть переданы родственникам [1323].

С другой стороны, лояльность семьи и общества к данной практике, объяснялась разного рода привилегиями, которые могли ожидать семью девушки: деньги, влияние, власть. В экстремальных реалиях, безусловно, семья девушки могла прибегнуть к такого рода преференциям. В противном случае, не вызывает сомнения, что власть имущие получали желанное силой, в том числе и девушек.

С окончанием Кавказской войны, браки русских офицеров с представителями дагестанских народностей также имели место [1324].

Так, интересные воспоминания о нравах и обычаях жителей Мехтулинского ханства оставил П. Г. Пржецлавский. По воле судьбы, оказавшись в селение Дженгутай, где прожил целых 6 лет, он имел возможность наблюдать за нравами общества. В частности, оставил интересные сведения о браках военных с местными девушками, отношение к этому родителей девушек. По мнению автора, для большинства родителей, главным условием было строгое соблюдение свадебного обряда[1325]. Как видим, для семьи девушки важным обстоятельством было соблюдение определенных формальностей, исполнение которых давало им своего рода «очищение» в глазах общества.

Как же реагировало общество на такие браки? По мнению П. Г. Пржецлавского, такие женщины пользовались уважением, каким пользовались их русские

[1320] Глиноецкий Н.П. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.//ВС. 1862. Т. 24, С. 69-70.
[1321] Там же. С.73.
[1322] Там же. С.74.
[1323] Там же.
[1324] Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985. С.150; Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860.№ 4. С. 290.
[1325] См.: Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860.№ 4. С. 290.

мужья, несмотря на то, что последние не были мусульманами[1326]. Такую точку зрения автора, на наш взгляд, было бы неверно обобщать. Скорее, это были частные случаи, которые автор мог наблюдать у жителей Мехтулинского ханства. Очевидно, что такая брачная практика не была распространена повсеместно.

Межэтнические браки имели место не только в аристократической среде, но и среди рядовых людей, в том числе среди военных. Рядовым солдатам, пожелавшим вступить в брак с девушками-горянками, давалось на это право от военного руководства. В архивном деле (РГВИА) имеются сведения о том, что нередко солдаты писали прошения командирам о дозволении вступить в брак женщинами-горянками[1327]. Как уже отмечалось выше, в 1842 году последовал Высочайшим указ императора Николая I, дозволяющий пленным черкешенкам дозволялось вступать в брак с нижними чинами[1328].

В повседневной жизни, руководствуясь объективными причинами, имам Шамиль и его сторонники также были вынуждены отступить от брачных традиций. Учитывая, что общим законом для всех правоверных мусульман был запрет на браки с иноверцами. В случае отступления от этого закона, шариат рассматривал действия, переступивших закон, как преступные. Что касается женщин, то нарушение ею закона, покрывало позором весь ее род.

В частности, Шамиль допускал браки горских девушек с пленными солдатами, после формального обращения последних в ислам[1329]. По сведениям А. Руновского, Шамиль разрешал горским женщинам из числа беженок вступать в брак с обращенными в ислам пленниками[1330]. Под беженками, А. Руновский имел в виду женщин, которые вступали в предосудительную связь с русскими пленными, которые находились у Шамиля[1331].

[1326] Там же.
[1327] РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.60. Л.54.
[1328] ПСЗРИ. II. Т.XVII. 1843.Ст.15608, 16070
[1329] Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала: Издательско-полиграфическое отделение «Юпитер». Т.III. 1996. С. 82.
[1330] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398
[1331] Там же.

Об имеющихся предосудительных связях горянок с русскими в аулах, где были расположены войска, писал Н.Ф. Дубровин. Автор отмечал, что женщины так скоро осваивались с русскими, что нередко сами подавали повод к отношениям[1332]. Такого рода отношения не оставались безнаказанными со стороны семьи девушки, они подвергались наказанию, а затем, подвергались остракизму. Участь их была более чем трагична, так как остракизм у горских народов сопровождался гонением, проклятиями, изгнанием из семьи и пр.

Кроме того, весь тухум девушки, также подвергался общественному осуждению. Следовательно, меры Шамиля, давали возможность и девушке, и ее семье «очиститься» от предосудительной связи, и не стать изгоем общества. Разумеется, такого рода брачные нововведения, не могли положительно санкционироваться общественным мнением. Тем не менее, не имея возможности, открыто выразить свое недовольство, в обществе вынуждены были принять такие браки как данность военного времени.

По мнению А. Руновского, Шамиль понимал, что такой брачной практикой он может вызвать недовольство народа, тем не менее, давал на это разрешение[1333].

Что же заставляло Шамиля идти наперекор брачным традициям, вызывая недовольство у населения? Очевидно, что это не только демографические причины, о которых уже говорилось выше.

Распоряжения Шамиля распространялись и на перебежчиков, беглых русских военных, которых в годы войны было немало. Беглые русские своими трудовыми навыками, могли принести пользу имамату.

По сведениям А. Руновского, в которых он ссылался на Шамиля, в имамате стремились удержать беглецов, привязав их узами брака[1334]. По сведениям А. Руновского, руководствуясь рациональными соображениями, Шамиль сделал неко-

---

[1332] Дубровин Н. Ф. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1888. Т.VI. С. 550.
[1333] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398
[1334] Дневник полковника Руновского…. С. 1398

торые дополнения к основным правилам Шариата, разрешив и девушкам выходить за солдат замуж [1335].

Так, например, по сведениям Хаджи Мурата Доного драгун Нижегородского полка Родинцев, перешедший осенью 1850 г. на сторону Шамиля, поселился в Дылыме, а вскоре женился на местной девушке[1336]. За преданность и храбрость, Шамиль наградил его серебряным орденом[1337].

По мнению В. В. Лапина, пленные солдаты были вынуждены от безысходности своего положения вступать в такие браки, внимая уговорам мюридов, которые обещали за них любую невесту в ауле[1338].

Но, было бы неверно утверждать, что такие союзы были распространенным явлением в обществе. Скорее, это исключение из правил, которые и были зафиксированы авторами.

Как же девушки относились к таким бракам? Судя по некоторым источникам, им нравилось быть замужем за русскими. А. Руновский, объяснял это тем, что, русские мужья, предоставляли горянкам свободу и окружали их вниманием и почестями, которых они не знали до этого[1339]. Видимо, горянки, непривыкшие к такому проявлению чувств со стороны мужчин – горцев, симпатизировали русским солдатам и офицерам, проявляя самые искренние чувства.

В годы Кавказской войны нередким явлением стало нарушение сословной эндогамии, которая у всех народов Дагестана самым строгим образом соблюдалась. Особенно ревностно к вопросам сословной эндогамии относилась феодальная верхушка, заботясь о своей родословной, старались, чтобы брачующиеся были из равных по знатности семей. Так, дочь Нух-бике была выдана замуж за кайтагского

[1335] Там же.
[1336] Доного Хаджи Мурад «Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны» М., 2005. https://spblib.ru/en/catalog/-/books/3470945-pobedit-tot-kto-vladeet-kavkazom [Дата обращения 12.05.2017]
[1337] Там же.
[1338] Лапин В. В. «Воспоминания солдата: Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Рябова о своей боевой службе на Кавказе»//«Россия и Кавказ - сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб., 2001. С. 351.
[1339] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1398.

уцмия Амир-Чопана[1340]. У представителей Аварского ханского дома, непременным условием считалось, чтобы наследник был рожден в равном браке[1341]. Сословная эндогамия соблюдалась и среди первостепенных узденей.

В рассматриваемое время дагестанская феодальная знать вступала в брачные союзы с аристократическими семьями Кабарды, Черкесии, Крыма и др. Это было немаловажно в реалиях постоянных военных столкновений, в результате таких браков, стороны получали надежного политического союзника. По имеющимся сведениям, феодальная знать нередко брала в замужество или выдавала своих дочерей из дома шамхалов Тарковских, за кабардинских и брагунских князей[1342]. Знатные кабардинские семьи роднились с феодальными сословиями Кумыкии, женив своих сыновей на дочерях кумыкских князей. Известно, что шамхал Чопан состоял в родстве со знатным кабардинским родом Анзоровых. Его внук Айдемир был женат на сестре кабардинского князя Мудара Алкасова[1343]. По сведениям С. Ш. Гаджиевой, дочь кумыкского князя Капланова была замужем за кабардинским князем Атажукиным[1344].

В период Кавказской войны, вразрез с традиционным укладом жизни горцев, царские власти и имам Шамиль, умело манипулируя в своих интересах, использовали межэтнические браки, как средство достижения своих политических целей.

По словам В. В. Дегоева, имам Шамиль, утверждая свою власть на всей подвластной ему территории, желал властвовать как независимый государь[1345]. Для достижения своих целей, Шамиль, в первую очередь, стремился ограничить «власть и преимущество князей»[1346]. В связи с чем, рационально прибегнул к практике заключения браков среди представителей неравных сословий. При опреде-

[1340] Лиль-Адам В. В. Две недели в Даргинском округе: Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8..С.31.
[1341] Алиев Б. Г, Ахмедов Ш.М., Умаханов М.- С.К. Их истории средневекового Дагестана. Махачкала. 1970. С.81.
[1342] Феодальные отношения в Дагестане. XIX- нач.XX в. Архив. матер. / Сост., предисл., и примеч. Х.- М. Хашаева. М., 1969. С. 87-88.
[1343] История Дагестана: в 4 т. М., 1967. Т. I. С. 281
[1344] Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985. С.178.
[1345] Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С. 136.
[1346] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – С- Петербург, 1871. Т.I. С. 198.

ленных политических обстоятельствах, знать была вынуждена закрыть глаза на несоблюдение сословной принадлежности брачного партнера. Разумеется, это противоречило вековым традициям народа и вызывало недовольство среди людей знатного происхождения.

По мнению А. Руновского, сыновья имама Шамиля вступая в брак с дочерьми из более влиятельных семей, таким образом упрочивали влияние своего отца и свое собственное положение в обществе[1347].

Кроме того, по мнению автора, своих сестер они намеревались выдать замуж таким же образом таким же образом[1348].

Общественный резонанс имела женитьба черкесского наиба Магомед-Амин на княжне Болотоковой, сестре князя Карабека Болотокова из знатного черкесского аристократического рода. По мнению В. В. Дубровина, наиб Шамиля Магомед-Амин, женившись на княжне Болотоковой, нанес тем самым сильное поражение ее брату, темиргоевскому князю[1349]. По замечанию автора, брак имел резонанс в черкесском обществе, которое восприняло его, как неравный союз черкеской княжны с дагестанским пастухом[1350].

Разумеется, такой брак княжны и наиба Шамиля, чье происхождение было не княжеских кровей, не был бы возможен в других исторических реалиях и расценивался бы как явный мезальянс. С религиозной точки зрения, в отличие от адатов, шариат не препятствовал таким бракам, исходя предписаний Корана, где все были равны перед Богом[1351]. Сблизившись с влиятельной семьей, мюриды получали возможность манипулирования северокавказской знатью. С другой стороны, в реалиях военно-политической ситуации, северокавказская знать была вынуждена допускать такую брачную практику, желая восстановить свои былые права.

[1347] Дневник полковника Руновского… // АКАК. Т. XII. Тифлис. 1904. С. 1411.
[1348] Там же.
[1349] Там же.
[1350] Там же.
[1351] Алимова Б. М, Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. С. 19.

Аналогично знатные чеченские тейпы (роды) восприняли женитьбу наиба Хаджи-Мурата на дочери одного из владетелей Чечни. Отношение семьи девушки к этому браку, по мнению А. П. Берже, было негативным[1352]. Автор полагал, что семья девушки, породнившись с Хаджи-Муратом, долго терпело, обидны и насмешки от своих соплеменников, несмотря на то наиб, что Хаджи-Мурат был человеком влиятельным[1353]

Женитьба черкесского князя Султан Казы-Гирея на казачке Людмиле Лучкиной и последовавшее за этим принятие им христианства, вызвало не меньший общественный резонанс в черкесских аристократических кругах[1354]. Неодобрение черкесским обществом брака князя с безродной казачкой в большей степени было связано его переход в христианство. Обычно, девушка, выходившая замуж за иноверца, переходила в его веру. Ярким примером являлась женитьба имама Шамиля на дочери зажиточного моздокского купца Анне Улухановой, принявшей ислам и новое имя Шуанет.

В период Кавказской войны, нередки были случаи, когда кавказские власти высказывали свои пожелания дагестанским владетелям по случаю предполагаемого брачного союза. При этом, военная администрация могла и не одобрить выбор семьи, рекомендовав свои кандидатуры.

В частности, предметом обсуждения стали вопросы, связанные с предстоящей женитьбой сына Мехти-Шамхала Тарковского. В своем письме от 21 марта 1822 года, генерал Ермолов, выразив вначале соболезнование по случаю смерти жены Мехти-Шамхала Тарковского – Севдюк–бике, а далее выразил свое отношение к предстоящей свадьбе сына шамхала. В частности, несмотря на то, что генерал одобрил предстоящую женитьбу сыновей шамхала на дочерях Кумыкских князей, он посоветовал, женить старшего сына Сулейман-пашу на дочери Аксаевского

[1352] Берже А. П. Чечня и чеченцы….С. 13

[1353] Там же.

[1354] Рясная Ю. О. Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе Российского государства в первой половине XIX века. Дисс. … канд. ист. наук. 07.00.02. Пятигорск, 2010. С.143.

князя майора Мусы Хасаева[1355]. По мнению Ермолова, породниться с такой знатной фамилией как Хасаевы, было бы намного выгодней Мехти-Шамхалу Тарковскому[1356].

Он же Ермолов, в своем письме к полковнику Муравьеву от 11 июля 1822 года выражал недовольство по поводу того, что Мехти-Шамхал Тарковскмй намеревался женить сына на дочери убийцы князя Цицианова[1357]. Оба письма яркое свидетельство того, что браки дагестанских владетелей находились в поле зрения кавказской администрации.

Этнокультурному взаимодействию народов способствовал кавказский институт аталычество – отдача ребенка на воспитание чужую семью. Межэтническое аталычество имело распространение среди знатных кавказских семей. Вплоть до начала XX века в семьях чеченцев, адыгов, черкесов, абхазов, кабардинцев воспитывались аталыки. Среди дагестанских народов, аталычество имело место у кумыков и ногайцев. Примечательно, что в дагестанских семьях воспитывались аталыки –казаки. Так, живя в семьях кумыков или ногайцев, сыновья казаков, прекрасно осваивали их обычаи, в том числе, и язык. Указывая на это, исследователи отмечали, что терские казаки могли свободно говорить на языках соседних народов[1358].

Безусловно, в этом институте существенная роль отводилась женщине, которая принимала непосредственное участие в процессе воспитания аталыка. Как правило, воспитание детей независимо от их пола, входило в обязанность жены аталыка. Учитывая, что нередко девочек высшего сословия у некоторых народов Северного Кавказа воспитывали вне своего дома, то большая ответственность лежала на женщине. Хозяйка дома, куда попадали на воспитание девочки, должна была обучить ее не только хозяйственным обязанностям, но тонкостям этикета.

На примере черкесов на это указывал Ф.И. Леонтович: «Черкесская княжна или дворянка отдается в аталыки, где остается до 12 или 13 лет, а иногда и до за-

---

[1355] АКАК Тифлис, 1868. Т.I I. С. 99.
[1356] Там же.
[1357] Там же.
[1358] Великая Н. Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001. С.103.

мужества. Обыкновенно княжна отдается на воспитание жене богатого дворянина. Аталычка учит девочку женским работам, объясняет ей будущее ее положение и обязанности»[1359].

Конечно, институт аталычество способствовал складыванию дружеских, а нередко и родственных отношений между кавказскими народами. Вместе с тем, исследователями отмечались и отрицательные стороны данного обычая.

С другой стороны, у данного института были и отрицательные последствия. По мнению адыгского просветителя Хан-Гирея, «унесенный под чужой кров младенец, не умеющий еще различать предметы, придя в юношеские лета, лишь по слуху узнает своих родителей, братьев и сестер, к которым, естественным образом, не всегда может питать нежную любовь»[1360].

Заметим, что к концу XIX институт аталычество уже не имел распространения среди народов Северного Кавказа. У некоторых народов, сохранялись лишь его реликты.

Женщины играли существенную роль в миротворческих процессах. В частности, исследователями отмечалась посредническая роль женщин в конфликтных ситуациях. Один из таких обычаев заключался в том, что женщина демонстративно сорвав с головы платок, вставала между враждующими мужчинами. Тотчас же конфликт прекращался .

Дагестанский этнограф С. А. Лугуев в действиях женщины усматривал скрытую символику эпохи матриархата[1361]. По мнению автора, женщина, которая никогда на людях не появлялась с непокрытой головой, сорвав с головы платок, призывала мужчин подумать о ее чести[1362]. Этим самым действием, женщина показывала, что она готова публично опозориться, «потерять» честь, лишь бы остановить неминуемое кровопролитие.

[1359] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА». 2002.- С. 148.
[1360] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: «Эльбрус». 1978. С.278.
[1361] Лугуев С. А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX–нач. XX в./ Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.1980. С.48.
[1362] Там же.

Описывая такой обычай у лакцев, С. А. Лугуев указывал на распространение в народе выражения «*карщи ласун*», которое буквально означало - умолять, просить о чем-либо[1363]. Произнося эти слова, лакские женщины непременно снимали с головы платок[1364]. Не вызывает сомнения, что посредством этого обычая, женщинами было спасено немало жизней.

Нередко, женщина могла предотвратить кровную месть, встав между схватившимися в поединке мужчинами. Один из таких примеров из жизни селения Джирабачи описал дагестанский историк Р.М. Магомедов. По сведениям автора, мать останавливала своего сына при попытке убийства обидчика, сказав, что проклянет его, если тот не изменит своих намерений [1365]. Добавив к этому, чтобы молоко, которым она вскормила сыны, пусть станет ядом (гатам)[1366]. Это тяжелое заклятие матери, безусловно, остановило сына от возможного убийства обидчика. Мать таким радикальным способом помогла семье избежать кровной мести.

Аналогичные обычаи имели место и у других народов Северного Кавказа. В частности, такой обычай бытовал у адыгов. По сведениям И.Ф. Бларамберга, любое кровопролитие прекращалось, если в гущу сражающихся мужчин бросалась женщина с распушенными волосами[1367]. Особо реагировали на действия женщин преклонного возраста или из уважаемых адыгских семей[1368]. О почитание женщин адыгами, свидетельствует и то, что никакое кровомщение не могло происходить в присутствие женщин[1369]. Безусловно, эти примеры отражают посредническую миротворческую роль женщин.

Так, роль женщины - миротворца, отражает бытовавший у лакцев обряд примирения – «пропускание через рубашку». Суть этого обряда сводилась к тому, что мать убитого должна была пропустить через свою рубашку убийцу, имитируя тем

[1363] Там же.
[1364] Там же.
[1365] См.: Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. С. 22
[1366] Там же.

[1367] Бларамберг И. Ф. Адыги. 1974.С.385.
[1368] Там же.
[1369] Там же.

самым роды[1370]. В результате, «родившийся ребенок», т.е. потенциальный кровник становился ее сыном[1371]. Безусловно, данный обряд спасал убийцу от неминуемой кровной мести.

По замечанию С.А. Лугуева такой обряд примирения в давние времена имел место и у лакцев[1372]. К такому способу примирения кровников прибегали очень редко, так как он не имел популярности в народе, его даже осуждали[1373].

Были распространены среди народов Дагестана и другие интересные обычаи с незначительными вариациями, где миротворческая роль принадлежала исключительно женщинам. Так, по одному из обычаев, бытовавшим в давние времена у салаватских аварцев селения Гуни, убийца должен был прикоснуться рукой или губами к груди женщины из рода кровника[1374]. Таким необычным ритуалом, мать символично усыновляла убийцу и сохраняла ему жизнь.

По мнению Ю.Ю. Карпова, во всех этих обычаях усыновление потерпевшей стороной своего врага, явно прослеживалось проявление такого института семьи, как молочное родство[1375]. Мать в этом обряде примирения, проявляла властные качества, всю ответственность за происходящее брала на себя.

Заметим, что в условиях существования кровной мести, это было проявлением большого мужества женщиной. Женская мудрость проявлялась в умении прощать самого злейшего врага.

Многими исследователями отмечалось, что добиться прощения от матери было крайне сложно. Так, по мнению А.В. Комарова, сложно было уговорить к примирению женщин рода, особенно мать убитого[1376]. Так, в южно–дагестанских обществах обязательным считалось получения прощения убийце от матери убито-

---

[1370] См.: Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С.81

[1371] Там же

[1372] Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX–нач. XX в./ Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.1980. С. 48

[1373] Там же.

[1374] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985. С. 324.

[1375] Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. С.287

[1376] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868.Вып.1

го. Примирение могло не состояться, если мать не давала на это добро[1377]. В процессе примирения сложнее всего было уговорить женщин, особенно мать убитого, от решения которой зависела судьба кровника[1378].

Несмотря на все сложности, примирение все же происходило. Нельзя забывать, что в реалиях сложной демографии, к этому обычаю могли прибегать рационально. Понимая, всю свою ответственность за предотвращение дальнейшей кровной мести, мать шла на примирение с кровником. В этом, на наш взгляд, следует усматривать очень важную миротворческую миссию женщины.

Примечательно, что в последствие, примирившиеся таким образом семьи, долгое время находились в отношениях, близких к родственному, что предотвращало дальнейшие конфликты [1379].

Было бы неверным утверждать, что женщина всегда шла на примирение с кровником. Каждый случай был особым, где действия женщины зависели от обстоятельств. При одних обстоятельствах, женщина подводила мужчин тухума на примирение с кровником. При других, наоборот, подливала масла в огонь, подстрекая мужчин к кровной мести. Как видим, и в том и в другом случае, женщина, оказывая влияние на поступки родственников мужчин.

Исследование специфики женской повседневности в процессах этнокультурного взаимодействия в годы Кавказской войны и после ее окончания показало, что в результате различных форм взаимодействия, сформировались связи между представителями разных этносов и конфессий. Традиционные кавказские институты (гостеприимство, куначество, аталычество, немыслимые без участия женщин) подвергались модернизации и в то же время играли существенную роль в миротворчестве. Складыванию этнокультурных контактов способствовали межэтнические браки, которые как средство достижения своих политических целей, использовали противоборствующие стороны Кавказской войны.

[1377] См.: Халифаевая А. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004. С.103

[1378] Там же.

[1379] Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ.Тифлис, 1875. Вып. VIII.

ГЛАВА 3. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБЩЕРОССИЙСКИХ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ – КОНЦА XIX в.

3.1. Трансформации женской повседневности у народов Дагестана под влиянием реформ в сфере образования во второй половине XIX века

Завершение Кавказской войны и окончательное вхождение Дагестана в состав Российской империи, совпало с периодом проведения важных буржуазных реформ. В общем контексте преобразований пореформенного периода шел процесс становления и развития женского образования. Первостепенное значение придавалось распространению в крае светского образования, что было обусловлено стремлением Российской империи оказывать идеологическое воздействие на общество. Все это послужило предпосылкой развития на Кавказе, и в частности в Дагестане, женского светского образования, которое существенным образом изменило жизнь женщин.

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в разгар Кавказской войны, несмотря на то, что культурное развитие коренных народов ещё не стало первостепенной задачей российских властей. Однако для укоренения российского присутствия на Кавказе было очень важно внедрить элементы имперской образовательной системы. Генерал Клюки фон–Клугенау, отмечая важность и необходимость образования для местного населения, писал в 1844 году, что властям следовало обратить самое пристальное внимание на проблему образования в крае [1380]. По мнению генерала, это было неизбежно, так как помогло быть прочно упрочить в Дагестане российскую власть[1381]. При этом, Клюки фон–Клугенау, особо подчеркивал, что это достойный для Российской империи путь[1382].

В пореформенный период политика кавказских властей в этом направлении активизировалась. В архивных делах имеются сведения, отражающие различные аспекты образовательной политики в Дагестане. В частности, имеются обращения

[1380] Дело канцелярии нач. Дагестанской области, 1851. С. 156
[1381] Там же.
[1382] Там же.

военного губернатора Дагестанской области к Главному начальнику гражданской частью на Кавказе о необходимости открыть в селениях Ботлих и Хунзах «нормальные школы[1383]. Под «нормальными школами» губернатор, конечно, подразумевал светские школы, которые предоставляли населению возможность дать детям начальное образование. Безусловно, светское образование должно было стать альтернативой мусульманскому образованию, позиции которого были очень сильны в дагестанском обществе.

Религиозное образование исследуемый период было всеобщим и доступным, в том числе и для девочек. Дифференцированная система образования представляла собой три основных уровня: начальная – коранская школа, школа низшего типа – мектеб и школа повышенного типа – медресе. В коранской школе срок учебы ограничивался 1–2 годами, в мектебе, учебный курс продолжался от 3 до 4 лет, в медресе срок обучения составлял 10 и более лет.

Обучение мальчиков и девочек в этих школах было раздельным. Мальчиков учил мулла в мечети, а девочки обучались, как правило, у себя дома или у женщины, которая владела арабской грамотой. Нередко, чтобы избежать общения с мальчиками, родители предпочитали дать девочкам домашнее образование. Девочки помимо Корана, как будущие хозяйки должны были освоить искусство домоуправления. По сведения А. Захарова, в женской школе г. Дербента, учениц приучали к труду, исполняя круг привычных домашних работ[1384]. Автор отмечал разделение обязанностей между ученицами, каждая из которых могла выполнять конкретную работу: готовка пищи, снабжение водой, воду, разведение огонь и т.д.[1385]. По сведениям А. Захарова, не выполнив хозяйственных работ, учительница не приступала к занятиям[1386].

Как видно из данного текста, домоводство являлось приоритетным направлением в подобных школах, здесь ученицам прививали хозяйственные навыки, кото-

[1383] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 99. Л. 1.
[1384] Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 114-115.
[1385] Там же.
[1386] Там же.

рые должны были пригодиться им в будущей семейной жизни. Очевидно, что при таком подходе собственно образование учениц оказывалось на втором плане. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что девочек выдавали замуж очень рано, нередко и с 12-13 лет, а родители больше заботились об удачном замужестве дочерей. Надо сказать, что такая тенденция сохранялась вплоть до революционных событий октября 1917 года. Подобное отношение к образованию дочерей приводило к тому, что число мальчиков в школах при мечетях во много раз превышало число девочек-учениц. Так, например, в Темир-Хан-Шуринском округе в 1891 году в 88 школах при мечетях из общего количества (925) учеников девочек было всего 142[1387]. В 1896 году в этом же округе в 78 школах обучались 729 мальчиков и 198 девочек [1388].

В 1896 году в Дагестанской области функционировало 724 школы, которые посещали 5091 человек, из них только 646 девочек [1389].

Безусловно, эти цифры отражают консерватизм, господствовавший в дагестанском обществе и в дагестанских семьях, которые не признавали необходимости получения женщинами образования. Вместе с тем, такой подход к женскому образованию был присущ в целом для всех регионов Российской империи в то время, когда доминировало сложившееся в веках представление о необязательности образования для женщин.

Альтернативой религиозным школам, как уже отмечалось выше, должны были стать светские школы для девочек. Первые шаги государство предприняло в конце 50-х гг. XIX века, законодательно закрепив основы светского женского образования в Российской империи в «Проекте устава общеобразовательных заведений[1390]. С целью увеличения количества светских женских учебных заведений была принята программа реформирования женского образования. О важности развития системы женского образования для государства, докладывал императору Александру II в марте 1856 года министр народного просвещения А. С. Норов. В своем до-

[1387] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 109. Л. 34-35.
[1388] Там же.
[1389] Обзор Дагестанской области за 1896 год. Темир-Хан-Шура.
[1390] Народное образование в России. М., 1910. С.29-30.

кладе министр особо отмечал, что открытие женских школ в губернских и уездных городах, а также в в больших селениях, является долгом государства[1391]. Как видно из доклада министра народного просвещения, обращалось внимание императора на открытие всесословных школ для женщин.

В 60-е годы XIX века девушки получили возможность получить общее образование в светских школах, что было связано с проведением реформы в 1864 году. До этого для девушек существовали лишь частные пансионы. Однако, несмотря на принятую программу реформирования женского образования, воспользоваться такой возможностью смогли немногие. Как правило, это были дочери из обеспеченных семей, а для девушек из бедных семей доступ к среднему и высшему образованию вплоть до 1917 г. был практически закрыт.

Становление и развитие женского светского образования в Дагестане относится к концу 40–50 гг. XIX века. Первые учебные заведения для девочек были открыты в уездных городах – Дербенте и Темир-Хан-Шуре, где были расположены военные гарнизоны, и было сосредоточено русское население. В этих школах обучались дочери из семей военной и гражданской администрации, военных чинов. Со временем учебные заведения стали центрами распространения грамотности среди дагестанских женщин.

Надо заметить, что военная администрация была заинтересована в развитии светского образования в крае. Находясь по долгу службы в различных населенных пунктах Дагестана, военные и гражданские чины кавказской администрации, старались создать условия для своих детей, в том числе и для образования.

В частности, в Темир-Хан-Шуре, которая подобно другим штаб-квартирам на Кавказе, сделалась центром русской колонизации в северном Дагестане, была открыта школа для детей военных Апшеронского полка[1392].

[1391] Цит. по: Кузьменко Д.П. Народное образование в России в царствование Дома Романовых // Россия в ее прошлом и настоящем. М., 1914. С.10. URL: http://admin.rostmuseum.ru/Upload/996a563b-efc1-4c16-8a58-873005f4f26a.pdf

[1392] Цит.: Очерки истории города Темир-хана-Шуры. – учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // Сборник для описания местностей и племен Кавказа Вып.19.1894. С.12

В 1856 году известный врач И.С. Костемировский, будучи в Дагестане, открыл в селение Дженгутай при штабе Дагестанского конно-иррегулярного полка школу для обучения русской грамоте детей служащих полка[1393]. По имеющимся сведениям, там обучались сыновья и малолетние братья всадников полка, а девочек в школе не было.

Учитывая то, что светское женское образование развивалось параллельно с мусульманской системой духовного образования, служители религиозных учреждений также всячески препятствовали вовлечению женщин в русло светского образования. Очевидно, что родители по-прежнему были консервативны в вопросах образования дочерей, считая более приоритетным для своих дочерей удачное замужество, ограничивались получением ими начального религиозного образования.

Кроме того, сказывалось и общественное мнение, которое не приветствовало распространение светских знаний среди женского населения, в силу национальных традиций. В общественном сознании слишком укоренились стереотипы в отношении образованных женщин, грамотность которых непременно приводила к их распущенности. Такая установка имела место в бытность существования теократического государства – имамат. Отмечалось наличие причинно-следственной связи между грамотностью женщин и их распущенностью, поэтому на территории, подвластной имамату, было строжайше запрещено женщинам обучаться письму. По мнению, самого Шамиля, этим запретом, он «отнял у женщин возможность нарушать целомудрие»[1394]. Видимо исходя из таких соображений, во многих мектебах девочек не обучали письменности, а ограничивались лишь начальными навыкам чтения. По мнению А. Захарова, родители шли на это для того, чтобы их дочери «не писали любовных писем молодым людям»[1395].

Фактором, сдерживающим большее вовлечение женщин-горянок в светское образование, являлся и сложившийся стереотип мышления о чуждости всего рус-

---

[1393] Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989.. С. 122.
[1394] АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С.1416.
[1395] Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 113.

ского, имперского. Очевидно, что этот стереотип был следствием Кавказской войны, которая болезненно отложилась в памяти дагестанских народов.

По мнению С. Фарфоровского, религиозное образование в Дагестане было направлено на противодействие к русским, путем всяческого возбуждения в людях мусульманского фанатизма[1396]. Конечно, для российских властей было очень важно эффективно противостоять этому фанатизму при помощи светского образования. В образовании местного населения, в том числе и женщин, кавказская администрация видела единственную возможность в создании новой социально-культурной среды, лояльной к российским властям. Важность этой миссии отмечал наместник, князь М.С. Воронцов, полагая, что вообще успех утверждения России на Кавказе, зависит образованности местного населения[1397]. По замечанию князя, для полной победы над идеологией мюридизма, главным оружием в руках правительства, должно было стать воспитание[1398].

Безусловно, наместник понимал, что одними репрессивными мерами достичь результатов было бы невозможно, поэтому принял самое правильное решение – пойти на сближение с мусульманским образованием[1399]. В мусульманскую систему образования были внедрены некоторые элементы светского образования. Так, например, в мусульманской школе Дербента, наряду с Кораном дети стали изучать русский язык[1400]. По сведениям Е. И. Козубского, духовенство, видя такую политику российских властей, не препятствовало обучению детей светским наукам, а даже поощряло[1401].

[1396]См: Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. №11. С.3.
[1397] АКАК. Тифлис. 1885. Т.Х. С.897.
[1398] Там же.
[1399] Муртазалиев С.И., Рагимова П.Ф. История конфессиональных систем образования Дагестана и общероссийские проблемы теологизации системы образования. Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2005. С.87.
[1400] Там же. С.897.
[1401] Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. Русская типография М. Сорокина, 1906. С.224.

Уже вскоре, результаты этих реформ дали о себе знать. По справедливому замечанию лингвиста и этнографа П.К. Услара, по количеству школ на процент народонаселения, Дагестан опередил многие европейские народы[1402].

Результатом такой политики в области образования, стало открытие женских учебных заведений по всему Кавказу, в том числе и в Дагестане. Главный упор делался на создание социальных школ для неимущих слоев. Конечно, это открывало доступ к образованию девочкам из небогатых семей. Так, например, только за 1849 год на Кавказе было открыто семь новых учебных заведений для девушек из бедных семей[1403]. Примечательно, что из семи школ, две были открыты в Дербенте[1404].

Почётной попечительницей женских учебных заведений являлась супруга наместника, светлейшая княгиня, статс-дама Е.К. Воронцова[1405]. Кроме того, учебные заведения для девушек в кавказских губерниях открывались при непосредственном ее содействии [1406], в основном на благотворительные средства.

По сведениям М. В. Краснова, в 1846 г. в Тифлисе за счет благотворительных средств было открыто женское учебное заведение св. Нины, где обучались девочки из малоимущих семей[1407]. В Кавказском календаре на 1847 год приводились сведения о членах этого благотворительного общества, среди них: председательница княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, вице – председательница Тамара Грузинская, члены Правления – Княгиня Соломея Ивановна Чавчавадзе, Елизавета Христафоровна Коханова, княгиня Варвара Багратовна Джамбакуриан – Орбельянова и др. В общей сложности, членами благотворительного общества являлись более 60 представительниц известных княжеских фамилий, среди которых Нина

[1402] Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1990. С. 162-163.
[1403] АКАК. Тифлис. 1885. Т.Х. С.883.
[1404] Там же.
[1405] Сборник императорского русского исторического общества. Том шестнадцатый С.- Петербург 1887 // Азбучный указатель имён русских деятелей для русского биографического словаря. В 2 частях. Часть I. Л. -М.: Аспект Пресс, 2003. С. 117.
[1406] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. – учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК .Вып.19.1894. С.60.
[1407] Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. С.55.

Александровна Грибоедова, Анна Павловна Дмитревская, Анна Ефимовна Клюги-Фон-Клугенау и др.[1408]

Следует сказать, что многие из них сами были попечительницами женских учебных заведений. Являясь непосредственными участниками образовательного процесса, они играли важную роль в сфере жизнедеятельности учебных заведений: осуществляли учебный процесс, обеспечивали учебниками, находили источники финансирования и др.

В Дагестане учебные заведения и попечительские советы так же находились под покровительством жен государственных и военных чинов. Так, например, Анна Ефимовна Клюги-Фон-Клугенау супруга генерал-лейтенанта Ф.К. Клюги-Фон-Клугенау, участника дагестанских военных экспедиций 1840-1845гг., оказывала непосредственное содействие открытию школ для девочек в Дагестане[1409].

Понимая, что казенных учебных заведений для девочек в Дагестане не хватало, жены военных и государственных чинов часто были инициаторами открытия частных школ. Необходимо отметить, что это им удавалось с большими трудностями, так как существовали разные бюрократические преграды. Например, нужно было не только получить разрешение командующего войсками и кавказского учебного округа, но и убедить их в том, что такие учебные заведения необходимы.

В частности, через все эти трудности пришлось пройти Н. Есиповой, когда она пыталась получить разрешение открыть частную школу для девочек в Темир-Хан-Шуре. Ей пришлось обратиться с ходатайством к командующему войсками в Прикаспийском крае, а также к попечителю кавказского учебного округа. По имеющимся сведениям, попечитель отказался удовлетворить просьбу Н. Есиповой, так как полагал, что она должна была пройти испытания, которые позволили бы ей работать домашней учительницей[1410]. И, только пройдя все испытания, Н. Есиповой удалось добиться положительного решения вопроса. Сам попечитель, принимая во

[1408] Кавказский календарь» на 1847 г. Типография Канцелярии наместника Кавказа. Тифлис. 1846 . С.264.
[1409] Там же.
[1410] Цит.: Очерки истории города Темир-хана-Шуры. – учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК .Вып.19.1894. С. 63.

внимание, что в столичном городе Темир-Хан-Шуре не было женской школы, вышел с ходатайством к наместнику[1411]. Тем самым, помог Н. Есиповой открыть учебное заведение. По имеющимся сведениям, в ноябре 1858 года, Н. Есипова получила долгожданное разрешение от наместника на открытие частной школы (пансиона) в Темир-Хан-Шуре[1412]. По объективным причинам открытие стало возможным только в июля 1859 года и просуществовала школа до до 1875 года[1413]. По мнению Е.И. Козубского, с открытием в городе мужской и женской прогимназий, школа-пансион Н. Есиповой, не выдержала с ними конкуренции[1414].

Надо отметить, что в пореформенный период, государство значительно сокращало число частных школ и курсов, что было законодательно закреплено в «Положениях о женских училищах» за 1858, 1860, 1870 годы. Частные школы продолжали функционировать по специальным где регламентировались правила учреждения частных учебных заведений, их статус и пр.»[1415].

Этими правилами руководствовались и при открытие частных школ в Дагестане. Так, частная школа для девочек из всех социальных слоев бы открыта в 1864 году в Темир-Хан-Шуре. Инициатором открытия являлась княгиня А.М. Меликова – супруга князя Левана Ивановича Меликова, первого начальника Дагестанской области. Е.И. Козубский сообщал, что первоначальные средства для открытия и содержания давала общественная благотворительность и ежегодные взносы членов общества[1416]. В 1865 году школой заведовала надзирательница –Ульяновская, а в 1866 году году– Лосева[1417], которая оставалась в этой должности 10 лет. Добросовестный труд г. Лосевой, не остался не замеченным, за вклад в содержание пансио-

---

[1411] Там же.
[1412] Там же.
[1413]Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 8-9.
[1414] Там же.
[1415] Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. Собр. действующих законоположений и распоряжений о част. учеб. заведениях и о домаш. обучении / А.М. Лаурсон. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1912. XXVIII, С.13.
[1416] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 60.
[1417] Там же. С.61.

на она была в 1871 году награждена от Великого Князя Наместника подарком в 200 рублей[1418].

Следует отметить вклад в женское светское образование Е. Котляревской. Ей удалось получить разрешение от властей открыть в Темир-Хан-Шуре в 1872 году частное женское училище с пансионом. К сожалению, училище просуществовало недолго, всего лишь 3 года. По причине отъезда основательницы Е. Котляревской из Дагестана, училище было закрыто[1419].

Ввиду того, что город Темир-Хан-Шура являлся главным культурным, политическим центром Дагестана и здесь жили военный губернатор Дагестанской области, дагестанская аристократия, военные, образованию здесь придавалось большое значение, городская элита была заинтересована в его высоком уровне. Столь представительное население города прилагало все усилия для усовершенствования светского образования, в том числе и женского.

С назначением в конце 1862 г. наместником Великого князя Михаила Николаевича Романова большое внимание стало уделяться подготовке специалистов. Ознакомившись с состоянием учебного дела в крае, князь счел необходимым открыть бесплатные школы, обеспечив их необходимыми специалистами.

В 1865 г. великий князь утвердил в Темир-Хан-Шуре проект устава «Дома женской бесплатной школы»[1420]. Школа на протяжении всего периода существования содержалась на средства от частных пожертвований и ежегодных взносов членов общества-учредителя. Контингент обучающихся формировался в основном из детей малоимущих семей, у которых не было возможности учить детей в других учебных заведениях. По имеющимся архивным данным, в школе учились девочки от 8 до 12 лет, которые находились на полном казенном обеспечении с расчета 50

[1418] Там же. С.64.
[1419]См.:Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. С. 159.
[1420] См.: Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. Т. I. Вып.1. С. 230.

рублей в год [1421]. Из материалов архивного дела следует, что помимо учебных дисциплин, девочек обучали рукоделию и ведению домашнего хозяйства[1422].

Школа была на хорошем счету, и даже была удостоена внимания самого Государя Императора Александра II, который во время пребывания в 1871 г. Темир-Хан-Шуре пожаловал на ее нужды 300 р.[1423]

В 1872 году учебное заведение, с целью предоставить возможность «большему числу девиц получить более основательное образование», было преобразовано в бесплатную школу для приходящих, а с сентября 1874 года начала функционировать «высшее отделение для подготовки учеников прогимназического курса»[1424].

Учитывая, что школа была самой большой в Дагестанской области по количеству учащихся и наиболее организованной, в 1874 году было получено официальное разрешение Министерства Народного Просвещения о преобразовании ее в прогимназию. В 1875 году бесплатная школа была преобразована в 4-х классную прогимназию, на содержание которой из местных доходов Закавказского края ежегодно отпускалось по 1500 рублей[1425].

По имеющимся архивным данным, число учениц этого заведения из года в год росло: если в 1875 г. в школе обучалось 50 учениц, то в 1888 г. 4-х классная прогимназия выпустила уже – 79 учениц, 1889 г. – 89 учениц, а в 1890 – 114 учениц [1426].

Начальницей была княгиня Накашидзе Аделаида Львовна, супруга статского советника Накашидзе Михаила Александровича. Он же являлся и председателем попечительского совета Темир-Хан-Шуринской прогимназии. Помощницей начальницы была Анна Ивановна Поликострицкая, которая преподавала здесь французский язык. Имеются сведения, что после отъезда в 1895 году из Темир-

[1421] ЦГА РД.Ф.77. Оп.1. Д.3.Л.9.
[1422] Там же
[1423]См.: Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С.61.
[1424] Там же. С.62.
[1425] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
[1426] Там же.

Хан-Шуры княжеской четы Накашидзе, А. И. Поликострицкая, как активная сторонница развития женского гимназического образования, являлась непосредственным инициатором открытия на базе женской прогимназии– гимназии.

В отчете начальников округов Дагестанской области за 1895 год упоминается о ходатайстве А.И. Поликострицкой к властям об открытие женской гимназии в Темир-Хан-Шуре[1427]. А.И. Поликострицкая в своем ходатайстве отмечала важность открытия женской гимназии, которая, став «рассадницей» высшего женского образования, могла бы решить проблему с педагогическими кадрами[1428]. В 1897 году ходатайство А.И. Поликострицкой было удовлетворено, и в Темир-Хан-Шуре наконец была открыта женская гимназия [1429].

Значительную лепту в гимназическое образование Темир-Хан-Шуры внесли ее коллеги – Яновская Ольга Николаевна, учительница русского языка, Каширинова Елизавета Ивановна, учительница арифметики, Сташевская Софья Иосифовна, учительница географии, Вишневская Марфа Ивановна, учительница чистописания и рукоделия, Флавицкая Ольга Яковлевна, учительница приготовительного класса[1430].

В гимназии учились дочери дагестанских аристократических родов и новой буржуазии. В частности, дочь купца второй гильдии Магома-Али Курахмаева, Калимат, окончила Темир-Хан-Шуринскую женскую гимназию на "отлично". Она выделялась среди сверстниц хорошими манерами и проявляла большой интерес к литературе и языкам[1431].

По сведениям Е.И. Козубского, из 79 выпускниц, 25 смогли поступить в гимназии других городов, чтобы завершить курс обучения[1432]. Кроме того, 21 вы-

---

[1427] Там же. Д. 9а. Л.32
[1428] Там же.
[1429] ЦГА РД. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 61
[1430] Там же.
[1431] См.:Гаджиев Булач. Дочери Дагестана. URL:http://www.e-reading.club/bookreader.php/1035130/Gadzhiev_-_Docheri_Dagestana.html [Дата обращения 15.02.2018]
[1432] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 63.

пускница гимназии получило свидетельство на звание учительниц начальных классов[1433].

В Темир-Хан-Шуринской гимназии училась Тату Булач (первая горянка-комсомолка - О.М.) и ее сестра Зулмут [1434].

Существенная роль в сфере жизнедеятельности учебных заведений отводилась благотворительности. В материалах архивного дела (РГИА) «Об учреждении на счет частной благотворительности начальных женских школ в Дербенте и в укреплении Темир Хан Шуре», имеются сведения о том, что за счет частных благотворительных средств в 1865 году, в Дербенте и Темир Хан Шуре были открыты бесплатные начальные женские школы[1435].

Одним из немаловажных фактов, оказавших положительное влияние на развитие женского образования, безусловно, являлась деятельность Попечительских советов. По архивным данным, Попечительский Совет Темир-Хан-Шуринской женской гимназии оказывал ей существенную материальную и финансовую помощь[1436], ежегодно выделяя на благотворительность по 10 рублей[1437].

Наряду с Темир-Хан-Шурой, важную роль в становлении женского светского образования играл Дербент. При создании школ для девочек учитывались запросы разных слоев населения и разных конфессий, которые были заинтересованы дать своим дочерям образование.

Так, по инициативе Е.Г. Джемарджидзе, супруги градоначальника, была открыта в 1864 г. женская школа в Дербенте. По сведениям Е. Н. Козубского, перед школой стояла задача, подготовить из учениц хороших жен и матерей, воспитав их применительно традициям[1438]. По мнению автора, главный упор в женской школе

[1433] Там же.
[1434] Хожоков М.-Ш.А. Чох и чохцы: публицистика. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С.42; Тахнаева П.М. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М.: типография «Новости», 2010. С.299.
[1435] РГИА. Ф.1268, Оп.10 Д.81 .Л.1-3.
[1436] ЦГА РД. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Лл. 6–7, 10
[1437] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 50.
[1438] Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С. 270.

был сделан на полезный труд, девочек обучали рукоделию, ведению домашнего хозяйства, хорошим манерам, и, конечно, грамоте[1439].

Школой заведовала русская надзирательница, в помощь которой была поставлена женщина – мусульманка, в обязанности которой входило обучение девочек Корану[1440]. На учебное заведение, как центр образования женщин, возлагалась и задача объединения людей разных национальностей [1441]. В связи с чем, в женский пансион были приняты 6 городских девушек, представительницы русской и армянской национальности[1442].

В разное время, попечительницами этой школы были супруга градоначальника Дербента, И.П. Мадатова, супруга начальника Кайтаго-Табасаранского округа Ю.Г. Макаева, жена генерала А.И. Араблинская, супруга отставного Статс-советника М.П. Козляковского[1443].

Училище содержалось за счет благотворительных средств: единовременных пожертвований, ежегодных взносов попечителей, сборов от спектаклей[1444]. Хлебом и другими съестными припасами училище обеспечивала местная знать, в том числе, Юсуф-хан Кюринский, кайтагские и табасаранские беки[1445]. Несмотря на пожертвования и благотворительность, достаточных средств на содержание училища не хватало. В конечном итоге, это вынудило власти преобразовать ее в бесплатную школу для девушек всех сословий [1446].

Среди веских причин преобразования училища было то, что шестилетний курс воспитания местными девушками не выдерживался[1447]. Видимо, родители девочек-мусульманок считали, что дочерям достаточно получить элементарные знания, а тратить шесть лет на обучение не имеет смысла, так как есть более важные цели – замужество. Новый статус училища, который давал возможность получить

[1439] Там же.
[1440] Там же.
[1441] Там же. С.271.
[1442] Там же.
[1443] Там же. С. 271-272.
[1444] Там же.
[1445] Там же.
[1446] Там же.
[1447] Там же.

образование всем девушкам, независимо от сословной принадлежности, способствовал росту количества учениц.

По материалам архивного дела, по отчетам за 1883 год в Дербентском женском училище обучалось всего 32 девочки[1448]. Эта цифра особо не изменилась и за 8 прошедших лет, по отчету за 1891 год учениц было 40, а спустя 2 года опять сократилось до 35[1449]. Что касается педагогических кадров, то практически все были приезжие, из разных уголков Российской империи.

В 1899 году в Дербенте было разрешено домашней учительнице госпоже М.С. Циммер открыть начальную школу (подготовительные курсы), где из общего числа 16 учеников, 8 были девочки. По сведениям Е. И. Козубского, городским собранием в этом же году по ее ходатайству было назначено пособие от городских властей, в размере 200 рублей[1450].

Женские учебные заведения Дербента находились в поле зрения городских властей, которыми неоднократно поднимались вопросы материального обеспечения, деятельности попечительских советов, качества обучения. Так, например, в мае 1897 года в городском собрании Дербента обсуждались вопросы, касающиеся начальной женской школы, в том числе были озвучены имеющиеся проблемы. По данным источника, обратив внимание на плачевное состояние женского образования в Дербенте, и. о. городского старосты, поднял вопрос о необходимости открытия женского учебного заведения в объеме курса женской прогимназии [1451]. При этом особо обращалось внимание, что в начальной школе всего одна учительница, на 60 учеников[1452]. По мнению старосты, существующая начальная школа не в состоянии дать образование всем желающим[1453].

[1448] ЦГА РД.Ф.2. Оп.2.Д.98.Л.2
[1449] Там же. Д.109. Л.4
[1450] Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.441.
[1451] Там же. С.437- 438.
[1452] Там же.
[1453] Там же.

Кроме того, обращалось внимание на необходимость благоустройства школы за счет ежегодного материального обеспечения со стороны городских властей[1454]. В итоге, после долгого обсуждения, вышли с ходатайством к губернатору о преобразовании существующей в Дербенте одноклассной женской школы в четырехклассную классную женскую прогимназию»[1455]. В ходатайстве особо почеркнули, важное значение прогимназии для воспитания и образования девочек, как будущих матерей и хозяек[1456].

Что касается материального обеспечения прогимназии, то планировалось отпускать из городских средств, одну тысячу рублей, вместо 300 рублей, которые отпускались Дербентской женской школе [1457]. Остальную часть расходов должны были получать из казны и за счет благотворительности[1458].

Несмотря на это ходатайство, и ходатайство попечительского совета женской школы, вопрос о финансировании прогимназии несколько лет оставался не решенным. По имеющимся сведениям, Министерство Народного просвещения школе «в субсидиях 1000 рублей отказало»[1459]. Кроме того, городские власти, в силу того, что имелись разногласия с председательницей попечительского совета прогимназии, тянули с вопросом финансирования прогимназии. А суть разногласий касалась состава попечительского совета, среди которых городские власти желали бы видеть представителей от города, для чего попечительский совет, должен был освободить некоторое число мест[1460].

В этой связи, представляет интерес позиция председательницы попечительского совета, которая не желала принимать этих условий, несмотря на давление со стороны городских властей. Мало того, она за свою принципиальность была обвинена в том, что «превратно понимает разъяснение попечителя округа»[1461]. И как

[1454] Там же. С.438.
[1455] Там же.
[1456] Там же.
[1457] Там же.
[1458] Там же.
[1459] Там же.
[1460] Там же. С.439.
[1461] Там же.

следствие этого, вопрос о финансировании затянулся на несколько лет, и прогимназия была преобразована в гимназию лишь в 1904 году[1462].

Известно, что с ходатайством к Военному губернатору края с письмом обратился Попечительский совет прогимназии, который отмечал важность открытия гимназии. В ходатайстве также говорилось, что желающих поступить в в гимназию с каждым годом растет[1463]. В итоге председательнице с определенными трудностями, но все же удалось решить вопрос положительно.

По сведениям Е.И. Козубского, в 1906 году городское управление, решило это единственное образовательное учреждение для девочек передать в ведение города[1464]. Что, безусловно, сказалось на материальном состоянии заведения.

Особо следует сказать о женских учебных заведениях Порт – Петровска. Поскольку Петровское укрепление в 1857 году получило статус города, то темпы развития женского светского образования здесь были неплохие. Главной задачей светских школ было образование детей военных чинов и гражданской администрации города. Большую работу осуществляли женщины, чьими силами создавались эти учебные заведения и осуществлялся весь учебный процесс. Так, например, благодаря энтузиазму госпожи Дегаевой и госпожи Смирновой, в 70 –е годы XIX века в Порт-Петровске были открыты две частные школы для девочек.

В эти же годы в городе был открыт частный пансион госпожой М. Серпинэ, который содержался за счет благотворительности. Стараниями М. Серпинэ, пансион вскоре был преобразован в частную женскую прогимназию, в которой обучались дочери из семей военной и городской администрации. Прогимназия просуществовала до 1881года, и, по имеющимся сведениям, на момент закрытия в ее стенах обучалось 17 учениц[1465].

Одной из причин закрытия заведения стала нехватка денег, несмотря на то, что привлекались и благотворительные средства. Наряду с этим, существенным

[1462] ЦГА РД. Ф. 85. Оп. 1. Д. 3. Л.5

[1463] Там же.

[1464] Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.440.

[1465] Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. Вып. 1. С. 230.

фактором стала нехватка соответствующих педагогических кадров. Учитывая, что педагогический персонал был из приезжих девушек, то многие уезжали из города: выходили замуж или не выдерживали местных особенностей. Отсутствие местных педагогических кадров, безусловно, усугубляло ситуацию в сфере женского образования.

Так, в материалах архивного дела имеется отчет начальника Андийского округа за 1896 год, где говорилось о нехватке учителей, о текучести кадров[1466]. Только за пять лет в школе Ботлиха сменилось 4 учителя, которые и года не проработали[1467]. По мнению начальника округа, это отрицательно отражалось на учебном процессе и знаниях учеников, которых учитель и не знал толком[1468]. Ситуация стала улучшаться лишь на рубеже XIX – XX вв., когда стали появляться местные педагогические кадры.

Ввод железной дороги в Порт-Петровске в 1897 г. также способствовал притоку в город населения из других губерний, а также из числа местного населения. Все это привело к открытию новых учебных заведений, которых к началу XX века насчитывалось уже 6, а обучалось в них – 166 девочек[1469], преимущественно городских. К 1902 году женская гимназия Порт-Петровска занимала 1 место по количеству учениц[1470].

Кроме того, выпускницы гимназий, окончившие 8-й дополнительный класс по специальности, по окончанию получали не только аттестат, но и право преподавания[1471], что в какой-то мере решало проблему с педагогическими кадрами.

В 90 –е годы XIX первые женские школы появились в горных селах Казикумухе и Чохе, а также в предгорных селах Нижнем Казанище и Нижнем Дженгутае. Несмотря на это, небольшое число родителей стремилось отдать девочек в школу.

[1466] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
[1467] Там же.
[1468] Там же.
[1469] ЦГА РД.Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
[1470] ЦГА РД. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.
[1471] Там же. Л.4.

По сведениям Е.И. Козубского и Г.Ш. Каймаразова только 25 учениц приходилось на общее число обучающихся – 493 ученика сельских школ[1472].

В 1871 году было ходатайство С.Я. Петровой об открытие в Дешлагаре (Сергокала – О.М.) женского училища. В связи с нехваткой денег в казне, ей было отказано. С.Я. Петрова тем не менее, за счет личных средств и помощи друзей, открыла частную школу в Дешлагаре. Содействие ей было оказано и со стороны супруга – начальника 21 пехотной дивизии генерал-майора Петрова В.А.

К сожалению, частная школа С.Я. Петровой просуществовала недолго, после дислокации 21 пехотной дивизии в Порт – Петровск, она, закрыв школу, была вынуждена последовать за своим мужем. Это был обычный сценарий для того времени. Учитывая тот факт, что военные части постоянно меняли место своей дислокации, то и школы, безусловно, закрывались.

К концу XIX века общее число учащихся составляло 1896 человек, из них 495 девочек. По сведениям Е.И. Козубского, в Дагестанской области, «в 1892 году было 661 учебное заведение с 3805 учащимися мужского пола и 895 женского пола»[1473]. Через год «учебных заведений уже насчитывалось 824 с общим количеством учащихся обоего пола 5029, из них 4368 мужского пола и 661 – женского пола»[1474].

Несмотря на то, что росло число девочек в школах и гимназиях Дагестанской области, доля девочек-горянок в них была по-прежнему незначительной. Как правило, получали образование в светских школах и гимназиях дочери дагестанской аристократии, а также девушки из офицерских и купеческих семей. Основной же контингент девочек, обучающихся в школах и гимназиях, были из семей военных, русской интеллигенции и русских рабочих.

[1472] Козубский Е.И. Темир-Хан - Шуринская женская гимназия. // Кавказ. № 271, 1901.С.10; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: от времени присоединения к России до наших. дней. М.: Наука, 1971. С.70.

[1473] Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 153.

[1474] Там же.

Надо отметить, что такая тенденция имела место и в последующие годы. Конечно, со временем в светских женских учебных заведениях росло число девочек местных национальностей, о чем имелись сведения в Обзоре Дагестанской области за 1915 год, где отмечалось, что 317 девочек – горянок обучалось в светских школах[1475] .

Небольшое количество девочек-горянок, посещающих светские школы, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, обучение в светских школах, в отличие от исламских школ при мечетях, было платным. Учитывая бедность жителей Дагестанской области, когда родители не в состоянии были оплатить обучение своих дочерей, можно понять, почему так мало было учениц светских школ из числа местного населения. Например, обучение в приготовительном и младших классах Темир-Хан-Шуринского реального училища обходилась родителям 15 рублей в год, в старших классах – по 20 рублей, за содержание в пансионе – от 140 до 200 рублей[1476]. Стоимость обучения в Темир-Хан-Шуринской женской гимназии равнялась 73 рублям в год[1477]. Разумеется, такую плату за учебу могли себе позволить не все родители, и, вследствие этого, предпочтение отдавали примечетским школам.

Кроме того, циркуляр 1887 года. «О кухаркиных детях» ограничивал доступ в прогимназии и гимназии детей из необеспеченных семей, повысив оплату за обучения до 40 рублей, вместо 30[1478].

Другая причина, на которую мы уже указывали выше, – это сложившееся консервативное мировоззрение общества и менталитет жителей, которые практически не поменяли своего отношения к женскому образованию.

Наряду с этими причинами существенным препятствием для получения светского образования девочками из семей местных народностей являлась форма

[1475] Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916. С.72.

[1476] Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901. С. 22.

[1477] Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис, 1886. С. 94.

[1478] Кавказский учебный округ. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений 1898 г. Тифлис, 1899.1. С.3.

одежды. Например, существовал запрет на ношение платка в гимназиях, что, по мнению женщин-преподавательниц учебных заведений, оказывало воздействие на мнение родителей. В частности, на эти обстоятельства указывала Абасова Софья Ивановна, учительница Темир-Хан-Шуринской женской гимназии. Она полагала, что многие девочки-горянки не поступали в гимназию, из-за жестких требований администрации учебного заведения, сидеть на занятиях без платков[1479].

Тем не менее, в повседневном сознание дагестанского общества постепенно формировалось положительное отношение к женскому образованию, представление о необходимости светского образования для девушек. В архивных делах имеются ходатайства от родителей, где они обращаются к начальникам округов за содействием определить их детей в учебные заведения[1480]. По сведениям начальника Самурского округа, родители убеждены о необходимости образования детям[1481].

Из архивного дела следовало, что ходатайства родителей в связи с ограниченностью денежных средств не могли быть удовлетворены [1482]. Родители же в силу своей бедности, не могли сами оплатить обучение детей[1483]. В частности, о материальных трудностях родителей на пути к светскому образованию, докладывал военному губернатору Дагестанской области, начальник Гунибского округа [1484].

Между тем, дочери из семей горских офицеров, администрации военно-народного управления, Дагестанской милиции, купцов могли получить гимназическое образование. Их родители, имея финансовые возможности, могли позволить себе дать хорошее образование своим дочерям. Кроме того, родители не препятствовали поступлению своих дочерей, после окончания светских школ, в уездные училища и гимназии.

Так, например, девочки из офицерских семей аула Чох, Гунибского округа Маликова Патимат и Карнаилова Айшат получили образование в известном в то

[1479] См.: Гаджиев А.С. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX-начале XX века. Махачкала, 1996. С. 26.
[1480] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 112. Л. 17
[1481] Там же.
[1482] Там же.
[1483] Там же.
[1484] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 111. Л. 29.

время Тагиевском женском училище г. Баку. Известный нефтепромышленник Тагиев ежегодно предоставлял для девочек из Дагестана вакансии. Благодаря этим вакансиям, смогли получить образование в училище несколько девушек из разных уголков Дагестана – Ф. Табасаранская, Ш. Алкадарская, Казиханова, И. Гайдарова [1485].

Деятельность городских властей также была направлена на поддержание учениц женских учебных заведений. По ходатайству попечителей, из средств городской казны выдавались стипендии для особо отличившихся учениц для продолжения учебы в гимназиях. В частности, городскими властями г. Дербента, на основании заявления г-жи Полетики от 30 июня 1900г., «было постановлено выдавать стипендию в 300 руб. С. Харазовой, окончившей курс в женской школе, для продолжения учения в Т.-Х.-Шуринской женской гимназии с тем, чтобы по окончанию школы она отслужила городу учительницей »[1486].

Имеются сведения о том, что С. Хазарова, окончив курс в Темир-Хан-Шуринской гимназии продолжила учебу во Владикавказе. Она просила о сохранении ей стипендии в 8-9 классах во время обучения во Владикавказе, но «уполномоченные в собрании<…>отказали, так как отец ее в настоящее время человек вполне зажиточный»[1487].

Безусловно, такая материальная поддержка давала девушкам не только возможность поступать в гимназии, но и в будущем гарантировала им работу. Вместе с тем, в виду ограниченности казенных средств, власти не могли удовлетворить все прошения от желающих. Существовало негласное предписание военного губернатора Дагестана, по которому учитывалось сословное состояние просителя. В архивном деле имеются сведения, из которых следует, что «при определении в пансионы детей рассматриваются права по происхождению отца»[1488].

[1485] Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис. канд. пед наук. Махачкала,2007. С. 46.
[1486]Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.442.
[1487] Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1968. С. 55.
[1488] ЦГА РД Ф. 2. Оп. 2. Д. 132. Л. 203.

Разумеется, такие установки закрывали доступ к образованию девочек из небогатых семей, так как не каждый мог позволить себе оплатить обучение. Имеющиеся средства благотворительных фондов тратились в основном на оплату учебы мальчиков в столичных учебных заведениях.

Надо отметить, что вплоть до установления Советской власти, доля женщин-горянок среди учителей в Дагестане была мизерной, по сравнению с представительницами других национальностей.

В 70-90 гг. XIX века стали создаваться условия для получения женщинами высшего образования на специальных курсах при университетах. Несмотря на характерную для государства дискриминацию женщин в сфере высшего образования, получить его могли уже дочери зажиточных и образованных людей. К уровню высшего образования относили Высшие женские курсы, которые открылись в 70- е годы XIX века в Москве, Казани, Киеве, Петербурге[1489]. В 1878 году были открыты Бестужевские курсы для женщин в Петербурге, окончание которых позволяло им заняться преподавательской деятельностью – в женских средних учебных заведениях и младших классах мужских заведений.

В Москве, Казани, Харькове, Саратове, Нижнем Новгороде, Одессе, Астрахани были открыты институты благородных девиц[1490]. В узкосословной системе женского образования, все институты благородных девиц, относились к учебным заведениям I разряда, согласно «Наставления для образования воспитанниц» от 1852 года.

Что касается университетского образования для женщин, то по Университетскому уставу 1863 года, оно им было недоступно. Что вынуждало наиболее прогрессивных девушек, получать университетское образование за рубежом. Лишь в начале XX века в университетских аудиториях можно было увидеть девушек из разных уголков Российской империи, в том числе и Кавказа. Так, по некоторым сведениям, в высших учебных заведениях российской империи с Кавказского края

[1489] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, Т. VI.I СПб., 1876.
[1490] Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С.220.

обучалось «8 117 душ мужского и 296 – женского пола»[1491]. Примечательно, что среди их числа можно было встретить и девушек из дагестанских семей. Как правило, это были дочери из состоятельных семей, чьи родители сами были людьми образованными. По сведениям А. Захарова, дочь из одной такой интеллигентной семьи воспитывалась в институте, в Тифлисе [1492].

Первая женщина в сфере высшего профессионального образования XIX века – Дженнет Далгат. Она получила музыкальное профессиональное образование за рубежом. Для девушки –горянки это было, вообще, уникальным явлением.

Большую роль в осуществлении мечты дочери стать пианисткой, сыграли ее родители - отец Магомед Далгат, депутат IV Государственной Думы, человек высокой европейской культуры и мать Нисаханум, дочь персидского консула в России. Магомед Далгат принимал активное участие в общественной жизни Терской области и Владикавказа. В семье старались привить дочери не только хорошие манеры, но и дать хорошее образование, в том числе и музыкальное. Она брала уроки у известных музыкантов – темирханшуринок[1493]. После окончанию школы, по настоянию отца, закончившего в Германии Вюрцбургский университет, Дженнет поступила в Лейпцигскую консерваторию. Ее педагогами были талантливые музыканты, профессор Альфред Рейзенауэр и профессор Фриц Рейтер, которые высоко оценили способности талантливой девушки.

Общение с талантливой ученицей вылилось для педагогов в создание цикла музыкальных произведений на дагестанскую тематику. Результатом такого сотрудничества стало произведение «Дагестанская сюита»[1494], автором которой являлся композитор Фриц Рейтер. По мнению современного дагестанского компози-

---

[1491] АКАК. Т.Х. С. 888, 897.

[1492] Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 146.

[1493] Гаджиев Булач. Дочери Дагестана. URL:http://www.e-reading.club/bookreader.php/1035130/Gadzhiev_-_Docheri_Dagestana.html [Дата обращения 15.02.2018]

[1494] Рейтер (Reuter) Фриц. URL:http://www.az- libr.ru/Persons/000/Src/0001/a8910107.shtml [Дата обращения15.02.2018]

тора Мурада Кажлаева, о воздействие Дженет Далгат на Ф. Рейтера, свидетельствует рукопись композитора «Сюиты на дагестанские темы»[1495].

После окончания в 1909 году Лейпцигской консерватории начались гастроли Дженет Далгат по городам Европы и России. В журнале «Артист», за 1914 г. была дана высокая оценка ее таланта.

К сожалению, «композитор с европейским образованием, воспитанная на западной классике, могущая обрести мировую славу, не нашла выхода своему таланту на своей родине[1496].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, несмотря на все трудности, светское образование способствовало формированию у женщин светского мировоззрения. Под влиянием светского образования происходила трансформация женской повседневности, ее духовного освобождения от жестких норм патриархально общества, создавались предпосылки для улучшения социального положения женщины. Важную роль в сфере жизнедеятельности учебных заведений играли жены государственных и военных чинов: осуществляли учебный процесс, обеспечивали учебниками, находили источники финансирования, были инициаторами открытия частных школ, занимались благотворительностью.

3.2. Изменения в содержании понятия «женской работы». Повседневность женского труда в условиях капиталистической модернизации

Общероссийские реформы второй половины XIX века повлекли за собой кардинальные изменения в сфере женского труда. Под влиянием этих реформ в дагестанском обществе изменилось само содержание понятия «женская работа». Традиционно оно включало в себя сферу домашнего труда и работы вне дома. В новых условиях наряду с традиционными занятиями женщин в сфере домашнего и общественного хозяйства, появились сферы трудовой деятельности, ранее для женщин закрытые. В условиях капиталистической модернизации Дагестана, жен-

[1495] Терский календарь на 1900 год. С.45.
[1496] Там же

щины из бедных слоев общества стали осваивать труд наемных работниц на фабричных предприятиях дагестанских городов и в сфере услуг.

На рубеже XIX- XX веков, дагестанские женщины получили возможность проявить себя в сфере профессионального образования. «Если раньше общество заботилось только о том, чтобы воспитать «женщину для мужчины» (для замужества), то теперь дама, получившая образование, была востребована в медицине, просвещении и образовании»[1497].

Как правило, это были дочери из интеллигентных дагестанских семей, чьи родители, будучи людьми образованными, стремились дать хорошее образование и своим дочерям. Это были яркие, самобытные женщины, которые представляли собой наиболее просвещенную часть дагестанского общества, ориентированную на развитие науки и культуры.

В изучаемый период наиболее востребованной среди дагестанских женщин была учительская профессия, которую старались дать своим дочерям преимущественно состоятельные семьи.

Осознавая неоценимую роль преподавателя в воспитательном процессе, государство всячески поддерживало распространение профессии педагога среди женщин. В постановлениях и распоряжениях Министерства народного просвещения, касающихся женского образования, рекомендовалось всячески поощрять женщин, занятых в воспитательном процессе в начальных школах и гимназиях[1498]. Кроме того, предлагалось, расширить расширять круг их деятельности в сфере образования[1499].

Быстрому росту численности женщин-учительниц в начальных и средних учебных заведениях, способствовали как государственная заинтересованность в распространении среди женщин педагогической профессии, так и возможность ре-

---

[1497] Цит.: Шафранова О.И. Женщины Северного Кавказа во второй половине XIX-начале XX вв. :диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. С. 61.

[1498] Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Спб., 1884. С. 184.

[1499] Там же.

ализации образованными женщинами своих профессиональных способностей. Безусловно, существенным стимулом для женщин выступала перспектива получить материальную самостоятельность. По мнению О.И. Шафрановой, образованная женщина могла не бояться остаться без мужа, так как, она своими знаниями могла обеспечить себя и своих детей[1500]. Образование давало женщинам независимость и небольшой материальный достаток.

На рубеже XIX – XX вв., девушки имели возможность приобрести знания учительниц начальных классов, окончив педагогические курсы. Надо отметить, что специальные педагогические курсы были открыты в Порт-Петровском городском училище и Темир-Хан-Шуринском реальном училище. Главная задача этих курсов была решить проблему недостаточного числа «учительских семинарий»[1501]. Попечитель Кавказского учебного округа, указывая на проблему с учительскими кадрами, писал, что лишь около 60% учителей имеют специальную подготовку [1502]. Остальные претенденты или не имели достаточных знаний или стажа работы[1503], В то время как спрос на учителей был очень велик.

Подготовку педагогических кадров осуществляли Тагиевское женское училище г. Баку, Ставропольская гимназия, Темир-Хан-Шуринская женская гимназия. Одними из первых профессию учительниц получили дочери из офицерских семей аула Чох, Гунибского округа Маликова Патимат и Карнаилова Айшат, окончившие престижное Тагиевское женское училище г. Баку. После окончания училища в дореволюционных школах Дагестана начали свою педагогическую деятельность Ф. Табасаранская, Ш. Алкадарская, Казиханова, И. Гайдарова[1504].

[1500] Шафранова О.И. Женщины Северного Кавказа во второй половине XIX-начале XX вв. :диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. С.61.
[1501] Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908-1912 гг. Тифлис, 1914. С.87.
[1502] См.: Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. С.21.
[1503] Там же.
[1504] Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис…. канд. пед наук. Махачкала,2007. С. 46..

По сведения Е.И. Козубского, после окончания Т.-Х.-Шуринской женской гимназии С. Харазова получила право работать учительницей в начальной школе г. Дербента»[1505].

Вместе с тем вплоть до установления советской власти в Дагестане в педагогической профессии сохранялась гендерная асимметрия. Мужчины местных народностей составляли большинство среди педагогического состава учебных заведений.

В отличие от профессии учителя профессия врача или акушерки среди дагестанских женщин встречалась крайне редко. Во – первых, медицинское образование для женщин в России было недоступно. Не только на Северном Кавказе, но и в столичных российских городах не было ни одного медицинского учебного заведения для женщин. Конечно, такая дискриминация, закрывая женщине доступ в профессию, лишала женское население квалифицированной помощи.

Во – вторых, медицинская профессия не считалась «женской работой». В общественном сознании людей прочно утвердился стереотип о том, что качественную квалифицированную помощь больному, может оказать только мужчина–врач.

И лишь с открытием в 1872 году в Москве Высших женских врачебных курсов при Императорской медико-хирургической академии женщины получили возможность осваивать профессию медика. Главная цель этих курсов заключалась в подготовке «ученых акушерок»[1506], которые должны были сократить уровень смертности среди рожениц. Курсы имели социальную направленность, основной контингент обучающихся – это девушки из малообеспеченных семей.

В Дагестане не хватало профессиональных акушерок, не говоря уже женщин–врачей. Заметим, что речь не идет о медицинском персонале из дагестанских народностей, которые в сфере профессиональной медицины появились лишь в Советское время. Чтобы удовлетворить спрос на медицинские услуги для женской части населения, в Дагестан направляли медицинский персонал из российских горо-

[1505]Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.442.
[1506]Шохоль, К.Р. Высшее женское образование в России (историко-юридический очерк). / К.Р. Шохоль. СПб. 1910. С.5.

дов. Такая практика была введена еще в период Кавказской войны. В связи с тем, что катастрофически не хватало профессиональных акушерок, из повивальных институтов Москвы и Санкт-Петербурга в Дагестан стали распределять выпускниц. Для их содержания из казны государства выделялись подъемные в размере 200-300 рублей, а также акушеркам полагались сопровождающий и экипировка. Они обязаны были отработать 6 лет по месту назначения. В обязательном порядке было прописано, что в случае замужества, девушки не имели право уезжать.

Первые профессиональные акушерки появились в дагестанских городах в 30 годы XIX века. Они направлялись по линии военного министерства с целью предотвращения заразных заболеваний среди женского населения. Так, по сведениям Е.И. Козубского, министром внутренних дел в 1834 году в Дербентскую провинцию была определена повивальная бабка Анна Иванова, выпущенная из Московского повивального института с жалованьем 150 рублей в год[1507].

В 1849 году повивальная бабка была принята в штат больницы г. Дербента, жалование ей назначалось за счет городских доходов[1508].

Для сравнения, в столичном городе Темир–Хан–Шуре должность профессиональной акушерки появилась лишь в пореформенный период. В 1860 г. городскими властями в лазарет была определена акушерка. Несмотря на то, что Порт – Петровск, получил статус города еще в 1857 году, здесь должность повивальной бабки была учреждена лишь спустя 10 лет после основания города – в 1867 г.

В связи с чем, в Обзоре Дагестанской области за 1867 год указывалось на низкое качество медицинских услуг для населения и нехватку женского персонала.

В Обзоре Дагестанской области за 1867 год отмечалась нехватка в области акушерок-фельдшериц, повивальных бабок и неотлагательное решение данной проблемы [1509]. Особо подчеркивалось, что отсутствие в медицинском персонале женщин, негативно сказывалось на здоровье женщин-пациентов, которые в силу

[1507] Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.145.
[1508] Там же. С.202.
[1509] Обзор Дагестанской области за 1867 г. Темир-Хан-Шура, 1890. С.37.

обычаев и религии, к мужчине врачу обращаться не хотели[1510]. Особенно это касалось взрослого женского населения сельской местности, которые не только на осмотр к врачу-мужчине не обращались, но даже за советом, в случае болезни[1511].

Конечно, это лишало женское население края профессионального медицинского обслуживания.

Для решения этой проблемы в 1875 году Александром II был утвержден устав Закавказского Повивального Института, курс которого был рассчитан на 2 года. Института. Спустя два года был первый выпуск данного института и его выпускницы в звании повивальных бабок были направлены в штат медицинских учреждений. Так, например, 25 выпускниц были определены в штат медицинского персонала по всему Кавказу[1512].

Безусловно, наличие специалистов должно было положительно сказаться на качестве медицинских услуг для женского населения края. Но, в силу разных обстоятельств, этого не происходило. Уровень медицинского обслуживания оставался низким, по – прежнему не хватало акушерок. Объяснялось это тем, что не все выпускницы изъявляли желание отправиться в Дагестан. Кроме того, у местных женщин к приезжим акушеркам не было особого доверия, да и языковой барьер усугублял ситуацию. Так, в Кавказском календаре за 1880 год отмечалось, что приезжие акушерки, не зная местных языков, обычаев и нравов, оставались чужими для местного населения[1513]. Конечно, повивальные бабки не оправдывали тех средств, которые затрачивала казна на их содержание. Многие не выдержав условий труда, уезжали из Дагестана в другие российские губернии.

Все эти обстоятельства вынуждали женщин - рожениц обращаться к местным повитухам. Конечно, повитухи не всегда могли оказать качественную помощь, что было чревато разного рода осложнениями, в том числе и смертельными исходами. Из 100 родов, 95 находилось на попечении повитух, которые не всегда могли

[1510] Так же.
[1511] Так же.
[1512] Рубаева Э.М. Формирование медицинской интеллигенции на Северном Кавказе в XIX – начале XX//Дискуссия. № 8. 2013. С. 162.
[1513] Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис, 1879. С. 194

оказать квалифицированную помощь роженице и ребенку, что приводило к летальному исходу обоих [1514]. Не обладая достаточными знаниями об устройстве тазовых органов женщины, положении плода в утробе, повитуха не могла применить необходимые навыки во время сложных родов[1515].

Реформа здравоохранения должна была существенным образом изменить ситуацию с медицинским обслуживанием в крае. Предполагалось создание в округах приемного покоя с ежегодным финансированием из казны – 1100 рублей[1516]. Кроме того, при каждом приемном покое должны были находиться – 1 врач, 2 фельдшера и 1 повивальная бабка[1517].

К сожалению, в силу отсутствия подходящего помещения и соответствующего персонала, такие приемные покои открывались с трудом. Но, тем не менее, к началу XX века в Дагестане работало порядка 30 повивальных бабок[1518], которые должны были оказывать квалифицированную помощь роженицам.

По имеющимся сведениям, должности акушерок в сельской местности Дагестанской области были определены лишь в 1895 году[1519].

В Обзоре Дагестанской области за 1895 года особо подчеркивалось, очень важно было решить проблему с акушерствами в крае. Заметим, что эти же проблемы озвучены были в Обзоре за 1867 год. За такой большой отрезок времени, проблема почти не сдвинулась с мертвой точки. По-прежнему, отмечалось, что женское население было лишено медицинской помощи, по причине отсутствия в больницах женского медицинского персонала, а к мужчинам - врачам обращаться, не позволяли религиозные предрассудки и менталитет[1520].

[1514] Там же. С.194 -195.
[1515] Там же.
[1516] Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60- годы XIX в. – 90 гг. XX века). Махачкала, 2001. С.
[1517] См: Ибрагимов М.- С. И. Медицинское обслуживание населения Дагестанской области во второй половине XIX начале XX века.// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. №1. 2008. С. 58.
[1518] Там же.
[1519] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Т. 15 (1895). СПб.; 1899: 656, № 12198.
[1520] Обзор Дагестанской области за 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1896. С.36.

Женский медицинский персонал городов и сел Дагестанской области состоял из русских специалистов. По имеющимся сведениям, к началу XX века, квалифицированную медицинскую помощь женщинам-горянкам оказывали повивальные бабки в сел. Акуша – В.Г. Сластушевская, в сел. Рутул – О.П. Овчинникова, в сел. Тилетль – С.П. Капнина, в сел. Карабудахкент – Е.К Соколова, в сел. Каякент – Р.М. Чеботарева [1521].

Помимо акушерок, в сельской местности в должности врачей и медицинских сестер работали Н. И. Иванова – врач в сел. Ишкарты, Л.А. Федьковская – врач в сел. Тилетль, А.Г. Лофицкая – в сел. Каякент[1522]. Как видим, женщин-врачей местных национальностей в этом перечне не встречалось.

Наличие специалистов положительно сказалось и на здоровье младенцев, которые повсеместно подлежали вакцинации. В частности, новорожденные получали вакцину оспы. По архивным данным, в 1850 году оспа была привита 1157 младенцам, в 1851-1376, в 1852 – 2410, 1853- 1432, в 1855-2461[1523].

С ростом населения города росло и число медицинских учреждений, которые должны были обеспечить медицинское обслуживание рабочих фабрик. Этому способствовал и закон от 1866 г., который предписывал всем владельцам крупных предприятий фабрично-заводского типа, обеспечить для своих рабочих необходимые медицинские услуги.. В частности, были прописаны необходимые условия для медицинского обеспечения рабочих –1 койка на 100 человек.

В соответствии с этим законом в Порт–Петровске в 1897 году для нужд рабочим были открыты: лазарет – для работников железной дороги на 5 мест, больница – для рабочих бондарного завода на 5 мест. В этом же году была открыта

[1521] Аликова З.Р., Ахмадов Т.З. К вопросу о становлении повивальной помощи на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015, 23 С.60

[1522] Русские врачи в Дагестане. URL: http://dagpravda.ru/zdorove/russkie-vrachi-v-dagestane/[Дата обращения 10.01.2016]

[1523] См.: Манышев С. Б. «…недостаток в медиках и средствах служит причиною неточного исполнения обязанностей»: медицина города Дербента в первой половине XIX в.// Известия СОИГСИ 19 (58), 2016. С. 54.

частная больница для рабочих рыбного завода «Заморозка» на 16 мест, для рабочих рыбных промыслов – приемные покои на 10 мест[1524].

Собственная больница на 20 коек, с родильным отделением на 3 койки имелась у фабрики «Каспийская мануфактура»[1525]. Учитывая, что это была одна из самых крупных текстильных фабрик на Северном Кавказе, администрация предприятия уделяла большое внимание медицинскому обслуживанию своих рабочих.

В силу объективных причин, весь медицинский персонал больниц и лазаретов состоял исключительно из мужчин, что для женщин-пациенток создавало определенные неудобства. Как мы уже отмечали, женщины с традиционным менталитетом и религиозными предрассудками стеснялись идти на прием к врачу мужского пола. Поэтому зачастую работницы предприятий оставалось без квалифицированной врачебной помощи. Очевидно, что единственным выходом было обращение к местным знахаркам и лекарям.

По мнению С.Б. Манышева, и после завершения Кавказской войны, не только местные жители, но, нередко и русские, живущие в крае, за помощью обращались к народным лекарям [1526].

Одной из насущных проблем стал роста числа венерических заболеваний среди населения Дагестана. Рост венерических заболеваний был следствием оттока мужского населения на отхожие промыслы за пределы Дагестана, которое приобрело большие масштабы к концу XIX – началу XX века[1527]. Об относительно боль-

---

[1524] Велиханов Т.Т. Основание, становление и развитие города Порт-Петровска Дагестанской области (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис…. канд. истор. наук. М., 2010. С.13.
[1525]Там же.
[1526] См.: Манышев С. Б. Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в первой половине XIX века// Известия вузов. Северо-Кавказский регион. № 6.(178), 2013.С. 32.
[1527] См.: Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. I. Тифлис, 1868. С. 14; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана // ССКГ, I. Тифлис, 1868. С. 42; Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956. С. 102–103; Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 45; Шихабудинов М.Ш. Социально-экономические причины отходничества в Дагестане в конце XIX – начале XX в. // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 124; он же. Причины и характер отходничества в Дагестане // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1973–1975 гг. Махачкала. 1976. С. 24;

ших масштабах отходничества свидетельствуют отчеты губернаторов Дагестанской области второй половины XIX – начала XX вв[1528]. В статистическом обзоре Дагестанской области начала XX века отмечалось, что благодаря отхожим промыслам часть населения могла удовлетворить свои материальные нужды[1529].

По имеющимся сведениям, на отхожие промыслы только за один 1892 г. ушло - 8707 мужчин, из них, из Аварского округа –1 676, из Андийского округа – 5 285 и из Гунибского округа 1 746 [1530]. Отходников из Дагестана можно было встретить в столичных и уездных городах российских губерний: Ростове, Оренбурге, Нижнем Новгороде, Астрахани и т. д. Безусловно, вернувшись из домой, мужья, заражали своих жен, которые до последнего могли и не узнать о наличие у них сифилиса.

По имеющимся сведениям за период с 1891 по 1897 г. число, заболевших сифилисом обоего пола, только в Кюринском округе составило 4705 чел[1531]. В частности, в 1891 г. было зарегистрировано больных сифилисом - 173 чел., в 1892 г. - 230, в 1893 г. - 452, в 1894 г. - 913, в 1895 г. - 1027, в 1896 г. - 1134, в 1897 г. - 771 чел[1532].

В приемных покоях были предусмотрены койки для лечения больных сифилисом. Так, например, для лечения больных сифилисом в лечебнице Темир–Хан–Шуры был открыт приемный покой на 4 койки[1533].

Учитывая, что в исследуемый период медицина была не в состоянии лечить венерические заболевания, то нередко болезнь запускали. При этом, не исключалась опасность заражения всех членов семьи, что нередко для больных заканчива-

---

Османов М.О. Отходничество – составной элемент этноэкономики Дагестана в XVIII-XIX.// Вестник института ИАЭ. 2006. № 4. С.78.

[1528] Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 43; Обзор Дагестанской области за 1896. Темир-Хан-Шура, 1897. С. 19; Обзор Дагестанской области за 1899. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 36.

[1529] Обзор Дагестанской области за 1905. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 68.

[1530] Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие Дагестана в 40-50 гг. XIX века // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.3. Оп.1. Д.64. Л. 123.

[1531] Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898. С. 351.

[1532] Там же.

[1533] Ахмадов Т.З, Аликова З.Р. Из истории организации медицинской помощи населению в городах Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX века//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. С.60.

лось летальным исходом. Для больных сифилисом в начале XX века в Темир-Хан-Шуре был открыт приемный покой[1534]. Широкое распространение имел в дагестанских селах и городах бытовой сифилис. Согласно архивных источников, практические все население аулов Согратль и Чох Гунибского округа были заражены бытовым путем[1535]. Как показывают архивные данные, уровень заболевших сифилисом не снижался, а наоборот увеличился вдвое к началу XX века, составив 2285 человек, многие из которых женщины [1536].

Конечно, недостаток женского медицинского персонала отрицательно сказывался на состоянии здоровья зараженных сифилисом женщин, которые в силу патриархальных и религиозных предрассудков отказывались от услуг врачей-мужчин.

С ростом населения и развитием промышленности в городах Дагестана, в лечебных учреждениях среди медицинского персонала стали встречаться женщины – врачи, фельдшеры. Так, к началу XX века в Дербенте была построена Александринская городская социальная больница на 10 бесплатных мест, из которых шесть мест были мужскими, а четыре были предназначены для женщин. Больница и амбулатория в основном принимали больных пациентов из Южного Дагестана, в том числе и города Дербента. По сведениям Е.И. Козубского, в штате больницы Дербента работали женщина – врач с окладом 1200 рублей и фельдшерица с окладом 600 рублей[1537]. Городскими властями был издан приказ за № 95 от 4 июня 1902г., где отмечалось, что было бы желательно открыть больницу ко дню рождения императрицы, а также называть больницу Александринской, в честь Александры Федоровны [1538].

Важным событием не только для женского населения города Порт–Петровска, но и других населенных пунктов, стало назначение в 1903 году в городскую амбулаторию для приема пациенток – женщины-врача.

[1534] Обзор Дагестанской области за 1910 г. Темир-Хан-Шура,1911. С.74-76.
[1535] ЦГА РД. Ф. 32. Оп.3. Д.59. ЛЛ.1-3,31,36-46,109.
[1536] ЦГА РД. Ф. 32-р, Оп. 1, Д. 37, Л. 23.
[1537] Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С. 416.
[1538] Там же. С. 415-416.

В медицинских учреждениях появляются профессии сиделок, кухарок, прачек, нянечек и пр., расширяя тем самым сферу «женской» деятельности. Эти работники входили в штат наряду с медицинским персоналом. Так, по сведениям Е.И. Козубского, в больнице Дербента имелись штатные единицы сиделок, прачек и кухарок[1539]. В смету на их содержание было заложено средств – сиделке 144 рубля, а прачке и кухарке соответственно по 150 рублей каждой[1540]. Автор не приводит сведений о национальном составе медицинского персонала больницы, но можно предположить, что врач и фельдшер были не из числа местных народностей. Как правило, первые имеющиеся сведения о женщинах-врачах, представительницах дагестанских народов, относятся к первой четверти XX века, к периоду установления Советской власти в Дагестане.

Так, например, Зейнаб Тамбиева (в девичестве Абдурахмановой – О.М.), одна из первых женщин-горянок получила высшее образование в престижном медицинском институте Петербурга. После окончания института, Зейнаб по распределению попала в Баку, где начала работать женским врачом в больнице при фабрике нефтепромышленника З. Тагиева. После революционных событий 1917 года Зейнаб вместе со своим мужем П. Тамбиевым уехала в г. Нальчик, где работала в общественной больнице для военных[1541].

После окончания Петербургского женского института в 1917 году в Дагестане начала свою трудовую деятельность врач С. Х. Магомедбекова.

Таким образом, можно сделать вывод, что светское образование создало предпосылки для вовлечения женщин в сферу профессиональной деятельности. С ростом населения и развитием промышленности в городах Дагестана «женской работой» стала профессия учительниц младших классов, реже – профессиональная медицина. В лечебных учреждениях все чаще использовался женский труд, среди медицинского персонала можно было встретить акушерок и женщин-врачей, сиде-

---

[1539] Там же.

[1540] Там же.

[1541] Агаева_Хадиджа и ее сестра Тамбиева Зейнаб – педагог и врач. URL: http://www.ourbaku.com/index.php/ [Дата обращения 10.01.2016]

лок, кухарок, прачек, нянечек и пр., но представителей местных народностей среди них не было. Однако само присутствие женщин, выполнявших профессиональные обязанности, – редкое для того времени явление – служило образцом и примером внесемейной активности для всех женщин Дагестана.

Хозяйственное освоение Дагестана, сопровождалось применением женского труда в сфере сельского хозяйства, промышленности и традиционных ремесел. В условиях капиталистической модернизации происходила эволюция женского труда, характер которого определялся особыми социально-экономическими условиями края. При этом практиковалась существенная дискриминация в оплате труда, а также тяжелые условия работы.

Несмотря на все сказанное, было бы неверно утверждать, что женский труд применялся повсеместно. В соответствии со спросом рынка труда женский труд стал широко использоваться в возделывании технических сельскохозяйственных культур, в то время как в перерабатывающей промышленности доля женщин была намного меньше. В промышленности доля женского труда составляла всего 4 %.[1542], что объяснялось привлечением в эту отрасль квалифицированных рабочих из центральной России.

Спрос российской промышленности на технические культуры, способствовал развитию сельского хозяйства, как наиболее перспективной отрасли экономики, превратив Дагестан в важный источник сырья. Русские промышленники, видя большие перспективы, которые открывались для них в Дагестане, вкладывали большие капиталы на развитие технических культур.

Из технических культур в хозяйствах равнинного Дагестана преимущественно возделывали марену, которая являлась основным источником доходов, как для населения, так и для промышленников. Учитывая то, что марена имела широкий спрос на рынке как сырье для текстильных фабрик Российской империи, русские

[1542] Милованов Г.И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963. С.39.

промышленники вкладывали в мареноводство большие капиталы[1543]. По имеющимся сведениям, капиталисты получали от нее очень большую выгоду[1544].

Особенно преуспели русские фабриканты Барановы, Зубовы, Лепешкины, которые вложили значительные средства в развитие мареноводства[1545].

Марену на больших площадях выращивали в Табасаране и Кайтаге, в Дербенте и его окрестностях. По сведениям М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга еще в 30-е годы XIX в., марена, выращиваемая в окрестностях Дербента, приносила промышленникам существенные доходы и находилась под их контролем[1546].

По материалам архивного дела, марена в огромном количестве отправлялась морем на ярмарки в российские губернии, в частности на Нижегородскую ярмарку и в Москву[1547]. По имеющимся сведениям, марене удалось существенно вытеснить другие продукты земледелия, так она приносила значительный доход[1548].

В архивном деле отмечалось также, что для работы на маренниках весной в большом количестве привлекалось население из нагорных обществ, до 25 тыс. человек в год[1549]. Преимущественно это было женское население близлежащих сел, которое промышленники привлекали в сезон для возделывания марены.

Кроме того, использовали знания женщин, которые искусно владели техникой получения из марены красителя. Надо сказать, что у народов Дагестана издавна красильное дело было на очень высоком уровне, несмотря на его кустарный характер. Этим мастерством владели женщины практически во всех районах Дагестана, где занимались ковроткачеством. Но в основном красильное дело было рас-

---

[1543] Рамазанов ХХ. Мареноводство Дагестана в XIX веке // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 2. С. 119.

[1544] Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 15 марта 1848. № 11; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С.129; Березин И., Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. Ч.2 С. 69.

[1545] См.: Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.226.

[1546] Ковалевский М.К., Бламберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831г. // История, география и этнография Дагестана XVIII –XIX вв. Архивные материалы / под редакций М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 213-229.

[1547] РГИА. Ф.1268. Оп.5. Д.372. Л.17об.

[1548] Там же.

[1549] Там же.

пространено среди населения Южного Дагестана, у лезгин и табасаранцев, которые славились изготовлением ковровых изделий [1550].

Конечно, имелись отличительные особенности способов окрашивания, которые передавались из поколения в поколение. Значение качественного окрашивания пряжи отмечалось исследователями. Так, по сведениям Г.Н. Казилова, процесс окрашивания требовал от женщин опыта работы и большого мастерства[1551]. Свои навыки они передавали своим дочерям, вместе с технологиями, которые они сами когда-то получили от женщин своего рода.

Кроме того, женщины славились разными приемами получения необычных устойчивых оттенков цвета из марены, секреты которых не раскрывали никому. По сведениям А.Г. Булатовой, ими владели лакские женщины[1552], называя эту краску «хуна». А искусству терекеменских женщин, по мнению С.Ш. Гаджиевой, вообще не было равных[1553].

Женщины из даргинских аулов Кубачи, Акуша, Цудахар, Хаджалмахи и Урахи, создавали специальные мастерские для окрашивания пряжи, услугами которых пользовались женщины из других районов Дагестана[1554].

Кумыки и чеченцы также занимались изготовлением высококачественных красителей, оказывая услуги народам, живущим в соседних районах[1555], для чего создавали специально оборудованные мастерские.

Все эти знания и навыки женщин в пореформенный период решено было претворить в промышленное производство. В 1862 году начались подготовительные работы по строительству фабрики для переработки марены в промышленное

[1550] Рамазанов Х.Х. Мареноводство Дагестана в XIX веке // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 2. С. 119; Лугуев С.А., Гусейнов К.М. О сложении ковроткачества в Дагестане и вопросы классификации ковров и ковровых изделий // Научное обозрение. Махачкала, 2009. №46. С. 37–41; Лугуев С.А., Гусейнов К.М. Безворсовые ковры народов Южного Дагестана // Дагестанский гуманитарный научный вестник. Махачкала, 2009. Вып. 1. С. 20–24.

[1551] Казилов Г.Н. Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала, 1989. С. 197.

[1552] Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. XIX - начало XX века. Махачкала, 1971.С. 63.

[1553]Гаджиева С.Ш. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев в XIX– XX веках // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16.. С.48; Булатова А.Г. Указ. соч. С. 64.

[1554] См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.316.

[1555] См.: Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 129

красильное вещество. Одним из главных аргументов строительства, была возможность сократить расходы на перевозку марены в российские города, где были сосредоточены текстильные фабрики[1556].

В 1864г. в Дербенте появляется первое предприятие фабрично-заводского типа – краповая фабрика по переработке марены[1557]. По имеющимся сведениям, она была оснащена современным для того времени оборудованием, привезенным из Голландии на общую сумму 82408 рублей[1558]. Все эти средства были выделены из казны государства, что говорит о важности развития данной отрасли и той ожидаемой финансовой прибыли от фабрики.

По имеющимся сведениям, на краповой фабрике были задействованы поденными рабочими коренные дагестанцы, среди которых было много женщин[1559]. В материалах архивного дела отмечалось, что только за один 1865 год, рабочими фабрики было произведено 4704 пуда изделия, высококачественного крапа[1560]. К 1870 году 50 рабочими было изготовлено до 20 тысяч пудов крапа, который мог удовлетворить спрос текстильной промышленности российских предприятий.

К сожалению, в силу объективных причин, пожар 1866 года, убыток от которого составил 15850 рублей[1561] и изобретение искусственного красителя – ализарина в середине 70-х годов, фабрика пришла в упадок. Вследствие убыточности фабрики, рабочие были уволены, и даже, урожай марены в 1873 г. на Кавказе остался несобранным[1562].

Несмотря на эти обстоятельства, для дагестанских женщин, это был один из первых опытов работы на предприятии такого промышленного значения. Женский труд в 70-е годы XIX века применялся на табачных фабриках дагестанских городов

[1556] См.: ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.42. Л.9.

[1557] Гусейнов М.Ш. Россия и индустриальное развитие Дагестана, конец XIX–30 – е гг. XX века. Махачкала. 2004. С.41- 42.

[1558] Губаханова Р.А. из истории становления буржуазии во второй половине XIX– начале XX века. Торгово-промышленный капитал. Махачкала. 2003. С.67.

[1559] Милованов Г.И. Рабочий класс Дагестана. Махачкала, 1991. С.22.; Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С.154.

[1560] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.42. Л.70-72.

[1561] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.42. Л.75.

[1562] ШиллингЕ.М. Ковроткачество Дагестана // Советская этнография. 1936. № 4-5. С. 167

Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска и Дербента. В связи с возросшим спросом на табачные изделия, русские промышленники стали возделывать табак в огромном количестве в Дагестане. И руководствуясь экономическими соображениями, переработку сырья стали производить на месте, строя табачные фабрики, оснащенные современным оборудованием.

Так, например, табачная продукция 2-х фабрик Темир-Хан-Шуры с 1873 по 1878 гг. обеспечивала спрос многих российских городов, и самого Дагестана. В материалах архивного дела имеются сведения, что на табачных фабриках, наряду с мужчинами были задействованы женщины и дети[1563].

Так, на табачной фабрике А.М. Михайлова в Порт-Петровске в процесс производства преимущественно были вовлечены женщины и дети. По имеющимся сведениям, из общего числа 87 рабочих 15 были женского пола, в том числе девочек – 6. Об эксплуатации детского труда свидетельствует тот факт, что половина работающих на фабрике Михайлова были мальчики – 42[1564].

На табачной фабрике Дербента, из общего числа 73 работающих, 1/3 приходилась на женщин и детей, которые работали по 10-12 часов. По архивным данным, к началу XX века, на табачных фабриках Дербента, Темир-Хам-Шуры и Петровска работали 139 рабочих, в том числе женщины и дети, которые производили продукцию общим объемом на 228000 рублей[1565].

Выполнение рутинных операций на табачных фабриках требовало от женщин усидчивости и терпения на протяжении долгого рабочего дня, который длился 10-12 часов. Кроме того, применение женского и детского труда сопровождалось дискриминацией оплаты и неудовлетворительными условиями труда. В силу того, что женский труд был менее квалифицированным, женщины не выдерживали конкуренции с мужчинами и рисковали быть уволенными в случае сокращения рабочих на предприятиях.

[1563] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.56. Л.11.

[1564] Рамазанов Х.Х. Развитие промышленности в Дагестане во второй половине XIX// Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала. 1984. С.23-24.

[1565] ЦГА РД Ф. 21. Оп. 3. Д. 28. Л. 80.

В типографии А.М. Михайлова, открытой в 1873 году в Порт-Петровске, перепиской книг и линованием бумаги занимались преимущественно женщины и дети, а их рабочий день доходил до 10 часов в сутки[1566]. После принятия закона 1885 г., рабочий день стал доходить до 12-14 часов. Очевидно, что продолжительность рабочего практически не регламентировалась работодателями, которые были заинтересованы в быстрой прибыли. Надо сказать, что в отличие от работниц других промышленных предприятий российских городов, дагестанские женщины не имели опыта защиты своих прав. И были вынуждены работать при такой жесткой эксплуатации со стороны работодателей.

Женский труд преимущественно применялся в одной из ведущих отраслей сельского хозяйства в виноградарстве. На виноградных плантациях женщины выполняли все работы по окучиванию, обрезке, прополке, сбору урожая. Из-за дешевизны женского труда, хозяева виноградных садов, предпочитали привлекать для работы местных женщин. Конечно, это было выгодно хозяевам виноградных садов, которые извлекали для себя дополнительные прибыли.

Так, например, женское население Салаватии было задействовано в производстве винодельческой продукции. Вина Салаватии не уступали европейским[1567]. Жители селений Зубутли и Миатли ежегодно вырабатывали более 200 бочек вина[1568]. Мужчины были заняты изготовлением вина, а женщины работали с весны до осени: сажали виноградную лозу, обрезали и подвязывали, окучивали и опрыскивали. Затем, осенью женщины занимались сбором урожая.

Своими виноградниками славился и аул Чиркей. Надо сказать, что в в ходе боевых сражений аул был разрушен практически до руин. Существенный урон был нанесен и виноградным садам Чиркея. Под впечатлением увиденных виноградных

[1566] Мансурова А.Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала, 2006. С.54.

[1567] См.: Материальная культура аварцев. Махачкала,1967. С. 55; Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828. // ИГЭД.С. 269; Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб.,1763. С. 351–352; Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.С. 390; Бахтамов И. М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30.

[1568] См.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I. Кн.I. СПб., 1871.С. 499.

плантаций генерал П. Х. Граббе писал: «не видел пользу в разрушении богатейшего, населенейшего и самого промышленного аула Дагестана, где находится до 7 тыс. жителей, которые разрабатывают виноградные сады, занимающие до 10 кв. верст»[1569]. Возродить виноградарство в Чиркее смогли лишь к концу XIX в., в результате возросшего спроса винодельческой промышленности.

Важным центром виноделия был Кизляр и его окрестности. Исследователи отмечали, что все окрестности Кизляра, включая и станицы, превратились в сплошные виноградные сады количеством до 4830[1570]. На этих виноградных плантациях работали преимущественно местные женщины. Так, в Терском сборнике за 1868 год отмечалось, от труда женщин и детей, силами которых возделывались виноградные сады, зависело все благосостояние семьи казака[1571]. По наблюдениям Ф.С. Гребенца в Новогладовской станице Кизлярского округа, весь процесс обработки виноградных садов лежал на женщинах и детях, казак мог лишь помочь жене набить таркали[1572]. По мнению автора, казак и не умел так исправно работать в саду, как это делала его жена, что возвышало ее в собственных глазах, а также мужа[1573]. Сознание, приносимой пользы для семьи, формировало в казачке чувство свободы и самостоятельности [1574].

Вместе с тем, Ф.С. Гребенец в своих очерках отразил и неприглядную сторону работы женщин на виноградниках. По мнению автора, во время работы на виноградниках, многие молодые казачки, даже девочки-подростки совращались армянами-садовладельцами[1575].

Во время Кавказской войны виноградарство, как и многие другие отрасли сельского хозяйства, находилось в кризисном состоянии, отчего владельцы вино-

---

[1569] Цит.: Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. С. 43.
[1570] Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 449-450.
[1571] Терский сборник. Владикавказ, 1868.
[1572] Гребенец Ф.С. Новогладовская станица в ее прошлом и настоящем. СМОМП. Вып.44. Тифлис, 1915. С.113.
[1573] Там же.
[1574] Там же.
[1575] Там же. С.98.

градных садов испытывали определенные трудности. С одной стороны, было ограничено финансирование со стороны государства, из-за необходимости направлять финансы на военные нужды, а с другой стороны, сказывалась нехватка рабочих рук.

Среди владельцев виноградных садов встречались и женщины. В одном из архивных документов имеются сведения о владелице виноградных садов, дворянке Калустовой[1576]. По архивным данным, в первые годы Кавказской войны(1821год), Калустова, используемые ею под виноградники земли в Карабаглах, общей площадью в 6353 десятины, продала прапорщику Качкалову[1577]. Очевидно, что в реалиях начавшихся военных действий, виноградные сады не давали владелице тех доходов, которые она имела раньше. Кроме того, не хватало в достаточном количестве рабочик рук для возделывания виноградников. Женщины - владелицы виноградных садов нередко вынуждены были обращаться с разного рода прошениями к военной администрации. Заметим, что Калустова, продав свои виноградники прапорщику Качкалову, смогла самостоятельно решить свои проблемы.

Так, в материалах архива есть ходатайство за 1832 год владелицы виноградного сада Шакаровой, которая просит русских властей освободить на 2 недели ее сына Авакима из под стражи[1578]. Надеясь на удовлетворение своего прошения, Шакарова поясняла военным властям, что ей одной невозможно будет справиться с урожаем, а «скупщики винограда приедут вовремя»[1579].

Такое положение дел имело место и в последующие годы. Не хватало рабочих рук, чтобы собрать урожай винограда.

[1576]См.: Гарунова Н.Н. «Женский след» в виноделии // Женщины в истории: Недостающие фрагменты исторического полотна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. С.171.
[1577] Там же.
[1578] ЦГА РД. Ф.379. Оп.4. Д.489. Л.3.
[1579] Там же.

По сведениям Н. Н. Гаруновой, в связи с тем, что урожай 1838 года в кизлярском округе не смогли собрать полностью, резко поднялась цена на винодельческую продукцию[1580]

Конечно, тяжелым положением в хозяйстве, нередко спешили воспользоваться и перекупщики, которые за бесценок скупали у женщин в станицах сусло. Так, в одном из архивных дел отмечалось, что по вине скупщиков стоимость сусла снизилась до 12 копеек за ведро[1581]. Разумеется, все это сказывалось на благосостоянии хозяйства женщин, которое и без того находилось в плачевном состоянии.

К середине XIX на Кизлярщине сформировались крупные имения, где основу экономики составляло виноградарство. По сведениям кизлярского краеведа Д.С. Васильева на промышленных предприятиях и виноградниках Кизляра было задействовано 4120 рабочих, из них почти половина, были женщины - 1612[1582]. Видя выгоду от виноделия, промышленники стали вкладывать еще большие финансы в виноградарство. В частности, во второй половине XIX века существенно были расширены площади виноградных садов – в Северном Табасаране они достигли 3487 десятин, в Кайтаго-Табасаранском округе 427 десятин, а в Геджухе 80 десятин[1583].

В Дербенте в 1880 году на общественные средства был построен завод для винокурения, где из общего числа 38 рабочих, почти половина были женщины – 16 человек. Условия труда на заводе были очень тяжелые, женщины работали до 12 часов, существовала дискриминация женщин в оплате труда. Кроме того, женщины должны были выполнять всю неквалифицированную работу – мыть паровые котлы, чаны, в ручную перерабатывать сусло и пр.

Другой, не менее важной технической культурой, где исключительно использовался женский труд, было шелководство. С середины XIX века, шелководство приобрело черты товарного производства, в связи с чем предприниматели стали

[1580] Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII-XXI вв. Махачкала, 2009. С. 74.
[1581] РГВИА. Ф. 15044. Оп.1.Д. 22. Л. 88.
[1582] Васильев Д.С. Очерки Низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986. С.96.
[1583] Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Наука. Вост. Лит-ра, 1963. С. 49.

сажать специальные рощи с тутовыми деревьями. На рынок в основном шел шелк – сырец (коконы) и готовые изделия из шелка. Мастерицы изготавливали на продажу шелк-пряжу в бобинах и мотках. Следует отметить, что этим мастерством владели не все женщины, а только опытные мастерицы. Грубый шелк, изготавливаемый женщинами, шел в основном на производство женской одежды. В газете «Кавказ» за 1863 год И.М. Бахтамов приводил сведения о женщинах Чиркея, которые вырабатывали в небольшом количестве для домашнего употребления грубый шелк[1584]. По имеющимся сведениям, самые искусные мастерицы шелковых тканей были из селений Джемикент, Падар, Татляр, Карадаглы и др.[1585]

Женский труд применялся и в новой для дагестанских народов отрасли – в производстве картофеля. Русская администрация прилагала немало усилий для культивирования картофеля в Дагестане, который в России считался вторым хлебом. Надо отметить, что картофель со временем стал большим подспорьем в хозяйстве не только плоскостных народов, но и у жителей горных аулов.

В 70-80 е годы XIX в. в Аварском, Гунибском, Казикумухском, Темир-ханшуринском округах, а также в южных Кюринском и Самурском на больших площадях стали возделывать картофель. Посадкой картофеля, его окучиванием и сбором урожая занимались женщины и дети названных округов. По сведениям Х.Х. Рамазанова, только за один 1881 год было посажено 460 четвертей, а собрано 3243 четвертей, в 1882 г. соответственно 503 и 2955 четвертей[1586].

Но, несмотря на эти цифры, картофель не играл особой роли в экономике края. Одной из причин являлся консерватизм, который был присущ для местного населения. Н. Воронов, побывавший в Дагестане в конце XIX века, отмечал, что свое нежелание заниматься огородничеством, горцы оправдывали адатами.

[1584] Бахтамов И. М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30.

[1585] Гаджиева С.Ш. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев в XIX– XX веках // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С.51-52; Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, С. 204; РГИА. Ф.1268. Оп.1. 1843 г. Д.424. Л.8.

[1586] Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 20.

«Вот вы жалуетесь, – говорил путешественник горцам, – <...> на скудность своих полей, на плохие урожаи, на то, что вам есть нечего: отчего бы вам к хлебопашеству не прибавить труда по огородничеству, - картофель бы сеяли<...>».

« - “ Да, оно так, – отвечали горцы, – только у нас на это адата нет”»[1587].

Кроме того, в памяти народа еще сильны были воспоминания о минувшей войне, да и духовенство со своей стороны насаждало негативное отношение к русским и ко всему, что с ними было связано. Мало того, картофель они называли харамным продуктом, который было грех употреблять в пищу. Имеются сведения, что во время восстания горцев 1877 года, жители Кази-Кумухского округа, разгромив гарнизонный склад, разбросали картофель по ущелью реки Кара-Койсу, при этом топтали его, называя «свиным зерном»[1588].

Разумеется, объективные условия заставляли горцев менять свои привычки и усваивать новые сельскохозяйственные технологии. Дальнейшее расширение связей с русским населением Северного Кавказа, способствовало освоению горскими народами новых огородных культур, в том числе и картофеля.

В условиях капиталистической модернизации существенной трансформации подверглись женские кустарные промыслы, где условием их сохранности стала товарность. В хозяйственно-экономической структуре народов Дагестана женские кустарные промыслы издавна играли существенную роль. Так, повсеместно был распространен промысел по обработке шерсти. Не было в Дагестане семьи, где бы женщины не занимались с раннего детства обработкой шерсти, изготовлением изделий из нее.

Задолго до присоединения Дагестана к России, кустарные промыслы жителей горного Дагестана носили преимущественно товарный характер, являясь существенным подспорьем в хозяйстве[1589]. Часть изделий традиционно шла на удовле-

---

[1587] Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.1892. Вып. 14. С.8.

[1588] Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 20

[1589] Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956; Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959.

творение нужд семьи, а остальная шла на реализацию. По сведениям Х.М. Хашаева, благодаря кустарным промыслам удовлетворялись все нужды горцев, от одежды и предметов домашнего обихода, до инвентаря и оружия[1590]. В обмене с равнинными народами, кустарный промысел обеспечивал горцев хлебом[1591].

Имелась специализация различных районов Дагестана, которая отражала специфику развития женских промыслов по обработке шерсти. Так, народы, живущие на плоскости и в предгорьях, преимущественно все изделия от переработки шерсти использовали для личных нужд. В силу того, что наличие необходимых земельных угодий, давало населению возможность обходиться продукцией земледелия, редко их изделия шли на продажу.

Высококачественные сукна, бурки, ковровые изделия мастериц из высокогорных селений шли в основном на реализации. Авторы XVIII - XIX вв. упоминали в своих трудах о высококачественном сукне, изготовленном дагестанскими мастерицами, который имел большой спрос, как на Кавказе, так и в России и за их пределами[1592].

Особенно славились женщины – мастерицы из селений Андийского, Аварского, Казикумухского и Даргинского округов. Каждый округ специализировался на своем изделии. Так, например, селение Ансалта специализировалось на изготовление бурок и паласов, а в в селениях Муни, Карата, Кванада, Тлондода производилось высококачественное сукно[1593]. По статистике, производилось от 100 до 200 кусков сукна в год[1594].

Известными центрами сукноделия были селения аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин. Среди их числа особо выделялось тонкое сукно из верблюжьей шерсти,

---

[1590] Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 96.
[1591] Там же.
[1592] Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 283; Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 г. // КСИЭ. М., 1948. Вып. 4. С. 59.
[1593] «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 139.
[1594] Там же.

изготовленное умелыми мастерицами которое даргинских селений Кубачи, Акуша, Мекеги, Муги, Цудахар и др.

Большим спросом пользовалось белое сукно мастериц из горных селений Карата, Арчи, Тинди, Вихли, Цовкра и др.

В «Обзоре Дагестанской области за 1900 год» отмечалось, что в Даргинском округе в 1893 г. от продажи сукна было выручено 50622 руб. Через год эта сумма составляла 52828 руб.[1595].

В Кавказском календаре за 1893 год отмечалось, что особой популярностью стали пользоваться лезгинские шали, которые были «необыкновенно тонки и нежны»[1596]. Отмечалось также, что шали шли на изготовление дамских платьев. Только за кусок шали длиною 10-12 аршин, нужно было заплатить до 200 рублей [1597]. Конечно же, такие дорогие наряды могли себе позволить женщины из состоятельных сословий, от которых и зависел спрос на лезгинские шали.

Какими были условия женского труда? Какие технологии использовались женщинами? Конечно, изготовление высококачественного сукна требовало больших физических сил. К тому же, сукно производилось по стародавним, изжившим себя способами. Мастерицы применяли в процессе труда самые что ни есть примитивные орудия труда. О новых технических или технологических приемах речи не шло.

По сведениям А.Г. Булатовой, трудоемким был процесс промывки и вычесывания шерсти, на который женщины тратили много времени. Нередко шерсть приходилось вычесывать по два-три раза, чтобы очистить ее от всяких примесей[1598]. Процесс прядения нитей, который осуществлялся посредством веретена или прялки, также занимал много физических сил и требовал усидчивости от жен-

---

[1595] Обзор Дагестанской области за 1900 год. Тифлис, 1901. С. 29.
[1596] Дагестанская область (1891год). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения // Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис, 1892. С. 157.
[1597] Там же.
[1598] Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XX - начало XX в. Махачкала, 2000. С. 139.

щин[1599]. И, только потом начинался процесс изготовления сукна на ткацком станке, который у разных народов имел свои специфические особенности.

По имеющимся сведениям, на выработку такого сукна уходило от двух недель до 40 дней и более[1600]. Тяжелые условия их труда сказывались на здоровье женщин, они рано старились. От каждодневного рутинного труда женщины – мастерицы, уже к среднему своему возрасту не могли практически разогнуть спины.

Надо сказать, что при изготовление сукна и изделий из него женщины-мастерицы большое значение придавали различным магическим действиям. Так, по сведениям К. М. Гусейнова, «в просушиваемую шерсть багулалы и лезгины сыпали несколько щепоток соли. Ахвахцы небольшие узелки с солью клали на тюки шерсти, на «штуки» готовой материи. В помещении, где хранились запасы шерсти, терекеменцы оставляли какой-нибудь открытый сосуд с солью. У цезов, чамалалов, кумыков (сел. Халимбекаул), кайтагцев, рутульцев женщины старались украсть пригоршню чужой шерсти, разложенную на просушку; через некоторое время «украденное» возвращалось хозяйке в многократном размере. Дагестанские азербайджанцы перед рыхлением шерсти площадку, на которой должен был происходить процесс, посыпали зерном для кур и птиц. Перед началом такого же процесса хваршинка разносила соседям горох и бобы в небольшой чаше. Женщины из Гарбутля на шерсти, приготовленной для той же операции, исполняли шуточный танец, топча и разбрасывая сырье ногами»[1601] При этом, у многих народов горного Дагестана не желательным считалось во время этих трудовых операций присутствие мужчины[1602]. Очевидно, что все эти магические обряды своими корнями уходят в домонотеистическую эпоху и связаны с языческими верованиями дагестанских народов.

[1599] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967 С. 180.

[1600] Гусейнов К.М. О шерстоткачестве в Дагестане (XX - начало XX в.).// // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2008. № 14. С. 5.

[1601] См.: Гусейнов К.М. Специфика красильного ремесла народов Дагестана (до первых десятилетий XX века.) // Известия высших учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2009. №2. С. 46-50.

[1602] Там же.

Самотканое сукно, как уже отмечалось выше, производилось как для собственных нужд, так и для продажи. Могла ли мастерица самостоятельно принять решение в отношении изделия: оставить себе или продать его? К сожалению, женщина не могла самостоятельно принять решение о продаже сукна, нужно было обязательно получить одобрение мужа. Если по каким-то причинам, муж отсутствовал дома, то жене приходилось дождаться его возвращения, чтобы получить согласие мужа на продажу сукна. По сведениям О. В. Маргграфа, самая бойкая купля и продажа приходилась на весну, когда с отхожего промысла в селения возвращались мужья, до этого времени жена не имела права сбыть сукно[1603]. По мнению автора, количество сотканного полотна служило доказательством ее трудолюбия, и даже, нравственности[1604]. После возвращения мужа, жена уже решала сама, что оставить для собственных нужд, а что продать[1605]. Как правило, основная часть изделий все же шла на продажу.

Безусловно, в условиях дефицита земли, и постоянной нужды, вызванной длительным военным конфликтом, женские домашние промыслы являлись подспорьем благосостояния семьи. «Можно с уверенностью сказать, – писал Х.М. Хашаев, указывая на роль женского труда, – что в Дагестане не было ни одного селения, где бы женщины ни изготовляли каких-нибудь предметов из шерсти, начиная от высококачественных ковров и сумахов и кончая шерстяными веревками»[1606].

С развитием капиталистических отношений, женские домашние промыслы оказались в сфере интересов предпринимателей. Предприимчивые предприниматели стали открывать в селах небольшие цеха, куда нанимали местных мастериц. Таким образом, женщины-мастерицы оказались в статусе наемных работников.

При этом, процесс труда оставался прежним, качественных изменений не происходило. Владельцы цехов не вкладывали деньги в развитие промыслов, технологии были устаревшие, экономили на зарплате мастериц.

[1603] Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: С.В. Лепешкин, 1882. С.107.
[1604] Там же.
[1605] Там же.
[1606] Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 99.

Чаще всего оплата труда носила натуральный характер, женщины получали вместо денег сырье. Так, например, мастерицы из аула Унчукатль, работая на дому на сырье, которым им предоставлял работодатель, за 20 дней своего труда, получили лишь «семь фунтов шерсти»[1607]. Не имея другой возможности заработать на жизнь, мастерицы были вынуждены принимать такие условия труда.

В пореформенный период появились скупщики, которые стали выкупать изделия у ремесленников, а затем их выгодно перепродавать. Кроме того, они же снабжали мастериц сырьем и необходимыми орудиями труда.

В итоге, скупщики стали работодателями. По сведениям О. В. Марграфа, они сами распределяли заказы между мастерицами, а также давали им сырье[1608]. Так, женщины из Андийского округа работали исключительно на сырье работодателя[1609]. При этом, мастерицы могли взять сами сырье в долг, под будущие изделия[1610]. Мало того, вся готовая за бесценок продукция скупалось у мастериц. Скупленные по самой низкой цене изделия отправлялись для дальнейшей реализации. В итоге, выигрывал скупщик, который получал существенную прибыль после перепродажи изделия.

Что касается женщин - мастериц, то они, по условиям труда приближалась к положению наемного работника, со всеми вытекающими обстоятельствами. Чтобы как-то заработать, мастерицы были вынуждены брать заказы у нескольких работодателей, а затем непокладая рук работать и день и ночь. И даже эти неимоверные усилия женщин, которые они тратили на производство бурок, это едва хватало на жизнь. При всех усилиях, бурочница могла получить за год всего лишь 7 рублей.50 коп[1611].

[1607] См.: Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане. // КЭС. 1969. Вып. 4. С.161.
[1608] Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: С.В. Лепешкин, 1882. С. 38.
[1609] Там же.
[1610] Там же.
[1611] Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. С. 100.

Наиболее предприимчивые из скупщиков смогли даже организовать в аулах небольшие цеха, по производству изделий из шерсти, в том числе бурочных изделий. По сути, скупщики становились производителями товара. По имеющимся сведениям, такие цеха по изготовлению бурок появились в в Андийском округе в селениях Ботлих, Анди, Ансалта, Рикуани, Шодрода, Гагатль и др. Для работы в цехах за небольшую плату нанимали женщин как с самих аулов, так и с близлежащих хуторов[1612].

Так, например, в Обзоре Дагестанской области за 1889 год отмечалось, что в только в Андийском округе изготовлялось до 8 тыс. бурок[1613]. С каждым годом эта цифра росла, так как спрос на кавказские бурки был большой. По имеющимся сведениям во второй половине 80-х годов XIX века, производством бурок занимались несколько сотен мастериц. В том числе, 126 мастериц из аула Анди ,[1614] 82 мастерицы из аула Инхо, 55 из Гагатля и 45 из Ансалта [1615]. Надо сказать, что мастериц из Анди превзойти никому практически не удавалось. Так, по сведениям Е.И. Козубского, к началу XX века на 30800 бурок, производимых мастерицами из Анди, приходилось от 800 до 80 бурок мастериц Ботлиха[1616].

Как уже отмечалось выше, все эти мастерицы находились в поле зрения скупщиков, которые контролировали процесс изготовления бурок, фактически его монополизировав.

Многие предприимчивые скупщики были из собственных селений. Оказывая посреднические услуги, в последующем они получали «определенное вознаграждение от каждой проданной бурки»[1617].

[1612] Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С.118.

[1613] Обзор Дагестанской области за 1889 г. Темир-Хан-Шура, 1890. С. 17; См.:

[1614] «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 135–137.

[1615] Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.118-119.

[1616] Козубский Е.И. Очерк кустарной промышленности Дагестанской области // Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. С. 25; Он же. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 122.

[1617] См.: Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 106

Одним из таких предпринимателей был Кахраев, житель аула Кази-Кумух, который скупал в аварских аулах бурки, для последующей перепродажи [1618], сделав на этом немаленький капитал.

По наблюдениям О. В. Маргграфа, это было иллюстрацией новых производственных отношений в Дагестане – пример рассеянной мануфактуры [1619]. Разбогатевший односельчанин, раздавал сырье мастерицам, затем скупал готовые изделия, имея с этого большую выгоду для себя или торговец-скупщик[1620]. Нередко происходил товарообмен, сырье меняли на готовые бурки.

Скупщики из местной среды, еще в период активных военных действий занимались перепродажей бурок, несмотря на экономическую блокаду. Так, в 1840 году в рапорте к генерал-адъютанту Граббе, генерал Пулло докладывал, что по сведениям штабс-капитан Муртузали Аджиева, с дозволения Ахмед-хана Мехтулинского четыре жителя Кази-Кумуха вместе с 2 евреями закупили в селении Анди более 50 бурок для перепродажи в Тифлисе[1621]. Очевидно, что, несмотря на запрет властей, предприимчивые горцы, не упускали выгоды, которую имели с продажи бурок.

Деятельность скупщиков активизировалась к концу XIX века, их число значительно увеличилось. Так, по сведениям Е.И. Козубского, скупщик Нурмагомед-Хаджи, наладил производство по изготовлению андийских бурок на месте, открыв для этого нескольких мастерских. В них за очень мизерную сумму работали женщины из Анди и соседних селений[1622]. По сути, разбогатевшие скупщики, оказались втянутыми в сферу капиталистических отношений.

Надо сказать, что торговля бурками на протяжении всего XIX века, занимала видное место в товарообороте Дагестана. Что, очевидно, свидетельствовало о спросе на изделия дагестанских мастериц. К сожалению, материальные плоды сво-

---

[1618] Там же С. 118.
[1619] Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: С.В. Лепешкин, 1882. С.134.
[1620] Там же.
[1621] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.: Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 38.
[1622] Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 78.

ей работы они не могли ощутить на себе. Им приходилось довольствоваться тем малым доходом, который им полагался от скупщика.

В сфере интересов скупщиков оказалось и ковроткачество, которым занимались женщины Южного Дагестана. В селах Ахты, Микрах, Касумкент, Микрах, Хучни, Самурского и Кюринского округов, скупщики, они же и работодатели, открыли небольшие цеха по изготовлению ковровых изделий. Изделия мастериц - ворсовые и безворсовые ковры (сумахи), паласы и циновки пользовались большим спросом за пределами Дагестана. Здесь же на местах происходил весь трудоемкий процесс: мытье шерсти, вычесывание, покраска, изготовление нити и пр. Учитывая, что приготовление пряжи повсеместно происходило ручным способом, то женщинам-мастерицам приходилось потратить на это немало физических сил. По мнению Г.А. Сергеевой, приготовление пряжи отнимало у женщин не меньше времени, чем требовалось на изготовление ковра[1623].

Особенно много сил и времени уходило на окрашивание пряжи. Учитывая, что применялись натуральные красители, необходимо было применить для закрепления шерстяных нитей потраву. Традиционно для этого женщинами использовалась свежая моча крупного рогатого скота, в которую помещалась несколько часов окрашенная пряжа[1624].

Ткание ковра занимало у мастериц всю световую часть дня, что требовало от них неимоверного терпения и усидчивости. Как, правило, помощницами матери с раннего детства становились дочери, которым передавалось мастерство ковроткачества.

Описание изнурительного труда ковровщиц встречается в воспоминаниях дореволюционных исследователей. В частности, участник Кавказской войны, русский офицер Бессонов описал в своих заметках процесс изготовления ковра, за которым он наблюдал, будучи в Дагестане. «На сыром полу пещеры, застеленным только свалявшимся сеном и грязными тряпками, сидело в ряд шесть женщин. –

[1623] Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане. // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 160.
[1624] Шиллинг Е.М. Ковроткачество Дагестана // Советская этнография. 1936. № 4-5. С.167

писал автор об условиях труда мастериц. – Сквозь камень просачивалась влага<…>воздух, пропитанный запахом прелой шерсти, был невыносим для дыхания. У самого входа в пещеру сидела маленькая девочка с бледным личиком и красными от напряжения глазами; своими тонкими белыми пальчиками она, не отставая от других, ткала ковер<…>недолго ли при таком труде и ей превратиться в такую же старуху, как все остальные»[1625]. Отмечая тяжелый труд мастериц, автор не скрывал своего удивления: «Работали женщины в полутьме, и я поразился, как могли они создать поистине художественные произведения»[1626].

Кроме того, крайне низкой была оплата рутинного труда женщин-мастериц: ковер, на изготовление которого нередко уходило несколько месяцев, оценивался работодателем не более чем в 12 рублей[1627]. Женский труд нередко использовался работодателем в «завуалированных формах эксплуатации»[1628]. Зачастую женщины-ковровщицы вынуждены были ткать ковры у зажиточных людей за еду [1629].

Естественно, сказывалось на достатке семьи. Но, не имея другой возможности для заработка, приходилось мириться со всеми этими кабальными условиями труда. По сведениям Х.Х. Рамазанова, только за период с 1900 по 1901 год скупщики вывезли из Кюринского округа ковровых изделий на сумму 35 тысяч рублей[1630]. Но, в отличие от бурочного производства, по мнению автора, скупщикам не удалось полностью монополизировать ковровое производство[1631].

К этому следует добавить, что женщинам-мастерицам приходилось изготовлять ковры и для домашнего пользования, что входило в традиционные обязанности женщин Южного Дагестана. Благодаря мастерству женщин-ремесленниц, по

[1625] Хранители зашифрованных посланий. URL https://etokavkaz.ru/hand-made/khraniteli-zashifrovannykh-poslanii [Дата обращения 05.10.2017]
[1626] Там же.
[1627] Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане. // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 160.
[1628] Там же. С.162.
[1629] Там же.
[1630] Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С.117.
[1631] Там же.

сей день в Дагестане прекрасно сохранились уникальные технологии производства уникальных ковров.

В связи с развитием текстильной промышленности труд женщины начинают активно применять в промышленной сфере. Промышленным городом был Петровск, где была сосредоточена вся промышленность Дагестана. По сведениям Э.М. Далгат, в демографическом плане в городе преобладало мужское население, которое было задействовано на железной дороге, в порту, на рыбных промыслах, на извозном промысле и пр.[1632].

Автор отмечала, что с самого основания города Петровска женщин проживало намного меньше, чем мужчин[1633]. С годами женское население стало преобладать. Так, если в 1870 г. женщин было почти в 4 раза меньше, чем мужчин, то к 1914 г. женское население города увеличилось в 10 раз»[1634]. Для сравнения, за этот же период мужское население увеличилось только в 5 раз[1635].

Очевидно, что такие изменения были связаны с появлением текстильных предприятий в городе. Одним из крупных промышленных предприятий была бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура". 29 мая 1898 г. в г. Порт-Петровске было учреждено акционерное Общество «Каспийская мануфактура", главной целью которого было содействие бумагопрядильным и ткацким фабрикам. Среди членов акционерного Общества были статский советник Ф.И. Петрококино и потомственный дворянин С.И. Решетников, при содействие которых в 1899 г. была построена бумагопрядильная фабрика. Уставной капитал составлял 3.000.000 руб., который был представлен 16 тыс. акциями, каждая из которых стоила 187 р.50 коп[1636].

Уже к ноябрю 1899 фабрика работала на полную мощь, производя высококачественную пряжу[1637]. На фабрике преимущественно работали мужчины, доля

[1632] Далгат Э.М. Население городов Дагестанской области в конце XIX - начале XX вв.// Вестник Института ИАЭ. 2012. № 1. С. 73.
[1633] Там же.
[1634] Там же.
[1635] Там же.
[1636] ЦГА РД Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 30
[1637] ЦГА РД Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 30; Календарь Дагестанской области на 1901г.

женщин была незначительной. В отличие на текстильных фабрик других регионов России, где работали исключительно женщины-ткачихи. Условия на фабрике были самые хорошие для предприятий такого уровня, начиная с технического оснащения и заканчивая условиями труда рабочих[1638]. Для рабочих предусматривалось социальное жилье – дома для семейных, казармы для холостых рабочих[1639].

Несмотря на все эти условия, труд рабочих, особенно женщин, был тяжелым. Женский труд был менее квалифицированным, в результате чего, женщины не выдерживали конкуренции с мужчинами. Женщины были самой уязвимой категорией на производстве, они рисковали быть уволенными в случае сокращения рабочих на предприятиях. Кроме того, и без того несовершенное российское трудовое законодательство, в Дагестане практически не работало. Как правило, имело повсеместное потакание интересам фабрикантов, в ущерб работающим женщинам.

Так, например, один из первых актов фабрично- заводского законодательства, Закон от 1 июня 1882 года «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», который запрещал использование детского труда до 12 лет на производстве, привел к существенной эксплуатации женского труда. Фабриканты, не желая терять доход и сокращать производство, детский труд повсеместно заменили женским.

Закон, изданный в России 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах», не соблюдался. Женщин привлекали для работы в ночную смену. Кроме того, объем работы, который выполнялся подростками, также ложился на женские плечи.

Таким образом, в период буржуазных реформ второй половины XIX века, отчетливо проявляется процесс трансформации женского труда, его капитализация. Дешевый женский труд был выгоден капиталисту для извлечения собственной выгоды. Применение женского труда в промышленности сопровождалось дискрими-

---

[1638] Дагестанский сборник./ сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1904. С.132-134; Гусейнов М.Ш. Россия и индустриальное развитие Дагестана, конец XIX–30 – е гг. XX века. Махачкала. 2004. С.41.

[1639] Мансурова А.Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала, 2006. С.54.

нацией оплаты, ненормированностью рабочего дня и неудовлетворительными условиями труда. Критерием традиционных женских промыслов стала товарность, со всеми вытекающими обстоятельствами; руководствуясь спросом рынка, женский труд стал основой торгового земледелия.

В целом, политика государства и национальные особенности экономики края, способствовали эксплуатации женского труда в сфере сельского хозяйства, промышленности и традиционных ремесел.

3.3. Динамика перемен в имущественном и правовом положении женщин Дагестана как следствие нового содержания их повседневности

Реорганизация правовой системы Дагестана в пореформенный период стала отправной точкой улучшения социального и правового положения дагестанской женщины. Особенность этой системы заключалась во взаимодействие адатов и законов шариата, которые были соотнесены с Российским законодательством. Существующая правовая система раннее была закреплена Уставом 1822 года[1640]. Устав официально закреплял за народами Кавказа их право жить по собственным законам и обычаям[1641], подтвердив это право в последующем Сводом Законов Российской империи. В соответствии с общегосударственным правом, были скорректированы адаты дагестанских народов, которые оставались важным регулятором повседневной жизни дагестанских народов.

Несмотря на то, что сохранялась консервативно-патриархальная установка, согласно которой женщина занимала в семье и обществе подчиненное положение, под влиянием административных и судебных реформ происходили изменения в имущественном и правовом положении женщины. Соотношение российских зако-

[1640] Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 38, №29126. СПб., 1903. С. 394-416.

[1641] Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 2 т. / А. Д. Градовский; под редакцией и с предисловием В. В. Томсинова. Т. 1. М.: Зерцало, 2006; Грибовский В. М. Государственной устройство и управление Российской империей. / В. М. Грибовский. Одесса: Типография «Техник», 1912; Коркунов Н. М. Русское государственное право. / Н. М. Коркунов; под редакцией и с дополнениями Н. Б. Горенберга. Т.1. – 6 изд. (без существенных перемен). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича 1909.

нов с адатами и нормами шариата, стали отправной точкой трансформации правового положения женщины. Важным следствием этого явилось ослабление некоторых патриархальных пережитков, которые затрагивали семейно-брачные отношения и права женщин в вопросах наследования, раздела имущества, развода и пр.

Несмотря на то, что женщина не получила никаких политических прав, в данное время прослеживается тенденция к позитивным изменениям в их семейном и общественном положении, женщины начинают включаться в публичные сферы деятельности.

В исследуемый период, имущественное положение женщин параллельно с имперским правом, регулировалась нормами адата и шариата. Имелись существенные различия адата и шариата в вопросах имущественных прав женщин.

По нормам обычного права, лишь выйдя замуж, женщина могла распоряжаться собственным имуществом. На примере отдельных народов Дагестана, в работах Б. Р. Рагимовой[1642], М. Б. Гимбатовой[1643], Ю.М. Гусейнова[1644] и др. отмечалось, что до замужества у девушки не было прав на семейное имущество. Хотя, привыкшая с детства к труду, женщина до старости вносила посильный вклад в благосостояние семьи.

Заметим, что у некоторых дагестанских народов, не только лица женского пола не могли распоряжаться своим заработком, но и мужчины до женитьбы, этого права не имели. В частности, на материалах обычного права даргинцев этот факт отмечался Б. Далгатом [1645].

Личное имущество женщины после замужество состояло из приданного, в которое входили предметы домашнего обихода, посуда, ковры, постельные принадлежности, одежда, украшения. По нормам обычного права, личная собственность женщины была неприкосновенна.

[1642] Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С. 74.

[1643] Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2014. С. 150.

[1644] Гусейнов Ю.М. Автореферат дисс….на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик, 2012. С.17.

[1645] Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С.135.

В повседневной жизни, фактически, этим имуществом жены тоже распоряжался муж, в силу личной власти над ней. Эта особенность имущественных отношений супругов у дагестанских народов, была отмечена М.М. Ковалевским, который указывал, что зачастую жена могла распоряжаться своим личным имуществом, только с разрешения мужа[1646].

Вместе с тем, такая практика была не у всех дагестанских народов, а зависела от этнических особенностей семейного быта. Так, по кумыкским адатам мужу не только было запрещено распоряжаться личным имуществом жены, будь то приданное или подарки жениха, но его еще ждали наказания[1647]. Если же это происходило, то по сведениям автора, жена могла пожаловаться родителям, а те, обратиться в суд[1648]. Навряд ли, мужья нарушали нормы адатного права, боясь осуждения собственного тухума и общества.

Надо сказать, что и в настоящее время у некоторых дагестанских народов сохраняются аналогичные адатные нормы. В частности, современный исследователь Ю. М. Гусейнов, исследуя семейный быт кумыков, отмечает, что и сегодня на имущество жены муж не имеет право претендовать[1649]. Не вызывает сомнения, что в повседневной жизни народа, по-прежнему сильны нормы адатного права.

Наряду с приданным, собственностью женщины после замужества становился кебин-денежная сумма (магъар), установленная шариатом в качестве обеспечения в случае развода или вдовства[1650]. Надо заметить, что кебинная сумма девушке на руки никогда не давалась. Примечательно, что невыплаченный кебин жене, по нормам шариата, приравнивался к долгам мужа. Даже смерть мужа, не являлась поводом для неуплаты кебина вдове. За умершего, по шариатским нормам, это делали его отец и братья. Судя по судебным искам пореформенного периода, нередко

[1646] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 196.

[1647] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882. С.200.

[1648] Там же.

[1649] Гусейнов Ю.М. Автореферат дисс….на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик, 2012. С.17.

[1650] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983. С. 33; Ковалевский М.М. Указ. соч. С 178.; Комаров А.В. Указ. соч. С. 52.

вопросы, касающиеся возврата кебина вдове, становились предметом долгих семейных тяжб[1651]. В архивных материалах имеются сведения о том, что нередко сами женщины подавали иск о возврате кебинных денег, в надежде на справедливое решение суда[1652]. Как правило, несмотря на долгие тяжбы, женщине удавалось удовлетворить свой иск к родственникам покойного мужа[1653].

Анализ судебной практики показывает, что в суды со встречным иском нередко обращались и родственники покойного мужа, которые не соглашались с решением суда. Так, в Самурском окружном суде, братом покойного мужа оспаривалась доля, полученная вдовой после раздела имущества в 1895 году[1654]. Из материалов архивного дела следовало, что воспользовавшись тем, что деверь находился в ссылке, вдова повторно через суд получила долю от имущества покойного мужа, спустя 15 лет[1655]. В связи с чем, и обратился с прошением в суд, возмущенный действиями вдовы брат покойного мужа.

Так, по мнению А.В. Комарова, величина кебина существенным образом зависела от материального состояния семьи родителей жениха и невесты[1656]. Безусловно, в любом дагестанском обществе негласно, по социальному статусу брачующихся, была определена сумма кебина. Это настолько укоренилось в сознание дагестанских народов, что и в наше время, следуют давним традициям.

По имеющимся сведениям, сумма кебина могла варьироваться от 60 рублей серебром[1657], до 100 или 300 рублей[1658]. Кроме того, у некоторых народов размер кебина был не только строго регламентирован, но и в случае его превышения, применялись санкции общества. Так, по адатам Каратинского наибства конца XIX, были строго прописаны требования к размеру кебинных денег –не больше в 5 руб-

---

[1651] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С.209.
[1652] ЦГА РД. Ф.173. Оп.1. Д.2. Л.5.
[1653] Там же.
[1654] ЦГА РД. Ф.148. Оп.8. Д.33..Л.10.
[1655] Там же.
[1656] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство па ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 52.
[1657] Памятники обычного права… С.57.
[1658] Гусейнов Ю.М. Автореферат дисс….на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик, 2012. С.17.

лей[1659]. В случае, если сумма кебинных денег превышала все же 5 рублей, то с лица, нарушившего предписания адата, взыскивалась в пользу деревни 10 рублей[1660]. Очевидно, что жители Каратинского наибства, придерживались предписаний, боясь штрафных санкций.

На размер кебина влияли культурные традиции отдельных дагестанских обществ[1661]. У некоторых народов, помимо кебинных денег, невесте давали еще движимое и недвижимое имущество. В качестве подарков жениха, могла быть и земля.

Так, у аварцев Андалальского общества семья жениха давала невесте в кебин помимо денег и земельный участок[1662]. По экономическим соображениям, участок земли семья старалась заменить скотом или другим движимым имуществом[1663]. Жители аварского селения Гидатль, нередко девушке в качестве кебина приносили зерно[1664]. Надо заметить, что зерно считалось хорошим подарком, так как его горцы меняли на скот с равнинными народами.

По наблюдениям Б. Далгата, что у даргинцев всякий жених при женитьбе должен был отделить невесте надел земли стоимостью от 100 до 200 рублей, на случай развода[1665].

У некоторых дагестанских народов в качестве подарков со стороны жениха, также можно было встретить и более существенные дары. Например, у даргинцев Кайтага и Цудахара имела место практика дарения невесте родственниками жениха – скота, фруктового сада, участка земли[1666]. При этом, новобрачная не имела право пользоваться плодами этих даров – приплодом скота или урожая[1667].

[1659] Адаты дагестанской области и Закатальского округа // Памятники обычного права Дагестана в XVII – XIX вв. – М., 1965. С. 148.
[1660] Там же.
[1661] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.,1985. С. 179.
[1662] См.: Там же. С. 48.
[1663] Там же.
[1664] Там же.
[1665] Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев//Рукоп. фонд ИИЯЛ. ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
[1666] Там же.
[1667] Там же.

Женщины более высокого статуса могли получить от жениха и более существенные земельные угодья или кутаны. По имеющимся сведениям, в качестве кебина знатным женщинам в шамхальстве Тарковском могли подарить целый кутан или пастбище для выгона скота [1668]. Аналогично обеспечивали кебином знатных женщин в Мехтулинском ханстве[1669]. Известно, что вдова Искендер-бека Хаджи-Ханум-бике, являлась владелицей нескольких дворов подвластных поселян и одного кутана, который достался ей по наследству от отца[1670].

Дефицит земли в горах делал ею бесценной, ею дорожили и старались все же сохранить для наследников. Несмотря на это, нередко родители давали девушке в приданное землю.

Безусловно, это происходило не повсеместно, а по волеизъявлению отца семейства. По имеющимся сведениям, такая практика имела место в горной и высокогорной части Дагестана, где девушки нередко получали в приданое участок пахотной земли[1671]. Не вызывает сомнения, что для них было очень ценным приобретением, которое возвышало ее в глазах общественности. По мнению Б. Р. Рагимовой, в силу этого, в Нагорном Дагестане женщина реально конкурировала с мужчинами[1672]. Следует заметить, в случае развода, земля, данная женщине в качестве приданного, возвращалась обратно же ей. Если же, девушка выходила замуж за пределы своего аула, то землю из-за экономических соображений, семья за ней не давала.

[1668] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С.209.
[1669] Там же.
[1670] Феодальные отношения в Дагестане. XIX- нач.XX в. Архив. матер. / Сост., предисл., и примеч. Х.- М. Хашаева. М.: Наука, 1969. С. 235-239.
[1671] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983. С. 33; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С 178.; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Т. 1.Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 52.
[1672] Рагимова Б.Р. Имущественное положение женщины// Этнографическое обозрение. № 5. 2001. С.46.

Надо отметить, что по волеизъявлению отца, землю в приданое давали и у плоскостных народов. На примере кумыков, данную практику отмечала С. Ш. Гаджиева[1673].

Женщины из семей ханов и шамхалов, землю в наследство не получали, так как, земля по сложившимся адатным нормам передавалась исключительно по мужской линии[1674]. При малолетстве своих сыновей, матери могли пользоваться землей, но юридически земля оставалась собственностью наследников.

У некоторых народов существовала практика, все подарки жениха, а также приданное невесты, записывать в специальный список, во избежание споров. Этот список при свидетелях с обеих сторон должен был заверить сельский судья. В частности, такая практика имела место у жителей Самурского округа, о чем имеются сведения в архивном деле[1675]. Судя по архивному документу, указывались не только наименования приданного, но и их стоимость, общая сумма которого составила 409 рублей[1676]. Столь значительная сумма приданного, конечно же, свидетельствовала о благосостоянии семьи невесты.

У некоторых дагестанских народов по адатным нормам отец невесты мог заявить свои права на распоряжение приданным своей дочери. Например, в Андийском округе, в случае развода, отец мог забрать приданное дочери и на свое усмотрение им распорядиться[1677].

В условиях существования с нормами шариатского права такая практика была уже недопустима. Конечно, события социально-политического характера, оказали существенное влияние на содержание женской повседневности. Все это привело к трансформации имущественного и правового положения женщин. Шариатские нормы закрепляли принцип раздельности имущества мужа и жены, запрещая тем самым, мужу распоряжаться имуществом жены, в том числе и ее приданным.

[1673] Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 196.
[1674] Памятники обычного права Дагестана XVII - XIX вв.: Архивные материалы. М., 1965. С.212.
[1675] ЦГА РД, Ф.148. Оп.7. Д.8. Л.2.
[1676] Там же.
[1677] Памятники обычного права Дагестана …. С.141.

Существенной трансформации подверглись и вопросы, касающиеся порядка наследования. В патриархальном обществе по нормам обычного права исключительным правом наследовать движимое и недвижимое имущество могли только родственники по мужской линии. Женщины были лишены права на наследство отца, что свидетельствовало об ущемлении их имущественных прав. Устранение дочерей от наследования отцовской доли имущества отражала устоявшуюся в общественном сознании социальную норму, согласно которой женщины не являлись продолжателями рода.

Но, несмотря на это, у некоторых дагестанских народов женщина все же могла получить незначительную долю от отцовского имущества. Например, адаты кумыков допускали, по волеизъявлению мужчин из числа наследников, выделить женщинам незначительную часть отцовского наследства по миролюбивой сделке (маслаату – О.М.)[1678].

Воля отца оформлялась при свидетелях, где глава семейства в завещание указывал всех наследников. Отец семейства звал к себе сельского кадия, который со слов отца составлял текст завещания, а также двух свидетелей [1679]. Завещание скреплялось печатью[1680].

Безусловно, у каждого народа имелись свои отличительные особенности наследования, которые были закреплены в нормах адатного права. Несмотря на дискриминацию в вопросах наследования, отец не обделял дочерей материальным содержанием, гарантируя им неоспоримую личную собственность – приданое.

Видя в адатах несправедливость в вопросах наследования отцовского имущества, попытку искоренить, существующую правовую систему предпринял имам Шамиль[1681]. Шамиль был вынужден в своих низамах совместить адатные и шари-

---

[1678] Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып.VI. С. 19.
[1679] См.: Леонтович Р.И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. С. 248.
[1680] Там же.
[1681] Магомедсалихов Х.Г. Введение // Адаты общества Каралал. Махачкала, 2002. С. 3-4; Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып.40. Отдел. 1. Тифлис, 1909. С. 33; Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II .С. 30.

атские нормы, приложив немало усилий для этого. В обществе были сильны позиции вековых адатов. Адат в вопросах имущества, исходил исключительно из прав мужчин, а шариатские нормы в вопросах наследства, защищали имущественные права женщин.

В период существования имамата, шариат смог потеснить адат, и тем самым, улучшил имущественное положение женщины. Женщина получила право на часть отцовского имущества.

Шариатом были прописаны доли наследства сыновей и дочерей. В случае смерти отца семейства, доля сына ровнялась доле двух дочерей[1682]. Как видим, сыновья наследовали в два раза больше отцовского имущества, чем дочери. Несмотря на такое ущемление, шариат все же дал женщине, право на общесемейную собственность. Она могла наследовать и землю в половинной доле. Безусловно, это явилось свидетельством прогрессивного влияния шариата на правовое положение женщины-горянки. Существенным образом укрепилось материальное положение женщины.

Кроме того, в низаме Шамиля «О наследстве», были подробно прописаны обязанности мужчин, получивших наследство. Во-первых, все мужчины, из числа наследников, должны были обеспечить материально детей женского пола, до достижения ими совершеннолетия. Во-вторых, на наследников возлагались обязательства – выдать девушек замуж, дать им полагающее их статусу приданное, оказывать им заботу для дальнейшего их благополучия[1683]. Так, например, по чеченским адатам, если же не оставалось сыновей-наследников, то одна часть шла дочери, а вторая ближайшему мужчине [1684]. При этом, если дочерей у покойного было несколько, то две доли шли дочерям, а одна только родственнику[1685].

По шариатским нормам, в случае смерти жены, муж уже не имел права распоряжаться имуществом умершей жены, а мог лишь претендовать на часть наслед-

---

[1682] Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2009. С. 248.
[1683] Берже А. П. Чечня и чеченцы / А.П. Берже // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859. С. 13.
[1684] См. : Там же.
[1685] Там же.

ства жены, так как, основная ее часть переходила к детям[1686]. Вместе с тем, в случае смерти мужа, все личное имущество жены, в том числе и ее земля, оставались за ней[1687].

Несмотря на позитивные изменения, шариат не допускал женщинам по своему усмотрению распоряжаться личным имуществом: за нее это могли сделать исключительно представители мужского пола – отец, брат или муж[1688].

В целом, для шариата была характерна двойственность в отношение к женщине. По мнению академика В.В. Бартольда, основным недостатком мусульманского права являлось пренебрежение правами личности женщина[1689]. При этом, автор отмечал, что шариат особое внимание уделял защите имущественных прав женщин[1690]. По мнению автора, даже в европейских государствах имущественные права женщины не были так защищены, как в мусульманских странах

Это в полной мере относится и к российскому законодательству, которое к бракоразводным вопросам подходило с патриархальных позиций, ущемляя права женщин. Вплоть до революционных событий 1917 года, в России сохранялся церковный брак, который строился на принципах полнейшего повиновения жены «мужу своему как главе семейства»[1691].

Мировой судья Я. Лудмер полагал, что ни одно судебное учреждение не могло в пределах российского законодательства оградить женщину от дурного и жестокого обращения с нею[1692]. Следовательно, при такой практике, дагестанским женщинам не следовало ждать кардинальных изменений в решении бракоразводных вопросов. Вместе с тем, российское законодательство допускало в судопро-

---

[1686] Рагимова Б.Р. Имущественное положение женщины в Дагестане (XIX - нач. XX в.// Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С.43.

[1687] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - нач. XIX в. М.: Наука. 1988. С. 109.

[1688] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983. С. 34.

[1689] Бартольд В.В. Сочинения. Т.VI, 1996. С.648.

[1690] Там же.

[1691] Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 4. 2014. С. 253.

[1692] Лудмер Я. Бабьи стоны (Из заметок мирового судьи)//Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 446–447.

изводстве некоторые отступления от судебных уставов 1864 года, ссылаясь на местные особенности. Так, например, старалось совмещать нормы адатного права и шариата, которые касались вопросов наследства, завещания или развода [1693]. В тоже время, на самом высоком уровне государственной власти, декларативным путем, стремились минимизировать влияние шариата на общество. Понимая, что шариат, являлся помехой в пропаганде русских ценностей в традиционном обществе, русские власти выступали за сохранение адатного права, которое для них не представляло такой угрозы.

Так, например, еще в 1837 году после своей поездки на Кавказ, Николай I, понимая, что влияние духовенства растет, настоятельно рекомендовал военной администрации на Кавказе, стараться уменьшить влияние судопроизводства по шариату. При этом, Николай I указывал на необходимость проявлять особую осторожность в вопросах шариатского судопроизводства[1694].

По мнению исследователей, существующий дуализм правовой системы, давал возможность заинтересованным сторонам, самим выбирать наиболее приемлемый для себя принцип наследования[1695]. Анализ судебной практики показывает, что предпочтение отдавалось все же шариатскому праву. Особенно, применительно наследования. По замечанию А. П. Берже, в судебных делах за наследство», большую силу имели нормы шариата, чем адата[1696].

Согласно архивных материалов, в пореформенный период, в ведение шариатского суда находились дела, как касающиеся вопросов религии, так и семейные[1697]. Материалы дела показывают, что если имелись разногласия между сторонами, шариатский суд передавал дела в третейский суд[1698]. Затем, решение третей-

[1693] Агларов М.А. Указ. соч. С. 155.
[1694] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.27об.
[1695] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983.С. 34; Берже А. Чечня и чеченцы…С. 13.
[1696] Берже А.П. Чечня и чеченцы…С. 17.
[1697] РГВИА. Ф.13454. Оп.6. Д.233. Л.14.
[1698] Там же. Л.1.

ского суда в письменной форме для исполнения передавалось главному приставу, как и решение шариатского суда[1699].

В пореформенный период стали функционировать окружные суды, где рассматривались дела, касающиеся гражданских споров, межличностных и семейных конфликтов, оскорбления и похищения женщин. В случае необходимости, жалобы граждан, из числа местных народностей, рассматривались в Дагестанском народном суде, который являлся апелляционной инстанцией для окружных судов.

Явным свидетельством перемен правового положения женщин являлись их обращения с исками в окружные суды, которое противоречило устоявшимся в обществе порядкам. Патриархальный общественный и семейный быт дагестанских народов, существенно ограничивал возможность выхода женщины за рамки домашнего пространства. В обществе преобладал стереотип, что женщина неспособна быть самостоятельным субъектом правоотношений, что нашло отражение в адатных и шариатских нормах. Руководствуясь этими нормами, для женщин были установлены правовые ограничения: все юридические действия за женщину могли совершить мужчины семейства. Так, например, по адатам Кайтаго-Табасаранского округа, потерпевшая женщина не могла лично подать жалобу в суд, это право имел только ее муж»[1700].

Об ограничении представительских прав женщины свидетельствовало и то, что женщины не допускались в суды в качестве свидетеля. По имеющимся сведениям, исключением было Сиргинское общество Даргинского округа, где по нормам адатного права, таких ограничений не было[1701]. Вместе с тем, и по шариату, в случае допущения женщины в свидетели, показания двух женщин приравнивалось к свидетельским показаниям одного мужчины[1702].

[1699] Там же. Л.2-2об.

[1700] Адаты Дагестанской области и Закатальского округа/ Составитель Сандрыгайло. Тифлис: Тип .канцелярии глав. Гр.ч.на Кавказе. 1899. С.609.

[1701] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. С. 15; Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 1, 66; Адаты Даргинского округа // АДОЗО. С. 76-77.

[1702] Магомедсалихов Х.Г. Гендерный аспект социальных отношений в горских обществах Дагестана: традиции и современность// Вопросы истории. № 1. 2016. С. 18.

Поэтому, иски женщин в окружные суды и их участие в судебных разбирательствах, следует рассматривать как позитивные изменения их правового статуса. Под влиянием перемен женщины смогли себе позволить защитить свои интересы, обращаясь с прошениями в разные инстанции. Анализ судебной практики пореформенного периода показывает, что женщины выступали в судах, как в качестве истцов, так и ответчиц, отстаивая свои права в вопросах наследства и раздела имущества [1703]. При этом, женщины нередко проявляли настойчивость, умело апеллируя нормами российского и мусульманского права. Например, ссылаясь на шариат, требовали долю наследства от отца, а в иске к мужу, ссылались на нормы российского законодательства.

Конечно, женщине не всегда удавалось добиться положительного решения суда. В обществе сильны были устоявшиеся воззрения на неравноправие женщин. В судопроизводстве по земельным спорам между мужчиной и женщиной, чаще всего суд принимал мужскую сторону, ссылаясь на нормы обычного права. Новые правовые нормы с трудом внедрялись в правовую культуру дагестанских народов, где еще сильны были позиции адатов.

Так, например, в Дагестанский народный суд с иском к двум своим односельчанам, обратилась жительница сел. Мегеб Гунибского округа. В частности, она просила суд восстановить ее права на владение пахотным участком земли в местности Кульзиб стоимостью 500 руб. Так как ее права сельчанами были нарушены, то она настаивала на повторном разборе этого дела по шариатским нормам. Несмотря на попытки женщины, добиться справедливого, по ее мнению, решения суда, ей было отказано. Основанием для этого было то, что спорный участок, на который она претендовала, являлся вакуфным (в пользу мечети) и завещался лишь мужскому поколению наследников (по адату). Военный губернатор также оставил иск женщины без последствий, ввиду того решение суда состоялось с соблюдением форм и порядка адатного судопроизводства. [1704]

[1703] ЦГА РД. Ф.148. Оп.3. Д.2. Л.17; Там же. Оп.9.Д.29. Л.12-13.
[1704] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 175, 176.

Вместе с тем, если бы женщине данный участок был бы дарован отцом (назр), то ее права не могли быть ущемлены по адатным нормам ни кем[1705].

Одно из таких дел рассматривалось в Дагестанском народном суде в 1880 г. Жители селений Гели, Карабудахкент, Губден и Эрпели обратились в судебные инстанции с жалобой такого характера: «Жители округа имеют вообще земли, которые считают своей собственностью и, как таковую, могут свободно отчуждать посредством дара, продажи или передачи по наследству. Женщины наравне с мужчинами могут самостоятельно владеть земельной собственностью. Даже беки, устраняющие вообще, согласно бекскому адату, женщин от наследства, признают действенность назра, сделанного в пользу женщин»[1706]. В своих показаниях жители сел апеллировали адатными нормами, которые позволяли женщине наравне с мужчинами наследовать землю, которую она получила в дар (назр) от отца.

Несмотря на все трудности, с которыми приходилось сталкиваться женщинам в процессе судопроизводства, им нередко удавалось добиться положительного решения суда.

Реформы суда потянули за собой изменения в семейном укладе жизни. Под влиянием российского законодательства подрывались патриархальные устои, что выразилось в пресечении неограниченного произвола мужа в семье. Несмотря на то, что в традиционном обществе пресекалось жестокое обращение с женщиной, а мужчина, применивший насилие в семье, подвергался моральному остракизму, это имело место. Российское законодательство, пытаясь пресечь неограниченный произвол мужа в семье, стало привлекать его к административной ответственности. Каков же был характер этих перемен? Что нового было внесено в семейные отношения? По сведениям Б. Далгата, с появлением русской власти отношения между супругами заметно изменились в лучшую сторону [1707]. Автор полагает, что это связано с ослаблением власти мужа над женой, ограничением его прав[1708].

[1705] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 212.
[1706] Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968. С. 198.
[1707] Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала. С. 113.
[1708] Там же.

Когда семейные дела стали разбираться по нормам российского законодательства, то правила адатов, которые давали мужу власть над женой, стали ограничивать.

Апеллируя российским законодательством, женщины получили возможность инициировать защиту своих прав при решении семейно-бытовых проблем, обращаясь с жалобами в судебные органы. По сведениям А. П., женщины получили право обращаться в суды с жалобами на притеснения мужей[1709]. Отмечая участившиеся иски женщин в суды, автор полагал, что они пользуются защитою суда наравне с мужчинами[1710].

Характер обращений женщин в окружные суды показывает, что причины были самые разнохарактерные — произвол мужа, жалобы на побои, иски на развод, раздел имущества и т.п. Все чаще допускалась инициатива развода со стороны женщины, который сопровождается разделом нажитого совместно имущества. Несмотря на то, что иски женщин в наследовании имущества редко судом удовлетворялись, женщины приобретали опыт защиты своих прав.

Таким образом, женщины приобретали опыт защиты своих прав в судебных инстанциях. Это являлось свидетельством эволюции сознания и гражданско-правового положения женщин в исследуемый период.

Под влиянием российского законодательства существенной трансформации подверглись наказания за убийство, изнасилование, и даже оскорбление женщины.

Нормы обычного права в этих вопросах не совпадали с требованиями российских законов. Дагестанское общество в защите женщин руководствовалось адатами, где защите чести женщин были посвящены целые главы. Например, в Адатах бывшего Тиндальского общества в главе VI «Об оскорблении женщин», в Адатах Тиндальского наибства Хваршинского общества в главах V «Об оскорблениях женщин», в Адатах Технуцальского наибства в главах I «Об убийствах», в Адатах Каратинского наибства в главах I «Об убийствах», VI «Об оскорблении женщины», в Адатах Ункратль-Чамалальского наибства в главах главах I «Об убийствах», в

[1709] Берже А. Чечня и чеченцы…С. 16.
[1710] Там же.

Адатах Гумбетовского наибства в главах I «Об убийствах и смертельных ранениях», V «О прелюбодеяниях», VI «Об оскорблении женщины» и др.[1711]

В адатах детально были оговорены последствия убийства и изнасилования и похищения женщин, меры и формы наказания обидчиков, ответственность за прелюбодеяние и пр. Особо сурово адатными нормами каралось убийство женщин. Несмотря на строгость адатов, явно прослеживалась дискриминация в определении меры ответственности за убийство женщины – выкуп за убийство женщины был на половину меньше выкупа за убийство мужчины.

Так, по ахтынским адатам за кровь мужчины, взыскивалось сумма равная 250 руб., а за убийство женщины почти в два раза меньше – 125 руб[1712]. Все эти деньги предназначались детям убитого, или жене[1713]. По адатам, вполовину меньше выкупа должны были заплатить за убийство женщины в Кюринском, Самурском и Даргинском округах [1714].

В Мугинском обществе Даргинского округа при определении наказания бралось во внимание умышленное или неумышленное обстоятельство убийства. Так, по нормам адатов, если женщине умышлено была нанесена рана, то лицо, совершившее деяние, должно было заплатить пол суммы, а за неумышленное ранение только четвертую часть[1715].

Жертва изнасилования могла надеяться на правосудие только в том случае, если она оповещала своими криками окружающих. Женщина не должна была бездействовать. Так, по адатам аварских сел Урада и Кахиб, женщина должна была криком оповестить всех, что ее изнасиловали[1716]. После этого, лицо, совершившее деяние, обязан был за содеянное выплатить жертве материальное вознаграждение - отдать два котла и одного быка.

[1711] Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы. / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., Наука.1965.
[1712] Там же. С. 25.
[1713] Там же.
[1714] Адаты южно-дагестанских обществ// АДОЗО. С. 6,63, 161.
[1715] Адаты Даргинского округа // АДОЗО. С. 161.
[1716] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса. 1882. Вып. 1-2. С.224.

Кроме того, факт изнасилования должны были подтвердить посторонние лица, присягнув на Коране. По сведениям Ф. И. Леонтовича, посторонние лица были из другого рода[1717]. Обязательным условием было, чтобы присягателя не были с одного с женщиной тухума и чтобы не испытывали вражды к насильнику[1718].

Другими доказательствами и уликами могли быть вещи насильника, а также следы борьбы на его теле, укусы или царапины[1719]. Безусловно, если насильник был пойман на месте преступления, то он признавался виновным[1720].

Как правило, жертве редко удавалось доказать факт насилия. В связи с чем, в адатах было особо оговорено следующее: «Если для установления факта изнасилования не найдется двух свидетелей, и женщина не взяла из одежды насильника ничего, а также из его вещей ничего не осталось на месте изнасилования, то последний имеет право установить свою невинность присягой пятнадцати человек из своих родственников»[1721].

Как правило, при таких жестких условиях, насильник чаще всего избегал наказания. А жертве изнасилования, ничего не оставалось, как смириться с этим. Не бралось во внимание моральное состояние девушки, которой всю жизнь приходилось жить с эти позором.

При вынесение наказания, существенным фактором было являлось семейное положение жертвы изнасилования. Так, по адатах бывшего Тиндальского общества, за насилие над замужней женщиной, виновник платил ее мужу 40 рублей, а также должен был накормить за свой счет 40 человек.[1722]. Если же жертвой оказывались вдова или незамужняя девушка, то сумма составляла 15 рублей, но в поль-

---

[1717] Там же.
[1718] Там же.
[1719] Там же.
[1720] Там же.
[1721] Там же.
[1722] Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы. / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., Наука.1965С. 122.

зу обиженной[1723]. После этого, виновник обязан был угостить 15 человек из числа родственников жертвы, и мог без принуждения на ней женится[1724].

Как видим, наказание и материальные издержки похитителя за оскорблённую честь девушки или вдовы были менее существенные, чем замужней женщины. Что являлось свидетельством более высокого статуса замужней женщины в обществе.

Адаты дагестанских народов не освобождали женщину от наказания, если донос оказывался ложным. Так, согласно адатам селений Урада и Кахиб, «Если заявление женщины вызывает подозрение, то мужчина принимает присягу вместе с тремя мужчинами, равнодушными к нему. Если окажется, что женщина в своем крике неправа, то за ней оба котла и бык»[1725].

Анализ многих адатных положений показывает, что в традиционном обществе жертве изнасилования полагалось материальное возмещение. Видимо, в условиях ограниченности материальных средств, а иногда и крайней нужды, общество полагало, что такими наказаниями, жестко карало насильников. Безусловно, семья девушки, это приветствовала.

Мало того, женщине приходилось в качестве доказательства приводить доводы, свидетелей, оповещать криком и пр. В итоге, о случившемся узнавал достаточно широкий круг людей, что, безусловно, травмировало девушку. В конечном счете, жертвы изнасилования, не выдерживая таких испытаний и унижения, сводили счеты с жизнью.

Учитывая, что пятно позора ложилось не только на обесчещенную девушку, но и на весь ее тухум, участь ее была незавидной. Для мужчин рода оставалось единственное решение - кровная месть и убийство насильника. Кровомщением они очищали свой род от позора.

Защищая честь женщины и определяя меру наказания для насильника, большое внимание обращалось на моральные качества жертвы изнасилования. Моральным качествам женщины, при вынесение наказания лицу, ее оскорбивше-

---

[1723] Там же.
[1724] Там же.
[1725] Там же.

му, особое значение придавали в адатах Каратинского и Гумбетовского и наибств, адатах Тиндальского общества.

Так, по адатам бывшего Тиндальского общества бралось во внимание, чтобы женщина, которой было нанесено оскорбление, слыла в обществе порядочной, не была замечена в предосудительных связях[1726]. Если же женщина была известна своим недостойным поведением и она указывала на лицо, ее обидевшее, то за женщину обязаны были дать присягу [1727]. При этом, 4 присягателя из мужчин или женщин, ее рода должен был выбрать обидчик женщины[1728].

После того, как присягатели подтверждали справедливость обвинения женщины, обвиняемому разрешали очиститься 12 лицами[1729].

Анализ судебной практики пореформенного периода показывает жертвы изнасилования сами стали расправляться со своими обидчиками. Так, в одном из материалов горской криминалистики, имеются сведения о том, что девушка Парида из аула Бахлух Аварского округа 5 июня 1867 года с целью отомстить насильникам – солдатам, убила троих, а четвертому нанесла несколько ран[1730]. По имеющимся сведениям, преступление было совершено во время проведения солдатами дорожных работ. Из материалов дела следовало, что убийство над тремя солдатами совершила Парида одна, без соучастников, за насилие, сделанное над нею[1731]. Она объясняла суду, что после этого насилия она была так огорчена и расстроена, что решилась отомстить «убийством первого из солдат, который попадется ей на месте изнасилования»[1732]. Мало того, защищая свою поруганную честь, девушка тщательно продумала убийство. По материалам дела следует, что девушка взяла с собой заранее отточенный кинжал, а на голову одела папаху своего отца, желая скрыть что она женщина[1733].

[1726] Там же.
[1727]Там же.
[1728] Там же.
[1729] Там же.
[1730] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 1II. С.13-14.
[1731] Там же. С.13.
[1732] Там же.
[1733] Там же.

Судя по материалам дела, Парида, совершив убийство, и сама, будучи раненной одним из солдат, бросилась в Аварское Койсу, откуда ее вытащили два жителя[1734]. Видимо, страх наказания за совершенное убийство, заставил все же девушку пойти на этот отчаянный шаг.

По имеющимся сведениям, не только изнасилование могло стать причиной мести со стороны женщины, но даже обвинение общества в порочащих ее связях. Так, например, Патимат Султан–кызы, жительница селения Игали Аварского округа, 23 июля 1869 года убила кинжалом своего сельчанина Курбан-Магому Магома–оглы[1735]. Причиной убийства стали обвинения общества в ее связях с ним[1736]. Не вызывает сомнения, что таким образом, женщина пыталась «очиститься» в глазах общества.

Данные примеры, явно свидетельствуют эволюции сознания и определенной эмансипации дагестанских женщин. Они не только пытались защитить свою честь, не прибегая к помощи мужчин своей семьи, как это было принято по адатам, они не боялись получить огласку.

В новых реалиях, были прописаны распоряжения высшего начальства и Дагестанского словесного суда, касающиеся наказаний за противоправные деяния против женщин. В частности, от 18 января 1892 года было Предписание, где говорилось, что только по жалобам потерпевших женщин могли быть возбуждаться и прекращаться дела по увозу и вообще, оскорблениях женщин [1737]. На этом же основание могло произойти примирение сторон, без взыскания штрафа с похитителя или лица, оскорбившего женщину[1738].

Под влиянием российского законодательства трансформации подверглись наказания за совершенные женщинами проступки и преступления, которые существенным образом отличалось от норм обычного права и шариата. В частности, это отразилось на наказаниях за прелюбодеяние.

[1734] Там же. С.14.
[1735] Там же. С. 6-7.
[1736] Там же.
[1737] Законы вольных обществ XVII – XIX вв. : Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. С. 224.
[1738] Там же.

Адаты горских народов и шариат не только очень строго определяли меру ответственности за оскорбления женщины, но и сурово карали ее за аморальное поведение, требуя от нее соблюдения общепринятых в обществе норм морали. Безусловно, тяжким грехом считалось прелюбодеяние, где не только женщина становилась предметом обсуждения и наказания, но и мужчина. Об этом свидетельствуют адаты разных сельских общин, в которых содержатся отдельные главы, касающиеся ответственности женщины и мужчины за факты прелюбодеяния.

Так, ответственность женщин за прелюбодеяние была определена а адатах Андийского округа Западного Дагестана: бывшего Тиндальского общества в главе V «О прелюбодеянии»[1739], Тиндальского наибства Хваршинского общества в главе VII «О прелюбодеяниях»[1740], Технуцальского наибства в главе X «О прелюбодеяниях»[1741], Каратинского наибства в главе VIII «О прелюбодеяниях» [1742], Ункратль-Чамалальского наибства в главе VIII «Об увозе женщин и прелюбодеяниях»[1743], Андийского наибства в главе VIII «О прелюбодеянии[1744], Гумбетовского наибства в главе V «О прелюбодеяниях»[1745].

Надо сказать, что и адат и шариат одинаково строго карали лиц, уличенных в любовной связи. Анализ адатного наказания за прелюбодеяние свидетельствовал, что обоих лиц, уличенных в прелюбодеянии, убивали. По некоторым адатам, если муж одного из них он оставлял в живых, то сам становился кровником и убийцей.

Так, по адатам бывшего Тиндальского общества и Гумбетовского наибства, муж, заставший у жены любовника, дозволялось убить обоих на месте деяния, без

[1739] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С. 122.
[1740] Там же. С. 130.
[1741] Там же. С. 140.
[1742] Там же. С. 148.
[1743] Там же. С. 157.
[1744] Там же. С. 164.
[1745] Там же. С. 172.

последствий для себя[1746]. Если же муж убивал одного из них то он отвечал за деяние, как убийца[1747].

По адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, убийство любовников дозволялось только после доказательства их вины [1748]. Конечно, вину не всегда удавалось доказать, если не было свидетелей.

При этом, если все же совершалось убийство безвинной жены, то родственники мужа – убийцы обязаны были выплатить материальное вознаграждение, а сам убийца становился кровником[1749]. Кроме того, он вместе с 6 своими родственниками изгонялся из селения, и находился там до тех пор, пока его не простят дети[1750].

Безусловно, важно было доказательство факта прелюбодеяния, будь то свидетели или личные вещи, оставленные на месте совершения данного преступления. Этот момент в адатах также учитывался, как правило, наказания при этом не следовало, а ограничивались очистительной присягой. По адатам Андийского наибства, если жена –прелюбодейка, убежав со своим любовником, не оставляли следов любовной связи, то обязаны были дать очистительную присягу[1751]. При этом, каждый из любовников очищался 40 родственниками[1752].

По законов шариата, ответственность за совершенное прелюбодеяние зависела семейного положения уличенных в любовных связях. По сведениям З.Х. Мисрокова, семейные любовники забивались камнями насмерть, а не состоящие в браки получали сто ударов палками [1753]. Учитывая, что доисламские традиции в обществе были сильны, данный метод казни, характерный для шариатских норм, в Дагестане мог иметь лишь частный характер.

Адатные нормы и моральные устои помимо карательных мер, предполагали моральную и материальную компенсацию по факту прелюбодеяния, а ответственность могла *варьироваться* в зависимости от социального положения человека. В

[1746] Там же. С. 122.
[1747] Там же.
[1748] Там же. С. 190.
[1749] Там же.
[1750] Там же.
[1751] Там же.
[1752] Там же.
[1753]Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. М., 2002. С. 51.

новых реалиях, наказание за прелюбодеяние стали заменять ссылкой в различные российские губернии, реже денежным штрафом. Следует сказать, что размер денежной компенсации оставался в том же размере, в каком был прописан по нормам обычного права.

Так, например, по адатам в кумыкских селениях Эндирей, Костек и Аксай, мужчина, уличенный в прелюбодеяние должен был выплатить денежный штраф в размере тридцати рублей[1754]. Так, в селении Башлы Кайтагского уцмийства, за такое деяние должен был заплатить штраф равный двум быкам[1755], что было существенным материальным наказанием. Тем не менее, самая большая сумма штрафов, за совершенное прелюбодеяние была у кумыков Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. По имеющимся сведениям она могла варьироваться в районе 100 руб.

Аналогичные штрафы были предусмотрены у аварцев и даргинцев, что нашло отражение в их адатах и обычаях[1756].

Законы Российской империи существенно отличались в формах наказания за прелюбодеяние. Как правило, после вынесения обвинительного приговора за прелюбодеяние, виновных ссылали на каторжные работы, в разные районы России. По представлению начальника Дагестанской области к главнокомандующему Кавказским корпусом, к лицам, совершившим такого рода преступления, применялась наказание в виде ссылки в разные губернии Российской империи.

По сведениям Абдусалама Акиева, с 1860 по 1867 годы из шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского было сослано в Сибирь 12 человек, уличенных в прелюбодеяние [1757].

В Вятскую губернию за жестокое убийство своей жены был выслан житель Закатальского округа Ибрагим-Рамазан-оглы[1758]. Находясь в ссылке им было со-

---

[1754] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Кумыки. СПб., 1895. С. 309.
[1755] Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.С.61.
[1756] Адаты аварцев (на аварском языке и перевод к ним) // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л.45-72; Адаты и обычаи Даргинцев, записанные Абдусаламом Акиевым со слов жителей сел Усиша, Урахи, Цудахар // Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 64.
[1757] Адаты и обычаи Даргинцев, записанные Абдусаламом Акиевым со слов жителей сел Усиша, Урахи, Цудахар // Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.

вершенно убийство сожительницы, за которое он получил по решению Вятского окружного суда в октябре 1882 г. 8 лет каторжных работ[1759].

Женщина, совершившая прелюбодеяние по российским законам также не освобождалась от наказания, а наравне с мужчиной подвергалась карательным мерам. Для арестантки предполагалась высылка в различные уголки Российской империи, в том числе, и в Сибирь. Женщин нередко приговаривали к каторжным работам, даже к смертной казни. Только наличие беременности или грудных детей давало женщине право получить отсрочку от смертного приговора[1760]. Приговоренные женщины освобождались от ссылки на 40 дней после рождения ребенка[1761]. Если же ребенок умирал до истечения этого срока, мать отправлялась в ссылку поле 40 дней[1762].

Имели место дисциплинарные наказания в виде телесных наказаний, которые по российскому законодательству к женщинам перестали применять лишь с 1893 года[1763].

Существует мнение, что такие меры российского правительства были продиктованы «для предотвращения возможного кровопролития» между кровниками[1764]. Разумеется, дагестанское общество не принимало такую систему наказаний,

---

[1758] См: Касаткина Е.Б. Взаимоотношения между ссыльными с Кавказа и жителями Вятской губернии во второй половине XIX - начале XX в.// Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. №. 2 (31). С. 28.

[1759] Там же.

[1760] Свод законов Российской империи. Т.15. Ч.2: Законы судопроизводства уголовного. – СПб.,1876. С.99.

[1761] Там же. С.96.

[1762] Там же

[1763] Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX - начале XX в. Калуга: Ноосфера. 2012. С. 44-45.

[1764] Касаткина Е. Б. Административная ссылка жителей Кавказа в Вятскую губернию во второй половине XIX - начале XX в. Как вид принудительной миграции / Вестник Вятского государственного университета. № 10. 2017. С.59; Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX - начале XX в. – Калуга, 2012. С. 27;

так как это «нарушало их древние обычаи, лишая возможности личного или коллективного возмездия»[1765].

В реалиях сосуществования с российским законодательством претерпели изменения наказания за кровную месть. Обычай кровной мести, являлся характеристикой семейного и общественного быта народа, правовых и этических норм общества исследуемого периода[1766]. Характеризуя обычай кровной мести у дагестанских народов, А. В. Комаров отмечал, что общим для всех являлось то, что везде убийство наказывалось кровной местью[1767]. При этом, по сведению автора, не исключалось и примирение с кровником, по обоюдному согласию сторон[1768].

Как общественный институт, регулировавший жизнедеятельность сельской общины, обычай кровной мести был немыслим без участия в нем женщин. У дагестанских народов кровомщение на женщин не распространялась. Женщина никогда не выступала мстителем, за нее это делали мужчины тухума.

В то же время, именно женщина нередко становилось причиной кровной мести. Кровной местью преследовались любые деяния, которые затрагивали честь женщины, от убийства до оскорбления [1769].

В древних дагестанских адатах четко было прописано, – женщина считается неприкосновенной для постороннего мужчины, а убийство, совершенное на почве кровной мести не считалось преступлением [1770].

[1765] Феодальные отношения в Дагестане. XIX- нач.XX в. Архив. матер. / Сост., предисл., и примеч. Х.- М. Хашаева. М.: Наука, 1969. С. 314.

[1766] Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Т. 1.Тифлис, 1868. Вып. 1; Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. С. 2; Рейнеке Н. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1812, С. 40; Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. Вестник московского университета. М., 1948, № 33, С. 99; Омаров А. С. Система композиций в обычном праве Дагестана. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфишиала АН СССР, в. XVI. – Махачкала, 1966, С. 257; Егорова В. П. О состоянии кровомщения в Дагестане во П-й поло1вине XIX -начале XX в. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. трудов Дагестанского университета (ВИЭД), В. 7. Махачкала, 1976; Егорова В. П. Быт сельского населения Дагестана во II половине XIX – начале -XX в. Машиноп. дис...-. канд. ист. наук, Махачкала, 1976; Булатова А. Г. Лакцы (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961.С. 286.

[1767] Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним ….С.9

[1768] Там же.

[1769] Леонтович Ф.А. Адаты кавказских горцев... С. 232; Александров А.А. Месть // Терские ведомости. 1905. № 272.

Подполковник генерального штаба К.Ф. Сталь, характеризуя институт кровном мести, подчеркивал, что самые жестокие кровомщения у кавказских народов бывали за женщин [1771]. Неслучайно по этому поводу в народе появилась пословица: «Из-за одной женщины гибнет девять мужчин».

Так как, защита интересов женщин рода возлагалась на мужчин тухума, поэтому любое посягательство на их честь, влекло ответные действия, соизмеримые с тем, что было нанесено обидчиком. По мнению С.Ш. Гаджиевой, кровомщения за бесчестье женщины всегда влекли за собой ответные действия, в силу этого обычая целые тухумы кумыков исчезали с лица земли[1772].

За оскорбление женщины, словом или действием, виновный преследовался как родственниками отца, так и родственниками мужа. Любое оскорбление могло закончиться убийством виновника, а за ним следовало немедленное мщение со стороны родственников убитого, – отмечала В. П. Егорова[1773]. Следовательно, в силу сложившихся в обществе вековых традиций, избежать кровной мести было практически невозможно.

Указывая на эти обстоятельства Ф.И. Леонтович писал, что традиции кровной мести побуждали людей совершать самые жестокие и кровавые преступления»[1774]. При этом автор считал, что в исследуемый период кровная месть из-за женщин не имела столь широкого распространения среди дагестанских народов[1775]. Скорее всего, по мнению автора, «к праву мщения чаще прибегали в более раннее время»[1776].

Отчасти, наблюдения Ф.И. Леонтовича не беспочвенны – объективные условия, способствовали сокращению кровной мести в XIX веке. Как уже отмечалось

[1770] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С.156.
[1771] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 111.
[1772] Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.286.
[1773] Егорова В. П. Быт сельского населения Дагестана во II половине XIX – начале -XX в. Машиноп. дисс.... канд. ист. наук, Махачкала, 1976. С. 20.
[1774] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев… С.148
[1775] Там же. С. 232.
[1776] Там же.

выше, кровная месть существенно сказывалась на демографии народа, что стало одним из главных факторов регламентации данного института при имаме Шамиле.

Н.Ф. Грабовский, занимавшийся исследованием быта горских народов в 60-70-х гг. XIX в., отмечал, что содержание адатов, касающихся кровной мести, было достаточно разнообразным, но общим для всех кавказских народов было то, что оскорбление женщины не могло закончиться примирением сторон, пока позор не будет отомщен кровью виновного.[1777]

По сведениям автора, в середине XIX в. в народных судах разбирали дела, касающиеся кровной мести, из которых следовало, что вражда между тухумами продолжалась на протяжении 100-150 лет[1778]. И в каждой из враждовавших семей число убитых мужчин доходило до 20 человек[1779].

Русским властям приходилось прилагать немало усилий, чтобы добиться соблюдения российских правовых норм и предотвращения случаев самоуправства. Вот как писали представители российского законодательства о сложностях судопроизводства над горцами: «<…>как трудно бывает ей бороться с такими проявлениями своеобычности горцев,– по нашим воззрениям – составляют преступления, а по адатам и понятиям горцев – нормальные, обычные поступки»[1780].

С целью примирения враждующих сторон, русской администрацией в 1865 году были составлены окружные списки, в которых значились семьи кровников[1781]. Непримиримых же кровников, по указу 1868 года, ссылали в Сибирь, что для них было равносильно смерти. Эти меры дали свои результаты, по сведениям А.В. Комарова, уже к концу 60-х годов XIX в., число враждующих семей в Дагестане сократилось до 288[1782].

[1777] Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 27–28.
[1778] Там же.. С.27.
[1779] Там же.
[1780] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Вып. 1II. Тифлис, 1870. С.1.
[1781] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С.47-48.
[1782] Там же.

Несмотря на то, что со стороны российских властей было ограничено права кровной мести и особенно права всеобщего применения оружия[1783], случаи самоуправства по-прежнему были нередким явлением в народе. Особенно непримиримым было общество в отношении лиц, уличенных в прелюбодеянии. По нормам обычного права, таковых подвергали не только моральному остракизму – отречению от общества, но и физическому – убийству.

Так, по имеющимся сведениям, в результате кровной мести, был убит житель селения Гинтли Гунибского округа, Гитино Гаджи – оглы, за совращение дочери жителя того же селения, Гитино Магома – оглы[1784]. Как сообщал источник: «когда подозрение в прелюбодеянии подтвердилось беременностью девицы, то Гитино Гаджи – оглы вышел из деревни, согласно существующего адата, в канлы. Вскоре после этого, Гитино Гаджи – оглы помирился с отцом девицы, заплатив денежную пеню, и сочетался с девицей браком »[1785]. Несмотря на это, отец девушки, для которого было невыносимо примирение с кровником, который весь его род выставил на посмешище общества, решил убить Гитино Гаджи – оглы[1786]. Отца, как видим, не остановил и тот факт, что сиротой оставался еще не родившийся ребенок.

Имеются сведения о том, что 12 декабря 1869 года жителем селения Арсуг Даргинского округа, Рамазан Аликай-оглы была убита жена Кифи Роджеб-кызы, из-за подозрения в любовной связи с односельчанином Рамазаном Аджаб-Палай-оглы[1787]. Отмечалось также, что в убийстве Кифи Роджеб-кызы принимал участие родственник жены, для которого убийство родственницы-прелюбодейки, безусловно, было делом чести[1788].

Жертвами мужей могли стать и их кровные братья. Так, по имеющимся сведениям, в декабре 1869 года, житель селения Орота Аварского округа, Гамзат-

---

[1783] См.: Свечникова Л. Г. Из истории сословных прав горского населения Северного Кавказа в XIX в. // Политика и право. 2000. № 2.
[1784] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 1II. С.8.
[1785] Там же.
[1786] Там же.
[1787] Там же. С.19.
[1788] Там же.

Лабазан – оглы, ранил своего брата Али, за то, что последний был в связи с его женою, Патимат Муталилов-кызы[1789] .

Фактов прелюбодеяния, несмотря на расправы, среди жителей дагестанских аулов было много. Вплоть до 1917 года в Даргинском, Кайтаго- Табасаранском и Темир- Хан-Шуринском, Гунибском округах нередки были случаи убийства отцами или мужьями, как мужчин – прелюбодеев, так жен или дочерей подозрению в прелюбодеянии.

Отмечая динамику роста фактов прелюбодеяния среди жителей некоторых округов, некоторые исследователи объясняют это падением имамата. Так, указывая на эту причину, Н. Львов отмечал, что в аварских аулах после падения шариата, увеличились случаи о нарушении супружеской верности, о которых свидетельствовали жалобные книги и довольно порядочная цифра процессов о нарушении супружеской верности окружных народных судов [1790]. При этом, автор полагал, что тайных незаконных связей было гораздо больше[1791].

Нередко убийства происходили на почве мщения. Так, окружным судом Темир–Хан–Шуринского округа был осужден Даций–оглы из селения Охли, который в ноябре 1866 г. совершил тройное убийство - своей жены Ашуры, ее ближайшего родственника Чопан Казан-оглы и его и сына[1792]. Из материалов дела следовало, что убийство было совершено на почве мщения, из-за подозрения потерпевших в умышленном убийстве сына Даций–оглы Османа[1793].

На почве мщения односельчанином Селим Дервиша бек - оглы была убита жительница селения Гогаз Самурского округа, Ага – Султан Агаз-кызы. В материалов дела имелись сведения о том, что несколько лет назад Селим Дервиша бек – оглы пытался изнасиловать Ага – Султан, за что был наказан по распоряжению начальника округа. Так как молва о связи Селима с Ага – Султан в народе не умол-

---

[1789] Там же.
[1790] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. 1II. Тифлис, 1870. С.15.
[1791] Там же.
[1792] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 59-67. 2 ЦГА РД. Ф. Р.-260. Оп. 5. Д. 30.
[1793] Там же.

кала, то ее муж Ибрагим, развелся с ней. Тогда, Селим, стал сватать ее, но ее родственники, настроенные к нему враждебно отказали ему и обручили с другим человеком, хотя она сама желала выйти за Селима»[1794]. На его предложение бежать с ним женщина отказала, хотя в начале была на этот шаг готова, что и стало причиной убийства[1795]. Оправдывая убийство Ага - Султан, Селим, объяснял свою ярость тем, что убитая повела себя с ним нечестно, не только отказала вернуть подарки, но и еще заявила: «что много раз обманывала таких дураков, как он»[1796].

Аналогичный случай имел место в сел. Маграга Кайтаго-Табасаранского округа, когда 6 июля 1868 года была ранена из пистолета девушка Ширин Муса – кызы, своим сельчанином Кадаш – бек Муса – оглы[1797]. По сведениям источника, «она сначала согласилась было выйти за него замуж и бежать с ним из селения, но потом отказалась от своего намерения»[1798]. Разумеется, для мужчины такое поведение женщины, было оскорбительным и недопустимым, что и привело к такому трагическому исходу отношений между парой.

Нередко в повседневной жизни к мщению своих мужей, братьев и сыновей подстрекали женщины. Из материалов архивного дела следовало, что в 1869 г. окружной суд постановил выселить из сел. Кая Аштикулинского наибства женщину, подстрекавшую сына к мщению[1799]. Тем самым, судебными властями законодательно пресекалась возможность женщин к подстрекательству.

Таким образом, можно сделать вывод, что под влиянием перемен, которые происходили в дагестанском обществе в пореформенный период, происходила трансформация правового положения женщины. Прослеживается динамика позитивных изменений имущественного и правового положения женщины, как следствие нового содержания ее повседневной жизни.

Становление гражданского законодательства стала отправной точкой улучшения имущественного положения дагестанской женщины. Апеллируя российским

[1794] Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. С.2.
[1795] Там же.
[1796] Там же.
[1797] Там же. С.5.
[1798] Там же.
[1799] ЦГА ДАССР. Ф. 95, Оп. 1, Д. 2, Л. 95—96.

законодательством, женщины получили возможность инициировать защиту своих наследственных прав в суде, при решении семейно-бытовых проблем.

Существенной трансформации по российским законам подверглись наказания за убийства женщин. Если по адатным нормам муж за убийство жены, совершившей прелюбодеяние, не нес никакой ответственности, то теперь по российскому законодательству, его привлекали к уголовной ответственности и отправляли на каторжные работы в российские губернии. Об эволюции сознания и определенной эмансипации дагестанских женщин свидетельствовали факты их расправы со своими обидчиками.

Законы Российской империи не только предполагали защиту прав женщин, но, и при необходимости, не исключали вынесение им обвинительных приговоров. Материалы исследования показывают, что женщины нередко были фигурантами судебных дел по прелюбодеянию, подстрекательству, убийству и пр. После вынесения приговора женщин отправляли на каторжные работы в разные уголки Российской империи, что негативно воспринималось традиционным обществом, как противоречившее вековым традициям народа. В обществе предпочитали в отношении женщин, руководствоваться общепринятыми обычаями, нравственными и религиозными принципами, в том числе и по преступлениям, которые совершались ими.

Безусловно, традиционные стереотипы порой оказывались сильнее внедряемых правовых норм российского законодательства, что создавало дополнительные трудности в реализации судебных дел.

В целом, несмотря на все положительные изменения, сохранялась дискриминация женщин. Как российское законодательство, так и нормы адатного и шариатского права, в своих решениях исходили из принципа правового неравенства женщины и мужчины.

3.4. Повседневные досуговые практики женщин Дагестана второй половины XIX века и отражение в них модернизации общественной жизни

Пореформенный период характеризовался модернизацией социально-экономической и культурной жизни дагестанских городов Темир-Хан-Шуры, Дербента и Порт-Петровска[1800]. Интеграция народов в составе Российской империи, неизбежно привела к трансформационным явлениям во всех сферах жизни. Это не могло не затронуть духовную культуру, не сказаться на образе жизни и формах досуга. Более приверженными к таким изменениям оказались представители высшего сословия, которым приходилось чаще контактировать с русскими. Модернизация общественной жизни наиболее ярко отразилась в жизни городского населения, образ жизни которого, особо не отличался от жизни российских уездных городов второй половины XIX века. В городах была сосредоточена военная и государственная администрация, промышленная буржуазия. Повседневные досуговые практики являлись свидетельством европеизации жизни населения городов[1801].

Так, под влиянием русских дворянских традиций, в городах появились непременные атрибуты светской жизни: театр, благотворительные общества, светские салоны. Представители аристократических семей устраивали балы и светские рауты, на которых присутствовали представители политической, военной и промышленной элиты.

Насыщенной светской жизнью отличалась столица Дагестанской области, город Темир-Хан-Шура. Это был главный административный и культурный центр Дагестана. Социальный состав населения города был неоднородный. Здесь жил военный губернатор, была сосредоточена военная и государственная администрация, жили представители среднего и низшего сословий, чиновники, купечество, духовенство, унтер-офицеры, солдаты, разночинцы и пр.

[1800] См.: Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX - начале XX в. Махачкала: Мавраевъ, 2015. С. 239-240.
[1801] Там же.

Неоднородным был и национальный состав столичного города. По сведениям Е.И. Козубского, население города в пореформенный период представляло собой пестрый национальный состав. Основным населением были русские – 3536 человек, затем, существенно были представлены жители Закавказья, 432 человека – персы, 353 – армяне, 194 – грузины[1802]. Примечательно, что в городе проживало 406 –евреев, 362– поляка, а также небольшое число немцев – 37[1803].

Что касается женского населения города, то картина была следующая: русских проживало – 108, грузинок – 2, ярмянок – 44, немок- 6, евреек – 44, персиянок – 27[1804].

Городская жизнь привлекала многих представителей горской аристократической интеллигенции из числа потомственных дворян. Лишившись своей политической власти, в Темир-Хан-Шуру переселились многие феодальные владетели .

По сведениям Е.И. Козубского, одним из первых, покинув свою резиденцию в Кафыр-Кумухе, в 1861 году переехал последний шамхал Тарковский[1805]. Следом за шамхалом Тарковским в городе обосновались семьи из знатных родов Казаналиповых, Уцмиевых, Мехтулинских и др[1806]. К концу XIX в. все они прочно обосновались в Темир-Хан-Шуре. В столичном городе предпочитали жить дагестанцы-офицеры царской армии, аристократическая интеллигенция и предприимчивая буржуазия, которая формировалась из разных сословий дагестанского общества.

Безусловно, столь представительное население столицы, было заинтересовано в том, чтобы культурная жизнь была на должном уровне. В городе имелось все для культурной светской жизни: театр, клубы для проведения досуга и даже имелся ипподром.

[1802] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 45.
[1803] Там же.
[1804] Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шара. 2-е изд. Махачкала: ГАУ РД. Издательский дом «Дагестан», 2014. С.47.
[1805] Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С. 46
[1806] Далгат А.М. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 90

Следует сказать, что нередко сами горожане выступали с инициативой развития тех или иных форм досуга. В архивном деле имеются сведения о том, что в 1880 году на имя начальника Дагестанской области Л.И. Меликова, горожанами было направлено прошение, где они просили открыть клуб для проведения досуга[1807]. В качестве аргументов, в прошении горожан отмечалось отсутствие в столичном городе «открытого общественного учреждения», в котором могли бы проводить свой досуг его жители[1808]. В итоге, прошение горожан было удовлетворено, и в Темир-Хан-Шуре такой клуб появился. Надо сказать, что это был один из первых клубов, в которые допускались женщины. К сожалению, в материалах архивного дела не упоминалось о национальном составе членов данного клуба. Но, не вызывает сомнения, что семейный досуг там проводили представители военного сословия и гражданской администрации.

Важно отметить и социальную направленность клуба, который помимо проведения развлекательных мероприятий, проводил большую просветительскую работу среди населения: чтение лекций по разным тематикам, распространение периодических изданий и др.

Модернизация общественной жизни второй половины XIX века приводила к изменению в содержании досуга дагестанских женщин. Досуговые практики женщин зависели от социального статуса женщин. Как правило, это были женщины-горожанки из семей аристократической интеллигенции, зарождающейся буржуазии, офицеров, дагестанской милиции, которые постепенно приобщались к культуре городского досуга.

Надо сказать, что в сельской местности досуг имел традиционные формы, которые сохранились до наших дней. Процессы модернизации дагестанские села не затронули вообще. В сознании людей очень прочно сидели стереотипы, что все русское, это пагубное. Так, например, в повседневной речи жителей сел, особенно, среди женщин появилась фраза «как матушка», с ударением на букву «у». Желая задеть женщин, которые одевались или вели себя неподобающим образом, им го-

[1807] ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 98. Л.1.
[1808] Там же.

ворили, что они похожи на «матушек». Заметим, что русское обращение «матушка», которое дагестанцы слышали от военных или представителей гражданской администрации, со временем приобрело вот такое значение. Надо сказать, что в горных селениях и сегодня нередко проскальзывает такое выражение в отношении городских девушек.

Существенную роль в приобщении местных женщин к российским ценностям сыграли жены военных и государственных чинов российской администрации. Обладая определенными полномочиями, а нередко и материальными возможностями, они инициировали проведение многих культурных мероприятий: благотворительных вечеров и музыкально-вокальных вечеров, литературных гостиных, просветительских лекций. Не вызывает сомнения, что некоторые из публичных мероприятий посещались и женщинами дагестанских народностей. К сожалению, мы такими цифрами не располагаем.

Аристократия с большим размахом организовывала балы, которые традиционно давались в зимнее время в доме губернатора. По сведениям Б.И. Гаджиева, балы проводились по особому случаю и без него[1809]. Среди развлечений аристократов отмечал морские купания в Петровске, которые стали новым явлением среди горожан[1810].

Яркий представитель русской интеллигенции И.С. Костемировский, побывав в Темир-Хан-Шуре в середине XIX в., обратил внимание, что среди любимых развлечений горожан были «гулянья в городском саду, танцы в садовом павильоне и кавалькады по окрестностям Шуры»[1811].

Безусловно, в культурной жизни Темир-Хан-Шуры особое место занимал театр. Появившись в городе еще в середине 50-х гг. XIX в., он стал затем профессиональным. По мнению дагестанского историка В. П. Егоровой, театр являлся атри-

[1809] Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шара. 2-е изд. Махачкала: ГАУ РД. Издательский дом «Дагестан», 2014. С.50.
[1810] Там же.
[1811] Костемировский И.С. Темир-Хан-Шура. Кавказ. № 5., 1858.

бутом быта горожан[1812]. Кроме того, автор обращала внимание на благотворительную деятельность театра, средства которого шли на нужды малоимущих слоев города[1813]. Особо подчеркивалась роль театра, как важного средства эстетического и нравственного воспитания горожан[1814].

Инициатором создания театра и его режиссером театра был И. Р. Багратион – командир первого Дагестанского конного полка.[1815]. Он за короткое время сумел сколотить группу любителей театра, которая в основном состояла из женской половины, одна из актрис была женой артиллерийского офицера[1816] По сведениям А.Л. Зиссермана, Багратион, будучи режиссером, сам писал музыку для куплетного пения, обучал оркестр, готовил декорации и распределял роли[1817]. Из-за недостатка актеров на роль любовника, ее пришлось играть А.Л. Зиссерману, который долго отказывался от этого [1818]. Только обращение режиссера к покровителю театра генералу Власову, заставило Зиссермана согласиться на роль[1819].

На сцене театра ставились водевили, комедии, драмы по произведениям известных русских классиков[1820]. Многие из постановок театра, были приурочены к юбилейным датам русской и мировой культуры. В частности, в 1879 году, руководство театра не оставила без внимания трагическую дату – 50 лет со дня смерти русского писателя и дипломата А.С. Грибоедова. На сцене театра был поставлен спектакль «Горе от ума»[1821], а вырученные от спектакля деньги пошли на учреждение стипендии имени А.С. Грибоедова, что было отмечено в газете «Кавказ», кото-

---

[1812] Егорова В. П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во II половине XIX — начале XX в. // Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (История, экономика, культура): Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. С. 247-248.
[1813] Там же.
[1814] Там же.
[1815] См.: Гаджиев Б.И. Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шара. 2-е изд. Махачкала: ГАУ РД. Издательский дом «Дагестан», 2014. С.71.
[1816] Там же.
[1817] Там же.
[1818] Там же.
[1819] Там же.
[1820] См.: Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. М., 1971. С.104.
[1821] Газета «Кавказ», 1879. № 31.

рая выходила в Тифлисе. Надо сказать, деятельность театра, его репертуар и благотворительная направленность широко освещались в газете «Кавказ».

В город Темир-Хан-Шуру приезжали на гастроли известные театральные трупы из российских городов, в том числе и столичные. В частности, в 1893 году в составе «Малороссийской музыкальной труппы» Дергача, которая гастролировала по Кавказу, в Темир-Хан-Шуру приехал Ф.И. Шаляпин[1822], тогда еще малоизвестный исполнитель и актер.

Театральная публика преимущественно состояла из числа военной и государственной администрации, из аристократической интеллигенции, бывших феодальных владетелей. В их числе много было женщин-горожанок – жен и дочерей гражданской и военной администрации столичного города, хотя и редко, среди театральной публики можно было увидеть женщин из дагестанских аристократических семей.

Наряду с профессиональным театром, в учебных заведениях Темир-Хан-Шуры функционировали любительские драматические кружки, которыми руководили жены и дочери военной администрации. Так, инициатором создания драматического кружка в Темир-Хан-Шуре была супруга генерал-майора госпожа В.С. Соловьева. Кружок со временем стал любительским театром, имел благотворительную направленность. Так, по инициативе В.С. Соловьевой, на сцене театра ставились любительские спектакли, а вырученные средства направлялись в пользу учебных заведений, на нужды нуждавшиеся учащихся[1823]. Женская инициативность не только отражала благотворительные традиции дворянок, но и являлась проявлением социальных настроений. Очевидно, что для женщин важным было осознание своего вклада в социокультурное развитие общества. Следует сказать, что и мужское сообщество положительно расценивало участие женщин в благотворительной деятельности, оказывая содействие при необходимости.

[1822] Каймаразов Г. Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала, 2008. С. 103.

[1823] Егорова В.П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во II половине XIX — начале XX в. // Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (История, экономика, культура): Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. С.248-250.

В частности, инициатива В.С. Соловьевой находила поддержку у ее супруга генерал-майора, который видел в этом большую пользу для города. Актеры драматического кружка В. С. Соловьевой регулярно давали спектакли для жителей города Темир-Хан-Шуры, а вырученные средства направляли на благотворительность. По мнению В.П. Егоровой, сценическое искусство было одним из материальных источников благотворительности[1824]. По сведениям автора, из средств, собранных от спектаклей, выделялись деньги и на материальную поддержку учениц городской прогимназии[1825].

Инициатива В.С. Соловьевой была подхвачена другими любительскими кружками. По сведениям Е.И. Козубского, в 1891г. в Темир-Хан-Шуре состоялся благотворительный спектакль, средства, вырученные от спектакля, в размере 36 рублей от общей суммы 171 руб.50 коп., были потрачены на обучение малоимущей ученицы[1826]. В 1892 г. учащимися реального училища была поставлена комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль»[1827], средства от которого также были направлены на благотворительность учебных заведений.

Благотворительная направленность культурных мероприятий сохраняла свою актуальность и в начале XX века. В материалах газеты «Дагестанские областные ведомости» сообщалось, что супруга и.о. генерал-губернатора Дагестанской области госпожа А. В. Вольская выступила в декабре 1914 года с инициативой организовать 3 благотворительных литературно-вокальных вечера в Темир-Хан-Шуре[1828].

Там же имелись сведения, что за счет вырученных денег, в размере 300 рублей были организованы посылки для русских солдат, воюющих на Восточном фронте. Очевидно, патриотический дух российского общества оказывал влияние и на российские окраины. Женщины уездных городов не оставались в стороне от гуманитарной помощи. Пример госпожи А. В. Вольской, тому свидетельство

[1824]Там же. С. 248.
[1825] Там же.
[1826] Козубский Е. И. Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С.35.
[1827] Там же.
[1828] Дагестанские областные ведомости. № 50. 14 декабря 1914. С. 1.

Надо сказать, что вся благотворительная деятельность женщин находилась под контролем властей. В архивном деле имеются сведения о том, что специально назначенный чиновник, не только осуществлял надзор за благотворительной деятельностью, но и регулярно отчитывался перед губернатором[1829]. Очевидно, что только с одобрения властей и при соблюдении строгой отчетности по денежным средствам могла осуществляться благотворительная деятельность женщин.

В повседневной жизни прогрессивных горожанок любимым времяпровождением становилось музицирование. Уровень достатка семьи и образованность родителей, безусловно, сказывались на приобщении девочек к музыке. В аристократических и интеллигентных дагестанских семьях считалось хорошим тоном, обучать девочек игре на музыкальных инструментах: скрипке или фортепиано. Кроме того, в гимназиях музыкальная подготовка являлась обязательной для общего развития девочек. Преподавание игры на фортепиано проводилось для девочек из высшего и среднего сословия в женских учебных заведениях Темир-Хан-Шуры, Дербента и Порт-Петровска.

Так, например, Дженнет Далгат, дочь одного из ярких представителей дагестанской интеллигенции, комиссара по управлению Дагестанской областью — Магомеда Далгата, с ранних лет брала уроки у «темирханшуринок»[1830]. Будучи ученицей гимназии Темир-Хан-Шуры, она нередко принимала участие в благотворительных концертах, приуроченных к юбилейным датам.

В 1880 году в Темир-Хан-Шуре пышно отмечалось мероприятие, приуроченное к 25 – летию царствования Александра II. В благотворительном концерте приняла участие ученица женской прогимназии Старова, которая сыграла на фортепиано произведения известных композиторов. В газете «Кавказ» за № 127 был опубликован восторженный отзыв о талантливой пианистке и благодарность от город-

[1829] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Л.1, 9-10.19.

[1830] Егорова В. П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во II половине XIX — начале XX в. // Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (История, экономика, культура): Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. С. 247.

ских властей и публики, присутствующих на концерте[1831]. В этой же газете отмечалось, что инициатором проведения благотворительного концерта являлась госпожа Минкевич, которая все вырученные деньги, в сумме 149 рублей направила на поддержку бедных учащихся[1832].

По сведениям Е.И. Козубского, в 1890 году в Темир-Хан-Шуринском реальном училище состоялся благотворительный спектакль, на котором выступили 3 ученицы женской прогимназии, они прекрасно исполнили 10 музыкальных и 8 вокальных пьес[1833]. За счет вырученных средств от спектакля, была оплачена учеба нескольких девочек в местной женской школе. По имеющимся сведениям, всего на эти нужды была потрачена сумма в размере 243 рубля [1834].

Своеобразной формой досуга, в жизни горожан были публичные лекции, которые были адресованы разной категории городского населения и имели благотворительную направленность. Так, например, весной 1884 года учителями училища Темир-Хан-Шуры было прочитано несколько публичных лекций для горожан, а вырученные средства были направлены неимущим ученикам [1835].

Некоторые тематические лекции читались специально для женской аудитории. Редко, но среди слушателей можно было увидеть представительниц дагестанских семей. В частности, три просветительские лекции для женщин прочитал Е. И. Козубский, а средства все направил на нужды малоимущих[1836]. Безусловно, тема лекции «О служении женщине в средние века по памятникам литературы»[1837], не могла не привлечь внимания слушательниц.

[1831] Газета «Кавказ», 1880. № 127.
[1832] Там же.
[1833] Козубский Е. И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901. С.33.
[1834] Губаханова Р. А. Культура народов Дагестана в начале XX века // Научный архив Института ИАЭ ДНЦ РАН . Ф. 3. Оп. 1. Д. 336. Л.77; Козубский Е. И. Указ. соч. С.33.
[1835] Егорова В.П. Костемеревский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С.40.
[1836] Там же.
[1837] Там же.

Просветительскую направленность имело «Общество по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области»[1838], которое было открыто в начале XX века по инициативе начальницы гимназии Темир-Хан-Шуры Анны Ивановны Поликострицкой. Председателем была избрана В.С. Соловьева, которая в городе была известна по роду своей деятельности в любительском театре. Понимая важность просвещения местного населения, В.С. Соловьева и А. И. Поликострицкая большое внимание уделяли содержанию лекций[1839]. Деньги, вырученные от народных лекций, в первую очередь шли на поддержку женских организаций: школ, гимназий, поддержки семей учениц и пр.

С полным основанием можно говорить о том, что многие формы досуга женщин имели своей целью просветительскую и благотворительную направленность. Это в полной мере давало женщинам моральное удовлетворение, осознание важности проводимых ими мероприятий. Очевидно, что такие мероприятия приобщали местных женщин к российским ценностям.

Новой формой досуга горожан стали и скачки. Как своеобразный маркер социального статуса человека конные состязания традиционно являлись формой досуга высшего общества. Так, например, в Темир-Хан-Шуре в 70-е годы XIX века проводились конные скачки с большим призовым фондом. Публика на ипподроме была преимущественно из состоятельных людей, которые занимали высокое положение в Дагестанской области. Среди публики можно было увидеть женщин высшего сословия, жен высокопоставленных государственных и военных чинов, которых сопровождали мужья. Так, в мае 1875 года на городском ипподроме Темир-Хан-Шуры проводились скачки, на котором присутствовала вся элита города, а также именитые гости [1840]. Женщины, присутствующие на скачках, одним лишь своим присутствием украшали это зрелище, не лишенное драматизма[1841].

[1838] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 34. Л.60-61; ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л.270.
[1839] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 62. Л.111.
[1840] См. : Егорова В.П. Костемеревский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С. 38.
[1841] Там же.

Кроме того, присутствие женщин на скачках, давало им возможность продемонстрировать свои наряды. Соревнуясь друг с другом в своих изысканных туалетах, щеголяя платьями, шляпками и зонтиками, они устраивали на ипподроме своеобразный показ мод. Их одежда соответствовала модным европейским тенденциям: корсеты, турнюры, трены, шляпки, обувь на каблуке. По мнению некоторых современников, женская публика являлась законодательницей моды, перещеголяв представительниц из русских губернских городов в пышности своих туалетов»[1842].

У нас нет сведений о национальном составе присутствующих на ипподроме женщин. Но, можно полагать, что среди их числа были и женщины из местных аристократических семей. Учитывая, что ежегодные скачки в Темир-Хан-Шуре вызывали огромный интерес у состоятельных людей, в том числе и дагестанской аристократии, то светский этикет предполагал присутствие и жен на ипподроме.

Представляют интерес повседневные досуговые практики женщин Дербента. По имеющимся архивным данным, население города к концу XIX века достигло почти 19 000 человек.[1843]. В городе преимущественно проживали семьи азербайджанцев, горских евреев, армян и русских из числа городской и военной администрации, военных чинов разного ранга, расквартированных в городских гарнизонах.

Надо сказать, что русское население в качестве постоянных жителей Дербента, появилось здесь лишь во второй половине XIX века. Все этнические общности проживали в своих отдельных кварталах, что находило отражение в специфике всех сфер жизни. В частности, культурный досуг этнических групп имел свои различия. В силу религиозных традиций в светской жизни Дербента практически не принимали участие мусульмане и евреи. Хотя, в своих общинах они проводили культурно-просветительные мероприятия благотворительной направленности.

В кварталах, где проживало русское население, досуг соответствовал общепринятым традициям российских уездных городов второй половины XIX века.

[1842]Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.294.
[1843] ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 84. Л.5.

Вся культурная жизнь города освещалась на страницах газеты «Кавказ»[1844]. По имеющимся сведениям, многие культурные мероприятия в Дербенте проводились на центральной улице Ермоловской, названной в честь генерала Ермолова[1845]. Существенное место в культурной жизни горожан занимали танцевальные балы и концерты, на которых присутствовали жены и дочери городской и военной администрации, промышленной буржуазии, купечества.

Среди горожанок пореформенного периода, выделялись жены и дочери зажиточных армянских купцов. Учитывая то обстоятельство, что под влиянием капиталистических отношений, купцы постепенно превратились в прослойку предпринимателей, то это существенно отразилось и на образе их жизни, в том числе и досуге.

Свою специфику имел досуг молодых людей. Так, атмосферу жизни Дербента того периода передали современники.. «Веселые кавалькады, тихие вечера, на которых игривость женского ума дивила и восхищала, – писал некто П. Д. в своем письме из Дербента от 20 ноября 1850 годы, описывая досуг городской жизни Дербента, – пирушки молодежи, на которых танцы, сцены и куплеты из водевилей и опер сменялись весело, радушно»»[1846].

По имеющимся сведениям, в городе нередко происходили «происшествия на романтической почве»[1847]. Героем одной из таких историй еще в 30-х годах XIX века стал писатель – декабрист А. Бестужев – Марлинский. В период ссылки он долгое время прожил в Дербенте. По мнению Е.И. Козубского, декабрист скрашивал однообразную, скучную жизнь, в обществе женщинам[1848]. Автор полагал, что А. Бестужев – Марлинский заводил общение и с «особами менее важного общественного положения»[1849]. Описывая похождения декабриста, Е.И. Козубский отмечал, что к дамам пробирался тайно, а женщины несостоятельные, приходили к

[1844] Газета «Кавказ», 1854. № 5.
[1845] Там же.
[1846] Цит.:Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.242.
[1847] Там же. С.214.
[1848] Там же. С. 183.
[1849] Там же.

нему сами»[1850]. Одно из таких похождений с Ольгой Нестерцевой, для него закончилось печально, при странных обстоятельствах девушка погибла.

По словам Е.И. Козубского, среди жителей города было твердое убеждение, что девушка стала жертвою «необузданности Бестужева»[1851]., По мнению автора, эта трагикомедия являлась отражением жизни русской интеллигенции, которая по воле судьбы оказалась на Кавказе[1852].

Эта история не только бурно обсуждались горожанами, но и вышла за пределы кавказского края. Кроме того, писатель Александр Дюма, побывавший в Дербенте во время своего путешествия, услышав эту историю из уст жителя города, напечатал ее в 1859 году в своих заметках. Вслед за ним, в 1888 году историю этого убийства в виде фельетона опубликовал в «Русских ведомостях» В.И. Немирович-Данченко. По сути, автор своим фельетоном высмеял нравы, которые имели место в среде военных и интеллигенции, которые особо не утруждали себя соблюдением этических норм.

В 80 – е годы XIX века военная среда стала более образованной, что, по мнению некоторых авторов, отразилось и на повседневных формах досуга[1853]. По сведениям Л. Богуславского, популярной формой досуга среди населения гарнизона стало чтение книг[1854].

Насыщенной была и театральная жизнь города, куда на гастроли приезжали театральные труппы из столичных и уездных российских городов. Учитывая, что актеры театра играли все роли на русском языке, театральная публика была из семей государственных и военных чинов, а также приезжих.

Инициаторами проведения многих культурных мероприятий в Дербенте также являлись женщины, жены военных и городских чинов из числа администрации, попечительницы женских учебных заведений. Ими регулярно организовывались публичные мероприятия – театральные постановки, танцевальные, музыкальные и

[1850] Там же.
[1851] Там же. С. 184.
[1852] Там же.
[1853] Богуславский Л. История Апшеронского полка 1700-1892. С.-Петербург, 1892. С. 549.
[1854] Там же.

литературные вечера. Проводимые мероприятия, как правило, имели благотворительную направленность.

По женской инициативе в Дербенте был организован благотворительный музыкально-вокальный вечер, а все вырученные средства, в размере 208 руб. 80 коп. были пожертвованы на нужды городской женской прогимназии.[1855] Надо заметить, что тем меркам это была существенная сумма. Благотворительная деятельность женщин не оставалась незамеченной городскими властями Дербента. Существенный вклад в культурную жизнь города вносили жены градоначальников. В частности, по сведениям Е.И. Козубского, инициаторами проведения многих культурно-просветительных мероприятий были Е.Г. Джемарджидзе, супруга градоначальника и И.П. Мадатова[1856].

Свою специфику имел досуг горожанок Порт-Петровска. Это был сравнительно молодой город, свой статус в 1857 году. До этой даты, известен как Петровская крепость или Петровское.

В исследуемый период, это преимущественно промышленный город. В нем были сосредоточены фабрики, заводы, находился морской порт, железная дорога. Военный губернатор Дагестанской области характеризовал Порт–Петровск как «центральный пункт жизни всей области»[1857].

Городское население состояло из этнических русских: представителей военного сословия, купечества, мещан, промышленных рабочих и пр. По имеющимся сведениям, еще в 1852 году в Петровскую крепость из Темир-Хан-Шуры переехало 40 семей из числа привилегированного сословия[1858]. Население города также пополнялось за счет выходцев из центральных губерний России. Конечно, такой разнородный состав населения сказывался на формах досуга. Тем не менее, культурная жизнь Порт–Петровска не была столь насыщенной, как в Темир-Хан-Шуры или Дербента. Характеризуя в путеводителе по Кавказу духовную жизнь города в

[1855] Там же.
[1856] См.: Козубский Е. И. . История города Дербента. Темир-Хан-Шура. «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. С.270-272.
[1857] ЦГА РД Ф. 2. Оп. 1. Д. 21 «б». Л. 2
[1858] Егорова В.П. Костемеревский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С. 22.

начале XX века, Г. Москвича, отмечал, что духовные и культурные запросы населения находятся на самом низком уровне[1859]. Очевидно, что в промышленном городе, не было спроса на светские формы досуга, как в столичном городе Темир-Хан-Шуре.

По имеющимся сведениям, общественными развлечениями в городе были народные гуляния, благотворительные и увеселительные вечера[1860]. Во всех формах досуга самое активное участие принимали женщины. Состав потенциальных участниц мероприятия зависел от форм проведения культурного досуга. Если на народных гуляниях это были преимущественно женщины из небогатых сословий, работницы промышленных предприятий, то на благотворительных вечерах, танцевальных балах – женщины из состоятельных семей. В материалах архивного дела имелись сведения о том, что работницы фабрики "Каспийская мануфактура" и табачной фабрики, которые принимали участие в народных гуляниях [1861].

Новым явлением в культурной жизни Порт–Петровска стала публичная библиотека, которая была открыта в 1900 году[1862]. Массовая безграмотность женского населения приводила к тому, что воспользоваться ее услугами могли не все желающие. Преимущественно это были представительницы дагестанской интеллигенции, которым в семье прививали любовь к книге. Как это было принято в русской дворянской среде.

Среди общественно-культурных учреждений популярностью пользовалось фотоателье. В частности, в Темир-Хан-Шуре было популярно фотоателье, принадлежащее мещанину Д.С. Локшу[1863]. Среди клиентов – женщин, были преимущественно состоятельные горожанки, так как это было дорогое удовольствие. По

[1859] Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Одесса, 1906. С. 299.
[1860] ЦГА РД. Ф. 126. Д. 159. Л. 5
[1861] Там же.
[1862] Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: от времени присоединения к России до наших. дней. М.: Наука, 1971. С. 124.
[1863] ЦГА РД. Ф. 126. Д. 159. Л. 5

имеющимся сведениям, к фотосъемке относились как очень важному событию в жизни[1864]. Женщины старались одеть самые лучшие свои наряды.

Таким образом, модернизация общественной жизни наиболее ярко отразилась в жизни городского населения, где более подверженными таким изменениям оказались представители высшего сословия. Досуг женщин в городской повседневной жизни Темир-Хан-Шуры, Дербента и Порт-Петровска зависел от специфики проживающего там населения и его культурных традиций. В культурной жизни городов существенную роль в приобщении местных женщин к российским ценностям сыграли жены военных и государственных чинов российской администрации. Обладая определенными полномочиями, а нередко и материальными возможностями, они инициировали проведение многих культурных мероприятий: литературных и музыкально-вокальных вечеров, публичных лекций, театральных постановок и пр. Вместе с тем, участие женщин местного происхождения в культурной жизни городов было незначительным. Исключение составляли жены и дочери высокопоставленных горцев, которые по новым нормам этикета могли себе позволить выйти за рамки приватного пространства. Женщины - горожанки из аристократических кругов, из семей офицеров, дагестанской милиции, в процессе интеграции в российское культурное пространство, постепенно приобщались к городскому досугу.

[1864] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение влияния Кавказской войны и буржуазных реформ второй половины XIX в. на повседневную жизнь дагестанских женщин позволило выявить – Кавказская война и буржуазные реформы второй половины XIX в. были катализатором в повседневной жизни дагестанок, заложившие основы перемен, изменивших к лучшему социальное, экономическое и правовое их положение. Заметной трансформации подвергся, прежде всего, повседневный женский труд, который в условиях военного времени был нацелен исключительно на выживание. В диссертации выявлено, что под влиянием военного фактора подверглись эрозии представления о мужских и женских работах, гендерных социальных ролях. Продолжая играть приписанную ей традиционной культурой роль хранительницы семейного очага, дагестанка активней участвовала во внесемейной и внедомашней жизни, становилась активной социальной, публичной личностью.

Возникали новые трудовые практики, новые сферы применения женских умений и мастерства, вместе с этим росла и эксплуатация (использование женского труда для содержания дорог, перевозки грузов, провианта для гарнизонов). Выявлено, что с одной стороны этому способствовали традиционные патриархальные отношения, сложившиеся в традиционном дагестанском обществе, а с другой стороны, было вызвано и объективными причинами – нехваткой мужского населения среди горцев, вследствие длительной войны.

Существенные изменения затронули и повседневную семейную жизнь. Процессы исламизации повседневной жизни, проходившие параллельно с проникновением российского законодательства в дагестанское общество способствовали улучшению защиты прав женщин. Под влиянием военных событий происходила трансформация повседневного семейного уклада жизни дагестанского общества, реконструкция системы семейно-брачных отношений и эволюция этнической ментальности. С одной стороны, под влиянием шариата, на подвластных имамату территорий, трансформировались патриархальные брачно-семейные отношения, проводилась корректировка веками существовавших традиционных пережитков затра-

гивавших семейную жизнь: регламентировался размер калым, поощрялось многоженство, запрещалось умыкание девушек, муллам запрещалось оформлять брак между похитителем и похищенной девушкой. С другой стороны, шариат сильно регламентировал женские жизни, что встречало непонимание, а порой и протест. Под влиянием военного фактора, возрождались некоторые архаические традиции дагестанского народа, обусловленные рядом обстоятельств патриархального, этнокультурного и военного быта горцев. Выявлено, что все эти нововведения, новые правила жизнедеятельности, не находили одобрения у населения, встречали сопротивление у населения имамата. Но страх наказания, в том числе штрафные санкции, вынуждали людей подчиняться и принимать нетипичные модели поведения, как со стороны женщин, так и мужчин.

Важной тенденцией, свидетельствующей о трансформации брачно-семейных отношений, являются браки между девушками горянками и русскими из числа военного сословия или пленников. Царские власти, и верхушка мюридизма нередко использовали межэтнические браки, как средство достижения своих политических целей, в связи с чем, феодальная знать была вынуждена закрыть глаза на несоблюдение сословной принадлежности брачного партнера. Подчеркивается, что царскими властями приветствовалось такие браки, в целях вовлечения северокавказской знати в политическое и социальное пространство российского общества.

Новым явлением стали браки между горянками и русскими из числа военного сословия или пленников, помогавшие сглаживать жесткую гендерную предопределенность, поскольку в них дагестанки приобщались к иному образу жизни и иной культуре.

Под влиянием военного фактора происходили изменения во внесемейной повседневности и социальном поведении дагестанских женщин. Изменение женской ментальности было обусловлено социокультурными реалиями. В реалиях военной повседневной жизни, вопреки сложившимся вековым традициям, женщинам нередко приходилось нарушать нравственно-этические нормы и переступать гендерные границы. Несмотря на то, что поведение женщин не соответствовало общепринятым патриархальным нормам, но, при определенных обстоятельствах, оно

оказывалось весьма эффективным. В специфических условиях военного времени, нетипичная модель поведения женщин, у общества не вызывала осуждение. Попытки регулирования внесемейной жизни населения входило в противоречие с устоявшимися вековыми культурными традициями. Выявлено, что на территории, подвластной имамату, этнические стереотипы, обусловленные факторами патриархального и религиозного характера, способствовали ужесточению социальных барьеров для женщин и жесткой регламентации их социального поведения. В бытность трех имамов, под запрет попала и традиционная песенная и танцевальная культура, которая шла в разрез с нормами шариата. Запрет коснулся совместного с мужчинами трудового досуга, который в повседневной жизни являлся отражением традиционного кавказского института взаимопомощи.

Новые шариатские нормы дистанционировали границы между полами. Несмотря на то, что женщин, нарушивших предписания шариата, ожидали наказания, они пытались противостоять этому.

В проведенном исследовании впервые исследованы вопросы, касающиеся социальной поддержки вдов и их семей в период Кавказской войны, так и после ее завершения. Материалы источников и архивные документы выявили формы и механизмы социальной поддержки женщин-вдов: вдов высокопоставленных горских правителей, вдов простых горцев, вдов военных, погибших на Кавказе. Очевидно, что личностную защиту вдове гарантировали, как нормы обычного права, законы шариата, которые действовали на территориях подвластных имамату и законы Российской империи.

По нормам обычного права и шариата вдове и детям-сиротам поддержку оказывали семья и родственники. На территории имамата была налажена регулярная практика поддержки вдов и детей-сирот. Приоритетными в политике имамата были вопросы, связанные с социальной поддержкой вдов и сирот, в том числе и казненных преступников, выдача вдов в повторное замужество. Безусловно, несмотря на эту помощь, вдовам с трудом удавалось поддержать самый скромный уровень жизни и минимальный достаток в семье.

Новым явлением для региона была и социальная поддержка вдов и их семей со стороны российского государства, особенно вдов высокопоставленных горских правителей и военных, погибших на Кавказе. Механизмы социальной поддержки вдов и их семей, открыто выражавших пророссийские взгляды, зависели от политической ситуации и назначались при признании нуждаемости. При оказании содействия семьям, имперские власти руководствовались в первую очередь, заслугами глав семейства перед государством. Анализ практики социальной поддержки, свидетельствует, что лояльность главы семьи сказывалось на последующих отношениях с вдовой и детьми покойного. Выявлено, что, несмотря на то, что у имперских властей и имамата имелись разные подходы в решении социальной помощи вдовам и их семьям, было и один общий критерий – лояльность семьи к власти.

Существенную социальную поддержку государство оказывало вдовам военных и государственных чинов разного ранга, погибшим на Кавказе. Выявлено, что нередко вдов пожизненно обеспечивали земельными угодьями на Кавказе.

Выявлено, что характер Кавказской войны способствовал формированию у женщин комплекса особых ментальных характеристик, ярко выраженных маскулинных черт. Выявлены примеры эмансипации женщин, участие переодетых и вооруженных женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны.

Исследование гендерного фактора в Кавказской войне позволяет сделать вывод о появлении новых моделей поведения женщин, которые выражались в протестном поведении против жестокости и покорности, жертвенности детьми в осажденных аулах, неприятие плена. Традиционными оставались такие качества женщин, как патриотизм, бесстрашие и самопожертвование, которые складывались веками. Материалы исследования показали, что женщины, хотя не участвовали в военных действиях, но при обороне своего аула, выполняли роль важного психологического фактора для усиления морального духа мужчин.

Война привела к проявлению аномального поведения матерей, которое выражалось в жертвенности своими детьми в осажденных аулах. Выявлено, что в осажденных аулах матери выводили детей на передовую, тем самым, вдохновляя мужей на бой. Под влиянием военного фактора сформировались новые модели пове-

дения матери, которые выражались в девиации. Жестокая необходимость толкала мать на опрометчивый шаг – прежде чем погибнуть, она убивала своих детей. С одной стороны, она шла на этот шаг, под влиянием сильного психического стресса, а с другой стороны, понимая, что альтернатива смерти – плен. Материалы исследования показали, что наиболее предпочтительным исходом для женщины была смерть, нежели плен. Плен для женщины был сродни позору, а смерть – это доказательство ее героизма и самоотверженности, даже ценой гибели своих детей.

Делается вывод, что это не факты проявление агрессии, а скорее формы девиантного поведения психики военного времени.

Кавказская война и последовавшие после попытки реформировать жизнь Дагестана выдвинули женщин ближе к политической авансцене. Пользуясь своим положением, женщины привилегированных кругов могли влиять на политику, не будучи формально в нее вовлеченными. Наличие власти и материальных средств, давало женщинам возможность манипулировать и умело лавировать в политических событиях. Пользуясь своим положением, женщины не только умело лавировали между различными политическими силами, получая преференции от тех и других, но и нередко играли важную роль в политических событиях. Мало того, оставаясь в тени своих мужей или сыновей, они могли проявлять самостоятельность в решении политических задач и оказывать существенное влияние на ход самого события. При этом, мотивы втягивания могли быть различными, но сам факт выхода женщин за рамки семейно-родовых коллективов в рассматриваемое время неоспорим. На основании анализа материалов соискатель пришел к выводу, что женщины не гнушалась никакими методами, вплоть до убийства. Если, для одних путь к власти был открыт, то другим нередко приходилось прибегать к силовым методам, которые могли им стоить жизни.

Судьбы многих женщин из высшего сословия, неоднократно становились предметом пристального внимания, как со стороны кавказской военной администрации, так и на самом высоком уровне. Покровительство и содействие им, а также судьба в целом, зависела от лояльности к русской власти. Выявлено, что общественное мнение не только было лояльно к политической активности женщин, а

при необходимости вставало на ее защиту. Это ярко продемонстрировала история с аварской ханшей Паху-Бике, убийство которой, вызвало осуждение второго имама Гамзат-бека.

Исследование показало, что резко возросли в ходе войн и адаптивные возможности дагестанских семей и женщин в них. Однако чаще роль женщин была объектной: взятие женщин в плен женщин в годы Кавказской войны было серьезным источником доходов. Видя выгоду от торговли женщинами, и горцы, и русские стали вывозить живой товар за границу, несмотря на то, что был запрет со стороны царских властей. Кавказские женщины в период войны, были главным существенной стороной работорговли с Турцией. Выявлено, что политика российских властей в отношении работорговли была непоследовательной, она определялось политическими интересами. Продажа женщин-горянок в качестве домашней прислуги являлась доходной статьей для офицеров. Оказавшись на чужбине, женщины-пленницы, нередко становились прибыльным экзотическим товаром, который русская столичная знать покупала в качестве экзотики.

Выявлено, что захват пленниц служил гарантом возвращения их по обоюдному обмену, средством достижения политических и военных целей, как для российского правительства, так горцев. Весьма распространенной практикой был выкуп русскими властями горских пленников, что провоцировало торговлю живым товаром. Выявлено, что судьба многих пленниц была неизвестна, а вопросы, касающиеся их освобождения, не могли быть решены без специального на то распоряжения. В результате бюрократических проволочек, единицам удавалось освободиться из плена, а многие так и не возвращались на свою родину.

Масштабы пленения горянок были огромными, о чем говорит серия указов, отрегулировавших вопросы содержания пленниц, правил попечительства и будущей их судьбы.

После войны и реформ участие женщин во внесемейной жизни стало еще заметней. Горянка и до реформ 1860-х-1870-х гг. не была пассивной, хотя и не принимала участия в сельских сходах, была лишена представительских функций. Ни одно важнейшее решение, касавшееся жизни нескольких семей, не обходилось без

участия пожилых женщин, которых могли пригласить и на сход. Общественное мнение скорее поощряло, чем осуждало женскую социальную активность, при необходимости вставало на ее защиту.

Существенное влияние на женскую повседневность оказали буржуазные реформы второй половины XIX в, которые ознаменовались вовлечением женщин в сферу светского образования, в профессиональную деятельность, в общественное производство. На 60-е - 90-е годы XIX в. приходится открытие женских светских учебных заведений, ставших центрами распространения грамотности среди женской половины населения. Этот канал сближения и контаминации культур был тесно связан с именами жен государственных и военных чиновников, которые и сами преподавали, и обеспечивали учебниками, и находили источники финансирования, занимались благотворительностью. И хотя доля женщин-горянок среди образованных людей в Дагестане на рубеже веков все еще была мизерной, общая направленность этого варианта эмансипации от старых установок должна быть оценена только позитивно. Препятствием получению женщинами светского образования все оставался шариат, гендерные стереотипы национальной культуры, консерватизм общества и семьи. Однако, несмотря на все дискриминационные ограничения, дочери зажиточных и образованных дагестанцев старались получить высшее образование (лишь единицам это удалось).

Делается вывод, что светское образование способствовало формированию у женщин светского мировоззрения, ее духовного освобождения от жестких норм патриархально общества, создало предпосылки для улучшения социального положения женщины. В сознание дагестанского общества, все более четко формировалась установка о необходимости светского образования для женщины, так как светское образование создавало предпосылки для интеграции женщины в профессиональную деятельность.

Установлено, что наиболее востребованной в изучаемый период была педагогическая профессия, которую старались дать своим дочерям родители из состоятельных семей, чиновники военно-народного управления, горские офицеры, милиция, купцы. Деятельность городских властей была направлена и на поддержание

учениц женских учебных заведений. По ходатайству попечителей, из средств городской казны выдавались стипендии для особо отличившихся учениц для продолжения учебы в гимназиях. Выявлено, что, несмотря на все эти меры, доля женщин-горянок среди учителей в Дагестане была мизерной, по сравнению с представительницами других национальностей.

Выявлено, что существенным препятствием вовлечению женщин - горянок в русло светского образования были религия, консерватизм общества и семьи, а также, стереотип, рожденный Кавказской войной, о чуждости всего русского, имперского. Для родителей более приоритетным было удачное замужество девочки, в связи с чем, считалось достаточным получение религиозного начального образования.

В отличие от профессии учителя, профессия врача или акушерки среди дагестанских женщин встречалась крайне редко. Не только отсутствие женских медицинских учебных заведений, закрывало доступ женщинам в медицинскую профессию, но и сложившиеся патриархальные установки общества. Недостаток женского медицинского персонала отрицательно сказывался на состоянии здоровья женщин края, которые в силу патриархальных и религиозных предрассудков отказывались от услуг врачей-мужчин. С ростом населения и развитием промышленности в городах Дагестана, в лечебных учреждениях все чаще использовался женский труд сиделок, кухарок, прачек, нянечек и пр. Среди медицинского персонала редко можно было встретить акушерок и женщин – врачей, но представителей местных народностей среди них не было. Однако присутствие редких для того времени женщин, выполнявших профессиональные обязанности, служило образцом и примером внесемейной активности для женщин Дагестана. Для того чтобы профессиональная медицина стала «женской работой», в Дагестане потребовалось много времени.

Буржуазные реформы второй половины XIX века способствовали проникновению в экономику края, капиталистических отношений. Отвечая на запросы растущего российского рынка, Дагестан стал местом использования женского труда в областях, обслуживающих торговое земледелие (возделывание марены, тутовых

деревьев, винограда). К концу XIX немалое число дагестанок трудилось на возникших в пореформенный период фабриках Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска и Дербента. Применение наемного труда сопровождается дискриминацией оплаты, ненормированностью рабочего дня и неудовлетворительными условиями труда. Выявлено, что женщины были самой уязвимой категорией на производстве, женский труд был менее квалифицированным, женщины не выдерживали конкуренции с мужчинами и рисковали быть уволенными в случае сокращения рабочих на предприятиях. Трудовое законодательство, в Дагестане практически не работало, в связи с чем, имело повсеместное потакание интересам фабрикантов, в ущерб работающим женщинам.

По-прежнему значительную роль играли женские домашние промыслы и ремесла, которые традиционно были неотъемлемой частью семейного производства, но результаты труда получал скупщики, превращая женщин в наемных рабочих.

Выявлено, что качественного изменения процесса труда не происходило, технология производства и орудия оставались прежними. Объяснялось это тем, что владельцы цехов не вкладывали достаточные денежные средства в развитие производства, экономя на технологиях труда и заработной плате.

Процессы исламизации повседневной жизни, проходившие параллельно с проникновением российского законодательства в дагестанское общество, способствовали улучшению защиты прав женщин. Однако становление гражданского законодательства стало отправной точкой улучшения имущественного положения дагестанок; они получили возможность инициировать защиту своих имущественных прав в судах и нередко стали пользоваться ими. Анализ судебной практики пореформенного периода показал, что дагестанки часто выступали в судах и в качестве истцов, и ответчиц, нередко сами инициировали процедуру развода, дележ нажитого совместно имущества. Несмотря на то, что иски женщин в наследовании имущества редко судом удовлетворялись, женщины приобретали опыт защиты своих прав.

Перемены в праве коснулись и гражданской ответственности за оскорбления, похищения, изнасилования и убийства женщин, хотя в повседневной практике су-

ды могли опираться и на традиционные нормы, общепринятые обычаи, нравственные и религиозные принципы. Если по адатным нормам муж за убийство жены, совершившей прелюбодеяние, не нес никакой ответственности, то теперь по российскому законодательству, его привлекали к уголовной ответственности и отправляли на каторжные работы в российские губернии. Анализ судебной практики показывает, что женщины, жертвы изнасилования сами стали расправляться со своими обидчиками, не прибегая к помощи мужской части своей семьи, как это было принято по адатам. Выявлено, что законы Российской империи не только предполагали защиту прав женщин, но и не исключали вынесение обвинительных им приговоров. Анализ судебной практики показывает, что женщины нередко были фигурантами судебных дел по прелюбодеянию, подстрекательству, убийству и пр. После вынесения приговора женщин отправляли на каторжные работы в разные уголки Российской империи, что негативно воспринималось традиционным обществом, как противоречившее вековым традициям народа. В обществе предпочитали в отношении женщин, руководствоваться общепринятыми обычаями, нравственными и религиозными принципами, в том числе и по преступлениям, которые совершались ими.

Делается вывод, что новое российское законодательство, и нормы адатного и шариатского права в конечном счете защищали в первую очередь мужчин и мужей, а не самих дагестанок и в этом смысле ситуация в Дагестане была аналогичной всем тем странам, где господствовал традиционным гендерный контракт.

Общий вывод проведенного исследования женской повседневности в Дагестане в ходе Кавказской войны и реформ второй половины XIX в. заставляет сделать вывод о конкурирующих, а подчас и резко конфликтующих социокультурном и политическом пространстве традиций: *секулярной*, активное внедрение которого в регион произошло во второй половине XIX в. и было связано с поражением кавказских народов в долгой войне за сохранение независимости и началом реформирования всех общественных систем, от управления до образования, и *религиозной (исламской)*, которая была куда старше первой. Очевидно, что проводницами первой тенденции были в том числе и горожанки – жены военных и государственных

чинов, с чьими именами связано проникновение русской и, шире, светской культуры в досуговую жизнь города. И хотя участие женщин местного происхождения в социально-культурной жизни дагестанских городов было незначительным, это было началом долгого и важного процесса духовной эмансипации женщин этого края.

Проведенное исследование призвано разрушить сложившийся в историографии стереотип «униженности» кавказской женщины на протяжении веков, который якобы был сломан лишь Великой русской революцией 1917-1922 гг. Динамичные перемены в повседневности дагестанок, связанные с Кавказской войной и реформами XIX в., убеждают в том, что ломка гендерных стереотипов была начата значительно ранее революционных потрясений и была связана с контаминацией (вначале в ходе противостояния, затем благодаря медленному взаимному пониманию и принятию) русской и кавказской социальной и гендерной культур.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

ВС – Военный сборник

ВЕ – Вестник Европы

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ДС – Дагестанский сборник

ИВ – Исторический вестник

КС – Кавказский сборник

КК – Кавказский календарь

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РФ ИИАЭДНЦРАН – Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской апкадемии наук

ССКГ – Сборники сведений о кавказских горцах

СМОМПК – Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

СПИСОК ТЕРМИНОВ

Адат: совокупность норм обычного права

Аманат: заложник или имущество, переданное на хранение

Аталык: воспитатель детей

«Байтуль-мал»: казна имамата

Гази-Магомед: первый имам Дагестана, основатель имамата

Гамзат-бек: второй имам Дагестана

Джамаат: сельский сход, сельская община

Дибир: служитель религиозного культа у мусульман

Имам: титул мусульманского духовного и светского правителя

Кавказская война: обобщающее название военных действий России на Северном Кавказе в ходе присоединения региона к империи

Кади (кадий): судья, осуществлявший правосудие на основе шариата

Канлы: кровник, убийца, который подвергался кровной мести

Калым: денежный или материальный выкуп жениха за невесту

Кебин: брачный договор

Кебин-хакк: деньги, предусмотренные шариатом при заключении брака в качестве залога с мужа в пользу жены в случае дачи мужем необоснованного развода

Левират: брачный обычай, по которому вдова была обязана вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, с его братьями

Майсум: титул феодального владетеля в Табасарана

Маслаат: мировая сделка

Муртазеки: элитные части войска Шамиля

Мюридизм: одно из направлений в суфизме

Наиб: управляющий провинцией, наибством

Назр: обет мусульманина, необязательный по шариату

Низам: закон, порядок

Нуцал: феодал аварского ханского дома

Нух-Бике: ханша Мехтулинская

Остракизм: отчуждение порочного лица путем изгнания из тухума или джамаата (общины) в зависимости от содеянного

Сорорат: обычай, предписывающий брак вдовца с сестрой его умершей жен Тухум: родственная община

Паху-Бике: аварская ханша, противостояла мюридам Гамзат-бека

Уцмий: титул феодального владетеля Кайтага

Шамиль: третий имам Дагестана и Чечни

Шариат: совокупность религиозных и юридических норм мусульманского права

Шамхал: титул тарковских феодальных владетелей

Экзогамия: заключение брака за пределами определённой социальной группы

Эндогамия: заключение брака в пределах определённой социальной группы

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы:

1. 1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 38. Департамент Генерального штаба.

Оп. 7. Д. 68.

Ф. 846. Военно - ученый архив

Оп. 16. Д. 6302, 6328, 6361, 6514

Ф. 13454. Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных.

Оп. 2. Д. 356, 372; Оп.6. Д.233.

Ф.14719. Главный штаб кавказской армии. 1815-1865 гг.

Оп. 1. Д. 60.

Ф.15264. Штаб начальника Кубанской Линии

Оп.1. Д. 6, 79, 81

1. 2. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.1268. Кавказский комитет (1833-1881 гг.)

Оп. 1. Д. 602, 845; Оп. 2. Д.166 а; Оп. 5 Д. 372, 412, 482; Оп. 6. Д. 254, 395; Оп. 7. Д. 279; Оп. 9. Д. 123, 135, 305, 342; Оп.10 Д.81; Оп. 18. Д. 62, 126.

1. 3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. 252. Войсковое правление Кубанского казачьего войска

Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска

Оп. 1. Д. 448, 605, 1335а.

1. 4. Центральный государственный архив Республики Дагестан

Ф. 2 . Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1883-1917 гг.

Оп. 1. Д. 1, 9а, 10, 21б, 41, 192; Оп. 2. Д. 18, 98, 99, 109, 110, 111, 112, 132; Оп. 5. Д. 60.

Ф. 21. Дагестанский областной статистический комитет.

Оп. 1. Д. 18; Оп. 3. Д. 27, 28, 34, 50, 62; Оп. 4. Д. 6.

Ф. 30. Строительное отделение дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура.
Оп. 2. Д. 2, 3, 12.

Ф. 32-р. Медицинская часть при канцелярии военного губернатора дагестанской области управление медицинской частью гражданского ведомства на кавказе, г. Темир-Хан-Шура
Оп. 1. Д.4, 37; Ф. 32. Оп.3. Д.59.
Ф. 52. Дагестанское отделение Кавказского округа путей сообщения, гор. Темир-Хан-Шура.
Оп. 1. Д. 4, 28; Оп. 3. Д. 7, 295; Оп. 11. Д.80.
Ф. 54 . Петровская женская гимназия Кавказского учебного округа
Оп.1. Д. 2.
Ф.77.Темир-Хан-Шуринская женская гимназия.
Оп.1. Д. 3, 9.
Ф. 126 .Канцелярия начальника Дагестанской области.
Оп. 1. Д. 21-а; Оп. 2. Д. 42, 56; Оп. 3. Д. 98, 159.
Ф. 148 . Самурский окружной суд.
Оп.3. Д. 2; Оп.7. Д. 8; Оп. 8. Д. 33; Оп.9. Д. 29.
Ф.173. Гунибский окружной суд
Оп.1. Д. 2.
Ф. 379. Кизлярский комендант
Оп. 1. Д. 29, 291; Оп. 4. Д. 370, 489, 539

2. Рукописный фонд ИИАЭДНЦРАН

2. 1. Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX-начале XX в.// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, Ф.3. Оп.3. Д. 67.
2. 2. Адаты аварцев (на аварском языке и перевод к ним) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.
2. 3. Адаты и обычаи Даргинцев, записанные Абдусаламом Акиевым со слов жителей сел Усиша, Урахи, Цудахар // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.
2. 4. Адаты селения Урада // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.

2. 5. Адаты селения Хутода // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.

2. 6. Адаты селения Гента // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.

2. 7. Адаты сел. Тидиб // РФ РШАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1662.

2. 8. Далгат Б. К, Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.

2. 9. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие Дагестана в 40-50 гг. XIX века // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.3. Оп.1. Д.64.

2. 10. Каранаилов О. Бытовые адаты и песня аварцев // РФ ИИАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99.

3. Опубликованные источники

3. 1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее АКАК). Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1866. Т.I. 816 с.

3. 2. АКАК Тифлис, 1868. Т.I I. 1238 с.

3. 3. АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. 1170 с.

3. 4. АКАК. Тифлис, 1874. Т.VI. Ч. I. 941 с.

3. 5. АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. 941 с.

3. 6. АКАК. Тифлис, 1878. Т.VII. 994 с.

3. 7. АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. 1009 с.

3. 8. АКАК. Тифлис, 1884.Т.IX. 1013 с.

3. 9. АКАК. Тифлис. 1885. Т.X. 938 с.

3. 10. АКАК. Тифлис, 1888. Т.XI. 1020 с.

3. 11. АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. 1552 с.

3. 12. Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып.VI. С. 2-24.

3. 13. Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-128.

3. 14. Адаты южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 65–72.

3. 15. Адаты южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 1–19.

3. 16. Адаты Даргинского округа // АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 67-265.

3. 17. Адаты Кайтаго-Табасаранского округа// АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 543- 603.

3. 18. Адаты Гунйбского округа // АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 267-430.

3. 19. Адаты Аварского округа // АДОЗО. Тифлис, 1899. С. 431-504.

3. 20. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа/ Составитель Сандрыгайло. Тифлис: Тип .канцелярии глав. Гр.ч.на Кавказе. 1899. 622 с.

3. 21. Алибеков М. Адаты кумыков / Пер. Т. Бейбулатова. Махачкала, 1927. 22 с.

3. 22. Далгат Б. К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 77- 144.

3. 23. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. // Сб. документов. Махачкала, 1959. 785 с.

3. 24. Законы вольных обществ XVII – XIX вв. : Архивные материалы. / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв.ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. 300 с.

3. 25. Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы /Сост. А.С. Омаров. Махачкала: Тип. Даг. ФАН ССР, 1968. 240 с.

3. 26. Ковалевский М.К., Бламберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831г. // История, география и этнография Дагестана XVIII –XIX вв. Архивные материалы / под редакций М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. 367 с.

3. 27. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. 396 с.

3. 28. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы/ Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. 279 с.

3. 29. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II: Время правления Николая I – Александра II (1825-1881 гг.). Т.1-55. СПб.: Тип. СЕИВК, 1830-1884.

3. 30. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIXв.: Сборник документов. М.: 1888. 357 с.

3. 31. Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. С. 276–278.

3. 32. Феодальные отношения в Дагестане. XIX- нач.XX в. Архив. матер. / Сост., предисл., и примеч. Х.- М. Хашаева. М.: Наука, 1969. 396 с.

3. 33. Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828. // ИГЭД. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. М,: Изд-во Восточной литературы, 1958. С. 265– 275.

3. 34. Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского, около 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 293–299.

4. Мемуары, дневники, письма

4. 1. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. 868 с.

4. 2. Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.330–407.

4. 3. Волконский С.М. О декабристах: (по семейным воспоминаниям) / Сергей Волконский. Петербург : Издательство "Начала", 1922. 134 с.

4. 4. Воспоминания кавказского офицера // Кавказ. 1854. № 17

Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.405–505.

4. 5. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 1995. 194 с.

4. 6. Зиссерман А.Л. По поводу кавказских воспоминаний М.И. Венюкова // Русский архив, 1884. Кн.3. С.43–55.

4. 7. Истребление аварских ханов в 1834 году. Отрывок из рукописи подполковника генерального штаба, Неверовского. Санкт-Петербург: Издательство: тип. воен.-учеб. Заведений. 1848. 37 с.

4. 8. Ермолов А.П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: 2000. 688 с.

4. 9. Пржецлавский П.Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П.Г. Пржецлавского 1862-1865. Русский сборник. 1877. Т.20. № 10. С. 253– 276

4. 10. Дневник полковника Руновского // АКАК.1904. Т.XII . 1552с.

4. 11. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.) 368 с.

5. Периодическая печать XIX века

5. 1. Абельдяев Н. М, Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. Кавказ 1857. № № 50-51.

5. 2. Абдулла Омаров. Этнографические очерки. Как живут лаки //ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С.1–46.

5. 3. А.- Д. Г. Поход 1845 года в Дарго// Военный сборник. Тифлис, 1859. №5.

5. 4. Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев// Кавказ. 1896. № 223.

5. 5. Алиханов-Аварский М. Выбор мужа дагестанской девушкой // «Кавказ». 1896.

5. 6. Амиров Г-М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ.1873. Вып.7

5. 7. Бахтамов И. М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30

5. 8. Берже А. П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 249–288.

5. 9. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Выпуски 10-12. 819 с.

5. 10. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / А.П. Берже. // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859.

5. 11. Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб: Тип. департамента внешней торговли, 1830. Ч. 42. № 121.

5. 12. Бутова Е. Станица БороздинскаяТерской области // СМОМПК. Вып.7. Тифлис, 1889. С. 3-156.

5. 13. Васильев А.Г. Кази-кумухцы. Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 61–98.

5. 14. Воронов Н. И.Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С.1-36.

5. 15. Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-40.

5. 16. Воронов Н. И.Критика и библиография газеты «Кавказ». Оттиск. б.г.

Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 1–224.

5. 17. Волконский Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа. Кавказский сборник. Т.IV. Тифлис, 1879. С. 69–436.

5. 18. Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт. // ССКГ. Тифлис, 1906. Вып. 36. С.1-110.

5. 19. Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. 38 с.

5. 20. Глиноецкий Н. П.Поездка в Дагестан // Военный сборник. 1862. № 24. С. 69-74.

5. 21. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 37-87.

5. 22. Гребенец Ф.С. Новогладовская станица в ее прошлом и настоящем СМОМПК. Тифлис, 1915.Вып.44. С.1–30.

Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. Вып. 1. 443 с.

Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1904, Вып. 2. 167 с.

5. 23. Дебиров Г. М. Дагестанские предания и суеверия// СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 25–38

5. 24. Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С.57–87.

5. 25. Горская летопись. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С.1–28.

5. 26. Захаров А. Домашний и социальный быт женщин закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 91–157.

5. 27. Казикумухские и куюринские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.3–44.

5. 28. Каранаилов О. Аул Чох // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. IV. С.1–24.

5. 29. Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып.40. Отдел. 1. Тифлис, 1909. С. 1–118.

5. 30. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы, 1867, том II.

5. 31. Козубский Е.И. Темир-Хан- Шуринская женская гимназия. // Кавказ. 1901. № 271.

5. 32. Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С.189–230.

5. 33. Козубский Е. И. Народное образование и просвещение. //Дагестанский сборник. Вып. 1.Отдел I. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. С. 191– 199.

5. 34. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Т. 1.Тифлис, 1868. Вып. 1. 864 с.

5. 35. Костемеровский И.С. Салаватия // Кавказ. 1878. № 1.

5. 36. Костемировский И.С. Темир-Хан-Шура //Кавказ. 1858. № 5.

5. 37. Кумык (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. "Кавказ". 1848. № 43.

5. 38. Лиль-Адам В. В. Две недели в Даргинском округе: Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С.1– 25.

5. 39. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1–32.

5. 40. Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ.1867.№ 71.

5. 41. Махмудбеков М. Мюридическая секта на Кавказе.// СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 24.

5. 42. Мехтулинские ханы.//ССКГ. Тифлис. 1869. Вып.II. С.1– 17.

5. 43. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях // Военный журнал.1847. № 5

5. 44. Нечто о Чечне и пр. г. Клингера. Газета «Кавказ» 1856 г. № 97.

Низам Шамиля (Материал для истории Дагестана) // ССКГ. Тифлис. 1870. Вып.III. 371 с.

5. 45. Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV Ч. III. С.1-24.

5. 46. Описание Кавказского шелководства // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып.11. С.7– 33.

5. 47. Очерки терской старины. Побеги к непокорным горцам. Жизнь у Шамиля (1832—1859 гг.) // Русский Архив, 1912, № 1

5. 48. Очерки истории города Темир-хана-Шуры. учителя Темир-хан-Шуринского реального училища Е. Козубского. // СМОМПК. 1894. Вып.19. С.1–77.

5. 49. Петухов П. С. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 1867. №12.

5. 50. Пожидаев В.П. Старины терских казаков // СМОМПК. Тифлис, 1915. Вып. 44. С. 85–169.

5. 51. Пржецлавский П. Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. № 4. С. 269–318

5. 52. Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №.3. С. 141–192.

5. 53. Прушановский К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Кавказский сборник. 1902. Т.23.

5. 54. Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С.383–480.

5. 55. Руновский А. А. Канлы в немирном крае. Военный сборник. 1860. № 7.

5. 56. Руновский А. А.Кодекс Шамиля // Военный сборник. 1862. № 22.

5. 57. Свечин Д. И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев//ЗКОИРГО. 1853. Т. 2.

5. 58. Сержепутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. Вып. 16. С.273–302.

5. 59. Соколов А. П. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 15 марта 1848. № 11.

5. 60. Стреллок Н. Н. Из дневника старого кавказца//Военный сборник, № 11. СПб.,1870.

5. 61. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.

5. 62. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами //ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.Ш. С. 174-213.

5. 63. Чурсин Г. Ф. Свадебные обычаи и обряды на Кавказе // Кавказ. Тифлис, 1902. №. 76.

5. 64. Шамиль и Чечня // Военный сборник, № 9. 1859.

5. 65. Эпизоды из Кавказской войны // Исторический вестник, № 6. 1896.

6. Справочные издания и словари

6.1. Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. 241 с.

6.2. Дагестанская область (1891год). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения // Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис,1892.

6.3. Кавказский учебный округ. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений 1898 г. Тифлис, 1899.1.

6.4. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Одесса, 1906.

6.5. Обзор Дагестанской области за 1830 г. Темир-Хан-Шура. 1831.

6.6. Обзор Дагестанской области за 1870 г. Темир-Хан-Шура, 1871.

6.7. Обзор Дагестанской области за 1867 г. Темир-Хан-Шура, 1890.

6.8. Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893.

6.9. Обзор Дагестанской области за 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1896.

6.10. Обзор Дагестанской области за 1896 год. Темир-Хан-Шура, 1897.

6.11. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898.

6.12. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1890.

6.13. Обзор Дагестанской области за 1903. Темир-Хан-Шура, 1904.

6.14. Обзор Дагестанской области за 1905. Темир-Хан-Шура, 1906.

6.15. Обзор Дагестанской области за 1910 г. Темир-Хан-Шура,1911.

6.16. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908-1912 гг. Тифлис, 1914.

6.17. Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916.

6.18. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис, 1886.

6.19. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка, Т. Ф. Ефремова. Т.1. М.: Русский язык, 2000. 1213 с.

6.20. Сборник императорского русского исторического общества. Том шестнадцатый С. Петербург 1887 // Азбучный указатель имён русских деятелей для русского биографического словаря. В 2 частях. Часть I. А. Л. – М.: Аспект Пресс, 2003. 513 с.

7. Художественные произведения

7. 1. Бланч Лесли Сабли рая. Махачкала: МРИП «Юпитер» 1991. 140 с.

7. 2. Ибрагимова М.И. Имам Шамиль. Москва: Советский писатель. 1991. 600 с.

7. 3. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Сочинения в 3 т. Москва: Художественная литература, 1971. Т. III. 605 с.

7. 4. Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть 1853 года // Собр. соч. в 20-ти томах. Т.3. М., 1961. 544 с.

Список использованной литературы:
книги

1. Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Изд-во АзССР, 1965. 92 с.

2. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX века. М., 1978. 304 с.

3. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - нач. XIX в. М.: Наука. 1988. 236 с.

Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С.146–166.

4. Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2002. 408 с.

5. Алкадари Г. Э. Асари - Дагестан. Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. 173 с.

6. Алимова Б. М. Табасаранцы XIX–нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. 261 с.

7. Алимова Б. М, Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 112 с.

8. Алигаджиева З.А. Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). Махачкала: ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 209 с.

9. Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала: Даг. науч. центр РАН, Ин-т истории, археологии и этнографии, 1967. 165 с.

10. Баддели. Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф. 2011. 351 с.

11. Бартольд В.В. Сочинения. T.VI. М.: Издательство «Наука». 1996. 785 с.

12. Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы. Сочинения. Т. 1. М.: Издательство: Государственное издательство художественной литературы 1958. 880 с.

13. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 1-3. 437с.

14. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859. 23 с.

15. Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные асиатские земли, а именно: Испаган, Пекин, Дербент и Константинополь. СПб., При Имп. Академии наук,1776. Ч. 3. 246с.

16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. 232 с.

17. Бларамберг. И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., Изд. Надыршин, 2010. 398 с.

18. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994. 592 с.

19. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль. 2004. 877 с.

20. Богуславский Л.А. «История Апшеронского полка. 1700 –1892гг.» С – Петербург, 1892. Т.1. 518с.

21. Броневский С. Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. (Репр. воспр. М., 1823). 465 с.

22. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.

23. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: 1869. Ч. II. 602 с.

24. Булатова А. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIXнач. XX вв.). Махачкала: Тип.Даг. ФАН СССР, 1971. 196 с

25. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX-начале XX. Л.: Наука, 1988. 199 с.

26. Васильев Д.С. Очерки Низовьев Терека: досоветский период. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. 248с.

27. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир: Издат. центр АГПИ, 2001. 192 с.

28. Гаглоти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX веке. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 163 с.

29. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 391 с.

30. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала.1996. 261 с.

31. Гаджиев Б.И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2006. 256 с.

32. Гаджиев Б. И. Темир-Хан-Шара.2-е изд. Махачкала: ГАУ РД. Издательский дом «Дагестан», 2014. 280 с.

33. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961. 385 с.

34. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX- начало XX в.). М.: Наука, 1979. 173 с.

35. Гаджиева С. Ш. Башлы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2009. 309 с.

36. Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII-нач. XX вв.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 152 с

37. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX - начало XX вв. М.: Наука, 1990. 216 с.

38. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1985. 358 с.

39. Гаджиева М.И., Омаршаев А.О. Семья народов Дагестана в историческом развитии: Часть 1. Махачкала: РИЦ «Стиль», 2000. 160 с.

40. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Тип.Даг. ФАН СССР, 1967. 301 с.

41. Гаджиев А.С. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX-начале XX века. Махачкала, 1996. 135 с.

42. Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинскго научно-исслед. ин-та. Т.19. Орджоникидзе: Ир,1957. 14с.

43. Гаммер М. Г. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: 'КРОН-ПРЕСС», 1998. 512 с.

44. Гарданов В.К. Общественный быт адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.) М., 1967. 635 с.

45. Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII-XXI вв. Махачкала, 2009. 335 с.

46. Гасанов М.Р. Табасаран в период борьбы горцев в 20-50 гг. против царизма. Махачкала: Культур.-ист. фонд им. Шамиля, 1997. 49 с.

47. Геничутлинский Х. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб.Т. Айтберова. Махачкала. 1992. 176 с.

48. Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX - начало XX века). Махачкала, 2007. 344с.

49. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX— начало XX вв.). Махачкала: Издательство дом «Эпоха», 2014. 392 с.

50. Гордин Я.А. Кавказ: Земля и кровь. СПб, 2000. 464 с.

51. Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 2 т. / А. Д. Градовский; под редакцией и с предисловием В. В. Томсинова. Т. 1. М.: Зерцало, 2006. 470 с.

52. Грибовский В. М. Государственной устройство и управление Российской империей. / В. М. Грибовский. Одесса: Типография «Техник», 1912. 258 с.

53. Гусейнов М.Ш. Россия и индустриальное развитие Дагестана, конец XIX–30 – е гг. XX века. Махачкала. 2004. 443 с.

54. Губаханова Р.А. Из истории становления буржуазии во второй половине XIX– начале XX века. Торгово-промышленный капитал. Махачкала. 2003. 236с.

55. Далгат А.М. В огне революции. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 106 с.

56. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX - начале XX в. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 256 с.

57. Даниялов Г.-А. Д. Имамы Дагестана. Махачкала, 1996. Т. II. 140 с.

58. Даниялов Г.-А. Д. Имам Шамиль. Махачкала, 1996. Т. III. 224 с.

59. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. 193 с

60. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.

61. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность: М.: Русская панорама. 2003. 512 с.

62. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1871. Т.I. 640 с.

63. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. С- Петербург, 1888. Т.VI. 756 с.

64. Егорова В.П. Костемеревский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала: ИПЦ. 2000. 80 с.

65. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-XX в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ. 1974. 423 с.

66. Захарова О.Ю. Генерал - фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. 381 с.

67. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. СПб., 1879. 440 с.

68. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг. М.: Высшая школа. 1991. 298 с.

69. Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1968. 238 с.

70. Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. Алеф, 2014. 298 с.

71. Иноземцева Е.И. Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений Исламоведение. № 4, 2014. С.43–51.

72. История Дагестана. М.: Наука, 1967. 368 с.

73. Ислам в Российской империи (законодательные акты, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. Москва: Издательство «Академкнига», 2001. 377 с.

74. Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. Москва: Молодая гвардия, 2003. 464 с.

75. Казилов Г.Н. Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 203 с.

76. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: от времени присоединения к России до наших. дней. М.: Наука, 1971. 475 с.

77. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 159 с.

78. Каймаразов Г. Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала: АЛЕФ, 2008. 276 с.

79. Капкан, М. В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М. В. Кап- кан ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фе- дер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал.2016. 110с.

80. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 412 с.

81. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.

82. Караханов С.С.. Семейный и общественный быт лезгин-карчагцев в XIX – XX веках (этнографическое исследование). Махачкала, 2015. 151 с.

83. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. СПб., 1904. М.: Изд-во Надыршин, 2010. 544 с.

84. Керсновский А. А. История русской армии. Т. II. М.: Наука, 1992. 335 с.

85. Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. СПб.: «Издательство. «ДИЛЯ», 2009. 512 с.

86. Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. 224 с.

87. Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /Под ред. и с предисловием Б.В.Виноградова. Пятигорск: «РИА-КМВ», 2011. 256 с.

88. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. 303 с.

89. Козлов СЛ. Кавказ в судьбах казачества. СПб.: Кольна, 1996. 264 с.

90. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. Русская типография М. Сорокина, 1906. 468 с.

91. Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901. 36 с.

92. Коркунов Н. М. Русское государственное право. / Н. М. Коркунов; под редакцией и с дополнениями Н. Б. Горенберга. Т.1. 6 изд. (без существенных перемен). СПб.:Типография М. М. Стасюлевича 1909. 623 с.

93. Королев В.Н. Черкесский элемент в донском казачестве (XVI – XVII вв.) // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.26–27.

94. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. С- Пб.: Тип. Карла Вульфа, 1860. С.218 с.

95. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М.: Издательство Восточной литературы, 1961. 260 с.

96. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.:, 1963. 220 с.

97. Костенецкий Я.И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году. СПб., 1851. 122 с.

98. Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. 102 с.

99. Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX - начале XX в. Калуга: Ноосфера. 2012. 234 с.

100. Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Москва: Издательство «Интербук», 1989. 94 с.

101. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVII вв. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1963. 372.

102. Лугуев С. А. Балхарцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008. 259 с.

103. Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы . XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. 246 с.

104. Лугуев С. А. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование (XIX–нач. XX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 206 с.

105. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 2002. 344 с.

106. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН) ; Герм. ист. ин-т в Москве, 2010. 271 с.

107. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII- начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.

108. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 71 с.

109. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. 128 с.

110. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 270 с.

111. Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 144 с.

112. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Изд.Ир, 1968. 368 с.

113. Магомедов М.Г. История аварцев. Махачкала: ДГУ, 2005. 279 с.

114. Мансурова А.Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 159 с.

115. Мансурова А.Г. Дороги и их роль в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана во второй половине XIX– начале XX вв. Махачкала: АЛЕФ, 2015. 184 с.

116. Максимов С. Край крещеного света. 4.IV. Русские горы и кавказские горцы. 2-е издание. Санкт-Петербург: Типография Товарищества "Общественная польза", 1873. 63 с.

117. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: С.В. Лепешкин, 1882. 288 с.

118. Маршаев Рамазан, Бута Бутаев. История лакцев. Махачкала: Редакционно-издательский отдел Госкомиздата ДССР, 1991. 209 с.

119. Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1904. 591 с.

120. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. 120 с.

121. Материальная культура аварцев / Отв. ред. М.М. Ихилов. Махачкала,1967. 304 с.

122. Милованов Г.И. Рабочий класс Дагестана. Махачкала, 1991. 128 с.

123. Милованов Г.И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала,1963. 214 с.

124. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в Терской области // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1, ч. II. М.: тип. А. И. Мамонтова и К ,1888. 135 с.

125. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Наука. Вост. Лит-ра, 1963. 285с.

126. Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 2002. 256 с.

127. Милютин Д.М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. 153 с.

128. Муртазалиев С.И., Рагимова П.Ф. История конфессиональных систем образования Дагестана и общероссийские проблемы теологизации системы образования. Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2005. 234 с.

129. Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. Махачкала: Дагучпеизд, 1990. 100 с.

130. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. 269 с.

131. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 157 с.

132. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб:, 1906. 582 с.

133. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.

134. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 299 с.

135. Османов М.- З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX - начале XX в. Махачкала, 1990. 294 с.

136. Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895. 724 с.

137. Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские общества первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934. С. 46-72.

138. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923. 392 с.

139. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1887. 824 с.

140. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. СПб.: Тип. Окруж. Штаба Кавк.воен.окр,1899 . 340 с.

141. Пушкарева ПЛ. Русская женщина: история и современность. М.: «Ладомир», 2002. 526 с.

142. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. 160 с.

143. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. 201 с.

144. Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60- годы XIX в. – 90 гг. XX века). / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, Р. И. Джамбулатова, Д. Б. Ахмедов. Махачкала: Юпитер, 2001. 192 с.

145. Ризаханова М. Ш. Лезгины XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005. 313 с.

146. Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 189 с.

147. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Издательство: Императорская типография, 1809. 579 с.

148. Романовский Д.И. Кавказ и кавказская война. СПб.: Тип. Тов–ва «Общественная польза», 1860. 460 с.

149. Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. 128 с.

150. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1901. 230с.

151. Свидерский П.Ф. В горах Дагестана: Путевые впечатления, случайности и антропол. Заметки/ А. Ф. Свидерский. Петровск: Работник С. А. Бруна, 1903. 140 с.

152. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. 507 с.

153. Семенов Н. С. Очерки народных обычаев у кумыков Терской области // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. А. Хомского и К°,1895. 488 с.

154. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. 232 с.

155. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.

156. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. / Отв. ред. Е.С.Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 415 с.

157. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификация). Махачкала.: Динем, 2009. 407 с.

158. Сефербеков Р. И., Шигабудинов Д. М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала, 2006. 160 с.

159. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) М.: Наука. 1983. 265 с.

160. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт// Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука. 1986. 376 с.

161. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане: Монография/ 2-е изд., расш. И допол. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 304 с.

162. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб.: При Императорской Академии наук,1763. 380 с.

163. 100 писем Шамиля. Памятники письменности Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. 294 с.

164. Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., Изд. АН СССР, 1935. 415 с.

165. Судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе. 1899. 626 с.

166. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп: РИПО “Адыгея”, 1992. 303 с.

167. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Книга по Требованию. 2012. 926 с.

168. Тахнаева П.И. Гуниб, август 1859 г. "Последние дни джихада в Дагестане". Махачкала: Издат. дом МавраевЪ, 2018. 351 с.

169. Тахнаева П.М. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М. Типография «Новости», 2010. 709 с.

170. Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ: Тип. Терск. обл. правления, 1911. 238 с.

171. Торнау. Н. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб.: Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1850. 622 с.

172. Услар П.К. Предположение об устройстве горских школ (этнография Кавказа). Т.I. Тифлис, 1887. 370с.

173. Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 634 с.

174. Февр Л. История и психология // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.

175. Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 529 с.

176. Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. 176 с.

177. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, Дагучпедгиз,1991. 184 с.

178. Халидова М. Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. 273 с.

179. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново: Иваново: Ивановский госуниверситет, 1994. 136с.

180. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. 116 с.

181. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.

182. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. 312 с.

183. Хожоков М.-Ш.А. Чох и чохцы: публицистика. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. 480 с.

184. Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. Этногенез. Античность. Средневековье. Новое время. Современность. СПб, 2001. 432 с.

185. Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.: Академия нук СССР. 1941. 333 с.

186. Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012. 236 с.

187. Чернышев В.Н. Казачество и его традиции. Минеральные Воды: Изд-во «Кавказская здравница, 1992. 48 с.

188. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Родонья. М., 1979. 290 с.

189. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. С-Петербург. Типография С. Муллер и И. Богельман. 1889. 202 с.

190. Чурсин Г. Ф. Авары: этнографический очерк/ 2-е изд. Махачкала, 1995. 120 с.

191. Шацилло М. К. Эволюция социального облика российского предпринимателя // История предпринимательства в России. Кн. вторая. Вторая половина XIX -начало XX века. М.: 2000. С.208–225.

192. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринодар, б/и., 1913. 880 с.

193. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в.: Монография. Тамбов, «Издательство Юлис», 2004. 508 с.

194. Шиллинг Е. М. Балхар: Женские худ. промысла дагестанского аула Балхар. Пятигорск: Севкавгиз, 1936. 23 с.

195. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.; Л.:Изд-во АН СССР, 1949. 223с.

196. Шохоль, К.Р. Высшее женское образование в России (историко-юридический очерк). / К.Р. Шохоль .СПб. 1910. 150 с.

197. Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1968. 267 с.

198. Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис. Типография К.П. Козловского, 1910. 36 с.

199. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психоге- нетические исследования : в 2 т. М.; СПб. : Университетская книга, 2001. 380 с.

200. Эсадзе С. «Штурм Гуниба и пленение Шамиля». Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис: тип. Штаба Кавказского военного Округа,1909. 208 с.

201. Юсупов Х. Муталимов М. Харбукцы: история и культура. Махачкала: Изд-во Юпитер. 1997. 400 с.

Статьи

202. Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. // Советская этнография, 1964. № 6. С.130–136.

203. Агларов М. А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1986. С. 5– 11.

204. Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин в XIX- начале XX века//УЗ. ИИЯЛ. Махачкала. Дагфилиал АН СССР. 1964. Вып.XII. С.133–154.

205. Алимова Б.М. О национально-смешанных браках у кумыков./ Семейный быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.1980. С.29–67.

206. Аликова З.Р., Ахмадов Т.З. К вопросу о становлении повивальной помощи на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015, № 23. С. 59–61.

207. Алигаджиева З. А. Формы заключения брака у аварцев:традиции и иновации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 1. С.274–285.

208. Анчабадзе Ю.Д. Женщина и политические изменения в адыгском ауле (1920 –е годы)// Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С.54-57.

209. Анчабадзе Ю.Д. Социально-политические трансформации а адыгском ауле: 1920-х гг.// Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С.61-67.

210. Анчабадзе Ю. Д. Рец на М *Г* Кулешин, Немашкалов П.Г. Межкультурный диалог славянского и горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX *в //* Российская история. 2011. № 5.

211. Ахмадов Т.З, Аликова З.Р. Из истории организации медицинской помощи населению в городах Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX века//Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. С. 58–61.

212. Бабич И.Л. Женщины и конфликты на Северном Кавказе (на примере кабардинцев) // Семья, гендер, культура. М., 1997. С.209–215.

213. Белова. А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности// Этнографическое обозрение. № 4. 2006. № 4. С. 85–97.

214. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII - первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 2004. № 1 / 2 (30—31). С. 72–82.

215. Белова А. В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIXв.//Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII-XXI вв.): Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Изд-во Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. С. 64–70.

216. Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения //VI Конгр. этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня - 2 июля 2005 г.: Тез.докл. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2005. С. 284–285.

217. Булатова А.Г. Зимние игры и развлечения в традиционном общественном быту народов горного Дагестана // Вопр.обшествюбыта народов Дагестана в XIX-начале XX вв. Махачкала, 1987. С.64-66.

218. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. История СССР. М., 1983. № 2. С. 85–96.

219. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 200–208.

220. Гаджиев В. Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товаро-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 104–136.

221. Гаджиева С.Ш. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев в XIX—XX веках // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С. 229–324.

222. Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 191–216.

223. Ган К.Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // ИКОРГО. Т. 15. Тифлис, 1902. С. 211–242.

224. Гарунова Н.Н. «Женский след» в виноделии // Женщины в истории: Недостающие фрагменты исторического полотна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. С. 171–173.

225. Гарунова Н.Н. “Не видно было никаких признаков угрожающей опасности…”: Еще раз к вопросу о нападении Гази-Магомеда на Кизляр // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер.всерос. науч. конф. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. В. Крюков, Н. А. Костина. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 75–81.

226. Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX в. // Советская этнография, 1964, №1. С. 34–59.

227. Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 337-352.

228. Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. Кавказская война (1829-1867 гг.) // Сборник РИО. Т.2 (150). М., 2000. С.158–171.

229. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С.60–120.

230. Гимбатова М.Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 2. С.97–109.

231. Гимбатова М.Б. Трансформация хозяйственной специализации у народов Дагестана: гендерный аспект// Вестник института ИАЭ. 2017. № 4. С.89–96

232. Гимбатова М.Б. «Женское пространство» в традиционной культуре ногайцев //Материалы региональной научной конференции «Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа». Махачкала, 2008. С. 49–53.

233. Гимбатова М.Б. Понятие «насточщая женщина» в дагестанском сознании// Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 139–148.

234. Гордин Я. А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 350 с.

235. Гугова М.Х., Текуева М.А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 77- 81.

236. Гусейнов К.М. О шерстоткачестве в Дагестане (XX - начало XX в.).// // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2008. № 14. С. 45–50.

237. Гусейнов К.М. Специфика красильного ремесла народов Дагестана (до первых десятилетий XX века.) // Известия высших учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2009. №2. С. 46-50.

238. Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С.77–144.

239. Далгат Э.М. Население городов Дагестанской области в конце XIX - начале XX вв.// Вестник Института ИАЭ. 2012. № 1. С.71-77.

240. Дегоев В. В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности// Вестник Института цивилизации. Владикавказ, Вып. 2.1999. С.128–161.

241. Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения// Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150 – летию окончания).Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С.3–14.

242. Дибиров М.А. Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988. С.125–127.

243. Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу // Труды Восточного отделения археологического общества. – СПб., 1864. С.245– 317.

244. Думанов З. Б. Внутренние миграции на Северо-Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С.271– 282.

245. Егорова В. П. Из народных традиций Дагестана, ВИЭД, Вып.2. Махачкала, 1970. С.82–85.

246. Егорова В.П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во второй половине XIX – начале XX в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура) / Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. С. 247–253.

247. Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во 2-й половине XIX - начале XX вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, Вып. VII. С. 98–116.

248. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т.8. М.,1984. С.38– 64.

249. Ибрагимов М.-С. И. Медицинское обслуживание населения Дагестанской области во второй половине XIX начале XX века.// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. №1. 2008. С. 57–59.

250. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане// Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Восточная литература РАН, 2001. С.116–130.

251. Касаткина Е.Б. Взаимоотношения между ссыльными с Кавказа и жителями Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.// Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. №. 2 (31). С.23–30.

252. Касаткина Е. Б. Административная ссылка жителей Кавказа в Вятскую губернию во второй половине XIX - начале XX в. Как вид принудительной миграции / Вестник Вятского государственного университета. № 10. 2017. С. 57–64

253. Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. 2010. №6(38). С.63-115.

254. Косвен М.О. Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 2. С. 33–59.

255. Козубский Е.И. Очерк кустарной промышленности Дагестанской области // Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. С.75–79.

256. Кон И.С. Маскулинность как история// Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: РАН, 2001. С.9–38.

257. Курбанов К. Э. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX – начале XX в.// Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. V. С.140–160.

258. Лавров Л.И. Лезгины // Народы Дагестана. Сборник статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С.102–225.

259. Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. Вестник московского университета. М., 1948, № 33. С.98–143.

260. Лазарян С. С**.** Особенности межкультурных коммуникаций в ходе Кавказской войны // Вестник СКФУ. Ставрополь, 2014. №3. С.143–148.

261. Лапин В. В. «Воспоминания солдата: Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Рябова о своей боевой службе на Кавказе»//«Россия и Кавказ - сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб. 2001. С 341–356.

262. Лугуев С.А., Гусейнов К.М. О сложении ковроткачества в Дагестане и вопросы классификации ковров и ковровых изделий // Научное обозрение. Махачкала, 2009. №46. С. 37–41.

263. Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX—нач. XX в**.**/ Семейный быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.1980. С.88-107.

264. Лугуев С.А., Гусейнов К.М. Безворсовые ковры народов Южного Дагестана // Дагестанский гуманитарный научный вестник. Махачкала, 2009. Вып. 1. С. 20–24.

265. Лудмер Я. Бабьи стоны (Из заметок мирового судьи)//Юридический вестник. 1884. С. 446–447.

266. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. М., 1999. С. 117–126.

267. Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 77–100.

268. Магомедсалихов Х.Г. Гендерный аспект социальных отношений в горских обществах Дагестана: традиции и современность// Вопросы истории. № 1. 2016. С. 18–20.

269. Манышев С. Б. «…недостаток в медиках и средствах служит причиною неточного исполнения обязанностей»: медицина города Дербента в первой половине XIX в.// Известия СОИГСИ 19 (58), 2016. С. 48–58.

270. Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа// Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 74–124.

271. Маремкулов, А. Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII-XIX) / А. Н. Маремкулов//Отечественные архивы.2005. № 5. С. 16–25.

272. Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 4. 2014. С.250–253.

273. Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: Матер. заочной науч.-практ. конф. Краснодар, 2008. С.180 –188.

274. Никольская З. А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев // КЭС. 1949. Вып. VIII. С. 54–58.

275. Омаров А. С. Система композиций в обычном праве Дагестана. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфишиала АН СССР, в. XVI. Махачкала, 1966. С. 255–270.

276. Османов М.О. Отходничество – составной элемент этноэкономики Дагестана в XVIII-XIX.// Вестник института ИАЭ. 2006. № 4. С.78 – 94.

277. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Положение кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату. Государство и право. 1997. № 9. С. 102–107.

278. Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. N 4. С. 11–24.

279. Пушкарева Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. Вестник МГУ. Серия 8. История 3:, 1983. С. 78–89.

280. Пушкарева Н.Л. Тендерные исследования и исторические науки // Тендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187.

281. Пушкарева ПЛ. Частная жизнь и повседневность: глазами историка //Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 27-28 февраля 2002 г.) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2002. С. 44–46.

282. Пушкарёва Н. Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности //Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С.3–12.

283. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности" //ЭО. 2004. № 5. С. 3–19.

284. Пушкарёва Н. Л. Вклад женщин в российскую культурно-историческую традицию и преемственность поколений// Модернизация общего и профессионального образования: теория и технология воспитания патриотизма: материалы Первых межрегиональных педагогических чтений им. Николая Михайловича Конжиева 19 - 20 ноября 2013 г. / Под общ. редакцией Н. Н. Дубининой и В.И. Лутовинова. Петрозаводск: Изд-во. 2014. С.72–78.

285. Пушкарёва Н. Л. Материнство как социобиологическое явление: Психология, философия, история // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2014. С. 103–118.

286. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. т. 4. № 1. С. 7 – 21.

287. Рагимова Б.Р. Имущественное положение женщины в Дагестане (XIX - нач. XX в.// Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С.38–49.

288. Рамазанов ХХ. Мареноводство Дагестана в XIX веке // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, Вып. 2. 1970. С. 118–136.

289. Рамазанов Х.Х. Развитие промышленности в Дагестане во второй половине XIX// Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала. 1984. С.53–65.

290. Ратушняк В.Н. Некоторые аспекты изучения казачества на современном этапе // Проблемы истории казачества: сборник научных трудов. – Волгоград, 1995. С.5–6.

291. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестан. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 281–292.

292. Рубаева Э.М. Становление лечебных и образовательных медицинских учреждений на Северном Кавказе (XIX – начало XX В.) // Известия СОИГСИ 15 (54), 2015. С. 36– 46.

293. Рубаева Э.М. Формирование медицинской интеллигенции на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.// Дискуссия. № 8. 2013. С.159 –165.

294. Свечникова Л. Г. Из истории сословных прав горского населения Северного Кавказа в XIX в. // Политика и право. 2000. № 2.

295. Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане. // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 147–182.

296. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796.// ИГЭД. М.: 1958. С. 173–196.

297. Сенявская Е.С. Женщины на войне глазами мужчин: психологический экскурс в историю России // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3. М., 1999. С. 203–216.

298. Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Москва: МГИМО-Университет, 2010. Т.3. С. 197-211. (в соавт. с А.С. Сенявским).

299. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVII -XIX вв. М., 1958. С. 138–156.

300. Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. //ИГЭД. М.: Изд-во вост. литры, С.138–156.

301. Тахнаева П.И. Письмо шейха Саййда Джамалудина ал-Хусайни ал – Газикумуки ал-Дагистани имаму Шамилю: неизвестная страница переговоров о мире на Гунибе в августе 1859 года Минбар. Исламские исследования. 2018; 11(3). С. 469-499.

302. Текуева М.А. Женская повседневность на южных окраинах Российской империи в XIX — начале XX в.// Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.446–483.

303. Текуева М.А. Женская военная повседневность (кавказский материал) //Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2012 г. Т.1. Тверь – М.: ИЭА РАН, 2012. С. 298-301.

304. Текуева М.А. Война и женская повседневность (на материалах Кабардино-Балкарии) // Исторический вестник. 2010. № 9. С.118–127.

305. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд- во вост. лит-ры, 1958. С.125–137.

306. Торопицын И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. Том 4(36). Москва, 2007. С.59–80.

307. Урушадзе А.Т. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. N 4. С. 100 –110.

308. Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. №11. С.15–30.

309. Цыбульникова А.А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы шестой международной Кубанско-Терской конференции». Краснодар; Армавир, 2008. С.88–94.

310. Цыбульникова А. А. О некоторых аспектах социальной защиты пленниц-горянок в первой половине XIX века в российской юридической практике// Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70- летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 1. С. 220–224.

311. Щербинин П.П. Влияние войн начала XX в. на повседневную жизнь российской солдатки // Повседневность российской провинции: история, язык, пространство. Казань, 2003. С. 184–202.

312. Щербинин П.П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Женская повседневность в России XVIII-XX вв.: Мат-лы междунар. научн. конф. 25 сентября 2003 / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2003. С. 121–133.

313. Шихабудинов М.Ш. Социально-экономические причины отходничества в Дагестане в конце XIX – начале XX в. // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 122–133.

314. Шиллинг Е.М. Ковроткачество Дагестана // СЭ. 1936. № 4. С. 163–177.

315. Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 г. // Краткие сообщения Института этнографии. 1948. Вып. 4. С. 56–61.

316. Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб.: 1760. С.541–548.

317. Шюц А. Структура повседневного мышления // СоцИс. 1988. № 2.

318. Ячменихин В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии//Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 1. С.55–68.

Литература на иностранном языке

319. Amirkhan J.H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses // Eur. J. Pers. 1999. Vol. 4, N 4. P. 13- 30.

320. Gammer M. Russian Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass, 1994. 452 p.

321. Kanbolat Y. Bin Sekiz Yüz Altmış Dörde Kadar Kuzey Kafkasya Kabilelerinde Din veToplumsal Düzen. Ankara: Bayır Yayınları, 1989. 114 p.

322. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York, 1984. 456 p.

323. Richmond W. The Circassian Genocide (Genocide, Political Violence, Human Rights). – New Brunswick: Rutgers University Press, 2013. 218 p.

324. Henze P.B. Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers // Central Asian Survey. 1983. Vol. 2. P. 5-44.

325. Heim E. Coping und adaptivitat: gift es geeignetes oder undeeion-etes coping? // Psychother. Psychosomatik Medizinische Psychol. 1988.Vol. 1 P. 8–17.

326. Holahan C.J., Moos R.H. Personal and contextual determinants of coping strategies // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. 52. 5. P. 946–955.

Авторефераты и диссертации

400. Адухова А.М. Русско-дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв. Дис . ... канд. пед наук. Махачкала, 2007. 21 с.

401. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губернии Урала дореформенного периода). Дисс…. док. ист. наук.. 07.00.02. Оренбург, 2011. 46 с.

402. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки центральной России (XVIII – середина XIX в.). Автореф. дисс. … д-ра. ист. наук. Москва, 2009. 67с.

403. Велиханов Т.Т. Основание, становление и развитие города Порт-Петровска Дагестанской области (вторая половина XIX – начало XX века). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2010. 23 с.

404. Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX вв. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. Нальчик, 2012. 28 с.

405. Егорова В. П. Быт сельского населения Дагестана во II половине XIX – начале -XX в. Машиноп. дисс.... канд. ист. наук, Махачкала, 1976.

406. Рясная Ю.О. Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе Российского государства в первой половине XIX века. Автореф. дисс. …. канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 22 с.

407. Халифаева А.К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: Основные тенденции и изменения. Дисс. … д-ра. юрид. наук. 12.00.01. Махачкала, 2004. 375 с.

408. Шафранова О.И. Женщины Северного Кавказа во второй половине XIX-начале XX вв. Дисс. … канд. ист. наук. 07.00.02. Ставрополь, 2004. 323 с.

409. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX в. Автореф. дисс. … д-ра. ист. наук. Москва, 2005. 47 с.

Интернет-ресурсы

410. Ахульго. Дагестан. Кавказ в творчестве Франца Рубо «Штурм аула Ахульго» URL: https://www.ais-aica.ru/2011-01-26-19-02-06/2011-02-03-09-34-06/novosti-kolleg-2019/2009-2013/2012/250-2012-01-26-14-49-08/2622-l-r-2012.html. (Дата обращения 10.02.2018 г.).

411. Воспоминания г-жи Дрансе, взятой в плен вместе с княгинями: Варварой Ильиничной, вдовою генерал-майора князя И. Орбелиани, Анной Ильиничной, супругою полковника князя Д. Чавчавдзе, с детьми их и другими, во время вторжения скопищ Шамиля в Кахетию, в 1854 г., изданные в Париже в 1857 году / пер. с франц. – Тифлис, 1858. URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003564135. (Дата обращения 12.03.2019 г.).

412. Гаджиев Булач. Дочери Дагестана. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1035130/Gadzhiev__Docheri_Dagestana.html. (Дата обращения 15.02.2018 г.).

413. Доного Хаджи Мурад «Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны» URL: https://spblib.ru/en/catalog/-/books/3470945-pobedit-tot-kto-vladeet-kavkazom. (Дата обращения 12.05.2017 г.).

414. Дневник Руновского о Шамиле в Калуге. URL: https://chechenlaw.ru/?p=412. (Дата обращения 10.01.2019 г.).

415. Канторович Я.А. Законы о состояниях: (свод законов Т. IX, изд. 1899). СПб. 1911. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/11299 (Дата обращения 10.01.2019 г.).

416. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. URL:. https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/492966-shapi-kaziev-imam-shamil.html. (Дата обращения 08.11.2017 г.).

417. Керимат, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем и русской политики // Исторический вестник. № 9. 1910. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/18601880/Kerimet/text.htm . (Дата обращения 02.12.2018 г.).

418. Кн. Александр Иванович Барятинский. 1859-1862 гг. // Русская старина, № 4. 1880. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Barjatinskij_A_I/text2.htm (дата обращения 08.02. 2019 г.).

419. Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. Собр. действующих законоположений и распоряжений о част. учеб. заведениях и о домаш. обучении / А.М. Лаурсон. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1912. XXVIII. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/2210 (дата обращения 18.10. 2017 г.).

420. Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом //Кавказский сборник, Т.32, 1912. [Электронный ресурс]. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820840/Mat_ist_pok_vost_kavk/index.htm (дата обращения 18. 02. 2019 г.).

421. Письмо мехтулинской ханши Нох-бийке генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову (1850 г.). URL: http://kumukia.ru/?id=1094 (дата обращения 18. 02. 2019 г.).

422. Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (одежда русских женщин XIX — начала XX века)// URL: //http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml. (Дата обращения 11.03.2019 г.)

423. Руновский А. Записки о Шамиле. URL: http://www.homlib.com/read/runovskiy-ai/zapiski-o-shamile. (Дата обращения 11.03.2019 г.)

424. Русские врачи в Дагестане. URL: http://dagpravda.ru/zdorove/russkie-vrachi-v-dagestane/[Дата обращения 10.01.2016]

424. Рейнеке Н. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1812 https://naukaprava.ru/catalog/435/993/2555/18915 URL: (Дата обращения 12.05.2018 г.)

425. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Спб., 1884. URL: https://www.prlib.ru/item/442813 (Дата обращения 18.10. 2017 г.)

426. Свод законов Российской империи. Т.15. Ч.2: Законы судопроизводства уголовного. СПб.,1876. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/17827 (Дата обращения 12.05.2018 г.)